

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XVII (VII)

СЕРИЯ Б–В. НОВАЯ, НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
XII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К 160-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XVII (VII)

СЕРИЯ Б–В

**НОВАЯ, НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
XII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Севастополь
2015

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XVII(VII). Серия Б–В. Новая, новейшая история и международные отношения. Избранные материалы XII Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией С.Ю. Сапрыкина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2015. – 186 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных 1–3 октября 2014 г. на заседаниях XII Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения».

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области истории, политологии и краеведения.

Редакционная коллегия:

- Иванов В.А.** доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
- Сапрыкин С.Ю.** доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
- Буйских А.В.** доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.
- Петрова Э.Б.** доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.
- Усов С.А.** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Филимонов С.Б.** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой российской истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
- Юрченко С.В.** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений КФУ, (зам. главного редактора).
- Цимбаев Н.И.** доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков исторического факультета МГУ.
- Гвоздева И.А.** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, профессор Литературного института им. М. Горького (г. Москва).
- Бойцова Е.Е.** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зам. директора Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета.
- Мартынкин А.В.** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, зам. декана историко-филологического факультета Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Ставицкий А.В.** кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Ушаков С.В.** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник Института археологии Крыма.
- Хапаев В.В.** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие _____	4
<i>Новая история</i>	
<i>Авсенёва С.Н.</i> «Воспоминания» русского генерала: Керчь второй четверти XIX века в описании Г.И. Филипсона	6
<i>Азатова М.А.</i> Из истории Таврической епархии в годы Первой мировой войны	10
<i>Крестьянников В.В.</i> Врачи Черноморского флота в Крымскую войну	14
<i>Малиновская О.И.</i> К вопросу о воинских захоронениях периода Первой мировой войны в Севастополе	36
<i>Неделькин Е.В.</i> Гидротехнические сооружения на реке Черной в начале 30-х гг. XIX – конце 20-х гг. XX вв.	55
<i>Неделькин Е.В.</i> Село Чоргунь в период Крымской (Восточной) войны	61
<i>Петрова Э.Б.</i> Евгений де Вильнёв, Викентий Руссен и их «Исторический и художественный альбом Тавриды»	76
<i>Ставицкий А.В.</i> Источники Переяславского мифа и методология их «научной» интерпретации	90
<i>Ставицкий А.В.</i> Переяславский миф в свете применяемой «научной» терминологии	96
<i>Новейшая история</i>	
<i>Баранов А.В.</i> Тенденции развития региональной, этнической и религиозной идентичностей в Крыму (1991–2014 гг.)	104
<i>Калаханова З. М., Калаханов Н.Х.</i> Реставрация культуры депортированных народов в этнокультурном пространстве Северного Кавказа	111
<i>Кудашкина Н.А.</i> Шампанское или игристое? Проблема именования игристого вина в России и Украине	115
<i>Никитина И.В.</i> Развитие сельскохозяйственной зоны в Балаклавском районе во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов	119
<i>Ткаченко С. Н.</i> Черноморский флот: первые потери (июнь 1941 г.)	123
<i>Международные отношения</i>	
<i>Дровникова В.М.</i> Практика рассмотрения в Госдуме РФ актуальных вопросов российско-украинских отношений	132
<i>Ирхин А.А.</i> Глобальные и региональные тенденции формирования новой системы международных отношений	137
<i>Макогон Д.И.</i> Трансформация внешней политики ФРГ после окончания холодной войны	141
<i>Пашковский П.И.</i> Ресурсы и факторы развития России в исследованиях А.И. Уткина	147
<i>Ставицкий А.В.</i> Украина в условиях глобальной трансформации	151
<i>Научное творчество студентов</i>	
<i>Катаева А.Ю.</i> Политика Петра I в отношении Малороссии: источники и историография	158
<i>Кулешов М.Д.</i> СССР и внутриполитические проблемы Греции в 1943–1947 годах	166
<i>Миленко А.А.</i> Деятельность и ликвидация Собственной Его Императорского Величества Канцелярии в период правления Александра II	171
<i>Оленченко С.А.</i> Арсений Иванович Маркевич об истории Крымской войны	174
<i>Хоменко С.В.</i> Мусульманское духовенство в Афганистане в период Второй мировой войны	178
<i>Шихаметова Э.Р.</i> История оборонительных сооружений на Перекопском перешейке Крыма	182
<i>Сведения об авторах</i> _____	185

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаем вниманию читателей XVII (VII) выпуск сборника научных статей "Причерноморье. История, политика, культура" (серии Б и В), в который вошли статьи, подготовленные по материалам докладов, прочитанных на Всероссийской научной конференции "Лазаревские чтения" 2014 года в секциях "Новая и новейшая история" и "Международные отношения". Тематически сборник разделен на 4 раздела: новая история, новейшая история, международные отношения и научное творчество студентов.

В разделе "Новая история" читателю предлагаются статьи преимущественно краеведческого характера, посвященные различным страницам истории Крыма и Севастополя. Открывают раздел публикации аспиранток Крымского федерального университета С.Н. Авсенёвой и М.А. Агатовой. В первой статье (С.Н. Авсенёва) изучены "Воспоминания" русского генерала Г.И. Филипсона, описывавшего Керчь, какой она была во второй четверти XIX века.

Вторая статья (М.А. Агатова) посвящена отдельным аспектам истории Таврической епархии в годы Первой мировой войны.

Особого внимания заслуживает статья постоянного участника "Лазаревских чтений" многолетнего руководителя Государственного архива города Севастополя В.В. Крестьянникова, посвященная врачам Черноморского флота периода Крымской войны.

Актуальные проблемы поиска и сохранения воинских захоронений периода Первой мировой войны в Севастополе поднимает в своей работе методист КУ «Севастопольский городской национально-культурный центр» О.И. Малиновская.

Интересные архивные материалы представлены в двух статьях магистранта Крымского федерального университета Е.В. Неделькина. В одной из них он рассматривает историю гидротехнических сооружений на реке Черной в начале 30-х гг. XIX – конце 20-х гг. XX вв., в другой анализирует судьбу села Чоргунь в период Крымской (Восточной) войны.

Завершает список краеведческих работ снабженная богатым иллюстративным материалом статья доктора исторических наук, профессора кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Э.Б. Петровой, посвященная деятельности авторов «Исторического и художественного альбома Тавриды» Е. де Вильнёва и В. Руссена.

В разделе также представлены две статьи доцента кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидата философских наук А.В. Ставицкого, в которых он рассматривает различные аспекты возникновения созданного в рамках украинской историографии т.н. Переяславского мифа. Посвященный сюжету исторических решений Переяславской рады 1654 г. Войска Запорожского, этот миф призван обосновать их отрицательные последствия и историческую неправомочность. В первой статье автор рассмотрел источники Переяславского мифа и методологию их «научной» интерпретации, а во второй проанализировал применяемую для его обоснования терминологию.

В разделе "Новейшая история" публикуется статья доктора исторических и политических наук, профессора кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета А.В. Баранова, посвященная изучению тенденций развития региональной, этнической и религиозной идентичностей в Крыму в 1991–2014 гг.

К числу авторов, публикуемых в нашем сборнике впервые, отметим кандидатов исторических наук из Ставрополя З.М. и Н.Х. Калахановых, подготовивших в соавторстве статью о реставрации культуры депортированных народов в этнокультурном пространстве Северного Кавказа.

Статья выпускницы отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе, преподавателя СШ № 8 г. Севастополя Н.А. Кудашкиной посвящена проблеме именования игристых вин в России и на Украине.

Ведущий научный сотрудник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя кандидат исторических наук И.В. Никитина публикует статью о разви-

тии сельскохозяйственной зоны Балаклавского района во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.

Публикация председателя ученого совета научно-исследовательской лаборатории «Крым во II Мировой войне 1939-1945 гг.» (г. Феодосия, Республика Крым) Н.С. Ткаченко посвящена первым потерям Черноморского флота в Великой Отечественной войне.

В разделе "Международные отношения" представлены работы наших постоянных авторов. Среди них – статья аспирантки исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова В.М. Дровниковой, посвященная анализу практики рассмотрения в Госдуме РФ актуальных вопросов российско-украинских отношений.

Заведующий кафедрой «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета, доктор политических наук, профессор А.А. Ирхина посвятил свое исследование рассмотрению глобальных и региональных тенденций формирования новой системы международных отношений.

Аспирантка Севастопольского госуниверситета Д.И. Макогон изучила трансформацию внешней политики ФРГ после окончания холодной войны.

Преподаватель кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета, кандидат политических наук П.И. Пашковский в своей статье анализирует факторы развития России в трудах А.И. Уткина.

Статья А.В. Ставицкого посвящена изучению состояния Украины в условиях глобальной трансформации.

Заключительный раздел сборника посвящен научному творчеству студентов отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе. Открывает его статья А.Ю. Катаевой "Политика Петра I в отношении Малороссии: источники и историография".

Публикация М.Д. Кулешова посвящена внутривнутриполитическим проблемам Греции в 1943–1947 гг.

В работе А.А. Миленко рассматривается деятельность и ликвидация Собственной Его Императорского Величества Канцелярии в период правления Александра II.

Статья С.А. Оленченко посвящена исследованиям выдающегося крымского краеведа А.И. Маркевича по истории Крымской войны.

В публикации С.В. Хоменко изучена деятельность мусульманского духовенства Афганистана в период Второй мировой войны.

Работа Э.Р. Шихаметовой посвящена малоизученной в историографии теме – истории оборонительных сооружений на Перекопском перешейке Крыма.

* * *

Оргкомитет Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» приглашает историков, политологов, культурологов, а также студентов, магистрантов и аспирантов соответствующих специальностей, проживающих в государствах Причерноморья, к научному сотрудничеству, аргументированным и толерантным дискуссиям, как на заседаниях конференции, так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I

НОВАЯ ИСТОРИЯ

**«ВОСПОМИНАНИЯ» РУССКОГО ГЕНЕРАЛА:
КЕРЧЬ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА В ОПИСАНИИ Г. И. ФИЛИПСОНА
АВСЕНЁВА С.Н.**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Рис. 1. Г.И. Филипсон

Вторая четверть XIX в. для Крыма – время расцвета путешествий интеллигенции. За 25 лет Крым и, в частности, Керчь посетили десятки ученых, военных, высокопоставленных лиц. К концу первой половины XIX в. осуществить путешествие в Крым для человека, принадлежавшего к высшему обществу, было делом привычным. Отправляться на Южный берег, к морю стало модным.

Керчь – один из древнейших городов России – не мог не привлечь внимание вояжеров, интересующихся новыми изысканиями древностей, искателей приключений. Отдельную категорию путешественников по Керченскому полуострову составляли участники военных экспедиций, довольно частых на этой пограничной территории. Вояжеры находились здесь с разведывательной миссией, либо останавливались на пути к центру боевых действий.

Одним из таких путешественников «по долгу службы» был Григорий Иванович Филипсон (Рис. 1) (1809–1883) – сенатор, генерал от инфантерии, участник Кавказской войны, автор «Воспоминаний» (М., 1885) с описанием боевых действий на Кавказе [4, 5, 10]. Родился в Казани. В 1818 г. обучался в университетском пансионе. В 1829 г. – ротный командир, участвовал в усмирении Польского восстания и штурме Варшавы. За экспедицию 1842 г. получил орден св. Владимира 3-й степени. В 1845 г. – начальник штаба войск Кавказской линии. Получил ордена св. Станислава 1-й степени (1848 г.) и св. Анны 1-й степени (1851 г.). В 1849 г. был назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса, в следующем году произведён в генерал-майоры. В 1855 г. назначен наказным атаманом Черноморского казачьего войска, а в августе 1856 г., кроме того, командиром 1-й бригады 19-й пехотной дивизии. В 1860 г. – начальник штаба Кавказской армии. В 1861 г. оп-

ределен попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, оставался им до 1862 г. Умер в 1883 г. [7]

В последние годы жизни написал труд «Воспоминания» [9], которые успел довести только до 1847 г., где рассказал о многих кавказских деятелях, об истории долголетней войны с горцами. Здесь мы и находим любопытное описание Керчи, где Филипсон бывал неоднократно с 1837 по 1845 гг. Путешественник оставил заметки о своем пребывании в Керчи, охватив многие аспекты городской жизни, особенно уделив внимание экономике, архитектуре, музейному делу, быту населения и его составу, политике властей: *«В Керчи я чувствовал себя как бы дома. <...> Город Керчь, не смотря на пристрастие к нему графа Воронцова¹, имел тогда довольно жалкий вид. Близость и изобилие дешевого камня давали большие удобства для постройки домов; город пользовался большими льготами, исходатайствованными в видах развития там торговли. На самом же деле эти льготы только разорили Феодосию; Керчь, ничего не имеющая своего, осталась, как и прежде, чем-то вроде корчмы на большой дороге. На рейде находилось во время навигации от 100 до 200 судов Русских и особенно иностранных, но они были там только для выдержания карантина и назначались в порты Азовского моря. С Еникале и 4 или 5-ю ближайшими Татарскими аулами Керчь составляла градоначальство. Город расположен был вокруг высокой горы, которую называли по имени знаменитого Босфорского царя Митридата. На вершине горы был надгробный памятник первого градоначальника Стемповского², оставившего по себе добрую память. На полугоре был музей, построенный по чертежу храма Тезея, но в миниатюре; в этом музее складывались разные предметы, находившиеся в окрестных курганах. Предметы эти составляли драгоценный вклад в историю темной эпохи Скифских царей. Снизу вела к музею широкая каменная лестница, с большими претензиями на изящество; при начале лестницы были два грифона – герб древней Пантикапеи. Для путешественника, входящего на судне из Черного моря, Керчь имела очень красивый вид и издали много обещала, но с первого шага на берег являлось разочарование. Набережная, сделанная из рыхлого плитняка на простой извести или совсем без цемента, была всегда исковеркана морским прибоем; в таком же положении была лестница на гору; а у грифонов, сделанных из мягкого, ноздреватого известняка, мальчишки отбили носы, лапы и крылья. На двух улицах стояли порядочные каменные дома затейливой архитектуры, но между ними были и такие, которым передний фасад служил кулисой и за нею лепилась почти лачужка. Отсутствие зелени и вид окрестных голых гор со множеством курганов давали всему унылый и неоживленный вид. Перед пристанью, называемой и царскою, и графскою, было небольшое пространство, огороженное каменной стеной; в нем были видны три чахлах дерева: это Лизина роца, единственный сад в Керчи. В городе было казино, единственный трактир, содержимый колонистом Гекле, но чтоб съесть котлетку или кусок битого мяса, нужно было дать накануне несколько копеек на говядину. По отчетам торговля процветала: в городе было множество капиталов по 1-й и 2-й гильдии, но это от того что купечество было избавлено от платежа гильдейских повинностей. Понятно, что городское население составилось из людей разных наций без капиталов и только привлеченных льготами. Между жителями было много Греков, Славянов и Татар; градоначальником был генерал-майор князь Херхеулидзе³, бывший адъютант графа Воронцова. Он носил титул Керчь-Еникальского градоначальника; ему под-*

¹ Михаил Семенович Воронцов (1782–1856) – граф, светлейший князь, генерал-фельдмаршал. Во время турецкой войны (1810–1811), командовал полком. В 1814 г. Воронцов при городе Краоне принимал участие в сражении против Наполеона. В 1823 г. назначен новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области. [2].

² Стемповский Иван Алексеевич (1789(8)–1832) – археолог, адъютант герцога Ришелье. Собрал богатейшую коллекцию монет Фанагории, Пантикапея, боспорских царей, Херсонеса, Ольвии, Тира и др., приобретенную впоследствии для Императорского Эрмитажа. С 1829 по 1832 гг. был керчь-еникальским градоначальником [8]. Постройка часовни была исполнением воли градоначальника быть похороненным на горе Митридат [1].

³ Херхеулидзе Захар Семенович (1797(8)–1856) – генерал-майор, Керчь-Еникальский градоначальник, представитель старинного дворянского рода. В 1823 г. получил назначение в Одессу, где стал адъютантом генерал-лейтенанта М. С. Воронцова. Участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. В 1829 г. он был назначен «состоять при Новороссийском и Бессарабском генерал-губернаторе». В 1833 г., по предложению М. С. Воронцова, назначается на должность Керчь-Еникальского градоначальника, кем остается до 1850 г. Этот период отмечен бурной строительной, культурной, экономической деятельностью в городе. После 1850 г. Херхеулидзе – генерал-губернатор в Минске, а затем в Смоленске до отставки в 1852 г. [6].

чинены были карантин и таможня, и он официально считался покровителем торговли Азовского и Восточного берега Черного моря, где он никогда и не был. Князь Херхеулидзе был добрый и честный человек, плохого здоровья и совершенно беспамятный. Он был хорошо светски образован, приятный собеседник, но к серьёзному делу совершенно неспособен. В администрации было много грехов, но жилось всем недурно, потому что вообще администрация в Новороссийском крае была мягче и менее стеснительна для жителей. Это направление дано рядом генерал-губернаторов и князь Херхеулидзе совершенно подошел в этом к характеру графа Воронцова. Одним словом, взгляды в Керчь, видишь на каждом шагу декорации разных родов, претензии на европеизм, затеми мещанского великоления и слышишь расплывчатые фразы, не совсем сходящиеся с действительностью. В оправдание говорили, что Керчь только начинает развиваться и что ее ожидает блестящая будущность. До сих пор эти ожидания не оправдались, и если Керчь действительно устроилась, то этим она обязана скорее пребыванию там штаба Черноморской Береговой Линии, чем усилиям своего главного начальства.

В Керчи я пробыл очень недолго и отправился в Тамань, куда уже прибывали войска, назначенные в отряд. Г. Раевский поручил мне должность начальника штаба отряда и на меня же возложил составление управления Черноморской Береговой Линии<...>.

Зима 1839–1840 года была сурова: Керченский пролив и весь Таманский лиман покрылись льдом и сообщение свободно производилось в санях; но все зимовавшие в Керчи суда стояли неподвижно во льду. Пароходное сообщение с Береговой Линией можно было иметь только через Феодосию, которой рейд, довольно удобный, почти не замерзал. Конечно, можно бы спросить: отчего же штаб Береговой Линии не помещался, по крайней мере, в Феодосии? Ответ не труден: Феодосия был мертвый город; он напоминал давно минувшее могущество Генуи и недавние разрушительные распоряжения графа Воронцова. В Новороссийском крае многое можно и нужно было сделать; жаль только, что граф Воронцов имел для благоустройства этого края расплывчатые идеи, которых исполнение, прикрытое фразами на Европейский лад, принесло сомнительную пользу и существенный вред. Граф возлюбил Керчь и основал Бердянск. Для привлечения туда торговли и капиталистов он исходатайствовал значительные льготы и с большими пожертвованиями от казны, стараясь не только насильно привлечь туда и развить торговлю и промышленность, но и перевести туда разные казенные учреждения. Так карантин, бывший в Феодосии и Таганроге, переведен им в Керчь; огромные казенные склады соли из Феодосии переведены с большими издержками в Бердянск. Карантин в Таганроге закрыт, а таможня, с учреждением первоклассной таможни в Керчи, почти лишилась всякого значения. Все это убило Феодосию и много повредило Таганрогу. Последствия показали, что, не смотря на все эти меры, Керчь не сделалась важным торговым городом, а Бердянск далеко отстал от Таганрога и Ростова, находящихся при окончании Донской системы и на приморском краю огромного хлебородного района. Нужно ли говорить, что при выборе места для штаба Береговой Линии, желания Раевского совершенно сошлись с видами графа Воронцова? Тогда между ними была полная гармония и частая дружеская переписка. – «*Mon cher Пушкин, apportez moi la lettre de Worontzow a 18 pages*» (Любезный Пушкин, принесите мне письмо Воронцова в 18 страниц). Письмо читалось во всеуслышание. Оно было остроумно написано, прекрасным Французским языком, хотя далеко не имело 18-ти страниц. Я уже, кажется, сказал, что расположение в Керчи штаба Береговой Линии сделало пользы городу едва ли не более всех данных ему льгот и привилегий» [3, с. 296–298; 324–325].

Как мы видим, свидетельства путешественников служат важным источником в деле воссоздания картины культурной, экономической, политической, бытовой жизни города, эволюции археологического и музейного дела в Керчи первой половины XIX в.

Источники и литература.

1. Ашик А.Б. Иван Алексеевич Стемпковский. Некролог // ЗООИД. 1863. Т.5. С. 913.
2. Воронцовы (древний русский дворянский род) // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1892. Т. VII. С. 220–224.

3. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. № 6. С. 241–356.
4. Воспоминания о Г.И. Филипсоне с 1848 по 1883 год // Русский архив. 1884. № 3. С. 121–127.
5. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб: Звезда, 2003. 606 с.
6. Санжаровец В.Ф. З.С. Херхеулидзе. Новые факты биографии // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столице: Мат. Междунар. конф. Керчь, 2000. С. 207.
7. Тюстин А.В. Филипсон Григорий Иванович // Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 649.
8. Федосеев Н.Ф. Судьбы керченских археологов // 175 лет Керченскому музею древностей: Мат. Междунар. конф. Керчь, 2001. С.18-29.
9. Филипсон Г. И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М.: Ун. Тип. [М. Катков], 1885. 244 с.
10. Черейский Л.А. Филипсон // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М., 1981. С. 596.

ИЗ ИСТОРИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ЕПАРХИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

АГАТОВА М. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В нынешний юбилейный год – год 100-летия со времени начала Первой мировой войны – большой интерес представляют все исторические события этого времени, связанные с Крымским полуостровом. Просмотрев работы историков и крымоведов по этой проблеме, мною была предпринята попытка на основе материалов «Таврического церковно-общественного вестника» и «Таврических Епархиальных ведомостей» дополнить известные по литературе представления о деятельности Таврической епархии в годы войны.

К началу XX века Таврическая епархия, благодаря выдающимся иерархам епископу Гурию (Карпову) и арх. Дмитрию (Абашидзе) имела достаточно большую территорию и приоритеты влияния в поликультурном Крыму. В состав епархии входил весь Крымский полуостров, на севере – от Перекопа до Мелитополя, Бердянска, Белозерки, Орехова и левобережная часть вдоль Днепра, почти до нынешнего Запорожья. Начавшаяся 1 августа 1914 г. «Вторая Отечественная война» не оставила равнодушным Таврическое епархиальное духовенство, церковно – приходские образовательные учреждения и православное население Тавриды [7, с. 132].

Уже 6 августа 1914 г. епископ Дмитрий собирает духовенство г. Симферополя, преподавателей духовно-учебных заведений на заседание и создает Таврический Епархиальный комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам (далее ТЕК) [22, с. 407]. В ТЕК поступали не менее 2 % отчисления от церковных касс, монастырей, зарплаты духовенства и учителей, также добровольные единовременные суммы от жертвователей [12, 1066]. За год войны собрано было значительное количество денег на расходы в комитет – 66.251 р., находившихся на счету Петроградского международного банка. Сумма расхода на нужды войны за этот год составила около 18500 р. [21, с. 17].

Большие единовременные пожертвования в комитет за годы войны были внесены известными людьми Тавриды того времени – Епископом Иннокентием (Солодчиним), настоятелем Херсонесского монастыря, дворянкой С. Б. Фальц-Фейн, землевладелицей А.В. Станковой, священниками В. Юховым и О. Мансоровым, и др. [12, с. 1070]. Надо сказать, что дела ТЕК вел и был его секретарем известный священник-новомученник прот. Александр Зверев (с 28 августа 1922 г. Епископ Сергей Мелитопольский и Севастопольский, расстрелян в 1937 году, после 15 лет тяжелого пути сохранения православной веры в Крыму), таврический епархиальный наблюдатель М.М. Шведов и Л.П. Покровский – столоничальник Таврической Духовной консистории, секретарь ТЕК [4, с. 8- 290].

По инициативе Епископа Дмитрия был создан Таврический полевой лазарет на 200 человек непосредственно на линии фронта. 25 сентября 1914 г., в присутствии губернатора Н.А. Княжевича и других начальствующих лиц, Владыка освятил отъезжающий лазарет, названный именем Ее Величества Императрицы Александры Федоровны. Этот лазарет разместился в г. Проскурове, там о. Родион открыл полковую церковь, а 4 ноября Таврический лазарет посетил Великий Князь Михаил Александрович [16, с. 1011].

Позже, 23 апреля 1915 г., было прислано письмо из Действующей Армии от другого священника Николая Фурсова, в котором он благодарил за пасхальные подарки и вещи, присланные для солдат из Таврической епархии, повествовал о боевых действиях в начале марта «крымских орлов» (так за решительный дух называли крымчан), а также отчитывался по текущим делам в Таврическом лазарете [17, с. 497].

В октябре–декабре 1914 г. в Симферополе был создан лазарет для раненых и больных воинов. Лазарет размещался в 2-х зданиях: первый на 30 человек в Семинарской больнице (освященный 4 января 1915 г. и принятый под покровительство Ее Высочества

Вел. Кн. Анастасии), второй на 20 мест при женском епархиальном училище. Заведующим врачом назначен был Д.А. Благовещенский, фельдшерами И.И. Микитас и Н.В. Киршнер. Смотрителем лазарета и руководителем хозяйственной части стал иеромонах Архиерейского дома о. Иосаф. 3 января 1915 г. поступили первые 50 человек раненых и разместились в этих лазаретах. Всего к концу 1915 г. было доставлено 81 человек из них переведены в др. госпитали 3, выписалось обратно в армию 14, домой 43 и осталось 20. В конце 1915 г. лазарет посетил Таврический губернатор Н.А. Княжевич, отметив отличное содержание и уход за больными, за что письменно выразил благодарность епископу Дмитрию. Нельзя не отметить, что в обоих лазаретах трудились учителя и воспитанницы Таврического Женского епархиального училища, а также сестры Александро-Невского братства. Одними из самых активных были епархиальные сестры милосердия: С.А. Бычковская, А.А. Войкова, Е. Долгополова, сестры В.П. и А.П. Милосердовы, Т.М. Чубарова и др. В семинарском лазарете активным руководителем женского труда была жена протоиерея И.И. Тяжелова М.Г. Тяжелова. Сестричество занималось пошивом необходимых вещей для армии, осуществляло уход за больными в лазаретах, участвовало в сборе рождественских и пасхальных подарков и других мероприятиях. (Более 1000 подарков к праздникам Рождества и Пасхи доставлялось о. Александром Эндекой непосредственно на фронт в руки солдат к их всеобщей радости) [11, с. 113-117].

Из отчета Александро-Невского братства, созданного 17 октября 1915 г. протоиереем Алексеем Назаревским, видно, с каким рвением участвовали сестры в помощи армии. В свое время Братство пришло на помощь раненым и больным воинам в лазаретах, беженцам с юго-западного края. В течение всей войны Александро-Невское братство снабжало армию собранными сестрами теплыми вещами, раздавало беженцам обеды, занималось просветительской и обучающей деятельностью [20, с. 1226].

Помимо двух главных лазаретов, в Таврической епархии во всех ее благочиниях действовали частные лазареты от 5 до 20 мест в разных приходах и монастырях, за свой счет. Они располагались при храмах или даже в домах священнослужителей: это лазареты в п. Джанкой, Большом Токмаке, лазарет 1-го бердянского округа, Ялтинский лазарет и др.

В течение первого года войны была собрана и сформирована библиотека для пользования в госпиталях. Основными жертвователями были Кафедральный собор в Симферополе, редакция ТЦОВ, лаборатория, учебные заведения, приходы, частные жертвователи, из них такие, как обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер и другие. Общее количество книг к 1917 г. составило 2800 шт., 6000 листовок и 240 комплектов журналов, также большое количество литературы было передано на фронт. Книги были распределены по всем лазаретам Симферополя. Заведовал библиотекой-читальней преподаватель Таврической духовной семинарии М.К. Богословский. По воскресным и праздничным дням устраивались беседы со священником в зданиях кинематографов «Лотос», «Электробиограф» [10, с. 1068].

В деле просвещения большое место занимали проповеди Епископа Дмитрия, проникнутые духом патриотизма, веры и надежды на победу. В ТЦОВ в специальном отделе «Таврическое духовенство и война» публикуются практически все его проповеди, сказанные в разных храмах и местах Таврической епархии, а также исторические очерки священников и преподавателей Таврической епархии, связанные с Первой мировой войной. Это – духовно-просветительские статьи настоятеля кафедрального Александро-Невского г. Симферополя известного протоиерея Алексея Назаревского «Гневайтесь, но не погрешайте», «Горе побежденным» и другие [8, с. 1206]. В публикациях имели место исторические очерки отношений России со странами Европы в годы войны. Написаны они в связи со вступлением в войну дружественной России до осени 1915 г. Болгарии. А в статье «Горе побежденным» повествуется о последствиях войны в Бельгии и Польше, разбитых и разграбленных прусскими солдатами городах и селах этих стран [9, с. 1210]. Также интерес вызывают статьи о царской семье преподавателя евпаторийской мужской гимназии священника Василия Бошановского «Пребывание Их Императорских Величеств в Евпатории» [1, с. 421–428], инспектора ТДС протоиерея С. Добромыслова «Слово в день Священного Коронования и помазания на царство Их Императорских Величеств 28 мая 1916 г.» [3, с. 305-311], статьи информативного характера о деятельности Севастопольского благочиния

в основном представлены севастопольским протоиреем Петром Баженовым, под псевдонимом П.Б. и ряда других известных и малоизвестных авторов.

Отдельным аспектом участия Таврической епархии в Первой мировой войне является церковное служение духовенства в городах и селах Крыма и помощь церковно-приходских школ в деле победы над врагом.

Так, например, в начале военных действий 9 августа 1914 г. в Покровском соборе г. Севастополя еп. Иннокентием в сослужении городского духовенства и архим. Иоанникия была отслужена Божественная Литургия и молебен о даровании императору Николаю II победы над неприятелем. Протоиреем Петром Баженовым было сказано слово с призывом жертвовать в ТЕК, что было активно поддержано севастопольцами [19, с. 677].

По случаю нападения 29 октября 1914 г. на полуостров вражеских крейсеров «Гебен» и «Бреслау» в ряде городов и сел проходят патриотические манифестации с участием семинаристов и прихожан. Воспитанники Таврической духовной семинарии устроили грандиозные манифестации в городе, производя сборы между собой сахаром и деньгами для отсылки в Действующую Армию, некоторые решили выбыть из семинарии для участия в боевых действиях. С портретом Николая II семинаристы прошли, с благословения Владыки, по улицам Симферополя с военным оркестром. Тысячная толпа приняла участие в шествии, причем, все происходило в образцовом порядке [15, с. 895].

21 ноября 1914 г. в адмиралтейском Николаевском соборе Владыкой Димитрием была отслужена заупокойная лития по погибшим в бою офицерам «Евстафия». Ему сослужили настоятель собора О. Роман Медведь, прот. Павел Пересыпкин, городское духовенство, присутствовали военно-морской офицерский и командный состав [6, с. 1009].

9 февраля 1915 г. в связи с обстрелом г. Ялты, был проведен крестный ход из Александро-Невского собора в Александро-Невскую церковь г. Ялты с благодарственным молебном о спасении храма и города. 8 февраля 1915 г. в входе 30 минутного обстрела города были повреждены некоторые дома, гостиница «Россия» и площадь, жертв не было. Всего на город было выпущено около 40 снарядов, многие из которых, не долетев, упали в бухту [2, с. 270].

Весной 1915 г. происходят административные изменения в Таврической епархии. Учреждено Севастопольское викарство во главе с еп. Сильвестром (Братановским), с управлением в Херсонесском монастыре. 24 мая этого же года в помещении гостиницы Херсонесского монастыря состоялся молебен по случаю открытия лазарета, устроенного на средства монастыря для 20 человек. Молебен совершил еп. Иннокентий. На торжестве присутствовали представители флота и армии, председатель местной общины красного креста генерал-майор В.Н. Пименов, старший врач госпиталя Красного Креста Е.Е. Иванов и др. [18, с. 562].

Торжественно в Севастополе прошли мероприятия, посвященные 900-летию кончины Вел. Кн. Владимира. Из монастыря были привезены мощи святого и икона Корсунской Божией Матери во Владимирский собор. Крестным ходом все молящиеся отправились в Херсонесский монастырь, где Архиепископ Димитрий и Епископ Неофит, викарий Полтавской епархии провели освящение черноморских вод, а после в городе прошел парад на площади с участием главного командира Севастопольского порта вице-адмирала Н.С. Маньковского, контр-адмирала С.И. Бурляя и С.С. Уклонского [23, с. 898-900].

Отдельный интерес вызывает деятельность церковно-приходских школ в Первую мировую войну. Учащиеся г. Симферополя посещали местные лазареты с чтением стихов и басен, пением гимнов, внося, таким образом, разнообразие в жизнь воинов. В феврале 1915 г. школами устроено было народно-патриотическое литературное утро, посвященное воинам, павшим в боях, а в июле того же года проведен небольшой литературный вечер в лазарете Епархиального женского училища. Число учителей, призванных в армию, к концу 1916 года составило 50 человек. Дети призванных на войну родителей находились под вниманием и опекой школ, им выдавались бесплатно учебники, одежда и прочие вещи. Пожертвования учителей отчислялись в размере от 4 до 20 % по желанию. С начала войны и до 20 августа 1916 г. в ТЕК от церковно-приходских школ Таврической епархии поступило 9592 р. Многие родители учащихся щедро жертвовали на различные нужды в ТЕК и лазареты. Дети занимались руко-

делием, шили кисеты, участвовали в различных концертах. Так, например, 10 февраля 1915 г. в зале Женского Епархиального училища состоялся благотворительный концерт-лекция в пользу бедствующего населения Галиции [24, с. 661–718].

В ТЕК к 1916-1917 гг. начинается работа по расселению большого количества беженцев. Особенное внимание уделялось семьям беженцев духовного звания, ищущих приют в Таврической епархии. Беженцев разместили в здании бывшей Симферопольской греческой церковно-приходской школы. Школа вмещала в себя 30 человек и называлась «Убежище Св. Надежды» при Александро-Невском братстве. Оказывалась помощь священству и в распределении на приходы. Все священники получали место служения в разных уголках Таврической епархии (около 10 семей священников и 5 семинаристов). Так, например, брат известного кафедрального протоиерея Александра Сердобольского о. Петр Сердобольский, священник Варшавской епархии, был назначен в 1-ю Севастопольскую крепостную госпитальную церковь. Такие убежища беженцам давались и в других округах Крымского полуострова [13, с. 1275–1280].

Из всего выше сказанного видно с каким усердием, пониманием, щедростью духовенство и православное население Таврической епархии вошло в волну проблем, захлестнувшую всю Россию. Благодаря такому высокому духовному состоянию тогдашнего населения всей Российской империи, страна смогла отразить натиск врага, хоть и на небольшой, но нужный отрезок времени.

Источники и литература

1. Боцановский В., прот. Пребывание Их Императорских Величеств в Евпатории // Таврический церковно-общественный вестник (ТЦОВ). 1916. № 17-18.
2. Владимирский Н., прот. Бомбардировка Ялты 26 января // ТЦОВ. 1915. № 7, 1 марта.
3. Добромислов С., прот. Слово в день Священного Коронования и помазания на царство Их Императорских Величеств 28 мая 1916 г // ТЦОВ. 1916. № 13, 1 марта.
4. Доненко Н., прот. Наследники Царства. Симферополь, 2004.
5. Крестьянников В.В. Крепость Севастополь во 2-ой п. XIX – н. XX вв. Севастополь, 2008.
6. К.В. Похороны героев // ТЦОВ. 1914. № 33, 20 ноября.
7. Марущак В., протоиак. Архиепископ Дмитрий (в схиме Антоний) Абашидзе. Симферополь, 2005.
8. Назаревский А., прот. Гневайтесь, но не погрешайте // ТЦОВ. 1915. № 31.
9. Назаревский А., прот. Горе побежденным // ТЦОВ. 1915. № 31.
10. Покровский Л.П. Заседание Таврического Епархиального Комитета (ТЕК) от 28 ноября 1914 г. // ТЦОВ. 1914. № 34.
11. Покровский Л.П. Таврическое духовенство и война // ТЦОВ. 1915. № 4, 1 февраля.
12. Покровский Л.П. В Таврическом Епархиальном Комитете // ТЦОВ. 1915. №28, 1 октября.
13. Покровский Л.П. Таврический Епархиальный Комитет (призрение беженцев духовного звания) // ТЦОВ. 1915. № 33-34, 20 ноября - 1 декабря.
14. Рабенок В., иерей. Крымское духовенство во время I Мировой войны (по материалам ГААРК и «ТЦОВ») // Таврические духовные чтения: матер. междун. науч. – практ. конф., посвящен. 140-летию создания Таврической духовной семинарии. Симферополь: Изд-во Симферопольской и Крымской епархии УПЦ, 2013. Том 1.
15. «Таврическое духовенство и война» отдел // ТЦОВ. 1914. № 30, 20 октября.
16. ТЦОВ. 1914. № 33, 20 ноября.
17. ТЦОВ. 1915. № 13, 1 мая.
18. ТЦОВ. 1915. № 14-15, 10-20 мая.
19. ТЦОВ. 1914. № 23, 10 августа.
20. ТЦОВ. 1915. № 32 10 ноября.
21. ТЦОВ. 1917. № 1. 1 января.
22. Таврические Епархиальные Ведомости. 1914. №30, 20 октября.
23. Церковные торжества в Севастополе в день 900-летия кончины Св. Кн. Владимира // ТЦОВ. 1915. № 22-23.
24. Шведов М.М. Таврические церковно-приходские школы // ТЦОВ. 1916. № 29-30.

ВРАЧИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В КРЫМСКУЮ ВОЙНУ

КРЕСТЬЯННИКОВ В.В.

Исследователь (г. Севастополь)

К 1854 г. завершились мероприятия по реорганизации флота Российской империи, начавшиеся в 1818 г., когда были утверждены штаты флотов, и Черноморский флот был разделен на 17 экипажей и утверждены врачебные штаты экипажей [17]. В 1831 г. была утверждена должность главного доктора (с 1854 генерал-штаб-доктор Черноморского флота, должность занимал действительный статский советник А.Ф. Кибер, умерший в марте 1855 г.). При главном докторе была канцелярия в составе правителя (коллежский советник П.С. Любицкий) и врача при главном управлении Черноморского флота и портов (коллежский советник С.Я. Петрушевский) [18].

Были созданы портовые управления, включавшие должности медицинских инспекторов, в городах Севастополе (статский советник А.В. Рожественский), Измаиле (коллежский советник И.А. Сызранский, с 06.1855 коллежский советник В.И. Блонский) и Николаеве (эта должность совмещалась с должностью главного доктора Николаевского морского госпиталя – коллежский советник Н.В. Мазюкевич). Медицинский инспектор порта ведал личным составом медицинской службы (на берегу все медики флотских экипажей подчинялись медицинскому инспектору) и вопросами медицинского снабжения, подчиняясь при этом командиру порта и генерал-штаб-доктору. Санитарные вопросы Севастопольского порта разрешались городовым (коллежский асессор Н.В. Закревский) и карантинным (надворный советник И.Ф. Мысловский) врачами, которые являлись врачами морской медицинской службы и подчинялись командиру порта.

В организационном отношении флоты делились на дивизии, бригады и экипажи. Черноморский флот был разделен на две дивизии – 4-ю и 5-ю. В каждой дивизии был дивизионный доктор, которому подчинялись экипажные врачи и который одновременно являлся флагманским врачом практических эскадр или эскадр во время военных действий. Так, во время Синопского сражения дивизионный доктор 5-ой флотской дивизии коллежский советник Ф.В. Земан был врачом штаба эскадры (эскадрой командовал начальник 5-ой флотской дивизии вице-адмирал П.С. Нахимов), а дивизионный доктор 4-й флотской дивизии коллежский советник И.О. Смоленский – врачом штаба второго флагмана (начальник 4-ой флотской дивизии контр-адмирал Ф.М. Новосильский) [14, с. 329-332].

Для удобства берегового управления все строевые чины флота были разделены на флотские экипажи, подчиненные командиру порта, по 1000 нижних чинов каждый (батальон). В 1844 г. экипажи были разделены на четыре роты, по штату 1818 г. в каждом экипаже было положено 4 врача. Следует отметить, что по штатам 1833 г. в пехотных и егерских полках были 1 штаб-лекарь (полковой) и 4 младших лекаря (батальонных) [19]. Такое количество врачей в экипажах обусловлено тем, что экипаж комплектовал команды нескольких судов разных классов, которые могли находиться одновременно в разных районах Черного, Азовского и Средиземного морей. Также экипажи комплектовали команды пароходов и транспортов разных ведомств.

Ластовые экипажи были переформированы и сведены в бригады в 1851 г.

В состав ластовой бригады Черноморского флота входили 4-й и 5-й ластовые экипажи. 5-й ластовый экипаж формировал команды Дунайской флотилии и находился в Измаиле, 4-й ластовый экипаж формировал команды ластовых (портовых) судов в Николаеве (1 и 2 роты) и Севастополе (3 и 4 роты). По штату в ластовом экипаже 2 врача – старший и младший [20].

В Российском флоте существовал целый ряд специальных корпусов: Корпус морской артиллерии (КМА), Корпус флотских штурманов (КФШ), Корпус корабельных инженеров (ККИ), Корпус инженеров морской строительной части (КИМСЧ) и созданный в 1854 г.

Корпус инженер-механиков (КИМ). Однако врачи были предусмотрены штатами только в арсенальных ротах КМА и рабочих экипажах КИМСЧ. В составе Черноморского флота находились арсенальные № 6 рота в Николаеве и № 7 рота в Севастополе. По штату в ротах положен один врач. Рабочие экипажи №11–16 располагались в Николаеве, а экипажи № 17–19 – в Севастополе. В рабочих экипажах также был положен по штату 1 врач. В лабораторных, портовых, доковых и арестантских ротах врачи штатами не предусматривались.

Основными лечебными заведениями на Черноморском флоте являлись Севастопольский (СМГ) и Николаевский (НМГ) морские госпитали, подчиненные командиру порта и генерал-штаб-доктору флота. СМГ возглавлял статский советник В.В. Гейнрих, после его смерти с 02.1855 статский советник Ф.Г. Белоусов. НМГ возглавлял статский советник К.Г. Тремер, после его смерти с 02.1854 коллежский советник Н.В. Мазюкевич. По штату в госпиталях служили помощник главного доктора, старшие и младшие ординаторы.

После снятия гарнизонов крепостей Кавказского побережья, суда и сухопутные подразделения флота базировались, кроме Севастополя, и в других портах. В Николаеве и Одессе находились команды строящихся линейных кораблей «Синоп» и «Босфор», 4 пароходов и 9 парусных судов разных классов. В Керчь-Еникале сосредоточились команды 5 паровых судов и 12 парусных судов Кавказского ведомства. В Севастополь были переведены рабочие экипажи № 11, 12, 15 и 16. Медицинское обеспечение морских чинов в этих портах осуществлялось экипажными врачами. Из 121 известных автору врачей Черноморского флота в обороне Севастополя участвовало 79 врачей (неизвестно, в каком порту находились еще 8).

Врачи Черноморского флота с первых дней Крымской войны исполняли свой долг во время боевых действий. Так, 5 ноября 1853 г. во время боя с турецко-египетским пароходом «Перваз-Бахри» на пароходо-фрегате «Владимир» находился врач С.К. Франковский [6], 18 ноября 1853 г. во время Синопского сражения на эскадре П.С. Нахимова оказывали помощь раненым врачи А.Г. Белоусов, Ф.И. Зброжек, В.В. Земан, К.И. Новицкий, И.С. Оноприенко-Шелковой, В.И. Павловский (делавший операцию раненому Осман-паше), Л.И. Райниш, И.О. Смоленский, Ф.И. Фортман [14, с. 315–332], 16 декабря 1853 г. во время прорыва отряда судов Дунайской флотилии у турецкой крепости Исакчи отличился врач Н.Я. Евтушевский [7], на судах Абхазской экспедиции и отряда пароходов контр-адмирала А.И. Панфилова 3-4 марта 1854 г. при снятии гарнизонов с укреплений Черноморской береговой линии находились врачи П.А. Верболозов, И.Д. Малинин, А. Шимкевич и Р.А. Загоровский [8].

После объявления войны Англией и Францией, главная база Черноморского флота начала активно готовиться к защите. В марте 1854 г. были сформированы из стрелковых партий кораблей первые два десантных стрелковых батальона, всего к 9 сентября было в строю 17 морских батальонов [5, с. 131, 206]. Во все батальоны были назначены экипажные врачи. После Альминского сражения, 12 сентября приказом начальника штаба гарнизона вице-адмирала В.А. Корнилова были учреждены перевязочные пункты, *«для гарнизонов укреплений – в самих укреплениях, для войск же, находящихся вне укреплений, – вблизи батарей № 4 и на пароходах»* [15, с. 213]. В Северном укреплении был также развернут перевязочный пункт. Первое назначение врачей на перевязочные пункты состоялось на следующий день приказом командира Севастопольского порта [21]. 22 сентября отношением начальника штаба гарнизона командиру Севастопольского порта контр-адмиралу Н.М. Вукотичу был поручен надзор за всеми перевязочными пунктами [5, с. 247].

Сформирование морских батальонов из экипажей разных судов мешало управлению морскими командами, и приказом В.А. Корнилова от 30 сентября 1854 г. морские батальоны были расформированы, и весь личный состав экипажей соединен под командой экипажных командиров и распределен по оборонительной линии. На 1-ой дистанции находился 33-ий, на 2-ой дистанции – 29-ый, 32-ой, 34-ый и 37-ой, на 3-ей дистанции – 38-ой, 40-ой, 41-ый и 43-ий и на 4-ой дистанции – 35-ый, 36-ой, 39-ый и 44-ый. На Северном укреплении были оставлены 31-ый и 42-ой экипажи, а 30-ый – на корабле «Ягудиил» для охраны гавани [5, с. 275-275]. После расформирования батальонов врачи вернулись в свои экипажи и вместе с ними ушли на укрепления.

Во время обороны Севастополя морские госпитали и другие морские медицинские формирования сохранили свое отдельное от армии управление. Основой оказания первой медицинской помощи раненым стали перевязочные пункты на укреплениях и четыре стационарных перевязочных пункта. Из-за сильного обстрела Севастополя неприятелем перевязочные пункты постоянно переносились в новые помещения. Так, перевязочный пункт № 1 находился в здании театра, в доме Уптона, в зданиях военно-сухопутного госпиталя (в районе современной площади Восставших, а сам госпиталь по приказу В.А. Корнилова был переведен в помещения Павловской батареи), в здании Благородного собрания и казематах Николаевской батареи. Перевязочный пункт № 2 находился в доме Волохова, после 16 октября 1854 г. был переведен в помещение перевязочного пункта №1. Перевязочный пункт №3 на Корабельной стороне первоначально был развернут в Александровских казармах, а затем переведен в здания продовольственных магазинов на берегу Корабельной бухты. Севастопольский морской госпиталь, где был развернут перевязочный пункт № 4 (ниже современной улицы Будищева), в 20-х числах октября был полностью разрушен и перенесен в бараки за Михайловской батареей на Северной стороне. В ноябре 1854 г. раненые нижние чины морского ведомства находились также на линейном корабле «Императрица Мария» и фрегате «Мессемврия». В начале января 1855 г. были определены под госпитальное отделение для больных и раненых дома инженерного ведомства и купцов Гущина, Орловского и подполковника Лазарева. Позже, отделение госпиталя было открыто в Симферополе. Весной 1855 г. для лечения легко раненых (матросов и солдат) открыт перевязочный пункт на эскадре (на линейных кораблях «Императрица Мария», «Чесма» и «Ягудиил») [3].

В период сентября-ноября 1854 г. в связи с тем, что основу гарнизона составляли моряки, основная тяжесть лечения раненых и больных легла на плечи морских медиков, делавших успешно даже срочные операции. Профессор Н.И.Пирогов писал: *«Самый лучший результат от ранних ампутаций получен в начале осады, после первой бомбардировки в октябре. Эти операции были сделаны по большей части на Черноморских матросах, главных в то время защитниках города ... Почти все операции сделаны были молодыми хирургами, худыми инструментами, и почти все оперированные оставались в самом городе»* [16, с. 169]. Такую же оценку морским врачам дал и профессор Х. Я. Гюббенет [1, с. 6].

С декабря 1854 г., с прибытием в Севастополь и окрестности новых армейских частей и уменьшения в гарнизоне морских чинов, основная работа по оперированию и лечению стала выполняться армейскими врачами и врачами, прибывшими из Петербурга и Киева под руководством профессоров Н.И. Пирогова и Х.Я. Гюббенета. По свидетельству Гюббенета *«перевязочные пункты начали мало-помалу переходить в руки других врачей и особенно Пирогова, а морские врачи не получали другого назначения, были буквально вытеснены со своих мест и остались без назначения ... Наконец, они почти все переместились из Севастополя в Николаев, где и вступили в регулярные служебные отношения»* [2, с. 78].

К концу декабря 1854 г. на перевязочных пунктах и в СМГ находилось большое количество больных и раненых офицеров и матросов. Было принято решение об эвакуации их в НМГ. Этим вопросом занимался представитель морского ведомства статский советник Мансуров. В 1855 г. в Николаев было направлено 32 транспорта с больными и ранеными – 1-ый транспорт вышел из Севастополя 10 января в сопровождении врача К.И. Новицкого, а последний, 32-ой, вышел в октябре в сопровождении врача И.В. Гудим-Левковича. Каждый транспорт сопровождался офицером (начальник транспорта), морским врачом и 2 или 3 фельдшерами. Врачи Н.А. Поливанов, Ф.И. Фортман и Г.И. Гиммельрейх сопровождали по 3 транспорта, врачи А.Г. Белоусов, А.Ф. Гринкевич, А.Н. Зимодро и П.К. Турцевич по 2, остальные врачи сопровождали по одному транспорту. Было вывезено в Николаев около 6000 больных и раненых морских чинов. Транспорт составлялся из 60–150 подвод или специальных фургонов, нанимаемых у частных лиц через подрядчиков. Один из подрядчиков, бердянский 1 гильдии купец И.К. Пикин, был награжден золотой медалью на Владимирской ленте для ношения на шее. В наградном документе было указано, что награда дана *«за существенную пользу, принесенную им для госпитальных наших дел, по принятой им на себя, с значительными для казны выгодами перевозке, в минувиую кампанию, раненых и больных из Севастополя в Николаев»* [9].

В связи с резким сокращением морских команд в Севастополе, большинство врачей после транспортировки раненых оставались в Николаеве. После оставления Севастополя, на Северной стороне на оборонительной линии находились морские врачи: медицинский инспектор Северной стороны коллежский советник М.Г. Лашкевич [10], врач 1-го отделения оборонительной линии лекарь К.Л. Карасевич, врач 2-го отделения городской врач коллежский асессор Н.И. Закревский и врач 3-го отделения лекарь И.Ф. Муравский [22].

В ходе Крымской войны медицинская часть Черноморского флота понесла большие потери:

	1853	1854	1855	1856	Всего
Умерло	1	6	13	4	24 (14 от тифа)
Прибыло	9	27	12	-	46

	Севастополь	Николаев	Симферополь	неизвестно
Умерло	10	9	1	4

Во время боевых действий в Севастополе были контужены 4 морских врача: в октябре 1854 на 2-ом перевязочном пункте разорвавшейся в операционном зале бомбой были контужены и на время оглушены врачи – надворный советник А.А. Верболозов и коллежский советник С.К. Франковский [4, с. 67], 5 апреля 1855 г. на Корниловском бастионе был контужен в голову и спину лекарь Г.А. Алексеев [11] и контужен лекарь Я.В. Юхницкий [12]. Обслуживающий персонал СМГ три раза менялся в результате болезней и изнурения [13].

Перед войной на Черноморском флоте штат врачей не был укомплектован, а с увеличением численности личного состава (призыв отпускных и дополнительный призыв рекрутов) потребность во врачах увеличилась еще больше. Командование медицинской частью Российского флота старалось уменьшить дефицит врачебных кадров. Так, в 1853 г. на Черноморский флот отправлено 9 выпускников университетов, в 1854 – 27 (два лекаря сразу уволились), в 1855 – 11. Из направленных в 1853 г. окончили Императорский Московский университет – 2, Императорский Казанский университет – 2 и Императорский университет Св. Владимира – 5, в 1854 г. направлено окончивших Императорский Московский университет – 12, Императорский университет Св. Владимира – 13 и Императорский Дерптский университет – 2, в 1855 направлено окончивших Медико-хирургическую академию – 2 и Императорский университет Св. Владимира – 9.

Работа морских врачей в Крымскую войну была оценена по достоинству. Из 121 известных автору врачей 71 был награжден орденами, чинами, подарками по чину и выражено Монаршее благоволение. Славный доктор СМГ статский советник Ф.Г. Белоусов был награжден четырьмя орденами, штаб-лекарь коллежский советник К.И. Новицкий двумя орденами и очередным чином. Были отмечены и молодые врачи: титулярному советнику Ф.И. Зброжеку пожаловано три ордена и подарок по чину, лекарю К.Л. Карасевичу – два ордена и подарок, титулярному советнику А.Д. Миштольд – три ордена, в том числе св. Владимира 4 ст. с мечами, лекарю А.Н. Новикову – два ордена и благоволение (единственный врач, награжденный орденом св. Анны 4 ст.), лекарю Л.И. Райнишу – два ордена и подарок, лекарю К.А. Сибирякову – два ордена и подарок.

В приказе по Севастопольскому гарнизону № 136 от 26 апреля 1855 г., в разгар кампании, отмечалась исключительно большая роль медицинского состава в обороне города: «... оценивая вполне службу медицинских чиновников и сравнивая службу операторов со службой на батареях и в траншеях, я ходатайствую у Главнокомандующего об удостоении заслуженными наградами и изъявляю душевную признательность ... и полную благодарность лекарям ...». Среди 39 медиков, отмеченных в приказе, 12 – морские врачи: Павовский, Миштольд, Ливитский, Гудим-Левкович, Зброжек, Алексеев, Сибияев, Пшиборский, Довгялло, Муравский, Смирнов, Загоровский [13].

Источники и литература.

1. Гюббенет Х.Я. Заметки о произведенных в Севастополе в 1854-1855 гг. на перевязочных пунктах хирургических операциях. СПб, 1872.
2. Гюббенет Х. Очерки медицинской и госпитальной части войск в Крыму в 1854-1855 гг. СПб, 1870.
3. Доктор Гауровиц. Морские врачи в Севастополе. //МСб. 1855. Т. XX1. №5. Ч. 2; Доктор Земан. Некоторые воспоминания из времени осады Севастополя в 1854 и 1855 годах. // МСб. 1856. Т. XXIII. №9. Ч. IV; Извлечение из отчета стат-ского советника Мансурова по возложенному на него поручению в Крыму, относительно попечения о раненых чинах Черноморского флота и их семейств. // МСб. 1856. Т. XX1. №4. Ч. 2; МСб. 1855. Т. XVI; Ф. Затлер. О госпиталях в военное время. СПб: Общественная польза, 1861; Соловьев Н. О перевязочных пунктах Севастополя. // Русский вестник. Т. 99. 1872. №6; Николаев Б. Крымская война и медицинская служба флота. // Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1848. Т. 3.
4. Доктор Зеeman. Некоторые воспоминания из времени осады Севастополя в 1854 и 1855 годах. // МСб. 1856. Т. XXIII. №9. Ч. IV.
5. Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб, 1859.
6. МСб. 1854. Т. XII. №2. Ч. 1. С. 51.
7. МСб. 1854. Т. XI. №1. Ч. 1. С. 5.
8. МСб. 1854. Т. XI. №3. Ч. 1. С. 97.
9. МСб. 1856. Т. XXIV. №11. Ч. 1. С. LXXVII.
10. МСб. 1855. Т. XI. №11. Ч.2. С. 100.
11. МСб. 1855. Т. XVI. №5. Ч. 2. С. 65.
12. МСб. 1856. Т. XXVI. №14. Ч. 1 С. X.
13. МСб. 1855. Т. XVI. №6. С. CXLIII - CXLIV.
14. Нахимов П. С. Документы и материалы. М., 1954.
15. Николаев Б. Крымская война и медицинская служба флота. // Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1948. Т. 3.
16. Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950.
17. ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 44. Ч. 1. №27279.
18. ПСЗ РИ. Собрание 2. Отд. 2. Т. VI. №5019.
19. ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. VIII. №5923.
20. ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. XXVI. №25747.
21. РГА ВМФ, ф. 217, оп. 1, д. 6, л. 696.
22. РГА ВМФ. ф. 365, оп. 1, д. 33, л. 210.

ПЕРСОНАЛИИ

1. Абрамов Федор Семенович (? -1882)

В службе с 1837, провизор. Служил в СМГ лекарским помощником. «За отлично усердную и ревностную службу» награжден в 07 1855 бриллиантовым перстнем. В составе Севастопольского гарнизона с 13.09.1854 по 29.07.1855. После Крымской войны переведен в Николаевский морской госпиталь, где служил аптекарским помощником, аптекарем госпиталя. В 09.1875 произведен за выслугу лет в коллежские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №41 от 18.01.1882 исключен из списков умерший.

2. Адамович Самсон Михайлович (? -06.1860)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1835 поступил на службу во флот. Во время Крымской войны в чине надворного советника (03.1852) был старшим ординатором НМГ. В 1855 награжден орденом св. Анны 3 ст. и знаком отличия беспорочной службы за XV лет. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских № 241 от 20.06.1860 исключен из списков умерший.

3. Алексеев Гавриил Алексеевич (? -12.1860)

Окончил Императорский Московский университет и в 03.1854 назначен младшим врачом в 36ой флотский экипаж. Во время обороны Севастополя находился на Корниловском бастионе, где в 04.1855 контужен осколками в голову и спину. В 03.1855 награжден орденом св. Анны 3 ст. с бантом «за примерное усердие и неустрашимость, оказанные при делании перевязок под выстрелами неприятеля во время бомбардирования Севастополя англо-французскими войсками и флотом», а в 04.1855 приказом по Севастопольскому гарнизону ему объявлена благодарность. 30.05.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 11-ый транспорт больных и раненых. В 09.1856 переведен на Балтику, где служил врачом в машинном рабочем, а затем в 1ом ластовом экипажах, коллежский асессор. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №259 от 21.11.1860 исключен из списков умерший

4. Ангеленко-Орловский Иосиф Григорьевич (ок.1828-18.05.1854)

В 1852 окончил Императорский Харьковский университет и назначен младшим врачом в 29ый флотский экипаж. Умер в Севастополе «от кровавого удара», погребен на кладбище Корабельной стороны.

5. Андреев Павел (? -11.1854)

В 1853 окончил Императорский Московский университет и назначен младшим врачом 35го флотского экипажа. 12.09.1854 назначен в штаб В. А. Корнилова и для него был отведен перевязочный пункт на Северном укреплении. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №302 от 8.12.1854 исключен из списков умерших.

6. Баранский Карл Иванович (? -01.1857)

В службе с 1822, провизор. Служил аптекарем в СПб морском военном госпитале. В 1850-х годах переведен в чине надворного советника управляющим аптекой НМГ. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №97 от 21.01.1857 исключен из списков умерших.

7. Беатер Николай Георгиевич

Окончил Императорский университет Св.Владимира и в 10.1854 назначен младшим врачом в 30ый флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. В 11.1855 «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» награжден подарком по чину. После войны переведен на Балтику, служил врачом в 23-ем и 26-ом флотских экипажах, с 1859 – младшим, старшим ординатором Кронштадтского морского госпиталя. В 1866-1867 защитил диссертацию на ученую степень доктора медицины, в 1869 произведен в коллежские советники. В 09.1874 уволен от службы по болезни, с мундиром

8. Белоусов Александр Григорьевич (? -07.1881)

В службе с 1830, лекарь. Служил врачом на судах 42го флотского экипажа. В 1833 участвовал в Босфорской экспедиции. В чине надворного советника на линейном корабле участвовал в Синопском сражении, награжден орденом св. Анны 3 ст. В 07 1855 «за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия и делании операций раненым под выстрелами неприятеля во время первого бомбардирования Севастополя» награжден орденом св. Владимира 4 ст. с бантом. В 03 05.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 3-ий и 10-ый транспорты с больными и ранеными. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1855 по 5.06.1855. После войны продолжал службу на судах Черноморского флота. В начале 1860-х годах защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины. В 1873 произведен в коллежские, а в 1880 в статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №20 от 10.08.1881 исключен из списков умерших.

9. Белоусов Федор Григорьевич (? -1879)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1826 назначен младшим врачом в Черноморский флот. Участник русско-турецкой войны 1828-1829 и Босфорской экспедиции в 1833. В конце 1840-х годов назначен помощником главного доктора СМГ и инспектором фельдшерской школы, в 03.1849 произведен в коллежские советники. В 03.1855 назначен главным доктором СМГ За участие в обороне Севастополя награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом, св. Анны 2 ст., св. Станислава 2 ст. с Императорской короной, произведен в статские советники. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 30.07.1855. После войны награжден орденами св. Анны 2 ст. с мечами и св. Владимира 3 ст. с мечами. В 1865 произведен в действительные статские советники. После закрытия СМГ служил на судах Черноморского флота. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №1197 от 24.12.1879 исключен из списков умерших.

10. Биркган Федор Иванович

Окончил Дерптский университет и с 12.1841 служил на судах Черноморского флота, старшим ординатором СМГ. В 08.1853 произведен в коллежские асессоры. За оказание помощи раненым во время обороны Севастополя награжден орденами св. Анны 3 ст. с бантом и св. Станислава 2 ст. с мечами и в 1857 произведен в надворные советники. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 1.07.1855. После закрытия госпиталя переведен на Балтику и служил судовым врачом в 7-ом и 11-ом флотских экипажах. В 1874 вышел в отставку.

11. Блонский Василий Иоакимович

В службе с 1835, лекарь. Служил на судах 40-го флотского экипажа. В 03.1852 произведен в надворные советники. В 1854 находился на пароходе-фрегате «Бессарабия» и линейном корабле «Императрица Мария». В 01.1855 командирован из Севастополя в Николаев сопровождать 2-ой транспорт с больными и ранеными. В 03.1855 за отличие по службе произведен в коллежские советники, а в 06.1855 назначен медицинским инспектором Измаильского порта. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 22.01.1855. С 1858, после ликвидации Измаильского порта, служил врачом на судах Черноморского флота. В 1869 произведен за выслугу лет в статские советники, в 1870 награжден орденом св. Владимира 4 ст. за беспорочную выслугу XXXV лет в классных чинах. В 04.1880 уволен от службы по домашним обстоятельствам с производством в действительные статские советники.

12. Валявский Августин Михайлович (1789-11.01.1857)

Окончил Виленский университет и в 01.1820 назначен младшим врачом 41-го флотского экипажа. В 07.1825 назначен карантинным врачом в Севастополе. С 10.09.1829 по 10.08.1830 находился в карантинном квартале

во время «чумы» в городе, « за отличную и ревностную службу» награжден перстнем с бриллиантом. В 1846 вышел в отставку, но в 1847 вернулся на службу в морское ведомство и назначен в чине коллежского советника старшим врачом в 30-ый флотский экипаж. Во время обороны Севастополя работал на перевязочных пунктах, в том числе на эскадре. За отличие награжден в 07.1855 орденом св. Владимира 4 ст., в 11.1855 орденом св. Станислава 2 ст. с мечами. В составе Севастопольского гарнизона находился с 13.09.1854 по 7.08.1855. Умер в Севастополе в возрасте 68 лет «от старческой немощи», погребен на городском кладбище.

13. Верболозов Павел Андреевич (? -1882)

В службе с 1834, лекарь. Служил на судах 39-го флотского экипажа. Участвовал в крейсерстве у восточного берега Черного моря, в 02.1854 ему объявлено Монаршее благоволение. В чине надворного советника участвовал в обороне Севастополя, в гарнизоне состоял с 13.09.1854 по 27.08.1855. 16.10. 1854 на 2ом перевязочном пункте в доме Волохова разорвавшейся в операционной бомбой был контужен и оглушен. 24.10.1854 оказывал помощь раненым в Инкерманском сражении. Награжден орденом св. Владимира 4 ст. и произведен в коллежские советники. В составе Севастопольского гарнизона с 13.09.1854 по 4.02.1855. После войны служил на судах Черноморского флота, с 1859 доктор медицины. В 09.1872 уволен от службы по болезни.

14. Вишняков Николай Прохорович (? –ок.1888)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 03.1855 назначен младшим врачом в 40ой флотский экипаж. После Крымской войны переведен на Балтику и служил врачом в 1-ом, 3-ем, 11-ом, 7-ом и 8-ом флотских экипажах. С 1863 совмещал службу морского врача с работой в дирекции С-Петербургских императорских театров. В 1868 произведен в коллежские советники.

15. Воротиляк Илларион Иванович (? -06.1855)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 10.1854 назначен младшим врачом в 36-ой флотский экипаж. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №20 от 22.06.1855 исключен из списков умерший.

16. Гейнрих Василий Васильевич (Христиан Людвигович) (1803-02.1855)

Окончил Йенский университет со степенью доктора медицины и поступил на русскую службу. Служил врачом на судах Балтийского, затем Черноморского флотов. В 1838 назначен главным доктором СМГ и медицинским инспектором Севастопольского порта. Во время его службы в госпитале создан плавающий лазарет на 175 больных, женский лазарет на 18 человек, созданы новые отделения: хирургическое, «для горячечных больных, для сифилитиков, чесоточных и глазных больных, аптека с лабораторией». Автор нескольких научных трудов. В 03.1849 произведен в коллежские советники, в 03-06.1853 - в статские советники. Умер в Севастополе от брюшного тифа.

17. Гиммельрейх Генрих Иосифович

В службе с 1843, лекарь. Служил на судах Черноморского флота, старшим ординатором СМГ. В 02.1854 произведен в коллежские советники. Участник обороны Севастополя, награжден орденами св. Анны 3 ст. и св. Станислава 3 ст. В 05-08.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 7-ой, 25-ый и 31-ый транспорты с ранеными и больными. В составе гарнизона Севастополя с 13.09 по 20.09.1854, с 9.01 по 9.05.1855 и с 17 по 27.08.1855. После войны продолжал службу на судах Черноморского флота. В 1869 награжден орденом св. Анны 2 ст. с мечами над орденом, в 1870 произведен в коллежские советники, в 1871 награжден орденом св. Владимира 4 ст. В 07.1879 уволен от службы по болезни.

18. Глушановский Андрей Ефимович (? -02.1856)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 10.1854 назначен младшим врачом в 37ой флотский экипаж. Находился в Николаеве, в 01.1855 прибыл в Севастополь. 18.08.1855 командирован в Николаев, сопровождая 24ый транспорт больных и раненых. В 11.1855 награжден подарком по чину «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя». Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №56 от 5.03.1856 исключен из списков умерший..

19. Голицинский Михаил Иванович

В службе с 1823, лекарь. На 01.1854 надворный советник, старший врач арсенальной №7 роты в Севастополе. Во время обороны города работал на перевязочных пунктах и на плавучем госпитале для выздоравливающих на линейных кораблях «Императрица Мария», «Чесма» и «Ягудиил». Награжден подарком по чину «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» и чином коллежского советника. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 7.08.1855. В 1859 награжден за беспорочную XXXV летнюю службу в классных чинах орденом св. Владимира 4 ст. В 04.1860 уволен от службы с полной пенсией и мундиром.

20. Голубкин Дмитрий Акимович (1814-1863)

Из дворян Харьковской губернии. Окончил Императорский Харьковский университет и Императорскую медико-хирургическую академию, назначен в 1836 младшим врачом в 44ый флотский экипаж. С 1854 на-

значен помощник главного доктора СМГ. В гарнизоне Севастополя находился с 13.09.1854 по 29.05.1855 и с 9.06 по 7.08.1855. В 1855 произведен в коллежские советники, «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» награжден орденом св. Станислава 2 ст. с мечами (в 1859 пожалована Императорская корона на орден) и св. Анны 2 ст. В 1857 назначен управляющим медицинским отделением Штаба заведующего морской частью в Николаеве, через несколько месяцев произведен в статские советники. В 03.1861 из-за тяжелой болезни уволен в отпуск на семь месяцев, затем отпуск был продлен еще на семь месяцев. В 04.1861 награжден орденом св. Владимира 3 ст. с мечами. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №400 от 10.09.1863 исключен из списков умерший. Умер в Севастополе.

21. Гольдман Эдуард Иванович

В службе с 1837 лекарь. Служил на судах 36го флотского экипажа, в 1852 произведен в надворные советники. Во время обороны Севастополя с 5.10. 1854 и до закрытия работал на 1-ом перевязочном пункте. В 05.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 12-ый транспорт больных и раненых. В 03.1855 «за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия и делании операций воинским чинам, раненым во время бомбардирования Севастополя англо-французскими войсками и флотом» награжден орденом св. Анны 3 ст. (в 07.1855 пожалован бант на орден), в 1856 – св. Станислава 2 ст. В составе Севастопольского гарнизона с 13.09.1855 по 2.06.1855. После войны служил на судах Черноморского флота. В 10.1869 уволен от службы по болезни, с мундиром. Жена Мария Дмитриевна (урожд. Бальзам). Дети: Эмилия (1845 г.р.), Дмитрий (1848 г.р.)

22. Гольцман Павел

Окончил СПб фармацевтическое училище, провизор. В службе с 15.09.1834. В конце 1854 назначен управляющим аптекой СМГ. В 04.1855 награжден орденом св. Анны 3 ст., в 10.1855 произведен в коллежские советники. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 30.07.1855. В 01.1857 назначен управляющим аптекой НМГ. В 01.1858 уволен от службы по домашним обстоятельствам, с мундиром.

23. Гринкевич Александр Францевич (? -1871)

В 1850 окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 28ой флотского экипажа. Во время обороны Севастополя утвержден в чине титулярного советника, в 03.1855 «за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия и делании операций воинским чинам, раненым во время бомбардирования Севастополя англо-французской армией и флотом» награжден орденом св. Анны 3 ст. В 04 и 11.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 5-ый и 27-ой транспорты с ранеными и больными. В 08.1856 переведен старшим врачом в 18-ый рабочий экипаж. В 04.1858 назначен врачом в Бакинский морской лазарет, в 10.1869 - главным доктором Бакинского морского госпиталя. В 03.1870 произведен в коллежские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №755 от 18.01.1871 исключен из списков умерший.

24. Гудим-Левкович Иван Васильевич (1815-1872)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и с 07.1839 служил врачом на судах 34го флотского экипажа. В 1853 произведен в надворные советники. Участник обороны Севастополя, ординатор СМГ. В.10.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 32ой транспорт больных и раненых. Награжден орденом св. Анны 2 ст. (в 11.1855 бант на орден), св. Станислава 2 ст. с мечами (в 1861 Императорская корона на орден) и приказом по Севастопольскому гарнизону ему объявлена благодарность. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 7.08.1855. В 08.1858 назначен помощником главного доктора НМГ и произведен в коллежские советники. В 10.1863 назначен помощником начальника медицинской части в Николаеве, но вскоре переведен старшим запасным врачом Черноморского экипажа. В 08.1871 вновь назначен помощником начальника медицинской части в Николаевском порте с производством в статские советники. В 04.1872 назначен начальником медицинской части в Николаевском порту и главным доктором НМГ. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №820 от 15.05.1872 исключен из списков умерший. Умер в Николаеве, погребен на городском кладбище.

25. Диковский Максим Осипович (? -07.1855)

В службе с 1835, лекарь. Плавал на судах 33-го, а затем 28-го флотских экипажей. В 08.1849 произведен в надворные советники. В начале 1855 переведен в 45-ый флотский экипаж. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №25 от 27.07.1855 исключен из списков умерший.

26. Довгялло Бонифаций (Бонифатий) Игнатьевич

В 1851 окончил Императорский Московский университет и назначен младшим врачом 41-го флотского экипажа. В 1855 «за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия и делании операций воинским чинам, раненым во время бомбардирования Севастополя англо-французскими войсками и флотом» награжден орденом св. Анны 3 ст. и бантом к нему и приказом по Севастопольскому гарнизону ему объявлена благодарность. В 06.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 17-ый транспорт больных и раненых. В 1856 утвержден в чине титулярного советника, в 1857 произведен в коллежские

ассессоры. С 1858 служил на Балтике в 13-ом и 2-ом флотских экипажах, в 1870 произведен в коллежские советники. Вскоре переведен старшим судовым врачом в Черноморский флотский экипаж. В 05.1873 уволен от службы по болезни.

27. Должанский Николай Петрович (1832-1906)

Родился в семье священнослужителя в Волынской губ. Окончил Императорский университет св. Владимира и в 05.1855 назначен младшим врачом в 30ый флотский экипаж. Состоял в гарнизоне Севастополя с 4.07 по 27.08. 1855, находясь в госпитале на северной стороне ординатором. В 09.1856 награжден орденом св. Станислава 3 ст., в 1859 утвержден в чине титулярного советника. После войны служил врачом на судах Черноморского флота, младшим ординатором СМГ, после расформирования которого вновь плавал судовым врачом. В 05.1875 произведен в коллежские советники. В 02.1889 произведен в статские советники с увольнением по болезни от службы, с мундиром. Работал в Николаеве вольнопрактикующим врачом. Жена Мария Захаровна (урожд. Войнова).

28. Евтушевский Николай Яковлевич

В 1850 окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 34ый флотский экипаж. В составе Дунайской флотилии участвовал в сражении под Исакчей 16.12.1854, награжден орденом св. Анны 3 ст. (в 1856 награжден мечами к ордену). В составе флотилии находился до конца Крымской войны. После войны продолжал службу на Черноморском флоте. В 1857 произведен в коллежские ассессоры, в 1861 – в надворные советник, в 1872 – в коллежские советники. В 01.1873 уволен от службы.

29. Ельфимов Петр Ларионович

Окончил Императорский Харьковский университет и с 1843 плавал младшим врачом на судах 39-го флотского экипажа. В Синопском сражении находился на пароходе-фрегате «Крым». Участник обороны Севастополя, в гарнизоне состоял с 13.09.1854 по 11.05.1855 и с 11 по 27.08.1855. В 07.1855 переведен старшим врачом в 38ой флотский экипаж, в 09.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 27ой транспорт больных и раненых. В 04.1855 награжден орденом св. Анны 3 ст. в 09.1856 – орденом св. Станислава 2 ст. После войны служил на судах Черноморского флота, в 02.1857 произведен в надворные советники, в 1873 – в коллежские советники. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В 02.1879 уволен от службы по болезни.

30. Загоровский Рудольф Алексеевич (1827-10.1866)

В 1851 окончил Императорский университет св. Владимира и назначен младшим врачом в 42ой флотский экипаж. В 02.1854 получил Монаршее благоволение «за отлично усердное исполнение обязанностей службы во время действия отряда, крейсерствовавшего у восточных берегов Черного моря». Участник обороны Севастополя, состоял в гарнизоне с 13.09.1854 по 20.06.1855. Награжден в 03.1855 орденом св. Анны 3 ст. (в 08.1855 бантом на орден) и в 11.1855 - св. Станислава 2 ст. с мечами. В 1855 переведен старшим врачом в 38ой флотский экипаж. После войны в чине коллежского ассессора (03-05.1854) служил на судах Черноморского флота. В конце 1864 назначен делопроизводителем канцелярии начальника медицинской части Николаевского порта. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №555 от 7.11.1866 исключен из списков умершим. Умер в Николаеве, погребен на городском кладбище.

31. Закревский Никифор Иванович (1806-11.04.1864), коллежский ассессор.

Окончил в 1828 Императорский Харьковский университет, назначен врачом в Черноморский флот и плавал на судах флота. В 1840 переведен Севастопольским городовым врачом. В 09.1855 назначен врачом 2-го отделения оборонительной линии Северной стороны. Известный морской писатель, публиковался на страницах Морского сборника. Умер в Севастополе, погребен на кладбище Херсонесского монастыря Св. Владимира.

32. Залесский Каэтан-Владислав Федорович (1833-1891)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 05.1855 назначен младшим ординатором в НМГ. С 1858 служил на судах 3го, 5го, 10го и 7го экипажей Балтийского флота, участвовал в заграничных плаваниях. В 1861 защитил диссертацию на ученую степень доктора медицины. В 1869 переведен в систему Военного министерства, надворный советник. На 1880 служил по МВД. На 1890 вольнопрактикующий врач в г. Винница Подольской губ.

33. Зброжек Фома Иванович (1822-1891)

В 1850 окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 33-й флотской экипаж. 18.11.1853 участвовал на линейном корабле «Чесма» в Синопском сражении, награжден орденом св. Анны 3 ст. Во время обороны Севастополя работал на 1ом перевязочном пункте, в 06.1855 на главном перевязочном пункте на Михайловской батарее. Награжден орденами св. Анны 2 ст., св. Станислава 2 ст. с мечами (в 1864 корона на орден), перстнем с бриллиантами, в 04.1855 приказом по Севастопольскому гарнизону объявлена благодарность. В гарнизоне Севастополя состоял с 13.09.1855 по 28.08.1855. После войны продолжал службу на Черноморском флоте, в 09.1859 переведен в чине коллежского ассессора старшим ординатором в Кронштадтский морской госпиталь. В 1863 плавал на судах Балтийского флота, в 02.1870 произведен в коллежские советники. В 08.1870 уволен от службы по болезни. На 1890 был вольнопрактикующим врачом в местечке Друзченика Гродненской губернии.

34. Земан Фридрих Вильгельмович (? -02.1858)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1828 назначен в Черноморский флот. Участник русско-турецкой войны 1828-1829. Плавал на судах Черноморского флота, служил старшим врачом 17го рабочего экипажа в Севастополе. В 1850 назначен дивизионным доктором 5-ой флотской дивизии и в 10.1851 произведен в коллежские советники. 18.11.1853 врачом штаба эскадры участвовал в Синопском сражении, награжден орденом св. Анны 2 ст. с Императорской короной. Участник обороны Севастополя, в 03.1855 назначен на эскадру и с 1.02.1855 находился на линейном корабле «Великий князь Константин». В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 14.05.1855, с 17.05 по 20.06.1855 и с 29.07 по 7.08.1855. В 11.1855 пожалован подарок по чину. В 10.1856 переименован дивизионным доктором дивизии Черноморского флота. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №140 от 3.03.1858 исключен из списков умерших.

35. Зимодро Адам Николаевич (1827-1894)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 10.1854 назначен младшим врачом в 39-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в 07 и 09.1855 сопровождал из Симферополя в Николаев 21-й и 30-й транспорты больных и раненых В 1855 награжден перстнем с бриллиантом. После войны плавал на судах Черноморского флота. В 01.1863 назначен, коллежский асессор, младшим врачом в Каспийскую флотилию, а в 1868 переведен в Балтийский флот. В 08.1870 в чине надворного советника уволен от службы по болезни. На 1890 жил в г. Вильна.

36. Иващенко Михаил Григорьевич (1825-12.03.1894)

В 1850 окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом 30-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в 04.1855 награжден орденом св. Анны 3 ст. (в 08.1855 бант на орден) и перстнем с бриллиантом. В 08.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 31-й транспорт больных и раненых. В 1856 перемещен в 40-й флотский экипаж, а в 03.1857 - на Балтику, где служил судовым врачом и в то же время работал в системе МВД. В 03.1882 произведен в статские советники, в 03.1886 уволен от службы по болезни с мундиром. На 1890 действительный статский советник, проживал в СПб. Умер в СПб, погребен в Ориенбауме на Свято-Троицком кладбище.

37. Иллицкий Петр Яковлевич (1805- ?)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1835 назначен младшим врачом в Черноморский флот. На 1848 в чине коллежского советника служил старшим ординатором СМГ и учителем фельдшерской школы. Перед Крымской войной переведен старшим ординатором НМГ. В 09.1855 награжден орденом св. Анны 3 ст. В 03.1856 переведен Николаевским городским врачом, в 1862 вышел в отставку. Умер в Николаеве, погребен на городском кладбище.

38. Каменецкий Яков Семенович (? -06.1855)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в 10.1854 назначен младшим врачом в 40ой флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №19 от 22.06.1855 исключен из списков умерших.

39. Казакевич (Козакевич) Иоаким Николаевич (1810-1895)

В службе с 1835, лекарь. В 04.1852, старший ординатор НМГ, произведен в надворные советники. В 09.1855 награжден орденом св. Анны 3 ст. В 1860-е годы переведен судовым врачом в Черноморский экипаж, в 1869 произведен в коллежские советники. В 01.1872 за безупречную выслугу XXXV лет в классных чинах награжден орденом св. Владимира 4 ст. Участник русско-турецкой войны 1877-1878. В 03.1883 произведен в статские советники с увольнением от службы по болезни, с мундиром. На 1890 проживал в г. Николаеве.

40. Карасевич Константин Леонтьевич (1832-27.03.1892)

Дворянин Курской губ. Окончил Императорский Московский университет и в 07.1854 назначен младшим врачом в 29ый флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, работал на перевязочных пунктах. В 07.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 22-й транспорт больных и раненых В 09.1855 приказом командира Севастопольского порта назначен врачом 1-го отделения оборонительной линии на Северной стороне. Награжден орденами св. Станислава 3 ст. с мечами, св. Анны 3 ст. и золотой табакеркой. После войны служил врачом на судах Черноморского флота, был в заграничных плаваниях. В 1875 произведен в коллежские советники. В 1873-1877 был судовым врачом на императорской яхте «Ливадия», участник русско-турецкой войны 1877-1878. В 1880 назначен портовым окулистом Николаевского порта и произведен в статские советники, в 1881 назначен помощником начальника медицинской части управления Черноморского флота и портов. В 1885 переведен окулистом Николаевского порта. В 03.1888 произведен в действительные статские советники, в июле уволен от службы по болезни. Умер в Москве, погребен в Донском монастыре.

41. Кармалей Данило Иванович

В 1827 окончил Императорскую медико-хирургическую академию. Участник русско-турецкой войны 1827-1828, награжден часами и перстнем с бриллиантами. Служил в 13ом ластовом, второй половине 4-го ласто-

вого экипажах. В 10.1853 переведен в чине надворного советника старшим врачом в 29-й флотский экипаж. В Синопском сражении был врачом на линейном корабле «Париж», награжден чином коллежского советника. Участник обороны Севастополя, награжден «за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия и делании операций раненым под выстрелами неприятеля во время первого бомбардирования Севастополя» орденом св. Владимира 4 ст. и бантом к нему. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 3.02.1855. После войны продолжал службу на Черноморском флоте. В 08.1860 уволен от службы с мундиром. Жена Екатерина Саввишна, сын Евгений (1845 г.р.) и дочь Вера (1853 г.р.)

42. Карчевский Василий Авдеевич (? -06.1865)

В службе с 1833, лекарь. Служил на судах 33-го флотского экипажа, с начала 1850-х – в арсенальной №6 роте КМА. В чине надворного советника участвовал в обороне Севастополя, в 1856 награжден орденом св. Станислава 3 ст. С 1859 служил врачом при главном управлении Черноморского ведомства, старшим ординатором СМГ, младшим врачом 3-го Черноморского сводного флотского экипажа. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №484 от 21.06.1865 исключен из списков умерших.

43. Кибер Август-Эрих Федорович (25.08.1794-29.03.1855)

Учился в Берлине и Геттингене. В 1820 защитил в Дерпте докторскую диссертацию. Участвовал в полярной экспедиции под командой барона Ф. П. Врангеля, из которой возвратился в 1824. С 08.1825 по 09.1827 участвовал в кругосветном путешествии Ф. П. Врангеля. Член-корреспондент Академии наук. В 1847 произведен, главный доктор Кронштадтского морского госпиталя, в действительные статские советники. В 01.1848 назначен главным доктором Черноморского флота и портов. С 06.1854 генерал-штаб-доктор черноморского флота. Был награжден орденами св. Анны 2 ст. (1841), св. Владимира 3 ст. (1843), св. Станислава 1 ст. (1852). Находясь в командировке в осажденном Севастополе, заразился тифом, умер в Николаеве.

44. Клонгевич Казимир Варфоломеевич (? -11.1854)

В службе с 1842, лекарь. В 1853 произведен старший ординатор СМГ в надворные советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №299 от 24.11.1854 исключен из списков умерших.

45. Красильников Василий Алексеевич (27.12.1834-22.02.1869)

Родился в Севастополе в семье купца. Окончил Императорскую медико-хирургическую академию (вольнослушателем) и в 03.1855 назначен младшим ординатором СМГ. В 11.1855 награжден подарком по чину «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя». В 10.1857 уволен для службы на коммерческих судах. В 06.1860 вновь зачислен на службу младшим ординатором СМГ, но уволен в отпуск «для усовершенствования себя в науках за границей на три года». В 1864 переведен младшим судовым врачом в бой флотский экипаж, защитил диссертацию на степень доктора медицины. В 04.1866 уволен от службы по домашним обстоятельствам, коллежский асессор, с мундиром. С 1865 приват-доцент Императорской медико-хирургической академии по кафедре сифидологии и кожных болезней, старший врач Калининской больницы. Умер в С-Петербурге, погребен на Митрофановском кладбище. Жена Терезия Николаевна (1840-1867)

46. Краснопольский Карл Антонович (1832-23.02.1895)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 05.1855 назначен младшим ординатором НМГ. С 08.1858 служил судовым врачом в Балтийском флоте., в 1869 произведен в надворные советники. На 1888 коллежский советник, врач морской тюрьмы в Кронштадте, с 1891 старший врач 14го флотского экипажа. На 1893 вольнопрактикующий врач в Кронштадте. Доктор медицины, статский советник. Автор статей в «Русском враче», «Военно-медицинском журнале» и др.

47. Крафт Фридрих (? -11.1854)

В 03-06.1853 произведен помощник управляющего аптекой СМГ, провизор, в коллежские секретари. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №299 от 24.11.1854 исключен из списков умерших помощник управляющего аптекой СМГ.

48. Кудрин Владимир Сергеевич (15.07.1834-2/15.11.1908)

Из дворян Костромской губернии. Окончил Императорский Московский университет и в 07.1854 назначен младшим врачом в 31-й флотский экипаж. В 11.1856 «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» награжден орденом св. Станислава 3 ст. с мечами. В 03.1857 переведен в Балтийский флот младшим судовым врачом. В 1865 произведен в надворные советники, в 1870 – в коллежские советники. В 02.1873 назначен флагманским доктором Балтийского флота. В 1876 плавал флагманским доктором при начальнике отряда судов в греческих водах. За отличие в русско-турецкой войне 1877-1878 награжден, действительный статский советник, орденом св. Владимира 3 ст. с мечами. С 1880 почетный Лейб-хирург Двора Его Величества. В 1880-1881 был флагманским врачом морских сил в Тихом океане. В 09.1881 назначен флота генерал-штаб-доктором (главный медицинский инспектор флота), в 04.1886 произведен в тайные советники. Награжден орденами св. Владимира 2 ст., Белого Орла, знак отличия беспорочной службы за XL лет, В 1898 за отличие по службе произведен в действительные тайные советники. Жена Екатерина Александровна (урожд. Корнилова), сын Сергей.

49. Кучевский Александр Дмитриевич (Доминикович)

Из дворян, римско-католического вероисповедания. Окончил Императорский университет св. Владимира и в 03.1854 назначен младшим врачом в 42ой флотский экипаж. В 05.1854 прикомандирован к НМГ младшим ординатором. В 06.1855 командирован в Херсон для кампании на отряд канонерских лодок и пароход «Дарго». После войны плавал на судах Черноморского флота, в 08.1858 назначен младшим ординатором НМГ. В 1859 уволен, коллежский асессор, для службы на коммерческих судах, а в 06.1862 уволен от службы по домашним обстоятельствам с награждением чином надворного советника. В 1871-1878 врач севастопольской земской больницы, врач Севастопольского градоначальства. На 1880 коллежский советник. Жена Виктория Августовна (урожд. Бракер), сын Станислав-Казимир (1861 г.р)

50. Лаврентьев Андрей Алексеевич (1818-1889)

Окончил Императорский Харьковский университет в 1843. Коллежский асессор (09.1854), старший ординатор СМГ. Участник обороны Севастополя, с 02.1855 заведовал офицерским отделением Симферопольского госпиталя. В 02.1855 произведен за выслугу лет в надворные советники, награжден в 03.1855 орденами св. Анны 3 ст. (07.1855 бант на орден) и в 1856 св. Станислава 3 ст. с мечами. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 2.02.1855. В 1860 переведен старшим ординатором в НМГ. Был инспектором фельдшерской школы и работал врачом при пансионе Николаевской гимназии. В 1869 переведен старшим судовым врачом Черноморского флотского экипажа и в 1870 произведен в коллежские советники. В 1875 назначен помощником начальника медицинской части в Николаевском порте и произведен в статские советники, а в 1881 назначен начальником медицинской части в Николаевском порте и главным доктором НМГ с производством в 1882 в действительные статские советники. В 06.1887 произведен за отличие по службе в тайные советники с увольнением по болезни от службы, с мундиром. Умер в Николаеве.

51. Лашкевич Матвей Гаврилович (1805-8.07.1867)

В 1832 окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1833 назначен младшим врачом в 32ой флотский экипаж. С 1840 младший ординатор СМГ, в 02.1852 надворный советник. В 09.1854 был врачом при батальоне капитана 1 ранга Кутрова. С 03 по 06.1855 работал на перевязочном пункте на эскадре, на 09.1855 медицинский инспектор на Северной стороне Севастополя. В 03.1855 за отличие по службе произведен в коллежские советники, в 11.1855 награжден орденом св. Анны 3 ст. с мечами. В составе Севастопольского гарнизона с 13.09.1854 по 7.08.1855. После войны плавал на судах Черноморского флота, в 1858 награжден знаком отличия за XX лет беспорочной службы. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №597 от 20.08.1867 исключен из списков умерший.

52. Лебедев Павел Иванович (? -02.1857)

Лекарь с 1825 (?), в 1844 произведен в коллежские советники. Награжден орденом св. Анны 3 ст. и в 1852 знаком отличия беспорочной службы за XXV лет. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №100 от 25.02.1857 исключен из списков умерший старший врач 14го рабочего экипажа (Николаев).

53. Лебер Зенон-Иван Иванович

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 10.1854 назначен младшим врачом в 40ой флотский экипаж. После Крымской войны служил врачом на судах Черноморского флота, в 10.1857 произведен в коллежские асессоры, в 05.1875 – в коллежские советники. Был в заграничных плаваниях. Участник русско-турецкой войны 1877-1878. В 1884 награжден орденом св. Владимира 4 ст., в 04.1885 произведен в статские советники с увольнением по болезни от службы с мундиром.

54. Леве Федор (Фридрих) Иванович (1804-1874)

В 1827 окончил Императорскую медико-хирургическую академию (Геттингентский университет) и с 09.1829 плавал на судах Черноморского флота, в 1833 участвовал в Босфорской экспедиции. На 1848 и во время обороны старший врач 18-го рабочего экипажа. Работал на перевязочных пунктах, в том числе и на эскадре. Награжден орденом св. Анны 3 ст. и чином коллежского советника. В гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 7.08.1855. В 1856 переведен старшим врачом в 13ый рабочий экипаж, в 08.1858 назначен дивизионным доктором Черноморских флотских экипажей (флагманский доктор Черноморского флота). В 09.1864 награжден орденом св. Владимира 4 ст. за XXXV летнюю беспорочную службу в классных чинах. В 1866-1867 переведен старшим запасным врачом, в 04.1873 произведен за выслугу лет в статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №953 от 16.11.1874 исключен из списков умерший. Жена Жаннетта Карловна (урожд. Зейб), дети Карл (1834 г.р.), Эмилия (1842 г.р.), Шарлотта (1844 г.р.) и Матильда (1850 г.р.)

55. Левитский (Левицкий) Андрей Ксенофонович (? -ок.1877)

В службе с 1851, лекарь, младший врач 44го флотского экипажа. Участник обороны Севастополя, с 5.10.1854 работал на 1ом перевязочном пункте, успешно делая сложные операции. В 06.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 15ый транспорт больных и раненых. Награжден орденами св. Анны 3 ст. с мечами, св. Анны 2 ст. с мечами, св. Станислава 3 ст., в 04.1855 приказом по Севастопольскому гарнизону ему объявлена благодарность. В 07.1856 произведен в титулярные советники, в 11.1856 переведен в Луцкий военный госпиталь военного министерства. На 1867 надворный советник, на 1873 - коллежский советник.

56. Левицкий Карп

Лекарь 33го флотского экипажа, участник обороны Севастополя. В начале 1855 командирован из Севастополя.

57. Лисаневич Лев Николаевич (1826-1896)

В 1850 окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 31-й флотский экипаж на линейный корабль «Храбрый». Во время обороны Севастополя с 5.10.1854 работал на 1-м перевязочном пункте. Награжден орденом св. Анны 3 ст. и бантом на орден и подарком по чину. В 09.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 28-й транспорт больных и раненых. После войны служил на судах Черноморского флота. В 1870 произведен в коллежские советники, в 1881 награжден орденом св. Владимира 4 ст. В 07.1887 произведен в статские советники с увольнением от службы по болезни, с мундиром.

58. Лобанов Сергей Петрович (? -05.1866)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 07.1854 назначен младшим врачом в 33ий флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, награжден в 11.1855 « за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» орденом св. Станислава 3 ст. с мечами и золотой табакеркой. После войны плавал на судах Черноморского флота, в 1859 произведен в коллежские асессоры. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №531 от 1.06.1866 исключен из списков умерший.

59. Любицкий Порфирий Самсонович (? -1855)

В 1827 окончил Императорскую медико-хирургическую академию и направлен на Черноморский флот, участник русско-турецкой войны 1827-1828. В 1848 произведен, правитель канцелярии медицинского отделения Штаба Черноморского флота и портов, в коллежские советники. В 1854 награжден знаком отличия за XXV лет беспорочной службы в классных чинах. В 1855 исключен из списков умерший.

60. Мазюкевич Никита Васильевич (? -1859)

В 1821 окончил Императорскую медико-хирургическую академию со степенью доктора медицины и назначен в Черноморский флот. Старший ординатор, помощник главного доктора НМГ. В 09.1845 произведен в коллежские советники. В 02.1854 назначен главным доктором НМГ и произведен в статские советники. В 09.1856 «за отличную усердную службу» награжден орденом св. Анны 2 ст. с Императорской короной. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №189 от 11.05.1859 исключен из списков умерший.

61. Малин Андрей Васильевич (? -1855)

В службе с 1842, лекарь. Плавал младшим врачом на судах 35го флотского экипажа, в 09.1851 произведен в коллежские асессоры. Участник обороны Севастополя. В начале 09.1854 был в стрелковом батальоне капитана 2 ранга Коцебу, затем на 2ом перевязочном пункте. В начале 1855 командирован в Николаев. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №38 от 25.10.1855 исключен из списка умерший.

62. Малинин Иван Дмитриевич

В службе с 1843, лекарь. Плавал младшим врачом на судах 32го флотского экипажа, в 07.1853 произведен в надворные советники. В 02.1854 объявлено Монаршее благоволение «за отлично усердное исполнение обязанностей службы во время действия отряда, крейсерствовавшего у восточных берегов Черного моря». Участник обороны Севастополя. В начале 1855 был командирован в Николаев, в 07.1855 назначен старшим ординатором СМГ. В 03.1855 награжден орденом св. Анны 3 ст. с мечами. В гарнизоне Севастополя с 13.09 по 16.10.1854 и с 30.06 по 27.08.1855. В 05.1856 произведен в коллежские советники, в 09.1859 уволен от службы по домашним обстоятельствам.

63. Мержавитинов Андрей Николаевич (? -02.1856)

Окончил Императорский Московский университет и в 03.1854 назначен младшим врачом в 29ый флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в 11.1855 «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» награжден орденом св. Станислава 3 ст. с мечами. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №57 от 19.03.1856 исключен из списков умерший.

64. Мицкевич Генрих Викентьевич

В 1851 окончил Императорский Московский университет и назначен, младшим врачом в 36ой флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в гарнизоне состоял с 17 по 27.08. 1855. После войны плавал на судах Черноморского флота, в 08.1857 произведен в коллежские асессоры, в 02.1861 – в надворные советники, в 04.2870 – в коллежские советники. В 02.1872 уволен от службы по болезни с мундиром.

65. Мицкевич Иосиф Викентьевич

В службе с 1843, лекарь. Старший врач 11го рабочего экипажа (г. Николаев), коллежский асессор. В 02.1855 уволен от службы по болезни с мундиром.

66. Миштольд Антон Данилович (1826-1906)

В 1850 окончил Императорский университет св. Владимира и назначен младшим врачом в 37ой флотский экипаж. В 09.1854 назначен, врач линейного корабля «Гавриил» на 1ый перевязочный пункт, в 06.1855 работал на главном перевязочном пункте на Михайловской батарее. Награжден орденами св. Анны 3 ст. и бантом на орден, св. Анны 2 ст. с мечами, св. Владимира 4 ст. с мечами. В 05.1856 произведен в коллежские ассессоры и назначен старшим ординатором НМГ. В 1866-1867 переведен старшим судовым врачом, в 1870 произведен в коллежские советники. Участвовал в заграничных плаваниях и русско-турецкой войны, в 1877-1878. В 01.1881 назначен консультантом по хирургии в НМГ, в 02.1881 произведен в статские советники. В 05.1888 произведен в действительные статские советники с увольнением от службы по болезни, с мундиром. После отставки работал вольнопрактикующим врачом в Николаеве.

67. Модестов Георгий (Юрий) Петрович (? -03.1854)

В 1836 окончил Императорскую медико-хирургическую академию и назначен младшим врачом в Черноморский флот. В 08.1852 произведен в надворные советники, старший врач 12-го рабочего экипажа (г. Николаев). Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 7.04. 1854 исключен из списков умерший. Жена Мария (личная дворянка), дети Александр (1840 г.р.), Ольга (1845 г.р.) и Наталья (1847 г.р.)

68. Муравский Игнатий Францевич (? -1883)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 03.1854 назначен младшим врачом в 45-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, работал на перевязочных пунктах, с 21.05 по 27.08.1855 на линейном корабле «Париж». В 09.1855 назначен врачом 3-го отделения оборонительной линии на Северной стороне. Награжден орденом св. Станислава 3 ст. с мечами и золотыми часами. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1855 по 27.08.1855. В 1862 назначен в Каспийскую флотилию младшим врачом Астраханского портового экипажа, затем судовым врачом Каспийского экипажа. В 1870 произведен в надворные советники, в 1880 – в коллежские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №109 от 13.06.1883 исключен из списков умерший.

69. Мысловский Игнатий Францевич, надворный советник.

В 1830 окончил университет со степенью лекаря и назначен в Севастопольский военный карантин. Во время обороны Севастополя работал на 1-м перевязочном пункте. В 1871 в чине статского советника уволен от службы.

70. Нежинцов Александр Иванович (? -1856)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 05.1855 назначен младшим врачом в 29ый флотский экипаж. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №57 от 19.03.1856 исключен из списков умерший.

71. Незабитовский Степан Андреевич (1829-1909)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 03.1854 назначен младшим врачом в 43-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в 09.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 29ый транспорт больных и раненых. В 11.1855 «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» награжден орденом св. Станислава 3 ст. с мечами. В 08.1856 переведен в Каспийскую флотилию. В 07.1864 произведен в надворные советники, в 1870 – в коллежские советники. В 1870е годы служил старшим врачом Астробадской станции, старшим врачом Каспийского экипажа. В 1880е годы уволен от службы. На 1890 вольнопрактикующий врач в Баку.

72. Новиков Андрей Николаевич (11.11.1829-24.04.1910)

Окончил Императорский Московский университет и в 03.1854 назначен младшим врачом в 38ой флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в 1855 работал на перевязочном пункте на эскадре. В 06.1855 командирован из Севастополя в Симферополь с транспортом больных и раненых и был оставлен в Симферопольском военном госпитале. В 07.1855 награжден «за отличие оказанное под выстрелами неприятеля при подании помощи раненым на эскадре во время отражения штурма 6 июня» орденом св. Анны 4 ст. «с присвоенным ему темляком», в 10.1855 «за отличное мужество и усердие, оказанное во время службы на пароходе «Владимир» на Черном море и при обороне Севастополя» награжден орденом св. Станислава 3 ст. с мечами, а 04.1856 объявлено монаршее благоволение. В 10.1859 переведен на должность Николаевского городского врача МВД. На 1875 коллежский советник. На 1879 значится служащим в Духовном ведомстве, врач и смотритель женского духовного училища в Ярославле. Умер в Ярославле в чине действительного статского советника, погребен на Леонтьевском кладбище.

73. Новицкий Карл Иосифович (1819-1898)

Окончил Виленскую Императорскую медико-хирургическую академию и с 1842 плавал младшим, старшим врачом на судах 33го флотского экипажа. В 1854 произведен в коллежские советники. На линейном корабле «Великий князь Константин» участвовал в Синопском сражении. Участник обороны Севастополя, работал на перевязочных пунктах. В 01.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 1ый транспорт больных и раненых. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. и св. Станислава 2 ст. В составе гарнизона Севастополя с

13.09.1853 по 10.01.1855. После войны плавал на судах Черноморского флота, в 12 1862 уволен от службы с производством в статские советники. В 08.1872 вновь определен на службу старшим врачом Черноморского экипажа. В 07.1887 произведен в действительные статские советники с увольнением от службы по болезни, с мундиром. После отставки жил в Николаеве.

74. Олевинский Владислав Иванович (? -1862)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 20.10.1854 назначен младшим врачом в 41-й флотский экипаж.

После войны служил на судах Черноморского флота, младшим ординатором НМГ. В 08.1859 произведен в коллежские асессоры. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №329 от 16.04.1862 исключен из списков умерший.

75. Олехнович Николай Андреевич (? -04.1855)

В службе с 1842, лекарь. Плавал врачом на судах 38го флотского экипажа, в 1853 произведен в надворные советники. Участник обороны Севастополя, с 5.10.1854 работал на 1-м перевязочном пункте. В 02.1855 командирован с ранеными в Симферополь. В 03.1855 награжден орденом св. Анны 3 ст. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №12 от 4.05.1855 исключен из списков умерший.

76. Ольховский Иван Алексеевич (? -1853)

В службе с 1810, лекарь. Плавал врачом на судах 29го флотского экипажа. В 1846 произведен в коллежские асессоры, в 1850 – в надворные советники. Семья: жена Мария, дети Олимпиада (1843 г.р.), Михаил (1844 г.р.), Алексей (1847 г.р.), Александр (1850 г.р.)

77. Оноприенко-Шелковой Иван Симонович

В службе с 1843, лекарь. Плавал младшим врачом на судах 40го флотского экипажа, титулярный советник. 18.11.1853 на линейном корабле «Императрица Мария» участвовал в Синопском сражении, награжден орденом св. Анны 3 ст. В 06.1854 переведен в 31-й флотский экипаж старшим врачом и произведен в коллежские асессоры. В 09.1854 находился на линейном корабле «Храбрый» и на оборонительной линии. Награжден орденами св. Анны 2 ст. и св. Станислава 2 ст. с мечами. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 7.08.1855. В 02.1857 произведен в надворные советники, в 12 1858 уволен по болезни с мундиром.

78. Пабо Климентий Антонович (1830-1890)

Окончил Дерптский университет со степенью доктора медицины и в 03.1854 назначен младшим ординатором СМГ. В 10.1854 уволен от службы по прошению, в ноябре вернулся в Севастополь с профессором Пироговым и работал на главном перевязочном пункте. Приказом начальника Севастопольского гарнизона в 03.1855 ему объявлена благодарность. После войны служил в системе МВД и Военного министерства. На 1890 старший врач военного лазарета и инспектор фельдшерской школы в Оренбурге.

79. Павлицкий Владислав Каэтанович (? -1864)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 04.1855 назначен младшим врачом в 35-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. В 1860 произведен в коллежские асессоры, в 03.1863 переведен в 6-й флотский экипаж Балтийского флота. Высочайшим приказом по морскому ведомству №435 от 11.05.1864 исключен из списков умерший.

80. Павловский Василий Иванович (? -06.1855)

В службе с 1836, лекарь. Врач 41-го флотского экипажа, в 1838 плавал на линейном корабле «Силистрия». В 1852 произведен в надворные советники. В Синопском сражении находился на пароходе-фрегате «Одесса», награжден орденом св. Анны 3 ст. Участник обороны Севастополя, работал в СМГ и перевязочных пунктах Корабельной стороны. Награжден бантом к ордену св. Владимира 4 ст., в 04.1855 ему объявлена благодарность приказом по Севастопольскому гарнизону. Высочайшим приказом о чинах гражданских №27 от 10.08.1855 исключен из списков умерший.

81. Певницкий Александр Иванович (ок.1787-6.121856)

В службе с 1810, лекарь. Служил на Черноморском флоте, на 1854 статский советник, старший врач 13-го рабочего экипажа (г. Николаев). Имел ордена св. Владимира 4 ст., св. Анны 2 ст., св. Станислава 3 ст. и знак отличия беспорочной службы за XL. Умер от «водяной болезни» в Николаеве и погребен на городском кладбище. Жена Ольга Захаровна (умерла 18.04.1856).

82. Певницкий Виктор Федорович (? -05.1867)

В службе с 1841, лекарь. Служил на Черноморском флоте, младший, старший врач 31-го флотского экипажа. В 1853 переведен старшим врачом первой половины 4-го ластового экипажа (г. Николаев) и произведен в надворные советники. В 11.1855 «в награду полезных трудов и отличной службы» награжден орденом св. Станислава 3 ст. После войны служил на судах Черноморского флота. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №583 от 28.05.1867 исключен из списков умерший.

83. Петельчиц Людвиг Иванович

Окончил Императорский Московский университет и в 07.1854 назначен младшим врачом в 32-й флотский экипаж. В 11.1855 «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» награжден орденом св. Станислава 3 ст. и бриллиантовым перстнем. После войны продолжал службу на судах Черноморского флота. В 01.1858 получил Монаршее благоволение «за отличие оказанное в деле против горцев 21 июня минувшего года близ укрепления Геленджик». В 08.1858 переведен младшим ординатором НМГ, в 1867 назначен младшим судовым врачом. В 1875 произведен в коллежские советники, участник русско-турецкой войны 1877-1878. В 11.1879 уволен от службы по болезни.

84. Петрушевский Севастьян Яковлевич

В службе с 1816, лекарь. Участник русско-турецкой войны 1828-1829 и подавления восстания в Польше в 1831. На 1848 старший врач 12-го рабочего экипажа (г. Николаев), коллежский советник (1839), на 1854 – врач при главном управлении Черноморского флота и портов. В 09.1859 уволен от службы по болезни с мундиром, награжден знаком отличия беспорочной службы за XL лет.

85. Пиотровский Антон Григорьевич

В 1852 окончил Императорский Харьковский университет и назначен младшим врачом в 38-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в 06.1855 сопровождал 13ый транспорт больных и раненых. Награжден орденом св. Станислава 3 ст. с мечами. После войны служил на судах Черноморского флота. В начале 1860-х годов переведен на Балтику и служил врачом кадра постоянных мастеровых и рабочих при адмиралтейских Ижорских заводах. В 1863 произведен в надворные советники, в 1868 переведен судовым врачом в 8-й флотский экипаж. В 1869 произведен в коллежские советники, в 1870 получил ученую степень доктора медицины. В 10.1873 уволен от службы по болезни, с мундиром.

86. Поливанов Николай Андреевич

Окончил Императорский Московский университет и в 07.1854 назначен младшим врачом в 35-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. В 04 и 07.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 3-й и 19-й транспорты с больными и ранеными. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. После войны плавал на коммерческих судах с зачислением во 2ой флотский экипаж Балтийского флота. В 06.1861 переведен, коллежский ассессор, сверхкомплектным лекарем в военно-медицинское ведомство. На 1877 действительный статский советник.

87. Попов Иван Павлович (1833-1892)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в 05.1855 назначен младшим врачом в 43-й флотский экипаж. В 08.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 23ий транспорт больных и раненых. После войны плавал на судах Черноморского флота. В 05.1858 произведен в коллежские ассессоры. В 1866-1867 назначен младшим ординатором НМГ, в 08.1875 – прозектором и произведен в коллежские советники. В 10.1879 произведен старшим ординатор в статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №558 от 10.02.1892 умерший исключен из списков.

88. Постников Дмитрий Ильич

В службе с 1816, лекарь. На 1848, коллежский советник, старший врач 14-го ластового экипажа, на 1854 и 1855 старший врач 17го рабочего экипажа в Севастополе. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 15.02.1855. После войны служил старшим врачом в 5ом ластовом и 3зем флотском экипажах. В 09.1857 награжден орденом св. Владимира 4 ст. с бантом за беспорочную выслугу XXX лет в классных чинах. В 12.1863 уволен от службы по болезни с мундиром. Дети: Владимир (1845 г.р.), Александра (1845 г.р.)

89. Пучков Владимир Васильевич (ок.1825-24.10.1853)

В службе с 1844, лекарь, младший врач 43-го флотского экипажа. Умер «от водяной», погребен на кладбище Корабельной стороны в Севастополе.

90. Пшеборский Павел Антонович (1830-1896)

В службе с 1852, лекарь. служил младшим врачом на судах 39-го флотского экипажа. Участник обороны Севастополя. В 09.1854 переведен с линейного корабля «Святослав» на 2-й перевязочный пункт, затем работал на главном перевязочном пункте на Михайловской батарее. В 09.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 29-й транспорт больных и раненых. Награжден орденом св. Анны 3 ст. и золотыми часами. В 1857 произведен в коллежские ассессоры. После войны служил на судах Черноморского флота, участвовал в заграничном плавании на пароходе «Тамань». В 1875 произведен в коллежские советники. Участник русско-турецкой войны 1877-1878, «за труды по эвакуации больных» награжден орденом св. Владимира 4 ст. В 02.1889 произведен в статские советники с увольнением по болезни от службы, с мундиром. После отставки жил в Николаеве.

91. Райниш (Рейниш) Леопольд Иосифович

Окончил Императорский университет св. Владимира и с 1852 служил на судах 32-го флотского экипажа. На линейном корабле «Три Святителя» участвовал в Синопском сражении, награжден орденом св. Анны 3 ст. с

мечами. Во время обороны Севастополя находился на 2ом перевязочном пункте, затем на северной стороне. Награжден орденом св. Станислава 2 ст. с мечами и золотой табакеркой. После войны плавал на судах Черноморского флота. В 1865 назначен старшим ординатором СМГ, после расформирования госпиталя служил старшим врачом на судах, участвовал в заграничных плаваниях. В 04.1870 произведен в коллежские советники. Участник русско-турецкой войны 1877-1878. В 06.1887 произведен в статские советники с увольнением от службы по болезни, с мундиром.

92. Рапчинский Семен Платонович

Окончил Императорский Московский университет и в 07.1854 назначен младшим врачом в 34-й флотский экипаж. В 09.1855 награжден орденом св. Станислава 3 ст. В 08.1856 переведен в 45-й флотский экипаж Каспийской флотилии. Служил в Каспийском флотском экипаже, младшим ординатором Бакинского морского госпиталя, главным доктором госпиталя и заведующим медицинской частью Каспийской флотилии. В 04.1884 произведен в действительные статские советники. В 11.1887 уволен от службы с мундиром, 1.01.1888 награжден орденом св. Владимира 3 ст.

93. Рождественский Арсений Васильевич

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию со степенью медико-хирурга и назначен в 1823 на Черноморский флот. Участник русско-турецкой войны 1828-1829, награжден орденом св. Анны 3 ст. и бриллиантовым перстнем. В 1846 старший врач 11-го рабочего экипажа, произведен в коллежские советники. В 03.1850 назначен медицинским инспектором Севастопольского порта и произведен в статские советники. Участник обороны Севастополя, в первые дни обороны занимался организацией перевязочных пунктов и распределением врачей. В 03.1855 награжден орденом св. Владимира 3 ст. с мечами, в 11.1855 «за отличие в обороне Севастополя» произведен в действительные статские советники. В 03-05. 1856 назначен управляющим медицинским отделением Штаба заведующего морской частью в Николаеве. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №104 от 24.04.1857 уволен от службы по домашним обстоятельствам, с мундиром.

94. Россоловский Антон Федорович (1827-1906)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 10.1854 назначен младшим врачом в 38-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. После войны переведен на Балтику и служил врачом на судах 9-го, 7-го и 3-го флотских экипажей. В 05.1875 назначен врачом при Кронштадтском пороховом заводе и в том же году произведен в коллежские советники. В 03.1886 уволен от службы по домашним обстоятельствам. Умер в С-Петербурге.

95. Сибиряков Ксенофонт Александрович (1832-1899)

Окончил Императорский Московский университет и в 03.1854 назначен младшим врачом в 42-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, работал на перевязочных пунктах, в том числе на главном – на Михайловской батарее. Награжден орденами св. Анны 3 ст. с мечами, св. Станислава 3 ст. с мечами и золотыми часами. В 08.1855 уволен в отпуск по болезни на восемь месяцев. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1855 по 27.08.1855. После войны служил врачом на судах Балтийского флота, в Ревельском флотском полуэкипаже, Морском училище. В 1878 переведен судовым врачом в 8ой флотский экипаж и произведен в коллежские советники, в 1884 – в статские советники. В 1887 назначен старшим врачом Морского училища, в 01.1891 произведен в действительные статские советники. В 09.1894 уволен по предельному возрасту от службы с мундиром. Работал вольнопрактикующим врачом в С-Петербурге. Погребен при Николаевской Волокодержской церкви Боровичского уезда Новгородской губернии.

96. Скимунд Петр Антонович

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 05.1855 назначен младшим ординатором НМГ. В 08.1856 переведен на Балтику и служил младшим судовым врачом в 10ом и 6ом флотских экипажах. В 1858 произведен в коллежские асессоры. В 09.1869 уволен от службы с награждением чином надворного советника, с мундиром.

97. Смирнов Василий (? -05.1855)

Окончил Императорский Московский университет и в 03.1854 назначен младшим врачом в 41ый флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. В 04.1854 назначен на фрегат «Флора», 29.09 на пароход «Тамань». Приказом по Севастопольскому гарнизону от 26.04.1855 ему объявлена благодарность. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №15 от 2.06.1855 исключен из списков умерший.

98. Смоленский Игнатий Осипович

В службе с 1826, лекарь. Служил на черноморском флоте, в 1845 произведен в надворные советники. На 1848 старший врач 12го ластового экипажа. В 1849 назначен дивизионным доктором 4-й флотской дивизии, в 10.1851 произведен в коллежские советники. В Синопском сражении был врачом штаба второго флагмана эскадры, награжден орденом св. Анны 2 ст. Участник обороны Севастополя, награжден Императорской короной к ордену св. Анны 2 ст. В гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 18.03.1855. В 11.1856 переведен старшим ординатором

НМГ. В 08.1860 уволен от службы с мундиром. В 09.1860 награжден орденом св. Владимира 4 ст. с бантом за XXXV лет беспорочной службы в классных чинах. Дочь Варвара-Лавра (1846 г.р.)

99. Соколов Алексей Егорович (? -07.1877)

Личный дворянин. Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1836 назначен в Черноморский флот. Старший врач 35-го флотского экипажа, в 08.1852 произведен в надворные советники. Участник обороны Севастополя, награжден в 03.1855 орденом св. Анны 3 ст. с мечами. В 07.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 16ый транспорт больных и раненых. После войны служил на судах Черноморского флота, участвовал в боевых действиях на Кавказе. В 03.1864 назначен старшим врачом в Севастопольскую портовую роту. После закрытия Севастопольского порта, плавал старшим судовым врачом. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №1085 от 31.07.1877 исключен из списков умерших.

100. Стацевич Николай Семенович

В службе с 1847, лекарь. В 01.1854 переведен Керченский уездный врач, титулярный советник, младшим врачом в 33-й флотский экипаж. В 08.1855 произведен в коллежские асессоры. В 06.1858 награжден «за отлично усердную и полезную службу во время бывших военных действий в Придунайских княжествах и в воздаяние особых трудов при исполнении аванпостной службы по конец войны 1853-1856 годов» орденом св. Станислава 3 ст. После войны плавал на судах Черноморского флота, в 09.1859 назначен старшим ординатором СМГ и произведен в надворные советники. В 07.1865 уволен от службы по домашним обстоятельствам, с мундиром.

101. Страдомский Василий Андреевич (1.01.1831-13.05.1902)

Окончил Императорский университет св. Владимира и в 05.1855 назначен врачом во вторую половину 4-го ластового экипажа в Севастополе. В 01.1856 «за производство операций и подачи пособия раненым и контуженным под огнем неприятеля во время бомбардирования Северной стороны Севастополя» награжден орденом св. Станислава 3 ст. с мечами. В 5.1858 произведен в коллежские асессоры, в 12.1862 назначен младшим ординатором НМГ. В 1866 переведен судовым врачом Черноморского экипажа, был в заграничных плаваниях. В 04.1874 назначен делопроизводителем в канцелярии начальника медицинской части в Николаевском порту, с оставлением в прежней должности. В 05.1875 произведен в коллежские советники. В 01.1891 произведен в статские советники старший врач 1-го Черноморского флотского экипажа с увольнением по болезни от службы, с мундиром, в 09.1891 за выслугу XXXV лет в классных чинах награжден орденом св. Владимира 4ст. В 1892 вольнопрактикующий врач принят на должность врача училища для дочерей нижних чинов морского ведомства в Николаеве. Жена Татьяна Степановна, дочь Ольга (1878 г.р., в браке Лебединская)

102. Сызранский Иван Александрович

В службе с 1826, лекарь. Участник русско-турецкой войны 1827-1828, награжден орденом св. Анны 3 ст. В 1843 произведен в надворные советники, В 03.1850 назначен старший врач 9-го ластового экипажа медицинским инспектором Измаильского порта и произведен в коллежские советники. В 05.1855 уволен от службы.

104. Таубе Николай Карлович (1810/1814-1874)

Окончил Дерптский университет и в 1837 поступил на службу младшим врачом в 31ый флотский экипаж. В 08.1852 произведен в надворные советники, в 04.1854 назначен помощником главного доктора НМГ. Участник обороны Севастополя. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом и св. Станислава 2 ст., в 10.1855 произведен в коллежские советники. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 18.02.1855. В 04.1858 назначен помощником главного доктора Кронштадтского морского госпиталя, в 1859 – главным доктором НМГ и произведен в статские советники. С 1860 помощник главного доктора Николаевского порта по медицинской инспекции, а вскоре – начальник медицинский части в Николаеве и главный доктором НМГ. В 04.1870 произведен в действительные статские советники. В 03.1872 уволен от службы по болезни с мундиром. Умер в Николаеве, погребен на городском кладбище.

104. Тельшевский Константин-Северин Иванович (? -1855)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в 10.1854 назначен младшим врачом в 43-й флотский экипаж. Высочайшим приказом по морско-му ведомству о чинах гражданских №11 от 20.04.1855 исключен из списков умерших.

105. Токаржевич Александр Иванович (? -1860)

В 1851 окончил Императорский Московский университет и назначен младшим врачом в первую половину 4го ластового экипажа в Николаеве. В 08.1857 произведен в коллежские асессоры. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №241 от 20.06.1860 исключен из списков умерших.

106. Тремер Карл Густавович (? -1854)

В службе с 1826, доктор медицины. В 1848 произведен, старший доктор НМГ, в коллежские советники. Награжден орденами св. Станислава 3 и 2 ст., св. Анны 3 и 2 ст., св. Владимира 4 ст. В 08.1852 произведен в

статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 27.01.1854 исключен из списка умерший.

107. Турцевич Платон Кириллович (1826-1890)

Окончил Императорский Московский университет и в 03.1854 назначен младшим врачом в 37-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. Находился на пароходе-фрегате «Бессарабия», в 06 и 09.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 14-й и 28-й транспорты больных и раненых. Награжден орденом св. Станислава 3 ст. с мечами. В 01.1856 переведен в гренадерский генералиссимуса князя Суворова полк батальонным лекарем. На 1890 статский советник, старший врач военного лазарета в Смоленске.

108. Уклонский Семен Михайлович (? -кон. 1857-нач.1858)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и назначен в Черноморский флот. В 1852, старший ординатор СМГ, произведен в надворные советники. В 07.1855 награжден «за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия и делании операций раненым под выстрелами неприятеля во время первого бомбардирования Севастополя» орденом св. Владимира 4 ст., в 11.1855 «за отличие в обороне Севастополя» произведен в коллежские советники. В гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 30.07.1855. Умер в Николаеве. Жена Анна Афанасьевна (Николаевна), дети Михаил (1851 г.р.) и Семен (1858 г.р.)

109. Уминский Антон Иванович

В службе с 1839, лекарь. В 08.1852, старший врач 15-го рабочего экипажа (в Николаеве), произведен в надворные советники. После войны плавал на судах Черноморского флота. В 05.1866 уволен от службы по болезни.

110. Филиппович Константин Михайлович (1828-1878)

Окончил Императорский Казанский университет и в 1853 назначен младшим врачом в 33ий флотский экипаж. В 1858 произведен в коллежские асессоры. После Крымской войны плавал на судах Черноморского флота. В 1858 старший ординатор НМГ, получил ученую степень доктора медицины, в 1860-1862 прошел научную стажировку за границей. В 10.1863 назначен помощником главного доктора НМГ. В 1867 произведен в коллежские советники, в 1873 – в статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №1128 от 7.07.1878 исключен из списков умерший.

111. Фиодорович Иосиф Николаевич (18.10.1807-11.1883)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1832 назначен младшим врачом в 37ой флотский экипаж. В 12.1843 произведен в коллежские асессоры, в 1848 – в надворные советники. Участник обороны Севастополя, в 03.1855 произведен за отличие по службе в коллежские советники. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 27.03.1855. После войны служил в 12-м рабочем, 2-м учебном морском экипажах, врачом кадра постоянных мастеровых и рабочих в Николаевском порту, плавал на судах Черноморского флота. В 1868 награжден орденом св. Владимира 4 ст. за XXXV лет беспорочной службы в классных чинах. В 04.1871 назначен делопроизводителем канцелярии начальника медицинской части Николаевского порта. В 07.1882 произведен в статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №131 от 5.12.1883 исключен из списков умерший.

112. Фортман Франц Иванович

В службе с 1839, лекарь. Плавал на судах 44-го флотского экипажа. В 08.1852, старший ординатор СМГ, произведен в надворные советники. На фрегате «Кулевчи» участвовал в Синопском сражении, награжден орденом св. Анны 3 ст. Во время обороны Севастополя работал в госпитальном отделении для раненых, в 04. 05 и 09.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 6-й, 9-й и 26-й транспорты больных и раненых. В 03.1855 за отличие по службе произведен в коллежские советники. В составе гарнизона Севастополя с 13.09.1854 по 12.06.1855. После войны плавал на судах Черноморского флота. В 11.1874 уволен от службы с мундиром.

114. Франковский Стратон Карлович (1813- ?)

Из дворян Виленской губ. Окончил Императорскую Виленскую медико-хирургическую академию и с 1827 плавал на судах 29-го флотского экипажа. За отличие «в деле при взятии 5 ноября Турецко-Египетского парохода пароходом «Владимир» произведен в 01.1854 в коллежские советники. Участник обороны Севастополя, в гарнизоне состоял с 13.09.1854 по 1.04. 1855. В 10.1854 во 2-м перевязочном пункте в доме Волохова разорвавшейся в операционной бомбой контужен и на время оглушен. В составе Севастопольского гарнизона находился с 13.09.1854 по 1.04.1855. В 08.1855 награжден орденом св. Владимира 4 ст. с бантом. После войны плавал на судах Черноморского флота, служил старшим врачом в Николаевском портовом экипаже. В 05.1872 уволен от службы по болезни с мундиром. Сын Владислав (1848 г.р.)

114. Фрусевич Иван Игнатьевич (? -1882)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1827 назначен в Черноморский флот. Участник русско-турецкой войны 1827-1828. В 08.1843 произведен в надворные советники, 1848-1855 старший

врач 16-го рабочего экипажа. Во время Крымской войны был старшим врачом отряда в устье Дуная. В 1858 переведен в 11-й рабочий экипаж, в 01.1863 уволен от службы с мундиром. В 09.1863 награжден орденом св. Владимира 4 ст. за XXXV лет беспорочной службы в классных чинах.

115. Хворов Иван Петорович

Окончил императорский университет Св. Владимира и в 03.1854 назначен младшим врачом в 30ый флотский экипаж. В 07.1854 приказом управляющего морским министерством переведен младшим врачом при Черниговских бого-угодных заведениях.

116. Хохряков Алексей Харлампиевич

В 1853 окончил Императорский Казанский университет и назначен младшим врачом в 43-й флотский экипаж. После войны плавал на судах Кавказского ведомства. В 1858 произведен коллежские ассессоры и переведен на Балтику. Служил на судах 17-го, 4-го, 5-го, 7-го и 8-го флотских экипажей. В 12.1880 произведен в статские советники, с увольнением от службы с мундиром.

117. Чельцов Федор Иванович

В 1853 окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 34-й флотский экипаж. Во время обороны Севастополя находился на перевязочном пункте на эскадре на линейном корабле «Париж», в 05.1855 списан по болезни в СМГ. В 06.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 18ый транспорт больных и раненых. Награжден орденом св. Анны 3 ст. В 08.1856 назначен в Каспийскую флотилию, служил в портовых ротах в Астрахани, в 46ом флотском экипаже, в кадре постоянных мастеровых и рабочих в Астраханском порту, плавал на судах Каспийского экипажа. В 02.1861 произведен в надворные советники, в 12.1863 – в коллежские советники, в 07.1887 – в статские советники. В 1888 уволен от службы, с мундиром.

118. Шаланский Владислав Иосифович

В 1853 окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 33-й флотский экипаж. В 12.1853 переведен в систему МВД.

119. Шеломов Василий Никифорович

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в 10.1854 назначен младшим врачом в 44-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в 01.1856 награжден «за производство операций и подание пособия раненым и контуженным под огнем неприятеля во время бомбардировки Северной стороны Севастополя» орденом св. Станислава 3 ст. с мечами. В 10.1859 переведен младшим ординатором в Кронштадтский морской госпиталь. С 1863 служил судовым врачом, в 1868 произведен в надворные советники, в 11.1871 – в коллежские советники. В 03.1872 назначен флагманским доктором Балтийского флота и в 1873 произведен в статские советники. В 04.1882 уволен от службы по болезни, действительный статский советник, с мундиром.

120. Шимкевич Адам (? -05.1855)

В 1853 окончил Императорский Московский университет и назначен младшим врачом в 40-й флотский экипаж. В 02.1854 ему объявлено Монаршее благоволение «за отлично усердное исполнение обязанностей службы во время действия отряда, крейсерствовавшего у восточных берегов Черного моря». Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №15 от 2.06.1855 исключен из списков умерший.

121. Шпилярский Калистрат Лукич

В 1853 окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 28-й флотский экипаж. В 09.1854 находился в стрелковом батальоне капитан-лейтенанта Воеводского, затем назначен на 2-й перевязочный пункт. В 07.1855 сопровождал из Севастополя в Николаев 20ый транспорт больных и раненых. Награжден орденом св. Станислава 3 ст. с мечами. В 08.1856 назначен врачом арсенальной №8 роты в Астрахань. В 02.1861 произведен в надворные советники, в 12.1861 уволен от службы.

122. фон Шредер Эраст (Эрнст) Иванович (23.05.1830-30.07.1894)

Окончил Дерптский университет со степенью доктора медицины и в 02.1854 назначен младшим ординатором в НМГ. В 07.1857 переведен младшим врачом при Александровской больнице в Саратове, но в 09 того же года переведен старшим врачом в 1-й рабочий экипаж Балтийского флота, служил младшим врачом в Морском училище, с 1860-1862 – помощником делопроизводителя управления флота генерал штаб-доктора. В 12.1866 произведен в статские советники. На 1890 старший делопроизводитель управления медицинского инспектора флота, действительный статский советник, присутствующий член медико-филантропического комитета Императорского Человеколюбивого общества. Приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №693 от 10.08.1894 умерший исключен из списков. Погребен на Смоленском евангелическом кладбище в с-Петербурге. Пожертвовал капитал в 3000 рублей на выдачу процентов с него беднейшим вдовам морских врачей.

123. Юхницкий Яков Васильевич (1828-02.1884)

Из дворян. Окончил Императорский университет Св. Владимира и в 1853 назначен младшим врачом в 35-й флотский экипаж. Во время Синопского сражения находился на пароходе-фрегате «Херсонес». Участник

обороны Севастополя. В 09.1854 находился в стрелковом батальоне капитана 1 ранга Варницкого, затем переведен на 2ой перевязочный пункт. Был контужен, причислен ко 2-му классу раненых. Награжден 11.1855 «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» орденом св. Станислава 2 ст. с мечами и бриллиантовым перстнем. В 08.1858 назначен младшим ординатором НМГ и учителем фельдшерской школы. С 1866 плавал врачом на судах Черноморского флота. В 1869 произведен в надворные советники, в 1875 – в коллежские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №142 от 5.03.1884 исключен из списков умерших. Умер в Николаеве, погребен на городском кладбище.

124. Яворовский Андрей Михайлович (1829-12.1854/01.1855)

В 1853 окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 30-й флотский экипаж. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских №307 от 19.01.1855 исключен из списков умерших. Умер в Севастополе. Жена Александра Ивановна (урожд. Ржевская)

Источники и литература (к разделу «Персоналии»).

1. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС)
2. ф. 3.оп. 1, д. 28; ф. 11, оп. 1, д. 33; ф. 19.оп. 1, д. 24; ф. 20, оп. 1, д. 152; ф. 22, оп. 1, д. 11, 42, 64, 68; ф. 35. оп. 1. д. 4.
3. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ) ф. 34, оп. 1, д. 927, 1184; ф. 217, оп. 1. д. 6; ф. 365, оп.1, д.33; ф. 373, оп. 1, д. 59; ф. 870, оп. 2, д. 433, 464, 504, 518; ф. 920, оп. 9, д. 51.
4. Богданов А.Б. Забытый в Польше и России: шляхтич Августин Валявский – усмиритель чумы в Севастополе // Вестник морского врача. Севастополь: СПД Бакулин В.А., 2008. №5(5).
5. Веренкина Т.Н. Здравоохранение Севастополя. Севастополь, 1996;
6. Витухновская Г.М. Морские врачи и севастопольская морская библиотека // Севастополь: СПД Бакулин В.А., 2009. №7;
7. Военно-медицинский журнал. СПб. 1847. Т. XLIX. №1, №2; 1848. Т. LI. №2; 1848. Т. LII. №1, №2; 1849. Т. LIII. №2; 1850. Т. LV. №1, №2; 1850. Т. LVI. №1, №2; 1851. Т. LVII. №1; 1851. Т. LVIII. №1, №2; 1852. Т. LIX; 1852. Т. LX; 1853. Т. LXI; 1853. Т. LXII. 2.
8. Гауровиц. Морские врачи в Севастополе. МСб. 1855. Т. XX1. №5. Ч. 2.
9. Губская Т. Город мраморных ангелов. Николаев: Ирина Гудим, 2010.
10. Гюббенет Х.Я. Заметки о произведенных в Севастополе в 1854-1855 гг. на перевязочных пунктах хирургических операций. СПб: типография А.М. Катомина, 1872.
11. Земан. Некоторые воспоминания из времени осады Севастополя в 1854 и 1855 годах // МСб. 1856. Т. XXIII. №9. Ч. IV.
12. Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб, 1859.
13. Извлечение из отчета статского советника Мансурова по возложенному на него поручению в Крыму, относительно попечения о раненых чинах Черноморского флота и их семейств. МСб. 1856. Т. XX1. №4. Ч. 2.
14. Кобак Л.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища С-Петербурга. М.: Центр-полиграф, 2009.
15. Крылов-Толстикевич. Русские врачи XVIII - начала XX века // Проза.ру;
16. М.П. Лазарев. Документы. М., 1955. Т. 2.
17. Малиновская О.И. Сотрудники севастопольского морского госпиталя – новые имена // Вестник морского врача. Севастополь: СПД Бакулин В.А., 2010. №10 (10).
18. Московский некрополь. СПб, 1908. Т. 2;
19. Морские сборники за 1853-1909.
20. П.С.Нахимов. Документы и материалы. М., 1954.
21. Новороссийский календарь на 1840 год. Одесса, 1839.
22. Новороссийский календарь на 1872 год. Одесса, 1871.
23. Осадчий А.С., Зубарев А.А. Из истории Севастопольского морского госпиталя // Вестник морского врача. Севастополь: СПД Бакулин В.А., 2008. №5 (5).
24. П.Б. Иннокентий Таврический. Его последняя поездка в Крым и предсмертные дни. 1857 // Русский архив, 1896. Т. 96. №9.
25. Петербургский некрополь. СПб, 1912. Т. 1, 2, 4.
26. Пирогов Н.И. Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и Херсонской губернии с 1 декабря 1854 по 1 декабря 1855 // МСб. 1856. Т. XXI. №4. Ч. 2.
27. Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1850.
28. Пономарева Е.В., Гаврилов И.В. Врач и общественный деятель В.А. Страдомский: штрихи к портрету // Вестник морского врача. Севастополь: СПД Бакулин В.А., 2009. №7.
29. Рерберг П.Ф. Севастопольцы. СПб, б/г. Вып.1, 2, 3; Российский медицинский список на 1820-1909; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1.
30. Соловьев Н. О перевязочных пунктах Севастополя // Русский вестник. 1872. Т. 99. № 6.

31. Список гражданским чинам морского ведомства первых восьми классов. СПб, 1848. Ч.1; Список гражданским чинам морского ведомства. СПб, 1854. Ч. 1.
32. Список гражданским чинам морского ведомства. СПб, 1855. Ч. 1; Список гражданским чинам морского ведомства последних пяти классов СПб, 1865.
33. Список гражданским чинам морского ведомства первых восьми классов. СПб, 1868. Ч. 1; Список гражданским чинам морского ведомства. СПб, 1873.
34. Терещук Н. Медицинские работники первой половины XIX века в метрических книгах Государственного архива города Севастополя // Вестник морского врача. Севастополь. СПД Бакулин В.А, 2008. №5 (5).
35. Терещук Н.М. Севастопольский военный карантин. Накопление фактологического материала (1я половина XIX века) // Прошлое Севастополя в архивных документах: сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьев М.Э, 2011.
36. Энциклопедический словарь Николаевцы. Николаев: Возможности Киммерии, 1999.

К ВОПРОСУ О ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЯХ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СЕВАСТОПОЛЕ

МАЛИНОВСКАЯ О. И.

Коммунальное учреждение «Севастопольский городской национально-культурный центр»

Севастополь часто называют городом двух оборон, забывая о том, что моряки-черноморцы и воины севастопольского гарнизона, так или иначе, принимали участие почти во всех военных конфликтах Российской империи. И если многочисленные русско-турецкие войны кажутся многим делами давно минувших дней, то события Первой мировой войны от нас отделяет лишь столетие. Однако, говоря о воинских захоронениях того периода, мы вынуждены констатировать, что сведения о них весьма скупы. Последовавшие бурные события русских революций 1917 года, гражданской и Великой Отечественной войн заслонили годы Первой мировой. В советский период значительная часть памятников на старых городских и мемориальных кладбища была утрачена. Уничтожались не только надгробия, но и сами некрополи. В конце 1970 – начале 1980-х годов руководством города было принято решение о строительстве на месте мемориального Михайловского кладбища на Северной стороне большого жилого массива. Почти полностью оказалось под отвалами породы из карьера Балаклавского рудоуправления старое городское кладбище Балаклавы, засыпано кладбище в Доковом овраге. К настоящему времени из всех дореволюционных городских некрополей сохранилось лишь старое севастопольское городское кладбище на улице Пожарова. В 1990-х годах проводилось его обследование сотрудниками Музея героической обороны и освобождения Севастополя, однако результаты этой большой и кропотливой работы опубликованы не были. Краткий перечень воинских захоронений участников Первой мировой войны содержится в работах севастопольского историка В.Г. Шавшина [95, с. 294-296; 96, с. 118-120; 97, с. 226-230]. Надгробия воинов, перенесённые на Братское кладбище периода Крымской войны после разрушения Михайловского кладбища, упоминаются в работе Е.В. Веникеева [5, с. 92-94]. Ряд эпитафий на памятниках участникам Первой мировой войны, похороненных на кладбищах Севастополя, приведены в статьях севастопольских историков и краеведов [49, с. 399-404; 50, с. 331-334; 43, с. 409-418; 16, с. 95].

В настоящей работе мы постарались систематизировать разрозненные сведения о воинских захоронениях в Севастополе этого периода, полученные из литературы и архивных источников. Использовались также материалы полевых обследований старого городского кладбища, проведённые нами в 2007–2013 гг. Временные рамки захоронений охватывают период с 1 августа 1914 г. (дата официального вступления в войну) по 3 марта 1918 г., когда после подписания сепаратного мирного договора в Брест-Литовске, Советская Россия вышла из войны.

Первая мировая война стала военным конфликтом нового типа. Его тотальный характер требовал вовлечения в войну всего населения воюющих стран и напряжения всех военных, экономических и моральных ресурсов государств. Страны-участницы потеряли убитыми более 10 миллионов солдат и около 12 миллионов мирных жителей. По самым скромным оценкам специалистов, безвозвратные потери русской действующей армии (с учетом небоевых потерь) в период с 1914 по 1918 гг. превысили 1,8 миллиона человек. Численность убитых и пропавших без вести на флоте составила 3 тысячи человек [82].

В архивах Севастополя и Крыма, к сожалению, не сохранились метрические книги Севастопольского Адмиралтейского Николаевского собора и полковых церквей второй половины XIX – начала XX вв. Лишь недавно у исследователей появился доступ к коллекции отсканированных метрических книг из фондов Центрального государственного

исторического архива Санкт-Петербурга, но и они ограничены 1916 годом. В этих условиях особое значение приобретают сообщения о захоронениях в Севастополе участников войны, публиковавшиеся в местной периодической печати.

С началом боевых действий информация об убитых и раненых на фронтах концентрировалась в особом отделении Главного Штаба по сбору сведений о потерях в действующих армиях. Полученные данные публиковались в газете «Русский инвалид», откуда перепечатывались такими изданиями, как «Разведчик», «Русское слово» и другие. В иллюстрированных журналах «Нива», «Новое время», «Искры» и др. помещались фотографии убитых и раненых воинов.

Следует отметить, что ещё 12 августа 1914 г. было разрешено за счет военного ведомства перевозить по просьбам ближайших родственников в места их прежнего проживания по железным дорогам тела убитых, умерших от ран и болезней офицерских и классовых чинов военного и морского ведомств. Для этого родным следовало направлять ходатайства в отдел военных сообщений главного управления генерального штаба [52, с. 632]. Но большинство погибших, которое составляли нижние чины, навсегда остались лежать на чужбине. «Именные списки убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам» рассылались начальникам губерний и областей для публикации в губернских ведомостях. Сведения об отдельных лицах помещались в местных газетах.

В Севастополе роль общего воинского некрополя в конце XIX – начале XX века играло Михайловское военное кладбище на Северной стороне города¹, примыкавшее к южной стене старого Михайловского кладбища (Рис. 1). Судя по записям в метрических книгах, оно начало действовать в конце 1897 года. Именно здесь производились первые братские и индивидуальные воинские захоронения погибших в Первой мировой войне.

В Севастополе, как и по всей России, всеобщая мобилизация началась 18 июля 1914 года. 1 августа последовало объявление Германией войны России. С началом боевых действий на фронт были отправлены дислоцировавшиеся в Севастополе 49-й Брестский и 50-й Белостокский пехотные полки 13-й пехотной дивизии и 13 артиллерийская бригада. Вскоре на страницах центральных газет стали появляться сообщения о первых погибших.

Но настоящая война пришла в город вместе с «Севастопольской побудкой» 16 октября 1914 г., когда в 6 часов 33 минуты утра крейсер «Гебен» открыл огонь по главной базе Черноморского флота. 20-минутный обстрел Севастопольского рейда оказался не столь успешным, как ожидал противник. В сообщении Морского генерального штаба отмечалось, что *«несколько снарядов попало в город, не причинив значительных повреждений и не вызвав жертв в людях, один снаряд попал в угольные склады, другой ударил в полотно железной дороги и один, разорвавшись около здания морского госпиталя, осколками убил двух больных и ранил восемь нижних чинов»* [45].

Были погибшие и на 16-й батарее «Генерала Хрулева», расположенной между деревней Учкучевка и устьем р. Бельбек. Согласно рапорту коменданта Севастопольской крепости генерал-лейтенанта А.Н. Ананьина, при обстреле «Гебеном» батареи на ней внутренним взрывом было разрушено одно из четырех 10-дюймовых орудий образца 1895 г., убито шесть и ранено 11 нижних чинов, из которых один умер от ран [12, с. 181]. Однако, в Метрической книге Братского кладбища «убитыми при защите Севастополя» в этот день значатся 8 военнослужащих 5-й роты Севастопольской крепостной артиллерии [85, л. 271 об.-275]. Все они были похоронены 18 октября 1914 г. на Михайловском военном кладбище.

В тот же день произошла встреча «Гебена» и двух турецких миноносцев с дозорными эскадренными миноносцами «Лейтенант Пущин», «Жаркий» и «Живучий», вышедшими на соединение с минным заградителем «Прут», возвращавшимся из Ялты в Севастополь с 710 минами на борту.

¹ В метрических книгах разных церквей оно называлось по-разному: «Михайловское военное кладбище», «Новое военное кладбище», «Новое Михайловское кладбище», «Новое артиллерийское кладбище», «Северное военное кладбище», «Северо-Севастопольское гарнизонное кладбище». У жителей города оба некрополя (старый и новый) ассоциировались с Михайловским кладбищем.

В ходе боя после залпов орудий «Гебена» на «Лейтенанте Пущине» вспыхнул пожар, вышла из строя вся прислуга подачи снарядов носового орудия, пострадали находившиеся на мостике сигнальщики, были разбиты штурманская рубка и привод штурвала [83, с. 339]. Экипаж минного заградителя «Прут», на который после выхода из боя эскадренного миноносца «Лейтенант Пущин» сосредоточился огонь «Гебена», был вынужден открыть кингстоны и подорвать днище корабля.

На «Пруте» погибли минный офицер лейтенант Александр Владиславович Рогуский, 1-й вахтенный начальник мичман Константин Сергеевич Смирнов, боцман Коллюжный, 25 матросов и судовой священник, иеромонах отец Антоний (Василий Смирнов) [3, с. 134-140; 40, с. 28-30]. Могилей всем им, по-видимому, стало море, поскольку сбором тел погибших заниматься было некому. Часть моряков «Прута» была поднята из воды немцами и попала в плен, а оставшиеся члены экипажа на переполненных до предела плавсредствах ушли на веслах к берегу, где были встречены подводной лодкой «Судак» и переданы на госпитальное судно «Колхида».

Погибших на эскадренном миноносце «Лейтенант Пущин» моряков похоронили на Михайловском кладбище. Позднее здесь установили памятник в виде скалы из диорита с эпитафией: *«Памяти нижнихъ чиновъ / эскадреннаго миноносца / «Лейтенантъ Пущинъ» / доблестно погибшихъ въ бою / во время атаки 3-хъ миноносцевъ IV дивизиона / на германно-турецкій крейсеръ «Гебень» / въ 7[...] утра 16 октября 1914 года. / Убиты и покоятся здѣсь: / кочегаръ II статьи Никифоръ Цурканъ / сигнальщикъ Адольфъ Велижинскій / матросъ I ст. Леонтій Литвиновъ / “ I ст. Иванъ Баранъ / “ II ст. Карпъ Щербина. / Пропали во время боя безъ вѣсти (утонули): / сигн. боцманматъ Кондратъ Данюкъ / матросъ I ст. Поликарпъ Пустовитъ».*

Противостояние с «Гебеном» продолжилось в бою у мыса Сарыч 5 ноября 1914 года. Главная роль в артиллерийской дуэли была уготована линкору «Евстафий». На него же пришелся и основной удар орудий «Гебена».

Во время боя на «Евстафии» было убито 4 офицера: лейтенант Мязговский Евгений Александрович, мичманы Эйлер Николай Владимирович, Григоренко Сергей Аполлонович¹, Семенов Николай Николаевич и 29 матросов. Ещё 24 матроса были ранены, из них 19 – тяжело [40, с. 48-49; 83, с. 351; 6, с. 1-20]. Командир батареи нестрелявшего борта «Евстафия» мичман Гнилосыров Николай Павлович, раненый в 16-м каземате осколком от разрыва на противоположном борту снаряда из 4-го залпа «Гебена» [58, л. 52-54], скончался в Севастопольском морском госпитале 6 ноября 1914 г. [84., л. 82 об.-83].

8 ноября на Михайловском кладбище состоялись торжественные похороны погибших. Погребальная процессия при большом стечении народа двинулась от Никольского собора по Екатерининской улице к Графской пристани (Рис. 2, 3), а оттуда – на Северную сторону.

После заупокойной литургии в Адмиралтейском Николаевском соборе тела двух погибших в этом бою офицеров – лейтенанта Е.А. Мязговского и мичмана С.А. Григоренко, в тот же день были отправлены в Николаев [11, с. 197-198]. Останки мичмана Семенова отправлены для погребения в Воронеж, а мичмана Эйлера – в Петроград² [63, с. 2].

В метрической книге Адмиралтейского Николаевского собора записано о захоронении мичмана Н.П. Гнилосырова на «общем городском кладбище». В 2007 г. во время полевых обследований старого севастопольского городского кладбища была выявлена надпись над входом в погребальную камеру безымянного разорённого склепа, расположенного на центральной аллее кладбища: *«Миръ праху твоему павший смертью героя / в бою на корабль Евстафій».* Надпись вырезана на полированной мраморной плите (повреждена). На ней же, по-видимому, располагалась металлическая накладная табличка с фамилией погибшего, от которой остались лишь крепёжные отверстия. Сложенный из крымбальского камня, склеп украшен барельефными изображениями георгиевских крестов (Рис. 4).

¹ Согласно записи в метрической книге Адмиралтейского Николаевского собора, мичман Григоренко С.А. скончался от ран, полученных в бою 6 ноября 1914 г. [84, л. 82 об.-83].

² В метрической книге ошибочно записано, что тело мичмана Эйлера отправлено в Воронеж, а мичмана Семенова в Варшаву [84, л. 81 об.-82].

Можно утверждать, что в склепе был похоронен мичман Н.П. Гнилосыров (Рис. 5). Семья Гнилосыровых с конца XIX в. проживала в Севастополе. Его отец – Павел Федорович Гнилосыров, служил помощником агента РОПиТ, затем бухгалтером городской управы, а в 1911 г., после 15 лет службы, вышел по болезни в отставку. Он лишь на год пережил сына, скончался 16 ноября 1915 г. и был похоронен на городском кладбище [25, с. 1]. В Севастополе у мичмана Гнилосырова остались мать и жена.

В 1915 г. на Михайловском кладбище в одной ограде с братской могилой моряков «Евстафия» появилась могила скоропостижно скончавшегося 23 марта командира корабля капитана 1 ранга Валерия Ивановича Галанина. По ходатайству командующего Черноморским флотом А.А. Эбергарда, учитывая заслуги покойного и его большую семью, оставшуюся без кормильца, В.И. Галанину уже посмертно было присвоено звание контр-адмирала. Памятник на его могиле был сооружен на собранные средства (Рис. 6), а оставшуюся сумму решено было потратить на надгробие нижним чинам, погибшим в бою с «Гебенем». Однако этот проект так и не осуществился. При застройке в 1980-х годах Михайловского кладбища надгробие В.И. Галанину и памятник с братской могилы экипажа эскадренного миноносца «Лейтенант Пущин» без перезахоронения останков были перенесены на Братское кладбище воинов Крымской войны.

Утраченными оказались и захоронения матросов, погибших при взрыве линейного корабля «Императрица Мария» 7 октября 1916 года. Моряков хоронили партиями, могил было, по-видимому, несколько. В разных источниках приводится различное количество погребенных [2, с. 412; 10, с. 173]. Однако в заключении комиссии по делу о гибели линкора указано, что из экипажа корабля погибли: инженер-механик мичман Игнатъев, 2 кондуктора и 223 нижних чина. Из числа спасенных в госпитале скончалось от ран и ожогов ещё 82 человека [10, с. 175-176]. Это была трагедия не только для флота, но и для всего Севастополя. Капитан 2 ранга А.П. Лукин так описывал прощание с погибшими моряками: *«Похороны были потрясающими. Провожал весь город. Гудели колокола всех церквей. Гробы утапали в цветах»*. Даёт он и описание памятника на Михайловском кладбище: *«На северном берегу большого рейда высится одинокий курган. Над ним, обращенный к морю – огромный, видимый издали, деревянный крест «Братская могила «Императрицы Марии»»* [41, с. 72]. Увы, сегодня ничто в Севастополе не напоминает о полной героизма и самопожертвования борьбе моряков за жизнь корабля и своих товарищей.

12 апреля 1916 года, во время эскортирования линкора «Императрица Мария», на траверзе бухты Камышевой подорвался на mine, выставленной германской подводной лодкой, эскадренный миноносец «Живучий». Переломившийся пополам корабль почти сразу затонул. Из 65 человек команды смогли спастись только 37. В результате взрыва, произошедшего под котлами, погибли все кочегары и почти вся машинная команда. Из пяти офицеров погибли трое: лейтенант Иванов Игорь Евгеньевич, мичман Богоявленский Алексей Сергеевич и лейтенант Гнилосыров Александр Иванович. Последний, вместе с двумя матросами, скончался от ран в Севастопольском морском госпитале. Похоронили моряков с «Живучего» 15 апреля также на Михайловском военном кладбище [90, л. 386 об.-887].

12 августа 1916 г. эскадренный миноносец «Поспешный», участвовавший в операции по бомбардировке Варны гидросамолетами, при возвращении в Севастополь, подвергся атаке самолетов противника, получив повреждения палубы и дымовой трубы. При этом 8 человек погибли, 20 получили ранения. Шестеро из скончавшихся были похоронены на Михайловском военном кладбище [90, л. 390 об.-392]. Но погребали на севастопольских кладбищах не только военных моряков.

В 1915 г. русский театр военных действий оказался главным театром мировой войны. Уже к концу 1914 года стало ясно, что война, на скорое и победоносное завершение которой многие в России надеялись, приняла затяжной характер. Позиционные бои уносили всё новые и новые жизни. На страницах издававшейся в Севастополе газеты «Крымский вестник» всё чаще появлялись объявления о гибели севастопольцев.

6 сентября 1914 г. на городском кладбище состоялись похороны убитого на фронте полковника 55-го Подольского пехотного полка Александра Ивановича Карташева, служившего до войны в 49-м пехотном Брестском полку.

В далёкой Франции погиб ушедший на фронт добровольцем студент медицинского университета Филипп Яковлевич Цвибак, сын известного севастопольского зубного врача Я.М. Цвибака [19, с. 1]. Панихида о нём была отслужена в севастопольской синагоге.

31 мая 1915 г. газета сообщила о гибели в бою уроженца Севастополя подполковника Всеволода Дмитриевича Писаревского, гроб с телом которого должен был прибыть в Севастополь для погребения [19, с. 1, 3]. В.Д. Писаревский родился в Севастополе, долгое время служил в 50-м пехотном Белостокском полку, был участником Русско-японской войны. Выйдя в отставку, проживал в городе вместе с престарелыми родителями, братом и сестрами. С началом Первой мировой войны он вновь поступил на службу и был зачислен в пехотный полк. После ранения в апреле 1915 г. Всеволод Дмитриевич находился на излечении в севастопольском госпитале Красного Креста, но, едва оправившись от ран, вновь вернулся на фронт.

1 мая 1915 г. на севастопольском городском кладбище состоялись похороны поручика Василия Ивановича Жегалова, скончавшегося 17 мая в Варшавском лазарете от полученной в бою раны. Воспитанник Константиновского реального училища, он перешел в 5-й класс гимназии в Бердянске, после окончания которой поступил в Одесское военное училище. Службу в армии начал в стрелковом полку, в котором 7 месяцев воевал на германском фронте, командуя ротой [20, с. 3].

На городском кладбище сохранился фамильный склеп Василькиоти. Над ним установлен памятник жене севастопольского священника Митрофана Никифоровича Василькиоти Ольге Федоровне (1850–09.02.1911) и их сыну с эпитафией: *«Капитан / 50 Бьлостоксаго полка / Петр Митрофановичъ / Василькиоти / Убитъ въ бою / въ Карпатахъ / 4 Апрелья 1915 г. / на 41 году»*.

В годы войны в Севастополе были развернуты 1-й и 2-й крепостные временные госпитали. Скончавшихся в них от болезней военнослужащих хоронили на Михайловском военном и городском кладбищах соответственно. Умерших в Севастопольском Морском госпитале погребали на кладбище Корабельной стороны (в Доковом овраге) и на городском кладбище. Наряду с этим в городе действовало несколько госпиталей и лазаретов Красного Креста.

Число потерь русской армии оказалось столь велико, что в масштабах страны встал вопрос о создании в крупных городах особых кладбищ или выделении отдельных участков на старых некрополях для захоронения погибших на полях Первой мировой войны, а также скончавшихся в больницах и лазаретах воинов.

Деятельность по созданию таких мемориальных кладбищ была возложена на организованное в апреле 1915 г. Всероссийское общество памяти воинов русской армии, павших в войну 1914–1915 гг. с Германией, Австрией и Турцией. Общество собирало сведения об устройстве в городах братских кладбищ, интересовалось вопросами их содержания, порядком регистрации погребаемых на них воинов, а также местами захоронения участников войны в городах, не имеющих братских кладбищ.

Наряду с этим, Александровский комитет о раненых, занимавшийся оказанием помощи военнослужащим-инвалидам и семьям погибших или умерших от ран, высказывался за сооружение часовен, крестов, памятников для увековечивания памяти о жертвах войны [11, с. 193].

В 1915 г. на севастопольском городском кладбище была построена часовня, освященная во имя архистратига Михаила. Под ней располагались 36 склепов, встроенных в западный склон Кладбищенской балки. Можно лишь предположить, что часовня со столь большим количеством склепов могла предназначаться для погибших воинов, поскольку проект её, выполненный городским архитектором Чистовым, был разработан ещё в 1912 году [42, с. 39-40]. К тому же на территории кладбища сохранилось несколько отдельных воинских захоронений 1915-1916 годов.

Особую группу погибших составляли авиаторы. В гарнизон Севастополя входили авиационные и воздухоплавательные части, а также Севастопольская школа авиации. Несовершенство авиационной техники, недостаток опыта у пилотов зачастую приводили к гибели летчиков и членов экипажа не только в ходе боевых действий, но и в авиакатаст-

рофах. Захоронения совершались как на Михайловском военном, так и на городском кладбище. Так, известно о погребении на последнем военных летчиков мичманов Б.Д. Светухина и Н.Я. Цывинского, авиационного механика С.А. Починка. Надгробные памятники им не сохранились, но могила Б.Д. Светухина локализуется по дореволюционной фотографии (Рис. 7) рядом с сохранившимся надгробием экипажа подводной лодки «Камбала». Для остальных захоронений можно лишь примерно указать район некрополя, где погребали летчиков и в более позднее время. Фрагмент клёпаной латунной окантовки четырехлопастного винта, использовавшегося в качестве надгробного памятника авиаторам, был обнаружен в костре при обследовании старого городского кладбища в апреле 2010 года. Захоронения авиаторов на Михайловском военном кладбище полностью утрачены. Единственное сохранившееся надгробие в виде винта находится ныне в экспозиции Музея героической обороны и освобождения Севастополя.

В ноябре 1915 г. в ответ на циркулярное письмо представителя Всероссийского общества памяти воинов русской армии генерал-адъютанта Н.В. Рузского Севастопольский градоначальник контр-адмирал С.И. Бурлей предложил на заседании Севастопольской городской думы рассмотреть вопрос о создании братских кладбищ в Севастополе и Балаклаве [35, с. 4]. Мы не знаем, какой вердикт вынесла Севастопольская городская дума. Вероятно, захоронения погибших на фронтах Первой мировой войны продолжались на Михайловском военном и Севастопольском городском кладбищах. Балаклавское же городское управление в декабре 1916 года постановило устроить в Балаклаве братское кладбище для умерших от ран и болезней воинов. Для этого в северо-западной части городского кладбища Балаклавы было отведено место на 30-40 могил. Наблюдение за кладбищем и регистрация погребенных воинов были поручены балаклавскому кладбищенскому комитету, которому для этой цели на первое время выделялось 50 рублей [37, с. 4]. Выяснить, удалось ли реализовать это постановление, не представляется возможным, поскольку от старого балаклавского кладбища почти ничего не осталось.

Отдельные захоронения участников Первой мировой войны совершались и на других кладбищах города. Так, 30 ноября 1915 г. на кладбище Херсонесского монастыря рядом со своей матерью был похоронен скончавшийся от воспаления легких капитан 1 ранга Сергей Александрович Берх (12.11.1874-27.11.1915) [88, л. 152 об.-153; 26, с. 3]. Участник Русско-японской войны (был ранен в бою на крейсере «Рюрик»), с началом Первой мировой он 11 августа 1914 г. поступил из отставки на службу и был зачислен в Черноморский флотский экипаж помощником начальника охраны рейда. Командуя миноносцем, С.А. Берх совершил около 10 боевых походов для обстрела побережья Турции и уничтожения турецких судов, участвовал в боях с германо-турецкими крейсерами «Бреслау» и «Гебен».

Лиц магометанского вероисповедания хоронили на мусульманском кладбище, организованном в 1905 г. рядом с комплексом караимского и еврейского кладбищ. Некрополь был закрыт и пущен под застройку после депортации в 1944 г. крымских татар.

Первая мировая война стала катализатором многих социально-экономических процессов и неразрешенных противоречий, накопившихся в Российской империи, что закономерно привело к двум революциям 1917 года. Процессы демократизации Черноморского флота, начавшиеся после Февральской революции, спровоцировали катастрофическое падение в войсках дисциплины и рост негативного отношения к офицерам.

7 июня 1917 г. в Севастополе, по решению делегатского собрания матросов, солдат, офицеров и рабочих, были обезоружены все офицеры армии и флота. Пятеро, отказавшиеся сдать оружие, арестованы, адмирал Колчак демонстративно выбросил своё оружие в море [77, с. 40].

30 ноября 1917 г. в Сулине (Румыния) при попытке ареста был убит командой Западного района Службы связи Черного моря начальник района лейтенант Скаловский Александр Митрофанович. По просьбе родных тело для погребения было доставлено в Севастополь на пароходе «Витязь» [60, л. 18].

Не имея возможности подробно остановиться на особенностях сложной, постоянно меняющейся внутривойсковой обстановки в Севастополе того времени, хочется отме-

тить, что перекладывать всю вину за события декабря 1917 г. – февраля 1918 г. исключительно на большевиков было бы неправомерно. Этому противоречат сохранившиеся документы.

С самого начала командование Черноморского флота и эсеро-меньшевистское большинство Севастопольского совета категорически выступали против отправки матросских отрядов на борьбу с контрреволюционными выступлениями. В то же время 10 декабря 1917 г. в город были доставлены тела 18 красногвардейцев, убитых в боях с контрреволюционными войсками Корнилова под Белгородом [77, с. 115].

В начале декабря 1917 г. стали поступать сведения о разгроме на Дону матросских отрядов, направленных на борьбу с контрреволюционным выступлением А.М. Каледина. А вскоре в Севастополе хоронили 56 матросов и рабочих, убитых в боях под станцией Тихорецкой.

21 декабря 1917 г. на Михайловском военном кладбище состоялись похороны четырех красногвардейцев, убитых под г. Александровском [77, с. 120].

14 февраля 1918 г. в Севастополь привезли тела ещё 27 матросов, павших в борьбе с донской контрреволюцией. На следующий день, 15 февраля, их похоронили на Михайловском кладбище [77, с. 138].

Ослабление воинской дисциплины отрицательно сказывалось на боеспособности флота, повышало аварийность эксплуатации техники. Так, 14 марта 1918 г. во время перехода из Одессы в Севастополь, на линкоре «Ростислав» произошел взрыв, вызвавший пожар. В результате двое матросов погибли, 11 человек получили ранения. Корабль своим ходом пришел в Севастополь, умерших похоронили, вероятно, также на Михайловском кладбище [77, с. 150]. Такие случаи ещё более усиливали недоверие к офицерскому составу, провоцировали несанкционированные обыски, аресты и самосуды над офицерами, заподозренными в контрреволюционных настроениях и политической неблагонадёжности.

12 декабря 1917 за критическое замечание в адрес председателя Севастопольского комитета большевиков Н.И. Островской на палубе эскадренного миноносца «Фидониси» был смертельно ранен выстрелом из винтовки кочегаром Коваленко мичман Н.Н. Скородинский. И это несмотря на то, что последний лояльно относился к новой власти и пользовался авторитетом своей команды [4, с. 47; 17. с. 103].

15 декабря 1917 г. на Малаховом кургане без суда и следствия были расстреляны офицеры миноносца «Гаджибей». Тогда же убили ещё 23 человека, подозреваемых в контрреволюционной деятельности.

Если в дни Февральской революции 1917 года в Севастополе удалось не допустить кровавых расправ, то события февраля 1918 г., получившие название «варфоломеевских ночей», стали одной из трагических страниц братоубийственной гражданской войны. Основной удар анархистствующих матросов был направлен на офицерский корпус и состоятельных граждан города. Число жертв до сих пор окончательно не установлено. Родственникам очень немногих убитых в те дни людей удалось похоронить их на городском кладбище. Тела большинства погибших были погружены на баржу и затоплены в море. Подобную практику попытался остановить срочно организованный 16 декабря в связи с кризисом власти в городе Севастопольский военно-революционный комитет, но было уже поздно [4, с. 59, 124; 98, с. 70].

До наших дней на старом городском кладбище сохранилось единственное захоронение этого периода, принадлежащее капитану 1 ранга Алексею Александровичу Антонову. Севастопольский историк В.В. Крестьянников писал, что А.А. Антонов был расстрелян во дворе тюрьмы вместе со второй группой арестованных офицеров в 4 часа утра 23 февраля 1918 года. При этом он ссылался на воспоминания находившегося в заключении В.А. Лидзаря. Однако в опубликованной в том же сборнике статье В.А. Лидзаря об Антонове не упоминается [21, с. 11, 123]. В то же время, по воспоминаниям родных, А.А. Антонов был расстрелян анархистствующими матросами в ночь с 23 на 24 февраля 1918 г. Во время облавы ему дважды удавалось спрятаться на террасе дома № 14 по Ушаковой улице, где жила семья Антоновых. Но когда матросы стали угрожать расправой жене с тремя малолетними детьми, он сдался и был убит тут же, рядом с домом. Об этом на утро его жене,

Марии Михайловне Антоновой, сообщили соседи. Удочерённая в 1916 г. семьёй Антоновых Тамара Алексеевна Антонова (Григорьева), с 1938 г. до своей гибели в 1988 г. проживала в Севастополе. Фотография отца, долгие годы хранившаяся в семейном архиве, была передана в фонды Музея героической обороны и освобождения Севастополя. Памятник на могиле А.А. Антонова и его жены Марии Михайловны Антоновой был поставлен сыном Т.А. Антоновой Алексеем Федоровичем Соловьёвым. Дату рождения деда он, по видимому, не знал и указал 1873 год, как у М.М. Антоновой (1873-1952).

О некоторых захоронениях жертв «варфоломеевских ночей» на севастопольском городском кладбище сохранились записи в метрической книге больничной церкви Христа Спасителя, священником которой в те годы служил уже упоминавшийся Митрофан Василькиоти. Так, из участников Первой мировой войны на городском кладбище были похоронены штабс-капитан И.Н. Доценко и лейтенант инженер-механик Е.Г. Томасевич [4, с. 199, 203].

Учитывая большой интерес исследователей к биографическим сведениям офицеров и классных чинов русской армии и флота, в приложении к статье приведён список 73 участников Первой мировой войны, похороненных в Севастополе (кроме братских захоронений). Из них четверо награждены орденом Святого Георгия 4 степени, ещё четверо – Георгиевским оружием. В списке указаны также лица, скончавшиеся в период войны от болезней и несчастных случаев. Список не полон и ограничен доступными источниками.

Источники и литература.

1. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1913 год. Севастополь, 1913. 216 с.
2. Боевая летопись русского флота / Под ред. Н.В. Новикова. М.: Воениздат, 1948. 490 с.
3. Варнек П.А. Последние минуты минного заградителя «Прут» // Гангут. 1997. № 12-бис. С. 134-140.
4. Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917 – февраль 1918 гг.: Документы и материалы / Сост. В.В. Крестьянников, Н.М. Терещук. Севастополь, 2009. 284 с.
5. Веникеев Е.В. Родина – сыновьям. Мемориал Братское кладбище: Информационно-методический материал для членов Общества охраны памятников истории и культуры. Севастополь, 1990. 99 с.
6. Виноградов С.Е. Первое сражение линейных сил в Великой войне: бой у мыса Сарыч 5/18 ноября 1914 г. (новые источники и новое прочтение) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. Специальный выпуск III. Военно-морская история (от эпохи Великих географических открытий до Первой мировой войны). Ч. I. С. 1-20 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.milhist.info/2014/12/26/vinogradov>
7. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920: Библиографический справочник / Отв. сост. В.М. Шабанов. М.: Русский Мир, 2004. 956 с.
8. ГАГС. Ф. 26. Оп. 1. Д. 5.
9. ГАРК. Ф. 142. Оп. 5. Д. 117.
10. Грибовский В.Ю. Российский флот на Черном море. Страницы истории. 1696-1924 гг. СПб., 2012. 200 с.
11. Губская Т.Н. Город мраморных ангелов: Очерки. Николаев, 2010. 362 с.
12. Козлов Д.Ю. «Странная война» в Черном море (август-октябрь 1914 года). М., 2009. 223 с.
13. Книга памяти «Черноморский флот в Великой войне 1914-1918 годов» / Сост. А.И. Григоров. М.: ООО МИД, 2014. 412 с.
14. Крестьянников В.В. Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006. С. 177-199.
15. Крестьянников В.В. Крепость Севастополь во 2-й половине XIX - начале XX вв: статьи разных лет. Севастополь, 2008. 100 с.
16. Крестьянников В.В. Некрополь Херсонесского монастыря // Прошлое Севастополя в архивных документах. Севастополь, 2011. С. 92-95.
17. Кришевский Н. В Крыму (1916-18 гг.) // Архив Русской Революции. В 22-х т. М., 1992. Т. 13. С. 71-124.
18. Крымская книга памяти Великой войны 1914-1918 годов / Сост. А.И. Григоров. Т. I. М.: ООО МИД, 2014. 749 с.
19. Крымский вестник. 1915, 31 мая, № 138 (8449).
20. Крымский вестник. 1915, 2 июня, № 140 (8451).
21. Крымский вестник. 1915, 25 июня, № 163 (8474).
22. Крымский вестник. 1915, 8 июля, № 175 (8486).
23. Крымский вестник. 1916, 19 июля, № 184 (8833).
24. Крымский вестник. 1915, 13 ноября, № 296 (8607).
25. Крымский вестник. 1915, 18 ноября, № 301 (8612).
26. Крымский вестник. 1915, 3 декабря, № 315 (8626).
27. Крымский вестник. 1915, 5 декабря, № 317 (8628).

28. Крымский вестник. 1916, 25 февраля. № 51 (8700).
29. Крымский вестник. 1916, 6 мая, № 115 (8764).
30. Крымский вестник. 1916, 8 мая, № 117 (8766).
31. Крымский вестник. 1916, 19 июля, № 184 (8833).
32. Крымский вестник. 1916, 17 сентября, № 239 (8888).
33. Крымский вестник. 1916, 7 октября, № 258 (8907).
34. Крымский вестник. 1916, 24 октября, № 274 (8923).
35. Крымский вестник. 1916, 19 ноября, № 300 (8949).
36. Крымский вестник. 1916, 19 декабря, № 328 (8977).
37. Крымский вестник. 1916, 25 декабря, № 333 (8982).
38. Летопись войны 1914-1915 гг. 1915. № 43.
39. Летопись войны 1914-1915-1916 гг. 1915. № 84.
40. Лукин А.П. Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. Т. I. Париж, 1934. 191 с.
41. Лукин А.П. Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. Т. II. Париж, 1934. Париж, 1934. 192 с.
42. Малиновская О.И. Культурные сооружения старого севастопольского городского кладбища // Тезисы докладов и сообщений XIV Международной конференции по истории религии и религиоведению (Севастополь 27-31.05.2012). Севастополь, 2012. С. 39-40.
43. Малиновская О.И. Отклик на публикации А.Е. Осташевского // Новый часовой. 2010. № 19-20. С. 409-418.
44. Нешкин М. С., Шабанов В. М. Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006. 357, [2] с.
45. Новое время. 1914, 26 октября.
46. Новое время. 1914, 13 декабря, № 13922.
47. Новое время. 1915, 14 февраля, № 13983.
48. Новое время. 1915, 13 июня, № 14100.
49. Осташевский А.Е. Севастопольское кладбище на улице Пожарова. Захоронения военных // Новый часовой. 2002. № 13-14. С. 399-404.
50. Осташевский А.Е. Севастопольское кладбище на улице Пожарова. Дополнения и исправления // Новый часовой. 2006. № 17-18. С. 331-334.
51. Павлов, Л. И. Тебе, Андреевский флаг / А. В. Зернин, Л. И. Павлов, Н. П. Солодков. М.: Вече, 2008. 414 с.
52. Разведчик. 1914, 23 сентября, № 1247.
53. Разведчик. 1914, 18 ноября, № 1255.
54. Разведчик. 1915, 14 апреля, № 1275.
55. Разведчик. 1915, 25 августа, № 1294.
56. Разведчик. 1916, 29 марта, № 1325.
57. Разведчик. 1916, 27 сентября, № 1351.
58. РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 385.
59. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1921.
60. РГА ВМФ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 202.
61. Сведения из послужного списка капитана 1 ранга А.А. Антонова, хранящегося в РГАВМФ, предоставлены Ф.К. Саберовым // Сайт журнала «Кортик». Режим доступа: <http://kortic.borda.ru/?1-4-0-00000096-000-0-1-1391873923>
62. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, на 1914 год. Ч. 8. СПб., 1914. С. 1-558.
63. Русская Ривьера. 1914, 11 ноября, № 254.
64. Русское слово. 1915, 11 января, № 8.
65. Русское слово. 1915, 24 февраля, № 44.
66. Русское слово. 1915, 18 марта, № 63.
67. Русское слово. 1915, 1 апреля, № 73.
68. Русское слово. 1915, 7 апреля, № 78.
69. Русское слово. 1915, 15 апреля, № 83.
70. Русское слово. 1915, 21 апреля, № 90.
71. Русское слово. 1915, 29 апреля, № 97.
72. Русское слово. 1915, 13 мая, № 108.
73. Русское слово. 1915, 18 мая, № 113.
74. Русское слово. 1915, 19 июля, № 166.
75. Русское слово. 1915, 23 июля, № 169.
76. Русское слово. 1915, 30 июля, № 175.
77. Севастополь: Хроника революций и гражданской войны 1917-1920 гг. / Сост., науч. ред. и коммент. В.В. Крестьянникова. Симферополь, 2005. 294 с.
78. Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1910 г. СПб., 1911. 1663 с.

79. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства. Издание статистического отделения Главного Морского Штаба январское 1914 года. СПб., 1914.
80. Список подполковникам по старшинству. Ч. I, II и III. Составлен по 15-е мая 1913 г. СПб., 1913. LXIX, 1586 с.
81. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914.. СПб, 1914. LXVII. 1439 с.
82. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. 564 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2307.html#_fnref4
83. Флот в первой мировой войне // Под ред. Н.Б. Павловича. Т. 1. Действия русского флота. М., 1964. 647 с.
84. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1598. МК АНС на 1914 г.
85. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1609. МК Братского кладбища на 1914 г.
86. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1712. МК 2-го Севастопольского крепостного временного госпиталя на 1914 и 1915 г.
87. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1761. Метрическая книга Братского кладбища на 1915 г.
88. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1763. Метрическая книга Адмиралтейского Николаевского собора на 1915 г.
89. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1792. Метрическая книга церкви Черноморского флотского экипажа.
90. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1799. Метрическая книга Митрофаниевской церкви на 1916 г.
91. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1803. Метрическая книга Михайловской церкви на 1916 г.
92. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1830. Метрическая книга Братского кладбища на 1916 г.
93. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1846. Метрическая книга АНС на 1916 г.
94. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1919. Метрическая книга Церкви Севастопольского южного крепостного гарнизона на 1916 г.
95. Шавшин В.Г. Имя дома твоего. Книга II. Киев-Севастополь, 2012. 384 с.
96. Шавшин В.Г. Каменная летопись Севастополя. Севастополь-Киев, 2003. 319 с.
97. Шавшин В.Г. Севастополь в истории Крымской войны. Севастополь-Киев, 2004. 304 с.
98. Шрамченко Я.В. «Жуткие дни...». Агония Черноморского флота // Морские записки. 1961. № 54. С. 41-80.
99. Южное слово. 1915, 13 января.

Список сокращений.

- ГАГС – Государственный архив города Севастополя
ГАРК – Государственный архив Республики Крым
РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
РОПиТ – Русское общество пароходства и торговли
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

**УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ,
ПОХОРОНЕННЫЕ В СЕВАСТОПОЛЕ В 1914–1918 ГГ.¹**

1. **Алеамбаров Александр Николаевич** (27.11.1891–26.12.1914), мичман (05.10.1912), вахтенный начальник ЭМ «Лейтенант Шестаков», убит при уничтожении турецких парусных судов в бухте Сурмене (Эрекли), во время обстрела турецкой пехотой шлюпки, посланной с миноносца; похоронен 10.01.1915 на СГК [64; 99; 48, с. 7].
2. **Александрович Иван Иванович** (21.07.1886–02.05.1915), штабс-капитан (03.08.1913), младший офицер Севастопольского крепостного авиационного отряда, начальник Владивостокского крепостного авиационного отряда (09.12.1914), летчик, начальник 2-го Сибирского авиационного отряда (1915); ск. от ран, полученных 29.04.1915 в аварии при перелете на аэродром г. Стрый (Галиция); посмертно награжден орд. св. Георгия 4 ст. (01.09.1915), произведен в капитаны (18.02.1916); 11.05.1915 погребен на МВК [87, л. 33 об.-34; 44].
3. **Антонов Алексей Александрович*** (11.08.1868–24.02.1918), капитан 2 ранга (10.04.1911), командовал ЭМ «Жуткий», «Живучий», «Жаркий» (23.03.1912–03.03.1914), командир блокшива № 7 (03.03.1914); командирован в г. Одессу в распоряжение командующего Транспортной флотилией, с оставлением в должности (05.03.1915); комендант ТР № 46 (14.03.1915), ТР № 92 (03.04.1915); возвратился на блокшив № 7 (03.06.1915); командирован на Транспортную флотилию (26.10.1915); комендант ТР № 66 (01.01.1916), капитан 1 ранга (06.12.1916); отчислен от Транспортной флотилии (21.08.1916); сдал ТР № 66 (26.08.1916); вернулся на блокшив № 7 (03.09.1916); начальник Северного района Службы связи Черного моря (23.10.1916–24.04.1918); орд. св. Станислава 2-й ст. с мечами «за отличное мужество и прекрасную распорядительность, проявленные в операции флота 13-31 марта 1916 г.» (11.09.1916); убит анархистствующими матросами; (СГК) [61].
4. **Беляков Михаил Семенович** (1873–04.09.1914), участковый врач станции Лозовая Южной железной дороги (1914); лекарь (хирург) 76-й пешей Екатеринославской дружины государственного ополчения, ск. от болезни во 2-м крепостном Севастопольском госпитале; (СГК) [86, л. 3 об.-4; 62, с. 66].
5. **Берх Сергей Александрович** (12.11.1874–27.11.1915), капитан 2 ранга (06.12.1907), капитан 1 ранга (26.10.1915); 11.08.1914 поступил из отставки на службу с зачислением в Черноморский фл. эк. помощником начальника охраны рейда; командир ЭМ «Дерзкий» (27.11.1914); командир ЭМ «Беспокойный» (16.02.1915); ск. от воспаления легких; (КХМ).
6. **Ванин Георгий Онуфриевич** (07.04.1871–...04.1915), подполковник 49-го пех. Брестского полка; пал в бою; погребен в Севастополе 20.04.1915 на СГК [87, л. 32 об.-33; 78, с. 1273; 72; 1, с. 78, 171].
7. **Василькиоти Петр Митрофанович*** (1875?–04.04.1915), капитан 50-го пех. Белостокского полка, произведен за отличия в делах против неприятеля в подполковники (апрель 1915); орд. св. кн. Владимира 4 ст. с мечами и бантом; убит в бою в Карпатах (СГК) [21, с. 3; 22, с. 3; 1, с. 80, 171].
8. **Винтер Франц Андреевич*** (19.08.1866–01.05.1917), капитан 1 ранга (06.12.1910), командир учебного судна «Рион» (05.08.1913), командир линейного корабля «Иоанн Златоуст» (29.09.1914), участник боя 05.11.1914 с линейным крейсером «Гебен»; контр-адмирал «за отличие» (06.12.1916, старшинство в чине с 23.12.1913); начальник учебного отряда ЧФ (06.12.1916); зачислен в резерв чинов ЧФ (17.04.1917); (СГК) [79, с. 84; 14, с. 179].

¹ Первое звание дано на начало Первой мировой войны; приведены награды только за отличие в Первой мировой войне.

Использованные сокращения:

КХМ	– кладбище Херсонесского монастыря
МВК	– Михайловское военное кладбище на Северной стороне
орд.	– орден
пех.	– пехотный
СГК	– Севастопольское городское кладбище (на ул. Пожарова)
ск.	– скончался
ст.	– степени
ТР	– транспорт
фл.	– флотский
ЧФ	– Черноморский флот
эк.	– экипаж
ЭМ	– эскадренный миноносец
*	– памятник сохранился

9. **Вишневецкий Федор Федорович** (28.09.1883–25.04.1916), старший лейтенант (06.04.1914); вахтенный начальник транспорта «Кронштадт» (1913), старший офицер канонерской лодки «Кубанец»; орд. св. Анны 3 ст. с мечами и бантом (1916); утонул в Батуме (покончил с собой); похоронен 07.05.1916 на **СГК** [59, л. 50; 29, с. 1; 30, с. 3; 51, с. 224-228; 13, с. 22].
10. **Волынский Алексей Михайлович** (1887?–08.03.1916), подпоручик 41-го Сибирского стрелкового полка, разбился при падении аэроплана вместе в ефрейтором В.А. Прошиным; (**МВК**) [92, л. 115 об.-116].
11. **Галанин Валерий Иванович** (24.01.1865–23.03.1915), капитан 1 ранга (06.12.1910); командир линкора «Евстафий» (07.12.1911); Георгиевское оружие (16.03.1915); контр-адмирал (25.03.1915); (**МВК**) [88, л. 145 об.-146; 7].
12. **Гнилосыров Александр Иванович** (26.09.1885-12.04.1916), лейтенант (06.12.1912), вахтенный начальник ЭМ «Живучий»; погиб при взрыве ЭМ; (**МВК**) [90, л. 386 об.-887].
13. **Гнилосыров Николай Павлович*** (28.11.1889–06.11.1914), мичман (05.10.1912); смертельно ранен на линкоре «Евстафий» во время боя с линейным крейсером «Гебен» 05.11.1914; скончался от ран в Севастопольском морском госпитале; (**СГК**) [84, л. 82 об.-83].
14. **Горбунов Сергей Германович** (?–01.05.1915), капитан 13-й артиллерийской бригады; 62-й арт. бригады; убит в бою; посмертно произведен в подполковники, награжден орд. св. Георгия 4 ст. (26.08.1916); погребен в Севастополе 15.05.1915 [73; 1, с. 77, 175; 7].
15. **Гринецкий Аполлон Аполлонович*** (1869?–02.10.1914), штабс-капитан, казначей 13-й артиллерийской бригады (1913), старший офицер 6-й батареи; убит в бою у р. Сан; похоронен 11.01.1915 в склепе на **СГК** [88, л. 142 об.-143; 53, с. 805; 47, с. 7].
16. **Гроссман Михаил Федорович** (?–1914), подпоручик, погиб в бою, погребен 21.02.1915 на **СГК** [46, с. 8; 57].
17. **Демешкан Глеб Александрович** (1892?–26.06.1916), подпоручик 83-й Артиллерийской бригады, военный летчик; разбился при падении аэроплана; (**МВК**) [92, л. 116 об.-117].
18. **Доценко Иван Нестерович** (23.06.1870-23.02.1918), подпоручик по адмиралтейству (25.03.1912), вахтенный начальник плавучей тюрьмы (26.10.1913), член комиссии по освидетельствованию строительства и ремонтных работ Севастопольского порта(15.05.1915), поручик по адмиралтейству (10.04.1916), штабс-капитан, вахтенный начальник Блокшива № 9 минной бригады; арестован в начале февраля 1918; убит в севастопольской тюрьме; (**СГК**) [79, с. 627; 4, с. 199, 227].
19. **Дундуков Глеб Константинович** (19.02.1886–10.04.1915), поручик (24.03.1910), переведен по адмиралтейству (01.05.1912), штабс-капитан Севастопольского флотского полуэкипажа; ск. от чахотки; (**СГК**) [89, л. 13 об.-14].
20. **Егоров Вячеслав Александрович** (1887?–12.09.1914), подпоручик 42-го Сибирского стрелкового полка; разбился при падении самолета; (**МВК**) [85, л. 270 об.-271].
21. **Жегалов (Жигалов) Василий Иванович** (1889?–17.05.1915), поручик, командир роты 7-го Сибирского стрелкового полка; скончался в Варшавском лазарете от полученной раны; похоронен 01.06.1915 на **СГК** [20, с. 3].
22. **Запорожский Зиновий Тимофеевич** (?–26.01.1916), капитан 16-го маршевого запасного батальона, Полтавской губернии; ск. от туберкулеза; (**СГК**) [86, л. 19 об.-20].
23. **Золотилов Алексей Федорович*** (04.04.1892, Евпатория – 19.12.1915, д. Раранче, Галиция), прапорщик 75-го Севастопольского полка, подпоручик; орд. Св. Георгия 4 кл. (31.12.1915); (**СГК**) [56, с. 204; 39, с. 1351; 7].
24. **Иванов Владимир Михайлович** (1886?–14.04.1915), поручик 246-го пех. Бахчисарайского полка, убит у д. Единорожец; погребен 03.05.1915 на **СГК** [87, л. 33об.-34].
25. **Иванченко** (?–...05.1915), прапорщик; пал в бою; тело доставлено для погребения в Севастополь 16.05.1915 [73].
26. **Канаки Александр Христофорович*** (03.09.1870–15.03.1915), капитан (1913), подполковник 50-го пех. Белостокского полка; объявлено высочайшее благоволение за отличие в делах против неприятеля; погиб в Карпатах у д. Стежница; посмертно награжден Георгиевским оружием (10.11.1915); (**СГК**) [87, л. 31об.-32; 78, с. 1111; 1, с. 80, 183; 24, с. 3; 7].
27. **Карташев Александр Иванович** (21.11.1858–29.08.1914), полковник (06.12.1910), командир батальона 49-го пех. Брестского полка (1914), командир 55-го пех. Подольского полка; убит на войне; посмертно награжден Георгиевским оружием (24.02.1915); погребен 06.09.1914 на **СГК** [84, л. 81об.-82; 81, с. 697].
28. **Кейм Сергей Иванович** (02.10.1865-17.12.1916), инженер-механик капитан 1 ранга; старший судовой механик линейного корабля «Ростислав»; ск. от разрыва сердца; (**СГК**) [93, л. 216 об.-217; 77, с. 367; 36, с. 1].

29. **Князев Константин** (?-05.01.1916). Доброволец, пал в бою; (СГК) [93, л. 216 об.-217; 32, с. 1].
30. **Козьмин Валерий Сергеевич*** (?-14.09.1914). Мичман; скончался от чахотки в Севастопольском морском госпитале; (СГК) [84, л. 80 об.-81].
31. **Кононович-Горбацкий Михаил Петрович*** (24.11.1880-09.07.1916), капитан (на февраль 1915), полковник Лейб-гвардии Измайловского полка; после полученной контузии 05.02.1915 поступил на лечение в Севастопольский городской институт физических методов лечения; умер от ран; (СГК) [57, с. 621].
32. **Копчев Гавриил Григорьевич** (-28.11.1916), прапорщик 181-го пех. Остроленского полка; убит в бою; 31.12.1916 погребен на СГК [91, л. 188 об.-189].
33. **Коркашвили Георгий Петрович** (23.01.1865-29?08.1916), генерал-майор артиллерии (1909), начальник артиллерии Севастопольской крепости (16.06.1910) [33, с. 1; 15, с. 89].
34. **Коробка Алексей Семенович** (1879?-04.04.1915), прапорщик 50-го пех. Белостокского полка; убит в бою у д. Смольник (Австрия); погребен 15.04.1915 на СГК [87, л. 32 об.-33].
35. **Кундобин Петр Алексеевич** (29.06.1883-22?10.1916), инженер-механик старший лейтенант (28.03.1913) Черноморского фл. эк., авиация Черного моря; ск. от болезни; погребен 24.10.1914 рядом с отцом; (СГК) [79, с. 426; 34, с. 1].
36. **Мартос Сергей Николаевич** (1893?-09.05.1916), прапорщик Севастопольской крепостной артиллерии; застрелился; (СГК) [94, л. 115 об.-116].
37. **Миркович Борис Григорьевич** (28.05.1890-06.08.1915), лейтенант (06.04.1914), вахтенный начальник линкора «Императрица Мария»; убит наповал упавшей шлюпбалкой 6-весельной шлюпки № 1 при уборке ее по-боевому на борту линкора; (СГК) [88, л. 150 об.-151].
38. **Мозер Виктор Петрович** (1882?-07.05.1915), штабс-капитан 50-го пех. Белостокского полка; убит в бою у д. Златковице (Галиция); погребен 19.05.1915 на СГК [87, л. 33 об.-34].
39. **Мысик Александр Никанорович** (1895?-01.12.1916), прапорщик 46-го пех. Днепровского полка; ск. от аппендицита во 2-м крепостном временном госпитале; (СГК) [91, л. 188 об.-189].
40. **Пекуш Иван Макарович** (1879?-01.03.1915), поручик 50-го пех. Белостокского полка (1913); штабс-капитан 246-го пех. Бахчисарайского полка; за отличия в делах против неприятеля произведен в капитаны (1915); пал в бою у д. Единорожец; погребен 31.03.1915 на СГК [87, л. 31 об.-32; 1, с. 196; 67; 19, с. 3].
41. **Переведенцев Петр Михайлович** (1871?-17.11.1915), штабс-капитан 474-й пешей Екатеринославской дружины государственного ополчения; ск. от порока сердца; (МВК) [87, л. 35 об.-36].
42. **Песочинский Михаил Васильевич** (1889?-22.03.1915), прапорщик 235-го пех. Белебеевского полка, житель Тамбова; ск. от туберкулеза; (СГК) [86, л. 9 об.-10].
43. **Писаревский Всеволод Дмитриевич** (10.02.1866-24.05.1915), подполковник пех. полка, ранен в конце марта 1915 г.; убит в бою; (СГК) [78, с. 404; 68; 19, с. 3].
44. **Подкуйко Дмитрий Кононович** (1886?-23.03.1915), поручик 6-го конного Артиллерийского дивизиона; разбился при падении аэроплана; (МВК) [87, л. 31 об.-32].
45. **Поляков Илларион Григорьевич** (?-07.09.1917), капитан, летчик Севастопольской авиационной школы; (МВК) [18, с. 621].
46. **Починок Стефан Авксентиевич** (1890?-27.04.1916), авиационный унтер-офицер; из крестьян Подольской губернии, Балтского уезда, Болваневской волости, с. Лижирички; погиб вместе с мичманом Н.Я. Цывинским во время тренировочного полёта на самолёте М-5; (СГК) [93, л. 209 об.-210].
47. **Прошин Вонифатий Архипович** (1891?-26.06.1916), ефрейтор 18-го корпусного авиационного отряда; разбился при падении аэроплана вместе с подпоручиком Г.А. Демешканом; (МВК) [92, л. 116 об.-117].
48. **Пфейлитцер фон-Франк Всеволод Робертович*** (31.12.1890-18.04.1916), мичман (1912), лейтенант (10.04.1916), ск. от туберкулеза; (СГК) [93, л. 208 об.-209].
49. **Пышнов Алексей Михайлович** (1877?-04.05.1915), капитан 50-го пех. Белостокского полка; убит в бою у д. Златковице (Галиция); посмертно произведен в подполковники и награжден орд. Св. Георгия 4 ст. (17.10.1915), георгиевским оружием (10.11.1915); (СГК) [87, л. 33 об.-34].
50. **Рахильский Александр Маркович** (22.11.1867-07.03.1915), подполковник по адмиралтейству (18.04.1910), заведующий судами, сданными к Севастопольскому порту (04.02.1913); Севастопольский флотский полуэкипаж; ск. от болезни; (СГК) [89, л. 12 об.-13].
51. **Румянцев Порфирий Алексеевич** (10.03.1866-20.02.1915), полковник (06.12.1907), командир 54-го пех. Минского полка (23.11.1913); ск. от чахотки; (МВК) [87, л. 30об.-31; 81, с. 280].

52. **Рыбчинский Александр Андреевич** (11.11.1862–1915), полковник 50-го пех. Белостокского полка (1913); пал в бою; погребен в Севастополе 10.04.1915 [80, с. 594; 1, с. 79; 69].
53. **Самарин Евгений Дмитриевич** (1884?–04.06.1915), прапорщик 7-го корпусного авиационного отряда; погиб в авиакатастрофе; (МВК) [87, л. 34об.-35].
54. **Сафонов Валентин Викторович*** (07.04.1885–02.11.1915), лейтенант (14.04.1913); ск. от чахотки; (СГК) [88, л. 151 об.-152].
55. **Светухин Борис Дмитриевич** (19.11.1889–20.01.1915), мичман (06.12.1911), морской лётчик (15.11.1914), лётчик резервного авиаотряда (1914), лётчик воздушного района Службы связи Чёрного моря (с 20.01.1915); разбился в авиакатастрофе на поплавковом самолёте «Кёртисс-Д» в районе Севастопольской бухты; (СГК) [88, л. 143 об.-144].
56. **Секк Иван Янович** (13.05.1863–11.07.1916), полковник Корпуса фл. штурманов, старший штурман транспорта «Кронштадт»; ск. от болезни в офицерском лазарете Земского союза в станице Эссентукской; (СГК) [79, с. 511; 31, с. 1].
57. **Сеньчуков Николай Дмитриевич** (1885?–...04.1915), поручик 50-го пех. Белостокского полка (1913), штабс-капитан 246-го пех. Бахчисарайского полка; за отличия в делах против неприятеля произведен в капитаны (1915); пал в бою; 09.04.1915 погребен на СГК [87, л. 31об.-32; 1, с. 80, 204; 69; 19, с. 3].
58. **Сербов Николай Иванович** (?–...07.1915), прапорщик; убит в бою; погребен в Севастополе 27.07.1915 [76].
59. **Серебrenников Иннокентий Анатольевич** (1894?–18.02.1916), рядовой из охотников¹ Севастопольской офицерской школы авиации, разбился при падении аэроплана; (МВК) [92, л. 115об.-116].
60. **Скаловский Александр Митрофанович** (10.08.1888–30.11.1917), мичман (06.12.1910), 23.07.1914 переведён на ЭМ «Свирепый»; лейтенант (27.04.1915, старшинство с 01.01.1915); вахтенный начальник ЭМ «Строгий», ревизор ЭМ «Быстрый» (1915); артиллерийский офицер посыльного судна «Алмаз» (1916); начальник Западного района Службы связи Черноморского флота (08.1917); убит в Сулине командой Западного района Службы связи при попытке ареста; погребен 10.12.1917 на СГК [60].
61. **Скородинский Николай Никифорович** (1895–13.12.1917), студент юридического факультета Петроградского университета; 23.09.1915 зачислен гардемарин флота по морской части в роту гардемарин и вольноопределяющихся флота 2-го Балтийского фл. эк.; 06.1917 г. окончил Курсы гардемарин флота; мичман (05.06.1917); ревизор ЭМ «Фидониси» ЧФ. 10.10.1917 зачислен в ЧФЭ (ГМШ № 310); смертельно ранен 12.12.1917 кочегаром Коваленко; ск. в Севастопольском морском госпитале; (СГК).
62. **Смирнов Сергей Никифорович** (1890?–01.02.1915), поручик Севастопольской крепостной артиллерии; ск. от чахотки (МВК) [87, л. 30об.-31].
63. **Сорокин Михаил Тимофеевич*** (05.01.1864–07.07.1915), подполковник (26.02.1912), полковник 49-го Брестского пех. Полка; убит в сражении; похоронен 20.07.1915 на СГК [80, с. 1258; 55, с. 549; 74; 75].
64. **Тимошенко Михаил Иванович** (1894?–06.07.1915), охотник офицерской школы авиации; погиб в авиакатастрофе; (МВК) [87, л. 34об.-35].
65. **Томасевич Евгений Григорьевич** (23.06.1870–15.12.1917), лейтенант инженер-механик; старший инженер-механик ЭМ «Гаджибей»; расстрелян на Малаховом кургане; (СГК) [79, с. 627; 4, с. 203, 254].
66. **Торговицкий Евтихий Александрович** (1882?–13.04.1916), штабс-капитан, комендантский адъютант Штаба Севастопольской крепости; приказом командующего ЧФ награжден орд. св. Станислава 2 ст. «за отлично усердную службу и труды, понесенные по обстоятельствам военного времени»; ск. от болезни; (СГК) [94, л. 114 об.-115; 28, с. 3].
67. **Трофимов** (?–1915), поручик, пал в бою; тело прибыло для погребения в Севастополь 17.03.1915 [66].
68. **Цывинский Николай Яковлевич** (26.01.1892–27.04.1916), мичман (05.10.1913); лётчик Воздушного района Службы Связи Черноморского флота; лётчик Черноморской гидроавиации; орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (15.06.1915). Погиб вместе с механиком - авиационным унтер-офицером С.А. Починком во время тренировочного полёта на самолёте М-5; (СГК) [93, л. 208об.-209].
69. **Чекалов Александр Никифорович** (16.03.1882–...10.1915), подьесаул (1911) 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, военный лётчик; погребен 26.10.1915 на СГК¹ [18, с. 621].

¹ Охотники - лица в возрасте от 18 до 43 лет, добровольно пошедшие на военную службу. Принимались из числа лиц, подлежащих воинской повинности, но еще не явившихся к её исполнению, освобожденных или получивших отсрочки поступления на службу, состоящих в ополчении 2-го разряда, тех, на кого не распространялось действие устава о воинской повинности, а также отставные нижние чины.

70. **Черкашин Александр Прокофьевич*** (02.09.1892–17.10.1916), поручик; выпускник Севастопольского Константиновского реального училища (1914); в июле 1915 находился на излечении в лазарете акционерного общества Тюдор (Петроград); пал в бою; (СГК) [8, л.126; 74].
71. **Шейхулинов-Гонных Изет-Улла** (?–05.1915), прапорщик; скончался от ран; погребен в Севастополе 12.05.1915 (Магометанское кладбище?) [72].
72. **Эрикс Сергей Николаевич** (1871?–11.12.1914), капитан 190-го пех. Очаковского полка, ск. от ран, полученных в бою; погребен в Севастополе 14.04.1915 (МВК) [87, л. 32 об.-33; 67; 70; 54; 38, с. 695].
73. **Юрченко Алексей Иванович** (1881?–05.03.1915), штабс-капитан 246-го пех. Бахчисарайского полка, ск. от раны, полученной в бою у д. Единорожец; погребен 05.03.1915 на СГК [87, л. 32 об.-33].

¹ По другим сведениям, А.Н. Чекалов был похоронен на кладбище станицы Чепигинской. См.: Мишина А. В станице Чипигинской установлен и освящен памятник земляку, авиатору, герою Первой мировой войны Александру Чекалову // Кубанский казачий вестник. 2013, 24 августа. № 153 (5459). С. 9.

Рис. 1. Михайловское старое (1) и новое Михайловское военное кладбище (2) на Северной стороне Севастополя. Фото 1942 г.

Рис. 2. Похороны моряков линкора «Евстафий». Войска гарнизона и жители города перед Адмиралтейским Николаевский собором на ул. Екатерининской. 8 ноября 1914 г.

Рис. 3. Похоронная процессия на пути к Графской пристани. 8 ноября 1914 г.

**Рис. 4. Склеп Гнилосыровых на старом сева­сто­поль­ском городском кладбище.
Фото 2010 г.**

Рис. 5. Мичман Н.П. Гнилосыров

Рис. 6. Михайловское кладбище. Панихида у памятника контр-адмиралу В.И. Галанину на братской могиле экипажа линкора «Евстафий». 1916 г.

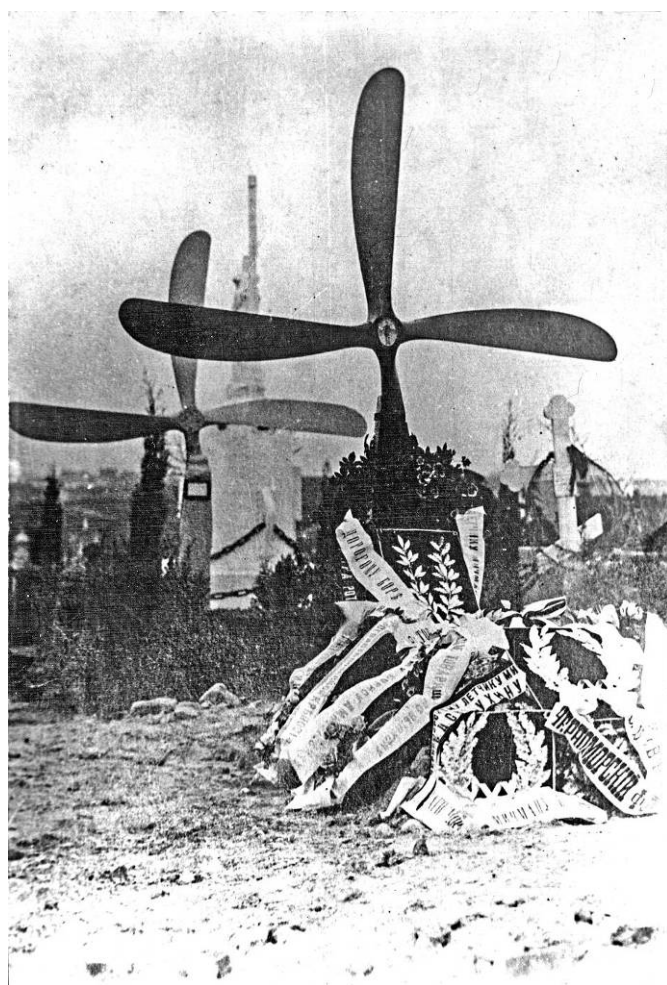

Рис. 6. Севастопольское городское кладбище. Памятник на могиле мичмана Б.Д. Светухина. 1915 г.

ГИДРОТЕХНИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ НА РЕКЕ ЧЕРНОЙ В НАЧАЛЕ 30-Х ГГ. XIX – КОНЦЕ 20-Х ГГ. XX ВВ.

НЕДЕЛЬКИН Е.В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Река Черная (Акерманка, Биюк-Узень, Инкерманка, Казикли-Узень, Казыклы-Озен, Кирмень, Чер-Су, Чоргун, Чоргуны) начинается у с. Родниковое (Байдарская долина) мощным Скельским источником. Длина реки составляет – 41 км, площадь бассейна – 436 км², объем стока – 75,3 млн. м³, поверхностный сток – 34,4 л/сек км², средний многолетний расход реки – 2,01 м³/сек. В 1956 г. был завершен первый этап сооружения Чернореченского водохранилища, а в 1979–1984 гг. плотина была увеличена еще на 8 м. В итоге площадь его зеркала составила 6,4 км², объем – 64,2 млн. м³, длина – 3,45 км, длина плотины – 1274 м, высота плотины – 36 м. В районе Черноречья (быв. Чоргунь) в р. Черную впадают два притока: слева Сухая Речка (Ксеро-Потамос, Куру-Узень, Варнутка, Грюнтзен) длиной 12 км, а справа – Ай-Тодорка (Ай-Тодор, Шули) длиной – 15 км [5, с. 63; 23, с. 80].

В начале 1830-х гг. недалеко от Чоргуня, при активном участии адмирала М.П. Лазарева [29, с. 138], началось сооружение плотины и водопровода для обеспечения водой кораблей и доков базы Черноморского флота – Севастополя. Хотя первые попытки определения возможности строительства водопровода от реки в районе Чоргуня в Севастополь предпринимались еще с конца XVIII в.

28 февраля 1831 г. был высочайше утвержден седьмой по счету проект доков, принадлежавший английскому инженеру на российской службе Джону (Ивану Ивановичу) Уптону [19, с. 275; 20, с. 196]. Для его осуществления 16 марта 1831 г. был образован специальный Комитет под председательством генерал-майора М.Б. Берха [30, с. 46]. В этом же году началось строительство «Докового канала» и каменной плотины на р. Черной. Ее высота составляла около 18,3 м, а сооружение обошлось казне в 26 тыс. руб. серебром. Но весной 1844 г. из-за сильных дождей и таяния снегов был значительно превышен допустимый объем воды в резервуаре, к тому же потоки воды смыли с окрестных гор много грунта, который засорил трубы, предназначенные для отвода воды. В результате, в стене плотины появились трещины, а затем, 2 марта около 11 часов утра она рухнула. Помимо самой плотины, почти полностью был разрушен акведук на р. Черной. Под натиском вырвавшейся воды полностью уничтожены две арки, а третья сдвинулась со своего основания, накренилась и грозила также обвалиться. Вся Инкерманская долина была более или менее затоплена, а в особенности ее низовья, залитые водой более чем на 2 м. Но сильнее всего пострадала местность вблизи Чоргуня [4, с. 505-506; 25, с. 66]. Вырвавшаяся вода затопила все окрестные фруктовые сады, принадлежавшие большей частью грекам [21, с. 313]. Часть садов была уничтожена полностью; луга покрыты камнем, мусором и вырванными фруктовыми деревьями; стоги сена и соломы намочены или унесены потоком. «В довершение всех этих несчастий, в версте от плотины затопило четырех солдат» [4, с. 506]. М.П. Лазарев в письме к своему другу А.А. Шестакову явно преуменьшал последствия случившегося: «прорыв каменной плотины ... не сделал почти никакого вреда окрестным садам, и все это преувеличено было приятелями нашими Греками, с целью воспользоваться, зато вознаграждением от казны, но немного же они успели в том, весь ущерб по самой роскошной оценке оказался в 6 тыс. рублей серебром» [25, с. 65].

Был разработан проект новой плотины, как утверждал М.П. Лазарев, более надежной, но и более дорогостоящей, и отправлен в Санкт-Петербург на утверждение [25, с. 66]. Во время аудиенции вице-адмирала В.А. Корнилова у императора Николая I, которая состоялась 24 февраля 1850 г., речь пошла и о необходимости завершения сооружения водопровода из Чоргуня к докам Севастополя. Относительно вопроса об окончательной подго-

товке водосборной плотины для ввода ее в эксплуатацию, император заметил, что *«на счет бассейна в Чоргуне Я бы рад, да денег нет в настоящее время, скопилось много расходов важнейших»* [17, с. 11-14]. В.А. Корнилов в своем письме М.П. Лазареву, который командировал его в Петербург, указывал, что *«когда коснулось Чоргунского бассейна, то Его Величество пожелал знать, какой план будет новой плотины, на что я отвечать удовлетворительно не мог»* [3, с. 130]. В записке князю А.С. Меншикову об аудиенции вице-адмирал указывал, что на вопрос Николая I о проекте новой плотины для Чоргунского резервуара он ответил, что *«план плотины, кажется, старый, с изменением основания и контрфорсов, и что в с-ть полагаете более безопасным иметь плотину в косвенном направлении к напору воды»* [22, с. 134].

Но как бы там ни было, в отчете Комитета значится, что к 1849 г. основные работы по сооружению новой плотины на р. Черной были завершены. Фундамент плотины выполнен из бутового камня. Внешняя и внутренняя версты стены выложены из тесаного инкерманского известняка [18, с. 180], а пространство между ними – из бутового камня. В верхней части сооружения сделан карниз из тесаного камня. В нижней части плотины находилась чугунная труба с «клапаном в гранитных камнях». По обеим сторонам плотины были построены отводные каналы [22, с. 117].

Из-за сложности рельефа данной местности вода забиралась на правом берегу реки и перебрасывалась на левый по трехарочному акведуку, строительство, а точнее восстановление которого также было завершено к 1849 г. Длина этого моста-акведука 12 м, высота – 8 м, а ширина – 4,5 м. Интересно заметить, что его фундамент поставлен не в грунт, а на дно реки на деревянные сваи. Еще одним важным, для эффективной работы канала сооружением, являлся водоем-накопитель, который находился между Федюхиными высотами и Сапун-горой. Для образования этого резервуара была насыпана земляная плотина, а его дно вымазано глиной. *«В конце же к водопроводному каналу сделан каменный колодец из чисто тесанного по шаблону камня, в коем поставлена на гранитных камнях чугунная труба с клапаном»* [22, с. 117]. В марте 1835 г. М.П. Лазарев, осматривая резервуар, был весьма доволен скоростью его наполнения, отмечая, что самая глубокая его часть наполнилась до 2,7 м, а скорость течения воды достигала 2,8 км/ч [22, с. 15].

После завершения строительства самотечный водопровод представлял собой канал, стены которого местами были глиняными и обложенными дерном, а местами каменными, шириной в 2-3 м и высотой до 1,5 м, дополняющийся пятью акведуками, тремя тоннелями и очистительным сооружением. Длина его составляла около 18,7 км [28, с. 106; 31, р. 143-144]. Забор воды осуществлялся на отметке около 20 м выше уровня моря [21, с. 313].

Кроме того, на всей протяженности водопровода было постоянно 11 «будок» – сторожек. Они были сложены из камня, крыши покрыты листовым железом, покрашенным серо-голубой краской, внутри имелись голландские печи [22, с. 118]. В общем, все это строительство обошлось российской казне в 5 млн. руб. [27, с. 45]. Пуск доков состоялся 16 февраля 1850 г. [29, с. 139], несмотря на возражения М.П. Лазарева, который говорил о незавершенности работ [24, с. 370-371]. Строительство доков было полностью окончено уже после смерти адмирала в 1852 г. [29, с. 139].

Однако еще в процессе строительства водопровода был обнаружен ряд недоработок. Так, из-за ошибок в расчетах, вместо рассчитанного заполнения доков за три дня это занимало три недели. Поэтому, 15 сентября 1842 г. было принято решение построить насосную станцию для подкачки морской воды в доки Севастополя, строительство которой было закончено в 1847 г. [16, с. 254; 28, с. 111]. После того как начал действовать водопровод выяснилось, что в засушливую пору воды в водохранилище на р. Черной не достаточно для обеспечения доков и кораблей. Было принято решение о сооружении еще одного водохранилища на левом притоке р. Черной – Сухой речке, соответствующий проект которого был представлен М.П. Лазареву еще в 1836 г. Вода из этого резервуара должна была подпитывать водохранилище-водозабор. Предполагалось, что в нем может скопиться *«до 17½ миллионов кубических фут воды, сливающейся в большом количестве с гор от дождей и снегов»*. Стоимость его строительства оценивалась в 35637 руб. [22, с. 33]. Автор этого проекта неизвестен, но о том, что он был малоопытным инженером, говорит тот

факт, что построенная в 1852 г. плотина высотой 17 м, толщиной в основании 7,4 м, а по гребню – 2,1 м, из бутового камня на известковом растворе [2, с. 66; 26, с. 336] не выдержала первого наполнения весной 1853 г. и рухнула, тем самым нанеся огромный вред хозяйству долины, уничтожила сады и огороды в Чоргуне [1, с. 248].

В начале XX в. по распоряжению Ф.Ф. Лашкова, которому принадлежали обширные владения в Чернореченской долине и ее окрестностях, была сооружена плотина на р. Черной. Она была построена в месте, где река вырывается из узкого и извилистого каньона. Длина плотины составляла 50 м, ширина по гребню – 1,4 м, высота – 2,35 м. Вода из этого водохранилища по специальным каналам отводилась для полива садов Верхнего Чоргуня [26, с. 351-352].

Для орошения обширных садов в верховьях Чернореченской долины, общая площадь которых составляла 117,5 дес., использовали сеть специальных каналов, а также небольшой действующий отрезок докового канала. Для подъема воды из реки применялось 10 татарских колес и 3 нории. Хотя для орошения садов использовались и родники, которыми в особенности изобилвала долина р. Ай-Тодор. Самыми значительными среди них были Халиль-Чокрак, Халиль-Мемет-Чокрак, Самдин-Чокрак, Али, Септаир-Эфенди, Аби-Була, Эмир-Сали, Аджи-Курт-Мемет и Демитас [26, с. 352].

В 20-х гг. XX в. был разработан предварительный план электрификации Крыма. По нему предполагалось сооружение на крупных реках полуострова малых гидроэлектростанций общей мощностью 3500 кВт с выработкой электроэнергии 15-20 млн. кВт-ч. Помимо этого, намечалось строительство 150-200 малых ГЭС на более мелких реках. Крымская плановая комиссия представила 3 июля 1924 г. Президиуму Высшего совета народного хозяйства проект электрификации юго-западной части Крыма, основанный на использовании местных гидроэнергетических ресурсов [23, с. 148].

Планировалось сооружение такой ГЭС и в верховьях р. Черной. Так, еще в 1925 г. был разработан предварительный проект Чернореченской (в документах 1925 г. она также фигурирует как Чоргунская) ГЭС. В расценочной ведомости к предварительному проекту значилась сумма в 176940386 руб. [7, л. 106]. В эксплуатационной же смете на строительство ЧГЭС с отчислениями на амортизацию и ремонт значилось следующее (при расчетном объеме водохранилища в 3000000 саж.³):

1. На строительство гидротехнических сооружений: 2563673 руб. (на амортизацию – 25637 руб., на ремонт – 5522 руб.).
2. На установление оборудования: 1907165 руб. (на амортизацию – 57238 руб., на ремонт – 9294 руб.) [7, л. 106].

В общем, стоимость работ на ГЭС оценивалась в 4222838 руб. (на амортизацию – 75875 руб., на ремонт – 13060 руб.). На сооружение же линии электропередач планировали потратить 1921175 руб. (на амортизацию – 100200 руб., на ремонт – 15470 руб.) [7, л. 120].

Стоимость содержания персонала на ГЭС оценивалась в 43360 руб.; персонала на тепловой станции: I смена – 20280 руб. (в год), II смена – 31080 руб.; правления предприятия – 41000 руб.; персонала, обслуживающего линию передач (длина 206 км) – 25700 руб.; стоимость КВЧ на шинах ГЭС (без работы теплового резерва) определялась в 395301 руб. [7, с. 121-125].

Из сметы на электрическое оборудование ЧГЭС, при первичном напряжении 6600 в., а вторичном 66000 в., следует, что стоимость 4 турбин Френсиса (с работами по установке) была 114000 руб., стоимость остального оборудования оценивалась в 271557 руб.; распределительное устройство – 202154 руб.; освещение станции – 1000 руб.; подъемный кран – 10500 руб. [7, с. 136-146].

Однако проект водохранилища и ГЭС на р. Черной 1925 г., в районе Байдарской долины не был окончательно принят и стал считаться эскизным. По новому проекту плотина должна была располагаться ниже по течению реки, у г. Кизил-Кая. Строительство ГЭС оценивалось в 4800000 руб. (на энергетическую часть – 3500000 руб.). В связи с этим в дополнительной проработке нуждался и проект (для предоставления его в ЦЭС в виде технического), что оценивалось в 50000 руб. Однако часть проекта уже существовала, и поэтому для доведения его до технического требовалось 40000 руб. [15, л. 67].

В 1926–1927 гг. было составлено несколько смет на постройку понизительных подстанций. Так, их строительство (с 38000 до 6600 кВт, 220/127 в) в Севастополе обошлось бы в 118155 руб., Симферополе – 118155 руб., Ялте – 133470 руб., Бахчисарае – 46860 руб., Алушке, Куркулете и Алуште – 59563 руб., Мухалатке и Байдарах – 45972 руб. [7, л. 166-174]. Были разработаны и две сметы на оборудование подстанций в Севастополе, Симферополе, Баге, Форосе и Алуште. Первая смета предусматривала закупку почти всего оборудования подстанций за рубежом, стоимость которого в пересчете на рубли составляла 706766 руб., вторая смета предусматривала закупку отечественного оборудования по цене предложенной ГЭТ – 899606 руб. [15, л. 89-123].

Профессор В.А. Васильев оценивал стоимость строительства «энергетической части» станции в 2730000 руб., а гидротехнических сооружений – в 1865000 руб. Количество вырабатываемой энергии на двух генераторах станции, при предполагаемом объеме водохранилища в 30000000 м³, по мнению ученого, будет составлять 4940000 кВт. Себестоимость 1 кВт он оценивал примерно в 5,5 коп., за вычетом 1,5 коп. на эксплуатацию и ремонт, то есть 4 коп. были цифрой доходности. Из этого следовало, что «чистые» доходы составляли бы около 198000 руб. [15, л. 82-83].

В этот период проводилась обширная работа по геологической, гидрогеологической, гидрометрической и метеорологической разведке в Байдарской долине. Для «производства изысканий и разведок» было заключено соглашение между Крымэлектро и Крымводхозом. Руководителем этих работ был назначен инженер-геолог С.Н. Михайловский [6, л. 20]. Смета, составленная Крымводхозом, для «производства гидрологической съемки и разведок в районе Чернореченского водохранилища» в 1926 г. предусматривала:

1. Гидрогеологическую съемку части Байдарской долины (ок. 7 верст²) – 14600 руб.
2. Организацию постов для гидрометрических замеров в 18 пунктах (4 постоянных, 14 временных) – 7930 руб.
3. Установку 3 метеорологических опорных пунктов (Кизил-Кая, Николаевка, Уркуста) – 2750 руб.
4. Геологоразведочные работы – 35000 руб.
5. Приобретение бурового станка с комплектом инструментов и походной ремонтной мастерской, запасных труб «разного диаметра» – 16000 руб.
6. Непредвиденные расходы (2%) – 530 руб. [6, л. 17].

С.Н. Михайловский сообщал, что не позднее 1 августа 1926 г. будет закончена гидрогеологическая съемка района Чернореченского водохранилища, а остальных исследуемых районов до 20 ноября. Окончательный отчет планировали представить к 1 марта 1927 г. При этом ученый считал, что нужно произвести детальную съемку площади до 70 верст² (с. Скеля, Биюк-Мускомья, ущ. Кизил-Кая) [6, л. 17-18].

Однако разведки 1926 г. не дали окончательного результата, и было принято решение продолжить их в следующем году. По данным на 6 июля 1927 г. на разведочные работы было потрачено 15355 руб. [15, л. 31]. По состоянию на 1 октября было выдано 32500 руб. «авансов» на геологические изыскания в районе предполагаемого водохранилища [6, л. 124]. Разведки были продолжены и в 1928 г. По смете «на продолжение работ по устройству Чернореченского водохранилища в 1927/1928 гг.» на гидрометрические и метеорологические наблюдения в бассейне р. Черной планировали потратить 6047 руб. 40 коп., гидрогеологические разведки – 3685 руб., топографическую съемку площади в 60 км² – 9602 руб., разработку окончательного проекта гидротехнических сооружений (в течение года) – 12124 руб. 88 коп., окончательную экспертизу по «вопросу Чернореченского строительства» – 1500 руб., на непредвиденные расходы – 1647 руб. 97 коп. [14, л. 14]. Также была разработана смета на «окончание гидрогеологических разведок под Чернореченское водохранилище в 1928 г.», в которой общая сумма затрат значится в 50000 руб. [15, л. 69-70].

В результате многолетних гидрометрических наблюдений за бассейном р. Черной было накоплено большое количество уникального материала. Так, определили, что годовой сток реки у г. Кизил-Кая (1926) составил 24753946 м³ воды, притоков – 6227193 м³. 2312410 м³ воды попадало в реку выше г. Кизил-Кая за счет подземных вод и талого снега

[7, л. 33-41]. Ряд гидрометрических постов действовал вплоть до 1930 г. Например, № 1 и 2 (Кизил-Кая) с 07.1926 г. по 01.1930 г. [8], № 3 (р. Уркуста) 12.1926 г. – 01.1930 г., № 4 (р. Байдарка) 12.1926 г. – 01.1930 г., № 5 (р. Бага) 01.1927 г. – 08.1929 г., № 7 и 7А (на р. Черной) [9], № 8 (с. Скеля) 06.1926 г. – 01.1930 г. [10], № 9 (с. Скеля) 06.1926 г. – 10.1929 г., № 10, 10А и 10Б (Скельский источник) 06.1926 г. – 01.1930 г. [11], № 12 (с. Скеля) 06.1926 г. – 01.1930 г. [12], № 14 (с. Скеля) 12.1926 г. – 01.1930 г., № 16 (р. Арманка) 12.1926 г. – 01.1930 г., № 17, 17А и 18 (р. Черная) 12.1926 г. – 12.1927 г. [13].

В 1927 г. Крымэлектро закупило, по договору с МОГЭС, два котла системы Гарбе с поверхностью нагрева в 450 м². Стоимость котлов – 54000 руб., чистка котлов – 2717 руб. 14 коп., чистка арматуры и резка труб – 620 руб. 45 коп. Вместе с командировкой и прочими расходами стоимость котлов составила 73068 руб. 78 коп. [6, л. 104-105, 114, 119]. Однако, впоследствии, возникли проблемы с отправкой некоторых деталей котлов. Был прислан только один полный комплект арматуры экономайзера (48 батарей), из второго отправили только 28 батарей, 20 забраковал представитель Крымэлектро [6, л. 237]. Также было закуплено часть импортного оборудования для подстанций на сумму 184238 долл. 40 центов [15, л. 46].

Однако задуманному так и не было суждено свершиться. Чернореченская ГЭС так и не была сооружена, а энергетический потенциал крымских рек не использован в качестве основополагающего для электрификации Крымского полуострова.

Источники и литература.

1. Бертъе-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. XIV. С. 168–279.
2. Веникеев Е.В. Севастопольские маршруты. Симферополь: Таврия, 1988. 144 с.
3. Вице-адмирал Корнилов / под ред. Н.В. Новикова и П.Г. Софинова. М.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1947. 340 с.
4. Внутренние известия // Северная пчела. 1844. № 77. С. 505–506.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб.: Типография Департамента Генерального Штаба, 1849. Т. XI. Ч. 2. Таврическая губерния. 339 с.
6. ГАРК. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 21.
7. ГАРК. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 24.
8. ГАРК. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 26.
9. ГАРК. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 27.
10. ГАРК. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 28.
11. ГАРК. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 29.
12. ГАРК. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 30.
13. ГАРК. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 31.
14. ГАРК. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 50.
15. ГАРК. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 62.
16. Головачов В.Ф. История Севастополя, как русского порта. СПб.: Типография Департамента Уделов, 1872. 260 с.
17. Жандр А.П. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб.: Типография Отделения собственного Е. И. В. канцелярии, 1859. 409 с.
18. Кесслер К.Ф. Путешествие с зоологической целью к северному берегу Черного моря и в Крым в 1858 году. К.: Университетская типография, 1860. 248 с.
19. Малиновская Е.С. Иностранцы на русской службе в XIX веке на примере семьи Джона Уптона // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2012 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2012» / под ред. М.Э. Соколова, Г.А. Голубева, В.А. Иванова и др. Севастополь: ООО «Экспресс-печать», 2012. С. 275–276.
20. Малиновская Е.С. Иностранцы на русской службе в XIX веке на примере семьи инженеров Уптонов // Причерноморье. История, политика, культура. Избранные материалы X Международной научной конференции «Лазаревские чтения». 2014. Вып. XIV (VI). Серия Б. Новая и новейшая история. С. 194–201.
21. Мосхури И.В. Греки в истории Севастополя. Севастополь: ЧП «Стриж-Пресс», 2005. Ч. I. 596 с.
22. М.П. Лазарев. Документы / под ред. К.И. Никульченкова. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961. Т. III. XXIV, 580 с.
23. Олиферов А.Н., Тимченко З.В. Реки и озера Крыма. Симферополь: Доля, 2005. 216 с.
24. Переписка М.П. Лазарева с князем Меншиковым // Русский архив. 1883. № 6. С. 357–384.
25. Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии // Морской сборник. 1918. № 12. С. 63–84.
26. Рухлов Н.В. Обзор речных долин горной части Крыма. Пг.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1915. 491 с.

27. Севастополь. Энциклопедический справочник / ред.–сост. М.П. Апошанская. Севастополь: Музей героической обороны и освобождения Севастополя, 2000. 688 с.
28. Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб.: Стройиздат, 1997. 320 с.
29. Черноусов А.А. Деятельность адмирала М.П. Лазарева по обустройству черноморского побережья России. 1834–1851 гг. // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 138–143.
30. Черноусов А.А. Адмирал М.П. Лазарев. Роль личности в истории России. СПб.: Гангут, 2011. 344 с.
31. Jesse W. Russia and the war. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1854. 164 p.

Список сокращений.

- ГАРК – Государственный архив Республики Крым.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.

СЕЛО ЧОРГУНЬ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ (ВОСТОЧНОЙ) ВОЙНЫ

НЕДЕЛЬКИН Е.В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Одним из загадочных населенных пунктов Юго-Западного Крыма является село Черноречье (быв. Чоргунь). Оно расположено у входа в каньон р. Черной, образованного между горами Телеграфной и Гасфорта, в части долины, которая называется Мокрая Луговина¹. Черноречье является составной частью Балаклавского муниципального округа, который в свою очередь, вместе с Орлиновским и Терновским муниципальными округами, а также городом Инкерманом, расположены в границах административно-территориальной единицы – Балаклавского района города федерального значения Севастополя [24].

Много бедствий Чоргуню принесла Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.), во время которой селение сильно пострадало [1, с. 81], но, несмотря на это, сыграло в этой войне далеко не последнюю роль. Так, в начале октября 1854 г. генерал-адъютант князь А.С. Меншиков, готовя наступление войск на английский лагерь в Балаклаве, принял решение использовать именно это селение в качестве военной базы [36, с. 204]. По его плану, успеху тыловой атаки должна была способствовать слишком большая площадь укреплений лагеря, не соразмерных с числом войск, которые должны были «в одно и то же время вести осаду Севастополя, прикрывать цепь высот на протяжении от Инкермана до Балаклавы и, наконец, оборонять и сам город» [51, с. 363]. Но главной целью наступления была не сама Балаклава, поскольку А.С. Меншиков прекрасно понимал, что силами одной пехотной дивизии лагерь английских войск не взять. Главной целью являлись коммуникации, по которым шло снабжение передовых линий войск союзников, осаждавших Севастополь, из лагеря в Балаклаве. Британский историк, биограф и писатель А.Р. Хибберт дает следующее описание этой дороги: «*Два города соединяло 3 мили сельского тракта, который соединялся с Воронцовской дорогой, которая вела на юго-восток от Севастополя. Она пересекала военные лагеря, затем спускалась через равнину Балаклавы к реке Черной и через 2 мили после моста через реку вела к поселку Чоргун. Дорога шла через равнину Балаклавы справа налево на узком клочке земли, который военные назвали Верхним проходом. Расположенный чуть выше в районе Федюхиных высот ровный участок земли получил название Северной долины, а полоска земли на ближайшем склоне была названа Южной долиной... Верхний проход был жизненно важен не только для защиты Балаклавы и прикрытия флангов и тыла союзников, он был частью их коммуникаций. Потерять его означало утратить единственную нормальную дорогу, ведущую к лагерю союзных войск, осаждавших город*» [52, с. 152].

На рассвете 2 октября 1854 г. подполковник А.Е. Ракович с 3-мя батальонами, 4-мя орудиями и 2-мя сотнями «без сопротивления» [20, с. 88] занял Чоргунь. 4 и 5 октября прибыла 1-я бригада 12-й пехотной дивизии и 1-й уральский казачий полк [37, с. 1090]. В это время командиром Чоргунского отряда был назначен генерал-майор К.Р. Семякин [47, с. 229], а уже 11 октября командиром сводного отряда был назначен генерал-лейтенант П.П. Липранди [51, с. 365]. В этот же день прибыли остальные войска 12-й пехотной дивизии, и к ночи «*сосредоточились у с. Чоргунь, на правом берегу р. Черной, и расположились левым флангом у с. Карловки, а правым против Трактирного моста²*» [20, с. 30]. К 13

¹ Она представляет собой своеобразную котловину, которая ограничена Чоргунскими высотами, состоящими из горы Артиллерийской (Батарья-Баир, Чакла-Баир, Чакыл-Таш), Средней и Безымянной, Телеграфной (Телеграфической) и Гасфорта (Гасфортובה высота, Итальянская гора).

² Такое название мост получил вследствие того, что рядом с ним находился трактир, который принадлежал семейству Ревелиоти. В своих «Записках об осаде Севастополя» журналист, переводчик, историк и поэт

октября в состав отряда вошли 17 батальонов, 20 эскадронов, 10 сотен, 48 пеших и 16 конных орудий, общей численностью около 16 тыс. человек [51, с. 365-367]. Ранее, 3 октября, войска, занявшие Чоргунь, «вошли в сообщение» со Сводным уланским полком полковника В.И. Еропкина¹, который контролировал Байдарскую долину [6, с. 109; 37, с. 1090] и препятствовал подвозу провианта и фуража крымскими татарами войскам союзников [39, с. 80]. Пехотные подразделения Чоргунского отряда были сформированы из Азовского, Днепровского, Украинского егерского, Одесского полков и 4-го стрелкового батальона; кавалерия состояла из Гусарского Его Императорского Величества Николая Максимовича, Гусарского грот-герцога Саксен-Веймарского, сводного Уланского, 1-го Уральского казачьего и 53-го Донского казачьего полков. Артиллерия: 4 батареи 12-й артиллерийской бригады, конная легкая батарея № 12, Донская батарея № 3 [51, с. 366].

Сразу после того, как русские войска заняли Чоргунь в начале октября 1854 г., вдоль р. Черной были выставлены аванпосты [19, с. 268], а на крыше Чоргунской башни установили батарею из двух орудий. Пушки, зарядные ящики, боеприпасы и прочий инвентарь были присланы из Севастопольского гарнизона. Командиром этой батареи стал поручик 16-й артиллерийской бригады Максимов, из этой же бригады были назначены 6 чел. нижних чинов орудийной прислуги. 7 октября для ремонта колес орудий из 62-го пехотного Суздальского Генералиссимуса князя Суворова полка направили двух колесников и одного плотника [44, с. 449]. В это же период в башне были «расположены штуцерные из отряда генерала Липранди» – 1 унтер-офицер и 10 рядовых. Они «образовали, под наблюдением поручика Максимова, свою артель, в которую из Суздальского полка был отпущен медный котел». В это время англичане из лагеря, расположенного на Сапун-горе, спускались командами к Черной речке за водой и дровами [32, с. 264; 44, с. 449]. Между русскими и английскими подразделениями время от времени возникали перестрелки, но от реки англичане так и оставались отрезанными [8, с. 182; 9, с. 166; 26, с. 118]. Не последнюю роль в этом играл и «гарнизон» Чоргунской башни.

Проведя рекогносцировку 6 и 7 октября, К.Р. Семякин 8 числа предпринял наступление двумя колоннами в направлении с. Камара (Оборонное), в результате которого без боя было захвачено это селение и небольшое укрепление близ него, так как англо-турецкие войска, с приближением русских, отступили в Балаклаву. С наступлением ночи русские войска отошли на исходные позиции в Чоргуне [14, с. 111-113; 25, с. 1107]. 12 октября «по полудни, начальник отряда, генерал-лейтенант Липранди, со своим штабом и всеми командирами отдельных частей, произвел рекогносцировку неприятельской позиции, чему представляла возможность значительная высота, расположенная перед сел. Чоргун, откуда весьма хорошо были видны неприятельские укрепления, избранные для атаки. Во время рекогносцировки, во избежание недоразумений в предстоящем сражении, начальником отряда указаны были первоначальные места для отдельных колонн» [20, с. 30; 21, с. 122]. После возвращения в лагерь, командующим была составлена диспозиция и разослана командирам подразделений.

«Всем войскам в 5 часов утра быть в совершенной готовности к выступлению в бой.

Левая колонна под начальством генерал-майора Гриббе: 1-й, 2-й и 3-й батальоны Днепровского пехотного полка, с 6-ю орудиями легкой № 6-го батареи, выступает по ущелью, ведущему на Байдарскую долину, вытянувшись в лощине, поворачивает направо и идет дорогою, ведущей к с. Комары, которое и занимает.

Н.В. Берг указывал, что «он принадлежал помещице Ревильотти (Ревелиоти – Е.Н.), владельнице села Чоргун, и существовал до конца 1854 года». Вероятнее всего, он имел ввиду Елизавету Павловну Ревелиоти (урожд. Мавромихали) бывшую замужем за Пертом Феодосьевичем Ревелиоти – сыном командира Балаклавского греческого пехотного батальона, генерал-майора Феодосия Дмитриевича фон Ревелиоти. В период Крымской (Восточной) войны французы называли его pont de Traktir [3, с. 242; 40, с. 167].

¹ Во Всеподданнейшем донесении от 18 сентября 1854 г. князя А.С. Меншикова значится, что «прибывшему в Симферополь с Бутырским пех. полком, артиллерии ген.-майору Тимофееву я поручил, с отрядом из двух резервных батальонов 14-й пех. дивизии, несколько кавалерии и двух горных орудий, идти горною частью Крыма в Байдарскую долину, чтобы, с одной стороны, воспрепятствовать неприятелю производить фуражировку, а с другой – удерживать жителей от присоединения к неприятелю» [11, с. 167].

Сотня казаков, при колонне находящаяся, быв вначале в голове, по выходе на высоты оставляет человек 50 при колонне; остальные бросаются быстро к монастырю Иоанна Постного и там занимают дорогу, идущую в Балаклаву, послав разъезды по оной далее.

Два дивизиона Сводного уланского полка находятся при сей колонне и, следуя вначале в хвосте, впоследствии действуют по усмотрению генерал-майора Гриббе.

Средняя колонна, имеющая назначение овладеть высотой, где расположен лагерь неприятеля, составляется из двух отделений:

Первое отделение – из первых трех батальонов Азовского пехотного полка, с 6-ю орудиями легкой № 6-го батареи.

Второе отделение – 4-й батальон Днепровского пехотного полка и 4-й же Азовского, с 4-мя орудиями батарейной № 4-го батареи.

Оба отделения подчиняются командиру 1-й бригады, генерал-майору Семякину, и действуют по его указанию.

Правая колонна, под командою командира Одесского егерского полка полковника Скюдери – из четырех батальонов Одесского егерского полка, с 8-ю орудиями легкой № 7-го батареи.

Назначение этой колонны – овладеть редутом, ближайшим к высоте.

При сей колонне, на правом фланге, будет три сотни казаков № 53-го полка, из которых одна сотня немедленно, с переходом войск через мост, занимает высоты направо.

Резерв, под начальством командира 2-й бригады генерал-майора Левуцкого, состоит из Украинского егерского полка, с четырьмя орудиями батарейной № 4-го батареи.

Один батальон сего полка, с легкой № 8-го батареею, остаются на позиции при с. Чоргун.

Когда выйдут на высоты, за мостом влево батарейная батарея становится на выгодную позицию и прикрывается по флангам двумя батальонами этого полка, построенными в ротные колонны в две линии. При 3-м батальоне сего полка четыре орудия легкой № 7-го батареи.

Особые части действуют по моим приказаниям:

4-й стрелковый батальон отделяет в каждую из трех колонн по одной роте; 4-я рота остается при резерве. При ротах этих действуют и итццерники от полков.

Два полка 6-й кавалерийской дивизии и Уральский казачий № 1-го полк, выйдя из ущелья, идущего к Черной речке, перейдя через мост, строятся в колонны к атаке на равнине и действуют по моему приказанию.

Кавалерия с конной батареею состоит под начальством генерал-лейтенанта Рыжова.

При войсках должны находиться: в пехоте по одному патронному ящику на батальон, которые останавливаются сзади резерва, вместе с артиллерийскими вторыми и третьими зарядными ящиками и запасными лафетами.

Весь прочий обоз остается за с. Чоргун, на месте, где ныне находится легкий вагенбург, которому иметь лошадей запряженными.

При каждом батальоне иметь определенное число носилок с назначенными для относа раненых людьми под командою благонадежных унтер-офицеров и от полка офицера.

Перевязочных пунктов первоначально назначается два: для левой колонны у моста через ручей, текущий из Байдарской долины; для средней и правой – у моста через канал Черной речки.

На этих пунктах от частей, колонны составляющих, должны быть все телеги, медики, фельдшера, цирюльники и, для помощи, музыканты.

Смотря на удаление действия войск, перевязочные пункты продвигаются ближе.

Всех раненых, по подании первой помощи, отправлять в с. Чоргун, где дивизионному доктору распорядиться временно разместить доставленных людей, и для сего отрядить от всех войск одного или двух медиков, с приличным числом фельдшеров, а рабочими снабдить командира остающегося в селении Украинского батальона.

Общее приказание.

Войскам действовать: первой линии в ротных колоннах, имея штуцерников рассыпанными впереди; ротным же колоннам второй линии быть не ближе 100 шагов; третьей линии иметь колонны к атаке и быть от второй не ближе 200 шагов.

Из фронта строго воспретить кому-либо выходить для отвода раненых, кроме команд, для сего назначенных; пехоте убирать раненых всех частей без разбора.

Обращаю внимание гг. частных начальников, что при подобных предприятиях штык есть главное оружие к достижению верного и скорого успеха» [23, с. 218-219].

Интересные сведения о лагере у Чоргуня сообщает участник Балаклавского сражения артиллерист С. Кожухов: «Небольшая котловина, обставленная со всех сторон крутыми горами, в которой едва ли мог с удобством разместиться один пехотный полк с батареею артиллерии, была наполнена войсками до невозможности. На этом небольшом пространстве помещались в то время четыре полка пехоты, с четырьмя батареями артиллерии, стрелковый батальон и еще, кажется, один кавалерийский полк. Куда ни взглянешь, везде видны составленные в козла ружья, орудия, зарядные ящики, лошади и разнообразные группы солдат, спавших у потухающих, но еще дымящихся костров.

Часов в 10-ть утра пришел на бивуак отрядный начальник генерал Липранди; поздоровавшись с войсками и поздравив нашу батарею с прибытием на квартиры, он обратился к стрелковому батальону, стоявшему позади нашей батареи, со следующими словами: «Здорово стрелки! Завтра нам, может быть, придется поработать; смотрите же – ни одной пули на ветер!».

Лишь только в отряде сделалось известно, что на другой день предстоит дело, как толпы любопытных, со зрительными трубами, отправились на близлежащие высоты для обозрения неприятельских позиций. Со стороны Чоргуна позиция эта казалась почти неприступною...» [27, с. 382-383].

Поручик Уланского полка Корибут-Кубитович вспоминал: «Бивуак наш находился у селения Чоргун, на правом берегу реки Черной, и упирался левым флангом в селение Карловку, а правым в Трактирный мост. Вечер был тихий и прекрасный, весьма обыкновенный в осеннее время в Крыму. По всей долине расположены были костры, около которых сидели офицеры, в самых живописных группах, большею частью за самоваром, вечным спутником дорожной и походной жизни. Громкий смех раздавался далеко вокруг; некоторые, не столь беззаботные, тихо беседовали между собой и делали различные распоряжения: сжигали письма, которые не желали, в случае смерти, видеть в руках посторонних, и писали духовные завещания...

Там, около леска, ища уединения, расселось несколько юношей, которые, в пылу дружественной беседы, среди воспоминаний прошедшего и мечтаний о предстоящем бое, забывали о покое...; другие, как бы в противоположность этой тревожной мечтательности, завернувшись в бурки и шинели, спали крепким сном, не заботясь о завтрашнем деле. Там вдали, в полумраке, около леса, освещенного отблеском разложенных костров, виднелись коновязи, подле которых кучами сидели солдаты. Они группировались всегда около старых служивых, и с живым любопытством выслушивались их рассказы о битвах, о первом впечатлении, производимом свистом пуль, и о многом другом... Некоторые солдаты, менее любопытные, или, может быть, более заботливые, суетились около лошадей. Как-то таинственно блистали штыки на ружьях, посеребренные едва мерцающим огоньком потухающих костров» [29, с. 153].

Доктор медицины и хирургии, надворный советник А.А. Генрици вспоминал, что прибывшая 5 октября вся бригада генерала К.Р. Семякина «заняла Чоргунские дефиле, расположившись на косогорах, примыкавших к горам меловой формации. Таким образом, мы очутились в тылу неприятельской позиции, в 6-ти верстах от Балаклавы и в 4-х от передовых укреплений Севастополя. В самой деревне отобрано было по одному небольшому домику под лазарет каждого полка; на дворах и незанятых площадках деревни ставились солдатские палатки, в которых с пользою помещались больные, при продолжавшейся тогда еще теплой погоде; при наступлении более холодных ночей, больничные палатки сдваивались циновками, которых запасом в обозе дорожил каждый штаб-лекарь» [17, с. 429].

Также он говорил, что русские войска были «так удачно расставлены, что выстрелы союзников их не задевали. Озлобленный неприятель стал посылать к нам ракеты, но их переносило над нами и над Чоргунем, в скалы. Наконец, не было места позади нас и по сторонам, где бы ракеты ни делали опустошений, но в отряд они как-то не попадали, и мы, преодолев первое неприятное впечатление, спокойно следили за полетом каждой ракеты» [17, с. 434].

Офицер Владимирского полка А. Розин оставил такие заметки о Чоргуне: «Моей роте пришлось расположиться позади дома, принадлежащего помещице Мавро-Михайли. Здание моей новой квартиры издали весело рисовалось среди богатой листвы роскошного сада, раскинутого на скате горы, у подошвы которой красиво извивалась полоса небольшой речки. Целый лес ореховых и миндальных деревьев манили глаз прохладой и отдохновением. В нескольких саженях, вправо от дома, стояла довольно хорошо сохранившаяся башня...

Утомленные ночной службой и беспрестанными переходами, мы усталые шли в полной надежде на ожидающий нас радушный прием хозяев, и позволение пользоваться, хотя кратковременно, давно покинутыми удобствами оседлой жизни. Но надеждам этим не суждено было сбыться. Уже при первом приближении к дому, меня поразило глухое безмолвие, царившее кругом. Ни в одном окне, ни в одной двери не показывалось живого существа. Обширный двор с помятыми цветами на изрытых клумбах, глядел как-им-то побоищем, а дом с выбитыми стеклами и вертящимися на оторванных петлях ставнями, потерял вблизи всю свою прелесть, так привлекающую издали.

Такое разорение, при свежих следах недавнего жилья, немало меня озадачило. При первом же вступлении во внутренность дома, я изумился еще больше. Фамильные документы владельцев, с вырванными печатями, оплавленные иконы, переломанная мебель, битая посуда – все валялось в беспорядке... Письма и документы я спрятал; также иконы и мебель были поставлены на место и все, что только можно было, приведено в порядок.

Я недоумевал, неужели французы или англичане способны были сделать подобное бессмысленное кощунство? Наутро дело выяснилось. Явилась старуха, и, объявив себя няней племянницы владетельницы дома, поблагодарила меня за восстановление порядка, а в особенности за сохранение документов и писем. Няня рассказала, что накануне нашего прихода в Чоргун, неожиданно напали на дом жители того же селения татары, тайно продававшие скот и фураж французам, и из ненависти к русским, предавшие разгрому ни в чем неповинное поместье г-жи Мавро-Михайли. Старушка тетка и молодая девушка ее племянница, равно как и вся прислуга, едва спаслись бегством.

В тот же день проезжали через Чоргун выпущенные французским главнокомандующем Канробером из Балаклавы греческие семейства. Они очень обрадовались нашему отряду, называли нас своими избавителями от татар, которых они не без основания боялись...» [46, с. 212-213].

При передислокации подразделения обратно в Чоргунь в конце ноября 1854 г., А. Розин застал селение уже не в том состоянии, в каком оно было несколько месяцев назад. «25 ноября выступили в Чоргун. Селение это мы нашли уже не в прежнем, цветущем положении: сады вырублены, большая часть строений разобрана. Взамен же всего этого, в пользование наше предоставлены довольно хорошо устроенные нашими предшественниками, помещающиеся у входа в Чоргун, землянки, в которых полк и расположился, составляя прикрытые находящейся вправо от него батареей 10-й артиллерийской бригады» [46, с. 236].

В 5 часов утра 13 октября 1854 г., говоря словами британского фельдмаршала, выдающегося военачальника Второй мировой войны Бернарда Монтгомери, было начало одной из крупнейших военных неудач, атаки британской легкой бригады [33, с. 308]. Русская армия, как и предполагалось, выдвинулась тремя колоннами, оставив обоз в Чоргуне [28, с. 1668]...

Накануне сражения в селе был устроен сводный лазарет, для чего были выбраны лучшие сельские дома и заготовлено необходимое количество соломы для подстилок. Под лазареты была предоставлена большая часть селения, «почему, при большом просторе и

хорошей администрации Азовского полка, легко было соблюдать правила гигиены и держать лазарет чисто и в порядке» [17, с. 443]. Для первоначальной помощи раненым в непосредственной близости к войскам предполагалось устроить два передовых перевязочных пункта. Однако в день сражения решено было ограничиться только одним, на котором были сосредоточены все медики, фельдшеры и цирюльники дивизии, а также значительная часть дивизионного транспорта [35, с. 140]. Местность для перевязочного пункта была подобрана удачно, так как была защищена от артиллерийского огня и *«представляла обширный и ровный луг, не дававший пыли при движении, местами богатый сочной травой и мелким кустарником, способствовавшим тени»* [17, с. 435].

Раненые начали поступать на передовой перевязочный пункт с девяти часов. Около 11 часов утра, из-за появления на дороге в Чоргунь, которая проходила мимо перевязочного пункта, отряда английской кавалерии, все четыре лазаретных обоза с врачами, вспомогательным персоналом и «припасами» вынуждены были отойти в Байдарскую долину. Однако вскоре кавалеристы вернулись обратно к Кадыкою и деятельность перевязочного пункта возобновилась [30, с. 79]. В *«5 часов пополудни работа на перевязочном пункте была закончена. Было сделано 28 больших и много мелких операций; все более трудно раненые, осмотренные и тщательно перевязанные, были отправлены на лазаретных фурах в деревню Чоргун»* [17, с. 439].

Все потери русской армии в Балаклавском сражении составили 7 офицеров и 124 нижних чина, были ранены и контужены 33 офицера и 448 нижних чинов, 15 нижних чинов пропало без вести [30, с. 80]. В чоргунский лазарет попали 16 раненых английских кавалеристов и 11 турецких пехотинцев, которым вне зависимости от национальности была оказана помощь. Более чем за неделю в лазарете из 136 русских солдат умерло 4, а из 27 англичан и турок – 3. Пленные, вплоть до их отправки вглубь России, находились в Чоргуне [55, с. 22]. *«Англичане гласно заявляли свое удивление русской гуманности и знаниям; одни турки только все побаивались, что их откармливают на убой. Последние все что-то вымаливали и в чем-то уверяли – вероятно, в своей простоте считая ласковое с ними обращение в лазарете только временным»* [17, с. 443].

Но, не воспользовавшись появившейся после Балаклавского сражения инициативой, [49, с. 173] и не предприняв попыток дальнейшего наступления на коммуникации и сам лагерь английских войск, князь А.С. Меншиков приказал снова сконцентрировать русские войска в Чоргуне, а 18 октября он перенес сюда свой штаб. К 21 октября в районе села сосредоточился весь 4-й пехотный корпус, семь полков кавалерии, несколько сотен казаков [36, с. 219; 39, с. 95]. В это время никаких активных боевых действий не велось, а казаки Уральского полка даже водили по улицам Чоргуна часть трофейных английских лошадей, «отыскивая покупщиков» [39, с. 94].

Однако задуманному так и не было суждено сбыться – 22 октября А.С. Меншиков отказался от повторной попытки захватить Балаклаву [21, с. 165-173; 51, с. 378]. После отхода основных войск, в Чоргуне был расквартирован 6-й пехотный корпус князя П.Д. Горчакова [32, с. 313], который впоследствии получил прозвище «князь Чоргунский». Он также командовал частью войск, которые во время Инкерманского сражения 24 октября 1854 г. произвели отвлекающий маневр в районе Балаклавы [17, с. 444; 45, с. 70].

Почти весь октябрь в Чоргуне находился обоз и кухни отряда. Но в конце месяца из-за ухудшения погоды пища, во время доставления к войскам в районе захваченных 13 октября редутов, успевала остыть. Поэтому было решено переместить кухни ближе к перевязочному пункту. Весь ноябрь стояла поистине непредсказуемая крымская погода: сильные туманы часто сменялись мелкими и продолжительными дождями, хотя было тепло и иногда очень парило [17, с. 444-445].

В ноябре 1854 г. русские войска, стоявшие в Чоргуне, помимо военных тягот и лишений, столкнулись еще с одной серьезной проблемой – осенней непредсказуемостью крымских рек. Еще академик П.С. Паллас говорил, что р. Черная *«то превращается в бурный горный поток, то остается почти без воды, так что находящиеся здесь мельницы часто не могут работать»* [38, с. 56]. А.А. Генрици вспоминал, что после бури 2 ноября река *«из мелкой и везде почти проходимой речонки, сделалась широкой и бурной рекою,*

даже опасно для переправы. На моих глазах, тройка с телегой Днепровского пехотного полка, в которой везли кашу из Чоргуна на позиции, переезжая через Черную, потонула и была снесена далеко, и это случилось в таком месте, в котором, в сухую погоду, я без затруднения проходил по торчащим над уровнем ее воды небольшим камням» [17, с. 446]. В середине ноября князь П.Д. Горчаков перевел на правый берег реки всю артиллерию, а когда 22 ноября переправа по каменному мосту стала почти невозможной и войска на позиции у Балаклавы остались практически без снабжения, то он, не дожидаясь разрешения главнокомандующего, отвел их к Чоргуню (24 ноября). На прежней позиции осталась только линия аванпостов у часовни Иоанна Предтечи и у селения Камара [21, с. 326-327].

Ухудшение погодных условий, увеличение уровня воды в р. Черной, что привело к большим трудностям в сообщении с подразделениями, находящимися на левом берегу реки, а также желание главнокомандующего сконцентрировать части 4 и 6 корпусов, привели к передислокации некоторых подразделений русской армии. «Владимирский и Углицкий полки были переведены с Инкерманских высот в деревню Чоргун, на смену 2-й бригаде 12-й пехотн. дивизии. На следующий день, 26-го ноября, Его Высочества и Суздальский полки, с батареей 10-й артилл. бригады, сменили 1-ю бригаду 12-й дивизии, которая также перешла на Инкерманские высоты к своей второй бригаде. Затем войска чоргунского отряда расположились следующим образом: Владимирский пехотн. полк с 6-ю орудиями – на батарее, устроенной у входа в д. Чоргун, и на горе, где находился телеграф; Суздальский и одна батарея – в редуте, возведенном на горе, для обстреливания подступов к Каменоломному мосту; егерский Его Высочества – на горе, образующей мыс при впадении Шули в Черную речку; Угличане – в ущелье реки Шули; 2-я бригада 17-й пех. дивизии с одной батареей – в общем резерве, в д. Чоргун; кавалерия и артиллерия были расположены в Черкес-Кермене, Юкары-Каралес, Отар-кой и Комары» [7, с. 408-409].

После вышесказанного следует также привести несколько выдержек из писем священника Углицкого егерского полка, а впоследствии благочинного 3-й пехотной дивизии, Михаила Альбова.

«Бивуак на Черной речке. 30 окт. 1854 г.»

Вот я и переселился в бивуачный шалаш. Не имея своего шалаша, пришедши, должен был проситься к другим и нашел укромное местечко в шалаше офицера, командующего стрелками нашего полка. Шалаш построен из дубового кустарника довольно плотно и, несмотря на то, что занимает пространство в квадратную сажень, разделен на две части. Одна вырытая служит приемной и гостиной, а другая, как повыше этой, – спальней, т.е. постелью. Офицер уступил мне спальную из любви ко мне, а сам расположился в гостиной...

Д. Чоргун в 15 в. от Севастополя. 26 ноября 1854 года.

Третий день, как полк наш перешел на новую позицию к д. Чоргун. Теперь у меня с о. Афанасием есть и квартира – татарская сакля без печки с одним очагом, которого труба никогда не закрывается. Но и то можно считать удовольствием, что ни ветер, ни дождик не могут нас ласкать. Встав утром, пьем чай из чайника, без самовара, а потом, положивши в горшок говядины (грешно, да делать нечего, постного ничего нет), садимся у огня и от времени до времени поправляем дрова и мешаем суп ложкою. Когда суп порядочно поварится, оставляем его на жару и отправляемся к своим понаведаться о военных новостях. В два часа обедаем. После обеда отправляемся посмотреть на крепности своих квартир. Неприятели стоят по-прежнему на старых местах и только стараются укрепляться около своего лагеря» [13].

Говоря о солдатском быте, в первую очередь следует упомянуть о жилищах войск, которые находились в районе Чоргуня, Мекензиевых гор и Инкерманских высот. Двумя основными видами солдатских жилищ были палатки и землянки. Подробное описание последних оставил упомянутый выше доктор А.А. Генрици. Их начали сооружать, в основном, в ноябре 1854 г., с наступлением холодов. Из строительного материала использовали землю, камень и «мелкий лес». «Для устройства землянки вырывалась четырехугольная яма, глубиной – приблизительно, на глаз – в половину или в три четверти роста человека. Вместимость землянки большей частью была такова, чтобы в ней могли свободно ле-

жать от 4-х до 6-ти человек. Над такую ямою ставились стропила из подручного мелко-го дубняка; на стропила клались плетни из хвороста, либо просто хворост, если можно, прикрываемый еще сверху листьями, а на все это насыпалась земля, и по возможности убивалась или же утрамбовывалась, если только стропила были довольно крепки и могли выдержать значительное давление. Бока передней части землянки заделывались хворостом, либо обшивались широкими бревнами, составлявшими косяки для дверей, которые состояли из плоско-связанных фашин и навешивались на сучья, петлями из скрученных прутьев.

Обыкновенно в задней части землянки, против дверей, под стропилами оставлялось четырехугольное отверстие, заделываемое оконною рамою со стеклом, либо натянутым на раму бычачьим пузырем, а иногда и просто насаленною, либо воцанною бумагою. На половине протяжения одной из боковых стен, в уровень с дном ямы, вырывалась пещера в глубину материка – на пол, три четверти аришина и больше, в горизонтальном направлении, а от слепого конца такой пещеры выводилась отвесно отдушина на поверхность самой местности, означая, первая, т.е. пещера, – печку, а вторая, т.е. отвесная отдушина, – трубу печки. В отверстие трубы, находившейся вне крыши, с поверхности местности вкладывался тур, густо вымазанный внутри и снаружи глиною и пополнявший понятие о дымовой трубе. Таким образом, дымовая труба выводилась от трех четвертей до целого аришина вне крыши, так что, загоревшись, не представляла опасности стропилам. Если яма землянки достаточно была глубока, то дно печки делали несколько выше уровня дна самой земляной ямы и переднюю часть дна печки опускали, образуя подобие поддувала, для усиления тяги. На расстоянии половины аришина, кругом такой землянки, вырывался ров, для стока воды. Этот ров огибал трубу снаружи на расстоянии целого аришина. В свою очередь, рвы от землянок имели общий сток по естественному уклону местности. Таким образом, выстроенная землянка представляла четырехугольную яму, покрытую двухскатною крышею. Но некоторые солдаты не желали срезывать стены своей ямы отвесно, а выводили их к низу покато. В виде полукруглого желоба, уверяя, что у покатой стенки легче согреться» [18, с. 81-82].

Оставил А.А. Генрици и довольно подробное описание каменных барачков Бутырско-го полка 17-й пехотной дивизии. «Такая постройка стоила больших трудов солдатам. Они первоначально отбивали большие массы камня от скал кирками, теми же кирками разбивали отбитые массы на меньшие куски и затем завершали работу топорами, придавая каждому куску форму большого кирпича. Местный камень в окрестностях Севастополя, свежее отбитый от скал, довольно мягок, так что его легко можно разбивать, еще удобнее пилить; но, во всяком случае, подобная работа в военное время и для войска, занятого содержанием ночной цепи против неприятеля и постоянно доставлявшего подкрепления и помощь Севастопольскому гарнизону, составляла исполинский и напрасно затраченный труд. Эти работы тем более оказывались вредными, что они большею частью проводились в короткий промежуток времени, назначенный солдату для необходимого отдыха, и не прекращались даже при солнцепеке. Конечно, такие постройки поражали своею красотою и симметриею; они казались красивым городком; но, всматриваясь в эти постройки, можно было убедиться, что они ни к чему не вели, причиняя солдатам больше вреда, чем пользы. В солнцепек камень сильно накалялся, так что в бараках становилось жарко и душно; в сырое и ненастное время, губчатый камень, состоя из ноздреватого известняка, жадно всасывал в себя сырость и влагу; при наступавшем холоде – быстро охлаждался, а при ветреной погоде каменный барак, состоя из насухо кладенных, не совсем ровно приставших друг к другу камней, своими бесконечными щелями образовывал сквозную тягу. Этого мало: случалось, что, во время сильного ветра или бури, какой-нибудь один или несколько камней, неровно положенных или слабее прочих державшихся в своих сухих гнездах, вываливались, – и тогда стремительно разрушалась вся стена, падая и ушибая обитателей.

Так как крыши на этих бараках насыпались на стропила и их заделку, строившиеся из местного кривого дубняка, не везде ровно пристававшего к верху барачков, то при первом к тому удобном случае, как-то: при ветре, буре, или непредвиденном толчке, крыша падала и влекла за собою разрушение части, либо всего барака» [18, с. 94-95].

Помимо жилых, перевязочных и лазаретных землянок, в районе расквартирования войск, сооружались также кухни, прачечные, конюшни, навесы для телег и туалеты [18, с. 84].

В самом Чоргуне в этот период времени расквартировывался Бородинский полк. Но он «часто менял место, приспособляясь к движениям неприятеля от стороны Черной речки. Смотри по своему, то разбросанному, то опять скученному положению, отдельные свои части полк размещал то в саклях Чоргуна и Шули, то в землянках в Чоргунских дефилеях, то, наконец, выставлял палатки на скалах скал, окаймляющих Мокрую Луговину» [18, с. 96]. В конце ноября 1854 г. в селении и его окрестностях были расквартированы полки 16-й пехотной дивизии и 2-я бригада 17-й пехотной дивизии с тремя батареями [46, с. 236]. В середине декабря А.С. Меншиков провел передислокацию части подразделений отряда. Отдельными частями была переведена 16-я пехотная дивизия с двумя батареями 10-й артиллерийской бригады и двумя ротами 6-го стрелкового батальона. 14 декабря Углицкий и Его Высочества полки направились в Юхары-Каралез, 15 декабря Владимирский полк перешел в Черкез-Кермен, а Суздальский – в Орта-Каралез. Егерская бригада 17-й пехотной дивизии и одна батарея расположились на Чоргунских высотах [7, с. 409-410].

Однако помимо обычных солдатских лишений войска столкнулись и с другими трудностями. Генерал-лейтенант В.Я. Кирьяков, командующий 17-й пехотной дивизией, жаловался на «непомерную дороговизну и трудность покупки фуража». Он говорил, что «у жителей Чоргуна и в окрестных деревнях имеются запасы фуража, в особенности зернового, в достаточном количестве, но жители единственно из нерасположения к войскам утаивают его, или же берут неслыханную цену, как за фураж, так и за доставку» [31, с. 33].

Интересные данные, связанные с пребыванием русских войск в Чоргуне, содержатся в письмах известного хирурга, основоположника русской военно-полевой хирургии и школы анестезии Н.И. Пирогова, который, по приглашению командира Одесского полка полковника А.П. Скюдери, встречал там Новый 1855 год.

«Верстах в пяти от Севастополя, между горами, недалеко от горной речки, мы нашли множество рассеянных кучек снега, – вот уже пять дней как у нас лежит здесь снег, – под этими кучками скрывались землянки, сооруженные изобретательностью солдатского ума. Спустившись ступеней на пять или аришина на два с половиной в глубину, мы очутились в довольно просторной комнате с накрытым столом для гостей полкового командира Одесского полка полковника Скюдери.

Стены были обиты затрапезными халатами, одно окно, вделанное в землю, освещало комнату, топилась из камней сложенная печка, нисколько не дымясь, несмотря на вьюгу на дворе, – труба из нее выходила наружу тоже через землю.

Стол был человек на двадцать; гости были: бригадный генерал, полковой поп, дивизионный квартирмейстер, дивизионный провиантмейстер, два штаб-лекаря, мы втроем и несколько штаб- и обер-офицеров. Начался обед, да еще какой! Было и заливное, и кулебяка, и дичь с трюфелями, и желе, и паштеты, и шампанское. Знай наших, а еще жалуемся на продовольствие, говорим, что у нас сухари заплесневели. Кабы французы и англичане посмотрели на такой обед, так уже бы верно ушли, потеряв надежду овладеть Севастополем.

Поп играл за обедом совершенно пассивную роль, зато дивизионный квартирмейстер, питух и остряк, морил всех со смеху; бригадный, толстяк и добряк, двигал с задумчивостью челюстями; все прочие были совершенно в своей тарелке. Хозяин, красавец собою, герой с простреленной рукой, угощал нас на убой. Пили за здоровье государя, заиграла музыка, грянул хор певчих «Боже царя храни». К концу стола на дворе послышался шум и гам; это было офицерство, натянувшееся в другой солдатской палатке и провозглашавшее громкие тосты.

Мы вышли все наружу. Снег падал крупными хлопьями. Нас окружали побелевшие горы, вдали на горах виднелся неприятельский лагерь; образовали круг из музыкантов, певчих и офицеров, и в середине этого круга, в грязи по лодыжки, поднялась пляска. Пол-

ковой штаб-лекарь, мой ученик, виртуоз на гримасы, в солдатской шинели, в сапогах по колено, в бараньей шапке, отдувал канкан с прапорщиком, представлявшим петербургского бального dandy, не утерпели и другие гости: составила мазурка; хозяин, полковник с подвязанной рукой, и батальонный командир стали также в ряды танцующих.

Завязался пир горой; я помирал со смеху, нельзя было не быть веселым, видя, как весело и беззаботно живет русский человек; там, за горой, слышались пушечные выстрелы; в траншеях рылись и стрелялись; здесь отваливали трепака, пускались в присядку, а один солдат, выворотив наизнанку нагольный тулуп, даже ходил в грязи вверх ногами и так пятками пощелкивал, что любо-дорого смотреть было.

Кончилось, наконец, тем, что начали гостей поднимать на руки и качать на воздухе, запивая все эти движения шампанским; меня также раза три приподняли так, что я боялся, чтобы в грязь не шлепнуться; головную боль как рукой сняло, и я был от души весел. Уже поздно ночью мы воротились домой» [41, с. 91-93].

К маю 1855 г. Чоргунский отряд состоял из: 4-х батальонов Бородинского полка, роты стрелков Греческого легиона, 2-х гусарских эскадронов, казачьего полка и 4-х батарейных орудий. Также командующему отрядом подчинялся казачий полк Золотарева, который контролировал Байдарскую долину. «Расположен был этот отряд следующим образом: 1-й батальон за деревней Чоргун, прикрываясь цепью по речке Черной...; 2-й батальон правее Телеграфной горы, в недалеком расстоянии от каменного моста; 3-й батальон на скале Телеграфной горы и 4-ый батальон с Греческим легионом у деревни Карловки. Дивизион артиллерии был расположен на так называемой Артиллерийской горе, около которой проходят дороги из Чоргуна на Мекензию и деревню Шули.

Казачьи аванпосты занимали холмы на левом берегу реки, где были прежде турецкие редуты» [53, с. 100-101].

8 мая 1855 г. командующим отрядом был назначен генерал-майор А.П. Хрущов вместо генерал-лейтенанта И.П. Жабокритского. Утром 9 мая он прибыл в Чоргунь и приступил к выполнению своих обязанностей [2, с. 601]. Он констатировал, что положение отряда не очень удачно, а его сил не хватит для отражения нападения противника [53, с. 101]. В то же время А.П. Хрущов указывал на то, что «позиция у Чоргуна весьма важная и требует большой бдительности» [2, с. 601].

И его опасения сбылись. 13 мая, в 4 часа утра, 8 батальонов пехоты и 12 эскадронов кавалерии союзников «при 16 орудиях» атаковали русские позиции в Чоргуне. Наступающие силы в основном состояли из французских войск (2 пехотные и 2 кавалерийские дивизии), у которых было 60 орудий, им содействовали сардинские и турецкие подразделения, английская кавалерия. Войсками в этой операции командовал генерал Ф. Канробер. Казачьи аванпосты у р. Черной после недолгой перестрелки были опрокинуты, и войска союзников заняли каменный мост у Чоргуна. Князь П.Д. Горчаков оставил поле боя. А.П. Хрущов, согласно данной ранее ему инструкции на случай наступления союзных войск, отвел войска на позицию в Мокрой Луговине, а затем к с. Шули. Чоргунские бараки были сожжены, после чего союзники отступили обратно на левый берег реки. Русские войска заняли позиции в 3-х верстах от Чоргуна [22, с. 197; 32, с. 365; 53, с. 103].

После занятия оставленных русскими войсками позиций союзники получили доступ к воде р. Черной [22, с. 197], а «посещение Байдарской долины сделалось обычной прогулкой», где они стали запасаться сеном и дровами [32, с. 366; 34, с. 428-429], а местные крымские татары получили возможность «перегонять к неприятелю скот и доставлять ему фураж, в котором он очень нуждался» [29, с. 147]. Французы же заняли Федюхины высоты (Ак-Баир, Ах-Тепе, Уральские горы) и приступили к сооружению лагеря [42, с. 121]. 22 мая союзники захватили Байдары (Орлиное) и Бюк-Мускомью (Широкое) [31, с. 23; 32, с. 366].

27 мая А.П. Хрущов передал командование отрядом генерал-лейтенанту К.А. Бельгарду, который 5 июля, при появлении небольшого отряда сардинских войск, самовольно бросил позицию в Мокрой Луговине и отошел в Каралезскую долину. «Таким образом, Чоргунский отряд упразднился» [53, с. 105].

Не смог князь Горчаков занять Чоргунь и во время сражения 4 августа, как то было запланировано на военном совете 29-30 июля 1855 г. [43, с. 128]. Сражение, названное

впоследствии Чернореченским, которого можно было избежать, которое практически ничего не решало, привело русские войска, как и ожидалось, к поражению и катастрофе [54, с. 45]. Участвовавший в сражении в качестве командира артиллерийской батареи поручик Л.Н. Толстой впоследствии написал сатирическую песню, быстро ставшую солдатской, в которой высмеял бездарность и глупость многих генералов, проявившуюся во время подготовки и проведения этой операции:

*Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы отбирать.*

*Барон Вревский генерал
К Горчакову приставал,
Когда подшофе.*

*«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мною в ссору,
Не то донесу».*

*Собирались на советы
Все большие эполеты,
Даже Плац-бек-Кок.*

*Полицмейстер Плац-бек-Кок
Никак выдумать не мог,
Что ему сказать.*

*Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большом листу.*

*Гладко вписано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить...*

*Выезжали князя, графы,
А за ними топографы
На Большой редут.*

*Князь сказал: «Ступай, Липранди».
А Липранди: «Нет-с, атанде,
Нет, мол, не пойду.*

*Туда умного не надо,
Ты пошли туда Реада,
А я посмотрю...»
Вдруг Реад возьми да спросту
И повел нас прямо к мосту:
«Ну-ка, на уру».*

*Веймарн плакал, умолял,
Чтоб немножко обождал.
«Нет, уж пусть идут».*

*Генерал же Ушаков,
Тот уж вовсе не таков:
Все чего-то ждал.*

*Он и ждал да дожидался,
Пока с духом собирался
Речку перейти.*

*На уру мы зашумели,
Да резервы не успели,
Кто-то переврал.*

*А Белевцев-генерал
Все лишь знамя потрясал,
Вовсе не к лицу.*

*На Федюхины высоты
Нас пришло всего три роты,
А пошли полки!..*

*Наше войско небольшое,
А француза было втрое,
И сикурсу тьма.*

*Ждали – выйдет с гарнизона
Нам на выручку колонна,
Подали сигнал.*

*А там Сакен-генерал
Все акафисты читал
Богородице.*

*И пришлось нам отступить,
Рас... же ихню мать,
Кто туда водил [10, с. 442-443; 48, с. 653-654; 50, с. 307-308].*

Побывавший весной 1856 г. в окрестностях Чоргуня французский протестантский священник Макс Рейхард вспоминал, что «однажды визиты к офицерам завели нас в окрестности Черной. Невозможно было попасть туда более кстати: на мосту велись переговоры, и батареи бездействовали, так что мы смогли подойти к берегу реки.

Пейзаж в этом месте великолепен. Волны с тихим журчанием перекатывались у наших ног, убегая к Черному морю. На противоположном берегу расстилались памятные кровавыми событиями равнины Трактира; возвышались Мекензиевы горы, на которых русские установили палатки; справа взгляд проникал в романтическую долину. В этой долине, украшенной руинами, напоминающими о генуэзском владычестве, располагались лагерем пьемонтцы (войска Сардинского королевства – Е.Н.). Еще далее разворачивалась Байдарская долина с густыми вечнозелеными лесами, ее пересекают быстрые воды реки.

Этот дивный пейзаж, оживленный дыханием весны и освещенный лазурным небом, пробуждал мирные мысли. Русские и французы казались беседующими добрыми друзьями, словно они никогда не обменивались пулей» [12, с. 203].

После Крымской (Восточной) войны постепенно с большим трудом наладилась нормальная жизнь в Чоргуне. Побывав в 1860 г. в Чоргунском имении, И.Ф. Бларамберг застал, по сравнению с 1840 г., иную картину, говоря, что «во время войны 1854-1856 гг. он (Чоргунь – Е.Н.) был полностью разрушен. От прекрасного имения осталась лишь голая земля, обильно пропитанная кровью...; Дома и сады были сровнены с землей. После воцарения мира его императорское величество предоставил нам средства, чтобы отстроить и восстановить имение. Однако столетние ореховые деревья и тысячи фруктовых деревьев, как и большая часть дубовой рощи, вырубленной для лагерных костров, погибли. Деревья пришлось сажать заново. И пройдет еще много десятилетий, прежде чем имение примет прежний облик» [5, с. 204].

Сохранились также интересные сведения о том, что в период войны был разрушен одноэтажный дом «с клумбами» стоимостью 850 руб. проживавшего в имении Мавромихали А.Е. Осадченкова. Потерял он и пару волов, корову и трех бычков, стоимостью 200 руб., которые находились на пастбище близ Балаклавы и были захвачены союзными войсками [15, л. 1-2]. Всего имущества (на сумму 1635 руб. серебром) лишился при занятии английскими войсками Балаклавы 14 сентября 1854 г., и Умер Муслядин оглу [16, л. 2]. О самой же Балаклаве местные греки говорили, что «до 54 года здесь были леса, сады, но англичане, стоявшие в Балаклавской бухте, вырубил все, даже фруктовые деревья, и Балаклава, после Крымской компании, превратилась в сплошные развалины» [4, с. 166].

Однако, случались и не всегда до конца обоснованные, притеснения российских подданных в период военных действий. Так, чоргунский мулла Аджи Смаил Осман оглу, посланный в Курскую губернию и вернувшийся в 1860 г. без разрешения, при даче показаний заявил следующее: «до 1854 г., т.е. военного времени, я состоял в числе поселян духовенства Таврической Губернии и проживал в деревне Чоргуне, где имел свой дом и весьма хорошее хозяйство, в конце же означенного года, когда союзные войска вступили в Чоргун, разорили ее, в том числе и мое хозяйство, тогда по извету моих недоброжелателей, не зная за собой никакой вины, я был арестован Донскими казаками и через главный штаб Южной Армии отправлен в Симферопольский острог, оттуда через некоторое время в Курскую губернию, когда же впоследствии разрешили прожить всем высланным из Крыма, кто куда пожелает, за исключением городов и селений Крымского полуострова, тогда приписался в число Херсонских мещан. Будучи стар и слаб здоровьем, зрением, я решительно не имел возможности снискивать для себя пропитание и, зная, что на родине у меня осталась земля и должники, я вознамерился в Чоргун, чтобы продать первую и получить последнее. А сегодня Чоргунский десятский арестовал меня по приказанию пристава 2-го стана Симферопольского уезда, но продать землю и получить долги я не успел». 30 января 1860 г. Симферопольский уездный земский суд принял решение: «Херсонского мещанина Аджи-Смаил-оглу, высланного в военное время из Крыма и не имевшего права, без особого разрешения, прибыть сюда, немедленно выслать по этапу в Херсон, донеся мне об исполнении» [56].

Крымская (Восточная) война была одной из самых крупных и масштабных войн XIX в. Российская империя была атакована на Дунае и Кавказе, на Черном, Азовском, Балтийском, Белом и Баренцевом морях, а также на Тихом океане. Однако главные события этой военной кампании развернулись на Крымском полуострове. 349 дней русские войска обороняли Севастополь, который коалиция Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства планировали захватить за неделю. Важную роль в обороне «русской Трои» сыграл и Чоргунский отряд.

Источники и литература.

1. Алабин П.В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854-56, 1877-78 гг. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1892. Ч. III. Защита Севастополя (1854-1856). 788 с.
2. Александр Петрович Хрущов. Выдержки из его писем 1853-1859 гг. // Русская старина. 1892. Т. LXXI. № 9. С. 593-614.
3. Берг Н.В. Записки об осаде Севастополя. М.: Типография Каткова и К^о, 1858. Т. I. 265 с.
4. Бернов М.А. Из Одессы пешком по Крыму. Письма русского пешехода. СПб.: Типография Глазунова, 1896. 218 с.
5. Бларамберг И.Ф. Воспоминания / пер. с нем. О.И. Жигалиной и Э.Ф. Шмидта, вступ. статья Н.А. Халфина, коммент. О.И. Жигалиной. М.: Наука, 1978. 357 с.
6. Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 годов. СПб.: Типография Ф. Сущинского, 1876. Т. III. 462 с.
7. Борисов В.Е., Сыщанко В.Е. Походы 64-го пехотного Казанского его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича полка. 1642-1700-1886. СПб.: Типография И. Скороходова, 1888. XVI, 819 с.
8. Веникеев Е.В. Архитектура Севастополя. Симферополь: Таврия, 1983. 208 с.
9. Веникеев Е.В. Севастополь и его окрестности. М.: Искусство, 1986. 176 с.
10. Венюков М.И. Песня Севастопольца, 1855 г. // Русская старина. 1875. Т. XII. № 2. С. 441-443.
11. Война России с Турцией. 1854-1855 гг. // Русская старина. 1877. Т. XX. № 9. С. 167-174.

12. Воспоминания протестантского священника о французском лагере под Севастополем (1855-1856) / пер. В.В. Орехова // Орехова Л.А., Орехов В.В., Первых Д.К., Орехов Д.В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853-1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. Симферополь: Симферопольская городская типография, 2010. С. 160–211.
13. Выдержки из писем полкового священника М.С. Альбова, посланных им жене своей в Крымскую кампанию 1854-1855 года // Вестник военного и морского духовенства, 1914. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fort1854.narod.ru/otes_georgy/otes_pisma.html
14. Выписки из писем покойного генерала от инфантерии Константина Романовича Семьякина к его покойной супруге // Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. СПб.: Типография и Литография А. Таншеля, 1873. Т. III. С. 105–225.
15. ГАРК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 65.
16. ГАРК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 79.
17. Генрици А.А. Воспоминание о Восточной войне 1853-1855 гг. // Русская старина. 1877. Т. XX. № 11. С. 427–470.
18. Генрици А.А. Воспоминание о Восточной войне 1853-1855 гг. // Русская старина. 1878. Т. XXI. № 1. С. 79–97.
19. Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. СПб.: Типография Департамента Уделов, 1872. Вып. III. 531 с.
20. Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. СПб.: Типография Департамента Уделов, 1872. Вып. IV. 541 с.
21. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1900. Т. II. 524 с.
22. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1900. Т. III. 480 с.
23. Журнал генерал-лейтенанта Липранди о событиях в Крыму, со дня прибытия туда его дивизии до конца Инкерманского сражения // Военный сборник. 1902. № 5. С. 213–220.
24. Закон города Севастополя №17-ЗС от 3.06.2014 г. «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в городе Севастополе». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sevastopol.gov.ru/17-zs-ot-3-06-2014.html>
25. Известие из Крыма // Северная пчела. 1854. № 233. С. 1107.
26. Известия из Крыма. С 1 по 6 октября // Морской сборник. 1854. № 10. С. 118.
27. Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне // Русский архив. 1869. № 2. С. 381–384.
28. Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Рыжова о Балаклавском сражении // Русский архив. 1870. № 9. С. 1668–1676.
29. Корибут-Кубитович Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 года. Рассказ очевидца // Военный сборник. 1859. Т. VII. № 5. С. 148–166.
30. Кульбин Н.И. Столетие Военного министерства 1802-1902 гг. Очерк развития и деятельности военно-медицинского ведомства в царствование императоров Александра II, Александра III и Николая II. СПб.: Типография товарищества М.О. Вольф, 1911. Т. VIII. Ч. IV. Восточная война 1853-56 гг. 368 с.
31. Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам // ИТУАК. 1906. Т. 37. С. 1–260.
32. [Меньков П.К.] Записки Петра Кононовича Менькова / под ред. А.М. Зайончковского. СПб.: В. Березовский, 1898. Т. I. Дунай и немцы. (Восточный вопрос 1853-1855 г.). 471 с.
33. Монтгомери Б.Л. Краткая история военных сражений / пер. с англ. В.П. Михайлова. М.: Центрполиграф, 2004. 460 с.
34. Мысли фельдмаршала кн. Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя 16 сентября 1855 г. // Русская старина. 1872. Т. VI. № 10. С. 427–435.
35. Наумова Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853-1856 гг. М.: Модест Колеров, 2010. 320 с.
36. Николаев Н.Н. Великая страда. Иллюстрированная история обороны Севастополя / под ред. и с прим. А.С. Травчевского. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. печ. и писчебум. дела в России «Слово», 1904. XXIII, 520 с.
37. Обзор военных действий в Крыму с 1-го по 6-е октября // Северная пчела. 1854. № 229. С. 1090.
38. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 – 1794 годах / пер. с немецкого. М.: Наука, 1999. 246 с.
39. [Панаев А.А.] Князь Александр Сергеевич Меншиков. 1853-1869. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1877. 207 с.
40. Петрова М.М. История семьи Ревелиоти (по материалам ЦГААРК) // Греция и славянский мир. Симферополь: Крымский Архив, 2002. Вып. 1. С. 165–170.
41. [Пирогов Н.И.] Севастопольские письма Н.И. Пирогова 1854-1855 / под ред. и с прим. Ю.Г. Малиса. СПб.: Типография М. Меркушева, 1907. 231 с.
42. Письма, написанные из Крыма своей семье капитаном штаба Анри Луазьоном / пер. с франц. В.В. Орехова // Орехова Л.А., Орехов В.В., Первых Д.К., Орехов Д.В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная)

- война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. Симферополь: Симферопольская городская типография, 2010. С. 110–149.
43. Письма протоиерея Арсения Лебединцева, б. благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесением о ходе военных действий и состоянии церковей и духовенства во время 11-месячной осады Севастополя. К.: Типография Корчак-Новицкого, 1896. 185 с.
 44. Плестерер Л.Л. История 62-го Пехотного Суздальского генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского полка. Белосток: Паровая типо-лит. Ш.М. Волобринского, 1903. Т. 5. История Суздальского (1832–1855) пехотного полка. 689 с.
 45. Попов Ф.Г. История 48 Пехотного Одесского полка. М.: Типография Русского Товарищества, 1911. Т. II. IV, 397 с.
 46. Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) // Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. СПб.: Типолиитография и Литография А. Траншеля, 1872. Т. II. С. 195–291.
 47. Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб.: Военная типография, 1858. XIV, 550 с.
 48. Сысоев С.П. Песня о сражении при Федюхиных горах // Русская старина. 1875. Т. XII. № 3. С. 653–654.
 49. Тарле Е.В. Крымская война. М.–Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. Т. II. 656 с.
 50. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений / под общей ред. В.Г. Черткова. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935. Т. 4. Произведения севастопольского периода XI, 448 с.
 51. Тотлебин [Э.И.] Описание обороны г. Севастополя. СПб.: Типография Н. Тиблена и К^о, 1863. Ч. 1. 845 с.
 52. Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2004. 352 с.
 53. [Хрущов А.П.] История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютант Хрущова. СПб.: Типография и литография В.В. Комарова, 1888. 170 с.
 54. Шавшин В.Г. Севастополь в истории Крымской войны. Севастополь–К.: Телескоп–Арт–Политика, 2004. 304 с.
 55. Шкедя О.П. Турецкие военнопленные в России во время Крымской войны // Восточный архив. 2008. № 18. С. 21–26.
 56. Эмиграция как следствие беспощадной ликвидации традиционного общественно-экономического уклада крымских татар // Голос Крыма. 2005. № 36. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cidet.info/press/2005/20050109.html#23>

Список сокращений.

ГАРК –	Государственный архив Республики Крым
ИТУАК –	Известия Таврической ученой архивной комиссии

ЕВГЕНИЙ ДЕ ВИЛЬНЁВ, ВИКЕНТИЙ РУССЕН И ИХ «ИСТОРИЧЕСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМ ТАВРИДЫ»

ПЕТРОВА Э.Б.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Крым с его уникальной природой и богатейшей историей во все времена был благодатной почвой для деятельности людей одаренных и творческих. Яркий пример тому – плодотворная совместная работа двух замечательных представителей культуры Крыма середины XIX века: Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена, сведения о жизни и деятельности которых предоставляют нам главным образом архивные документы.

Евгений Францевич де Вильнёв¹ (1803–1870-е гг.) [6, с. 31–33, 40, 68, 299; 7; 8; 9; 10; 11, с. 34–38; 15, с. 115–126; 2; 12, с. 290–293; 13, с. 229, 237; 3] – француз на российской службе. Образование получил на родине, был членом Парижского исторического института. В 1837 г. переехал в Россию, преподавал французский язык в гимназии и уездном училище в Таганроге, в 1842 г. присягнул на подданство России; в 1844-м причислен к медицинскому департаменту Министерства внутренних дел и в следующем году, в качестве представителя Министерства, был командирован в Одессу. В 1848 г. его направили в Феодосию, где он в течение двадцати лет трудился в должности неперменного члена правления Феодосийского центрального карантина.

Евгений Францевич принадлежал к когорте широко образованных людей. Оказавшись в Крыму, он не мог не заинтересоваться его богатейшей историей, памятниками старины. О его увлечении знали друзья, коллеги, круг крымских интеллектуалов. В июле 1848 г. он начинает службу в Феодосийском карантине, и уже в ноябре этого года становится корреспондентом Одесского общества истории и древностей (в 1851-м – его действительным членом). По рекомендации Общества в 1849 г. назначается заведующим (хранителем) Феодосийского музея древностей – старейшего археологического музея на юге России, первого – в Крыму (музей был основан в 1811 г.). Эту работу он безупречно выполнял на протяжении пятнадцати лет (причем, на общественных началах, то есть бесплатно), значительно пополнив музейные фонды, занимаясь охраной, обследованием и изучением памятников античности и средневековья в Феодосии и ее довольно обширной округе.

Евгений Францевич был увлеченным археологом. В археологических поисках он видел не только надежный источник пополнения музейных коллекций, но и важнейший способ борьбы с грабительскими раскопками, приносившими огромный вред науке. В 1849–1852 гг. он производит первые в истории городов Старого Крыма и Феодосии археологические изыскания, а потом, в 1852 и 1853 гг., принимает участие в археологических раскопках, которые по заданию министра уделов графа Л.А. Перовского (в то время возглавлявшего Комиссию для исследования древностей) проводили князь А.А. Сибирский и художник И.К. Айвазовский вблизи Феодосии, на окаймляющей город горе Тепе-Оба, где находился древнегреческий городской курганный некрополь.

Важным событием в жизни Е.Ф. де Вильнёва было издание подготовленного им совместно с художником В.О. Руссеном «Исторического и живописного альбома Тавриды» (*Album historique et pittoresque de la Tauride. / Par E. de Villeneuve. Paris, 1853*) [14].

Викентий Осипович Руссен (1823/4 – 1897 г.) – феодосийский художник, имя которого до сих пор еще фактически не раскрыто в исторической и искусствоведческой литера-

¹ Формулярный список о службе Е.Ф. де Вильнёва (13. 08. 1855 г.): ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20878. Л. 2–7. Список чиновников Феодосийского карантина (23. 02. 1849 г.): ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1528. Л. 6. Сведения, предоставленные Е.Ф. де Вильнёвом в правление Феодосийского карантина для заполнения его формулярного списка о службе (05.10.1849 г.): ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1528. Л. 126–127.

туре¹. Из архивных документов следует, что он был уроженцем Таврической губернии, скорее всего, родился в Феодосии, происходил из семьи иностранцев – французско-подданных. В 1835–1839 гг. обучался в Феодосийском уездном училище, где педагоги сумели привить ему любовь к истории, а рисованием увлекался с детства. В дальнейшем Викентий Руссен «выдержал испытания в Симферопольской гимназии на учителя рисования, черчения и чистописания в уездных училищах», в 1844 г. получил соответствующее свидетельство от Императорской Академии художеств. В течение одного года учительствовал в Перекопском уездном училище, а с января 1847 по сентябрь 1856 гг. работал учителем рисования, черчения и чистописания в родном ему училище в Феодосии. В 1849 г. Викентий Руссен принимает присягу на подданство России. В сентябре 1856 г. Высочайшим приказом переводится «по его просьбе» на вакансию столоначальника правления Феодосийского центрального карантина, а в апреле 1858-го назначается на должность переводчика карантина. Руссен был молод и принял столь серьезное решение, определившее всю его дальнейшую судьбу, наверное, неспроста и, вполне возможно, не без влияния Е.Ф. де Вильнёва, хорошо знавшего работу в карантине и, очень вероятно, ходатайствовавшего за своего друга перед карантинным начальством. В августе 1892 г. в чине коллежского асессора Руссен завершил свою службу.

Интерес к архитектурным памятникам Феодосии и ее округи, а после и Крыма в целом, желание запечатлеть их в живописи проявились у Викентия Руссена еще в годы учебы, а в дальнейшем только возрастали. На его творческом почерке, выборе сюжетов должна была сказаться особая духовная атмосфера Феодосии – города, в котором с 1845 г. постоянно жил Иван Константинович Айвазовский. Они были знакомы. Не исключено, что Айвазовский, проявлявший большой интерес к делам Феодосийского музея и всячески поощрявший занятия живописью талантливых феодосийцев, помогал Вильнёву и Руссену советами. И наверняка не без согласия маэстро они поместили в своем альбоме три его литографии.

Знакомство Викентия Руссена с Евгением де Вильнёвом произошло по приезде последнего в Феодосию. К тому времени Руссен уже сложился как художник. Его произведения с видами Крыма произвели на Вильнёва хорошее впечатление, и вскоре они подружились, несмотря на значительную разницу в возрасте.

Их многое связывало – образованность, любовь к истории, к Крыму и его памятникам прошлого, забота об их сохранении. Они жили в маленьком городе и могли часто видеться, говорить на родном языке, осматривать древние руины Феодосии, вместе выезжать за пределы города для осмотра и зарисовок архитектурных памятников, копирования древних надписей. Викентий Осипович был помощником Евгения Францевича и во время его археологических поисков в Феодосии и за ее пределами. Из письма Вильнёва от 3 января 1850 г. известно, что Одесское общество решило вознаградить Руссена за бескорыстное подвижничество и выделило ему 25 руб. серебром (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 40. Л. 4). А 5 июля 1850 г. Вильнёв писал секретарю ООИД Н.Н. Мурзакевичу: «... я получил 50 руб. серебром, которые Общество отравило для археологических поисков в Старом Крыму. Мне ничто не помешает начать работу в следующем месяце... Я Вас также прошу... испросить отпуск на 15 дней Руссену, учителю рисования местной феодосийской школы, чтобы он сопровождал меня в Старый Крым» (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 40. Л. 14 об.).

Вместе друзья задумали издать альбом с видами Крыма и на протяжении нескольких лет готовили для него материалы: Вильнёв – текст, Руссен – иллюстрации. Литографии в «Историческом и живописном альбоме Тавриды» выдают в их создателе хорошего мастера. В свое время произведения Викентия Руссена пользовались успехом – и не только в родной ему Феодосии².

¹ Жизнь и деятельность В.О. Руссена отражена только в архивных документах (ГАРК. Ф. 100. Оп. 1; Ф. 195. Оп. 1). Лишь кратчайшая справка о нем содержится в двух изданиях книги М.Р. Мальгиной [4, с. 28, 30, прим. 1; 5, с. 42–43]).

² А.Л. Бертье-Делагард и А.И. Маркевич отмечали, что в собрании Одесского музея древностей хранятся литографии Руссена 1843 и 1849 гг. с изображением историко-архитектурных памятников Крыма [1, с. 41, 42, 57; 16, № 6555]. Шесть карандашных рисунков Руссена были переданы Одесским музеем Феодосийскому краеведческому музею (ныне Феодосийский музей древностей) после Великой Отечественной войны, когда пополнялись фонды музеев, пострадавших в годы фашистской оккупации. На них изображены мечети

«Исторический и живописный альбом Тавриды», изданный Евгением де Вильнёвом и Викентием Руссенем, состоит из двух частей.

Первая – описание таблиц – подготовлена Вильнёвом. Здесь Евгений Францевич выступил в роли историка и искусствоведа: он исследовал целый ряд архитектурных памятников средневекового Крыма, по возможности дал их (или отдельных их частей) датировки и описал настолько подробно, насколько ему позволили условия их осмотра и те письменные источники, которые имелись в его распоряжении.

Ко времени написания текста для альбома Вильнёв имел опыт работы с историческими материалами. В его комментариях к литографиям есть ссылки на сочинения античных и средневековых писателей, иногда, правда, через вторые руки. Из античных авторов он упоминает Гомера и Страбона; из средневековых – арабского писателя XIII в. Ибн Саид ал-Магриби, фламандского путешественника XIII в. Гильома (Виллема) де Рубрука, византийского историка XV в. Дуку. Довольно часто ссылается на свидетельства Мартина Броневского – посла польского короля в Крыму в 1578–1579 гг.

Проштудировал Евгений Францевич произведения российских и зарубежных исследователей конца XVIII – 1-й половины XIX в. Исторические справки, сопровождающие его комментарии к литографиям, взяты из них и соответствуют научным данным того времени (увы, частично, а порой и в значительной степени устаревшим в наше время). Ему известны работы итальянского историка и путешественника В. Формалеони, итальянского аббата Г.Л. Одерико, российских ученых – П.-С. Палласа, Б.В. Кёне, П.И. Кёппена, Ф.К. Бруна.

Обращается Евгений Францевич и к сочинениям путешественников по Крыму конца XVIII – 1-й половины XIX вв. Здесь еще раз нужно назвать П.-С. Палласа, объезжавшего Крымский полуостров в 1793 и 1794 гг. с научными целями, а также: француза швейцарского происхождения Ф. Дюбуа де Монпере, чей вояж по Кавказу, Закавказью и Крыму состоялся в 1832–1834 гг., одесского ученого Н.Н. Мурзакевича, впервые путешествовавшего по Крымскому полуострову в 1836 г., а после неоднократно его посещавшего. Познакомился Вильнёв и с первым путеводителем по Крыму, написанным швейцарским французом Ш. Монтандоном и опубликованным в Одессе в 1834 г.

Сочинения предшественников послужили Евгению Францевичу источником для исторических справок, которые сопровождают его описание литографий. Иногда он не соглашается с коллегами по перу и высказывает собственное мнение по тому или иному вопросу.

Читая комментарии Вильнёва к литографиям, опубликованным в его альбоме, приходится констатировать: некоторые памятники старины, которые видели и описали путешественники и исследователи конца XVIII – 1-й половины XIX ст., в его время, то есть в середине XIX в., уже отсутствовали. Так, он замечает: «*Большинство надписей, опубликованных Одерико, Дюбуа, Мурзакевичем, Кёне, не существует более в крепости Судак*» [14, р. 17].

При описании историко-архитектурных памятников Вильнёв иногда опирается на свидетельства своих предшественников, но чаще все же знает эти памятники не с чужих слов. В этом смысле его комментарии к литографиям близки сочинениям путешественников конца XVIII – 1-й половины XIX ст. Да и по времени написания его комментарии лишь немного старше записок вояжеров, в особенности тех, кто посетил Крымский полуостров в 1830-х – 1840-х гг. Однако следует заметить, что мало кто из путешественников имел возможность, как Вильнёв, не просто бегло осмотреть тот или иной памятник старины, но долго его наблюдать и исследовать. В особенности это относится к памятникам Феодосии и близких к ней мест, например, Судака, которые Евгений Францевич мог изучать на протяжении длительного времени. Да и в более отдаленных районах полуострова он, скорее всего, бывал не единожды.

При описании иллюстраций должное внимание Вильнёв уделит такому важнейшему виду источников по истории геноуэзских колоний в Крыму, как надписи на камне, продемонстрировав, между прочим, некоторые знания средневековой латыни.

в Карагозе, Колечь-Мечети и Старом Крыму – это часть тех произведений художника, которые стараниями Вильнёва попали в музей ООИД (остальные рисунки Руссена, как мне сообщили сотрудники Одесского музея древностей, ныне в его фондах не значатся).

Не без того, что в его тексте встречаются неточности и даже ошибки (например, он помещает Феодоро в Инкермане; не всегда верны его датировки), но это связано не с его некомпетентностью, а с уровнем научных знаний того времени. В конце XVIII – 1-й половине XIX в. наука о Крыме только зарождалась, книг, посвященных истории и культуре полуострова, было очень мало.

Описания литографий, сделанные Вильнёвом, и его письма в ООИД содержат ценные сведения по истории, искусству и археологии Крыма и являются для нас историческим источником, до сих пор почти, а чаще и совсем не использовавшимся специалистами. Они также существенно дополняют наши знания о культурной жизни Крыма во всех отношениях блестящего XIX столетия.

Вторая часть альбома – иллюстративная. Она открывается картой «Пояс укреплений и развалины Каффы с современными кварталами города Феодосии», снятые архитектором Людерицем в 1853 г. Далее следуют таблицы с литографиями. Здесь литография И.К. Айвазовского с видом на феодосийскую бухту и генуэзскую башню св. Константина. Далее – 35 литографий В.О. Руссена – виды и историко-архитектурные памятники Феодосии, Судака, Карагоза (ныне с. Первомайское, *Кировск.*) и более отдаленных мест – Алушты, Гурзуфа, Инкермана, Балаклавы. Здесь руины крепостей, некогда возведенных византийцами и генуэзцами, храмы представителей разных конфессий средневекового Крыма. В конце альбома – две литографии И.К. Айвазовского с видами Севастополя и Керчи. На последней таблице – схематический рисунок керченского храма св. Иоанна Предтечи (под рисунком подпись: «Е. Флавьен, гражданский инженер». Надо полагать, он и есть автор этого рисунка).

Большинство литографий в альбоме представлено печатью с одного камня, то есть монохромно, но некоторые оттиски выполнены печатью с двух камней: основного, с рисунком, и дополнительного, создающего фон различных оттенков – от охристо-желтоватого, зеленоватого до светло-голубого.

Литографии Викентия Руссена близки произведениям с видами Тавриды, созданным крымскими и приезжими – российскими и зарубежными – художниками в конце XVIII – 1-й половине XIX ст. Всех их привлекали пейзажи, памятники истории, разнообразие этнических типов крымских жителей. Зачастую пейзажи и старинные руины изображались красочнее, чем они были на самом деле. Тогда в моде было романтическое направление пейзажной живописи: мастера старались передать «портрет» местности, но, тем не менее, не отказывались от определенной идеализации. Не всегда рисовали понравившиеся виды с натуры – чаще писали их по памяти. Творческий почерк Викентия Осиповича вписывается в это направление. Нужно учитывать и то, что феодосийцу Руссену было близко творчество И.К. Айвазовского, как известно, внесшего существенный вклад в развитие романтического пейзажа. Общение с выдающимся художником не могло не сказаться на его манере письма.

Творческая натура Руссена и тяга к романтическому осмыслению пейзажа и архитектурных руин придавали некоторым его произведениям оттенок фантастичности. Порой, видимо, он писал не с натуры. В художественной манере нашего художника прослеживается также некая пасторальность: фигурки людей (мужчин, женщин и детей, священнослужителей и прихожан в храмы, военных, пастухов, людей разных национальностей и социального положения), домашних животных, птиц подчеркивают мирную безмятежность, характерную для изображаемых им мест. Памятники зодчества изображены в окружении пышной зелени, над ними мягкие облака, через которые порой пробиваются лучи солнца; море или тихое, или слегка волнующееся, с лодками, парусниками. Очевидно, что перед нами произведения не простого рисовальщика, поставившего перед собой задачу изобразить памятники прошлого ради сохранения их облика для потомков, но профессионального живописца, для коего руины древних стен и башен, старинные храмы являются экзотическим фоном, на котором разворачивается жизнь, наполненная ежедневными заботами и глубокой верой в Бога.

В его литографиях не всегда представлена реальная картина, есть искажения. В особенности это чувствуется в произведениях с изображением нефеодосийских мест, то есть тех, в которых Руссен бывал не часто. А Феодосию наш художник знал блестяще, что и сказалось на более реалистичном изображении ее видов и наиболее примечательных архитектурных памятников.

При всем том нельзя сказать, что произведения Викентия Осиповича существенно искажают реальную картину – нет, они дают нам представление о том, как выглядели памятники крымского зодчества в середине XIX ст., а при сопоставлении с иными живописными произведениями и письменными источниками даже позволяют восстановить их прежний облик, в особенности это касается тех сооружений, которые до нашего времени либо не сохранились, либо дошли в сильно руинированном виде.

Понимая, что публикация такого объемного издания потребует затраты немалых сил и средств, Е.Ф. де Вильнёв задумал выпустить его не целиком, а отдельными частями – тетрадями, или, как он их называл, выпусками. Это следует из «Проспекта» – листа-вкладыша (предполагалось, что покупатели, приобретая отдельные тетради, переплетут их под общей обложкой и подошьют в переплет лист-вкладыш). Вильнёв написал «Проспект» 15 января 1857 г. с целью дать некоторые пояснения для тех, кто пожелал или пожелает приобрести альбом.

В «Проспекте» сообщается, что для альбома подготовлено сто иллюстраций и они будут распределены по выпускам, в каждом – по четыре иллюстрации (таблицы) с пояснительным текстом. Всего планировалось издать 25 выпусков, которые *«будут появляться каждые два месяца, начиная с публикации шестого номера»*. Цена одного выпуска – 2 руб. серебром (или 8 франков), полной подписки – 50 руб. серебром.

В 1853–1854 гг. вышло в свет пять тетрадей, следовательно, было опубликовано два десятка иллюстраций. Вильнёв говорит, что издание альбома прервали «политические события последних лет». Но «Проспект» писался им в 1857 г., то есть уже после окончания Крымской (Восточной) войны, и автор выражал уверенность в том, что публикация отдельных выпусков альбома будет продолжена. Действительно, еще пять тетрадей с двадцатью иллюстрациями вышли в свет в последующие годы. Но весь альбом так и не появился в печати. Публикация десяти тетрадей с четырьмя десятками таблиц завершилась, по-видимому, к 1858 г. или в 1859-м.

Что же предполагалось опубликовать в так и не увидевших свет частях альбома? Евгений Францевич делится в «Проспекте» своими планами с читателями: *«Нам первым предстоит воспроизвести... памятники средневековья, дать план, который ранее не был снят, и Каффы, и Солхата, или Эски-Крыма. Руины Византийской империи, монастырей, церквей, внутренних частей церквей, дверей церквей, синагог, мечетей, могил, бань, фонтанов, башен, крепостей и т.д.»*, *«барельефы, фигурки, античные вазы, генуэзские гербы, надписи, которые находятся в музее Феодосии»*, а чтобы *«соединить настоящее и будущее»* – добавить *«памятники Долгорукову, Казарскому, виды Ореанды, Алупки, Ливадии и т.д.»*

Примечательно, что Вильнёв и Руссен намеревались поместить в последующих выпусках альбома изображения не только памятников архитектуры, но также музейных экспонатов эпохи античности и средневековья, красивейших видов Южного бережья и первых памятников, украсивших новые города в Крыму – Симферополь и Севастополь: памятников князю В.М. Долгорукову-Крымскому и командиру брига «Меркурий» А.И. Казарскому. Для этого Вильнёву и Руссену понадобилось объездить многие города и селения Крымского полуострова. К сожалению, выходу в свет всех подготовленных для публикации частей альбома помешали какие-то неизвестные нам обстоятельства, скорее всего, связанные с трудностями послевоенного времени, финансовым обеспечением, а быть может, и плохим состоянием здоровья Евгения Францевича (о чем он неоднократно извещал в письмах своих коллег из Одесского общества).

Задумав опубликовать «Исторический и живописный альбом Тавриды», Вильнёв мог рассчитывать на материальную поддержку Одесского общества истории и древностей, библиотек и учебных заведений, а также состоятельных людей в Крыму и за его пределами, почему и организовал подписку на готовившееся к печати издание. Отнюдь не богатое Одесское общество без промедления подписалось на два полных экземпляра книги, заплатив за каждый 50 руб. серебром (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 3. Л. 45 об. – 46). Издание изначально поддержали материально князь М.С. Воронцов и прусский принц Карл, которому Вильнёв посвятил альбом в знак «глубокого уважения и благодарности».

Евгений Францевич считал необходимым снабдить книгу списками подписавшихся на нее – это библиотеки и учебные заведения, а также многие известные в России и Западной Европе

люди, ценители литературы и искусства, пожелавшие приобрести альбом для своих библиотек, а заодно помочь автору его издать. Подписчики фигурируют в книге как «попечители».

Список подписавшихся на альбом в 1852 г. свидетельствует об интересе к готовящемуся изданию, в первую очередь, людей, связанных с Новороссией, Крымом: князь и княгиня Воронцовы, граф Л. Перовский, граф Л. Потоцкий, князь А. Сибирский, генерал-лейтенант В. Пестель, группа одесситов, директор армянского колледжа в Париже Габриэл (Гавриил) Айвазовский, в Феодосии – архитектор Людериц и настоятель армяно-католической церкви Иосиф Карамурза. Подписались на альбом Казанский университет, Одесское общество истории и древностей, Ришельевский лицей в Одессе, библиотеки в Одессе и Севастополе.

Список подписчиков, датированный Вильнёвом маем 1853 г., заметно расширился, в нем появились весьма высокопоставленные особы, учреждения и лица из разных городов России и из заграницы: цесаревич Александр Николаевич (будущий российский император Александр II), принц Карл Прусский и правительство короля Пруссии, принц П. д'Ольденбургский, князь Н. Юсупов, граф Г. Строганов, граф В. Соллогуб, профессор университета в Падуе Ванцетти; Лесной институт в Санкт-Петербурге, Дворянский институт в Пензе, библиотека в Николаеве, дирекция училищ Таврической губернии; перечислены поименно подписчики разного ранга из Петербурга, Одессы, Таганрога, Мариуполя, Ялты. В списке фигурируют и хорошо знакомые Вильнёву феодосийцы: Ф. Пекарский (инспектор Феодосийского центрального карантина), И. Айвазовский, И. Карамурза, Людериц, В. Руссен.

Среди подписавшихся на альбом в 1854, 1856 и 1857 гг. – новые учреждения и лица. Список 1854 г. открывают российский император Николай I и его супруга Александра Федоровна, за ними следуют: граф М. Виельгорский, А. де Стурдза, князь А. Демидов, Пьер Бутурлин, училище в Алёшках (ныне г. Цюрупинск). В списке 1856 г. – новые лица из Петербурга, Одессы, Бессарабии, Лондона. А в 1857 г. император Франции Наполеон III *«приказал, чтобы на это издание подписались библиотеки империи»* (интерес французов к России и Крыму, сыгравшему выдающуюся роль в войне 1853–1856 гг., был велик, да и альбом выходил в Париже). В этом году к прежним подписчикам добавились: Комитет по статистике Министерства внутренних дел в Санкт-Петербурге, Правительственная библиотека в Варшаве, Королевская библиотека в Мюнхене, Императорская библиотека в Вене, князь В. Панин, княгиня Л. Херхеулидзе, губернатор Новороссии и Бессарабии граф А. Строганов, градоначальник Одессы граф Ф. Алопеус, генеральный консул Австрии, генеральный консул Турции, новые лица из Одессы, Харькова, Феодосии.

Очевидно, что когда начали появляться первые выпуски альбома, о нем узнали многие в России и за границей и пожелали его приобрести.

Альбом Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена давно стал библиографической редкостью. Единичные его экземпляры, имеющиеся в российских, украинских и зарубежных библиотеках, как правило, сохранились не в полном виде. Так как книга издавалась частями в течение нескольких лет, то не во все библиотеки, пожелавшие ее иметь, попали все вышедшие из печати десять выпусков. Нужно учесть, что публикация альбома пришлось на годы Крымской войны, это могло отразиться и на количестве подписчиков, и на численности дошедших до нас экземпляров альбома, который издавался во Франции, входившей в коалицию государств, воевавших с Россией. Удивительно, что Вильнёву удалось выпустить книгу в Париже в такое время. Наверное, это было непросто. Вполне возможно, Евгению Францевичу помогли его родственники, жившие во Франции.

Комментарии Е.Ф. де Вильнёва и литографии В.О. Руссена являются для нас ценным историческим источником. Это важные ориентиры для археологов и искусствоведов, они дают нам представление о сохранности историко-архитектурных памятников крымской старины на середину XIX в. С тех пор некоторые из этих построек оказались сильно руинированными или неоднократно (а порой значительно) переделанными, другие вообще исчезли (храм на Карадаге, синагоги в Феодосии, мечеть в Карагозе). А литографии Руссена – еще и достойные внимания художественные произведения.

Годы, проведенные Евгением Францевичем в Феодосии, стали главными в его жизни, ведь именно здесь, в городке на окраине Российской империи, он смог всецело отдаться

любимому делу – углубиться в историю и заняться археологией. Благодаря работе в музее и на благо охраны памятников истории и культуры Крыма, изданию альбома с видами Тавриды и ее архитектурных памятников Е.Ф. де Вильнёв, скромный труженик Феодосийского карантина, стал известен в кругах российских интеллектуалов и за границей, его имя оказалось навсегда вписано в историю и культуру Крыма и России. А Викентий Руссен – художник, краевед, педагог – своим творчеством и подвижничеством обогатил культуру Крыма XIX столетия.

Источники и литература.

1. [Бертъе-Делагард А.Л.] Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей. / Сост. А.Л.Б.Д. Одесса, 1888.
2. Карпенко А.В., Петрова Э.Б. Письма Е.Ф. де Вильнёва в ООИД: 150 лет с начала археологических раскопок в Феодосии // ИНК. 2004. № 3–4.
3. Малышев Д.А. Е.Ф. де Вильнёв и его роль в изучении материальной культуры прошлого Юго-Восточного Крыма // Таврійські студії. Сімферополь, 2011. № 1.
4. Мальгина М.Р. Виды Крыма первой половины XIX века: Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь, 2006.
5. Мальгина М.Р. Живописная Таврида. Каталог литографий XIX века: Из собрания Центрального музея Тавриды. Симферополь, 2011.
6. Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели: XIX – начало XX в. Симферополь, 2000.
7. Петрова Э.Б. О начальном периоде археологических исследований в Феодосии: Вильнёв, Сибирский, Айвазовский // ПИФК. 2002. Вып. 12.
8. Петрова Э.Б. Хранитель феодосийских древностей Е.Ф. де Вильнёв // УЗ ТНУ. 2003. Т. 16 (55). №1. История.
9. Петрова Э.Б. Евгений Францевич де Вильнёв // Французы в Крыму. Симферополь, 2004.
10. Петрова Э.Б. Вильнёв Е.Ф. де // Крым в лицах и биографиях. Симферополь, 2008.
11. Петрова Э.Б. Вильнёв де Е.Ф. // Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры: Биобиблиографический словарь. Киев, 2011.
12. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России: XVIII – середина XIX в. СПб., 2002.
13. Тункина И.В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей (1771–1871). Киев, 2011.
14. Album historique et pittoresque de la Tauride. / Par E. de Villeneuve, membre effectif de la societe Odessienne d'histoire et d'antiquites, de l'institut historique de France conservateur du musee de Theodosie, membre du conseil d'administration de la quarantaine de cette meme ville, etc. etc. Paris: Kaepelin, imprimeur-litographe, editeur qual Voltaire, 17, 1853. (Исторический и живописный альбом Тавриды Е. де Вильнёва, действительного члена Одесского общества истории и древностей, Французского института истории, хранителя Феодосийского музея, члена административного совета карантина этого города и пр. и пр. Париж: Каппелин, печатник-литограф, издатель (Наб. Вольтера, 17), 1853.)
15. Petrova E. Eugène Frantsevitch de Villeneuve // Les Français en Crémée. Симферополь, 2008.
16. Тауріса: Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. / Сост. А.И. Маркевич. Симферополь, 1894.

Список сокращений.

ГАОО	– Государственный архив Одесской области (Одесса)
ГАРК	– Государственный архив Республики Крым (Симферополь)
ИНК	– Историческое наследие Крыма (Симферополь)
ООИД	– Императорское Одесское общество истории и древностей
ПИФК	– Проблемы истории, филологии и культуры (Москва; Магнитогорск)
УЗ ТНУ	– Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Рис.1. В.О. Руссен. Руины генуэзской крепости в Феодосии (Album..., il. 3)

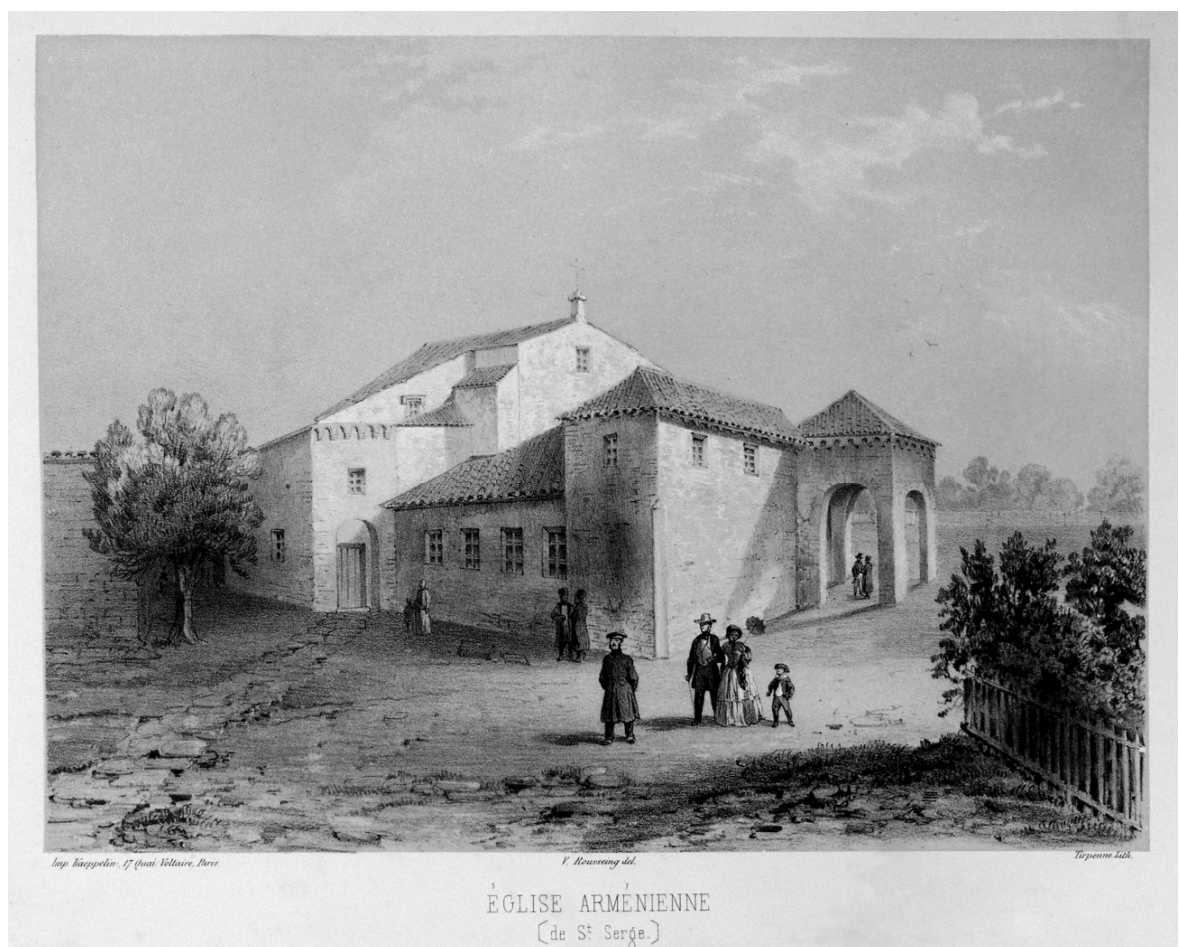

Рис. 2. В.О. Руссен. Армянская церковь св. Сергия в Феодосии (Album..., il. 4)

Рис. 3. В.О. Руссен. Греческая церковь (Введенская) в Феодосии (Album., il. 5)

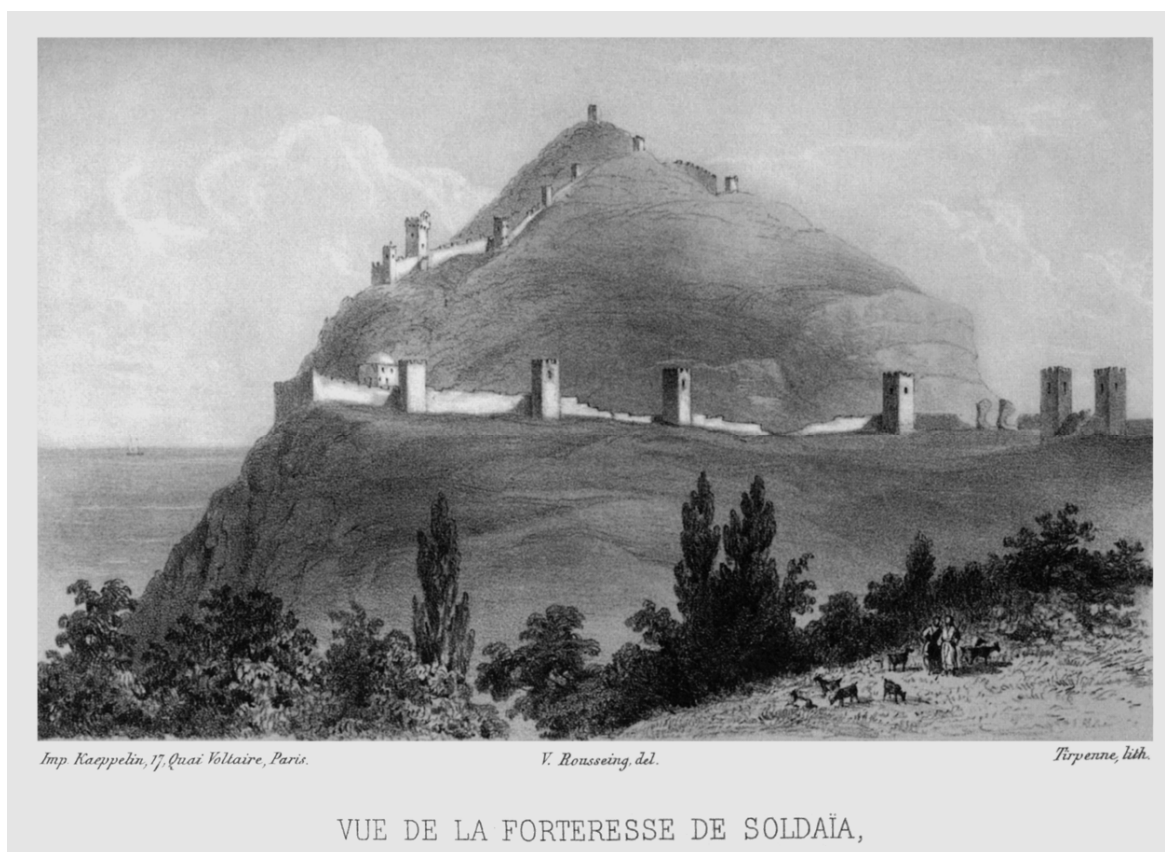

Рис. 4. В.О. Руссен. Вид на Судакскую крепость с немецкой колонии (Album., il. 25)

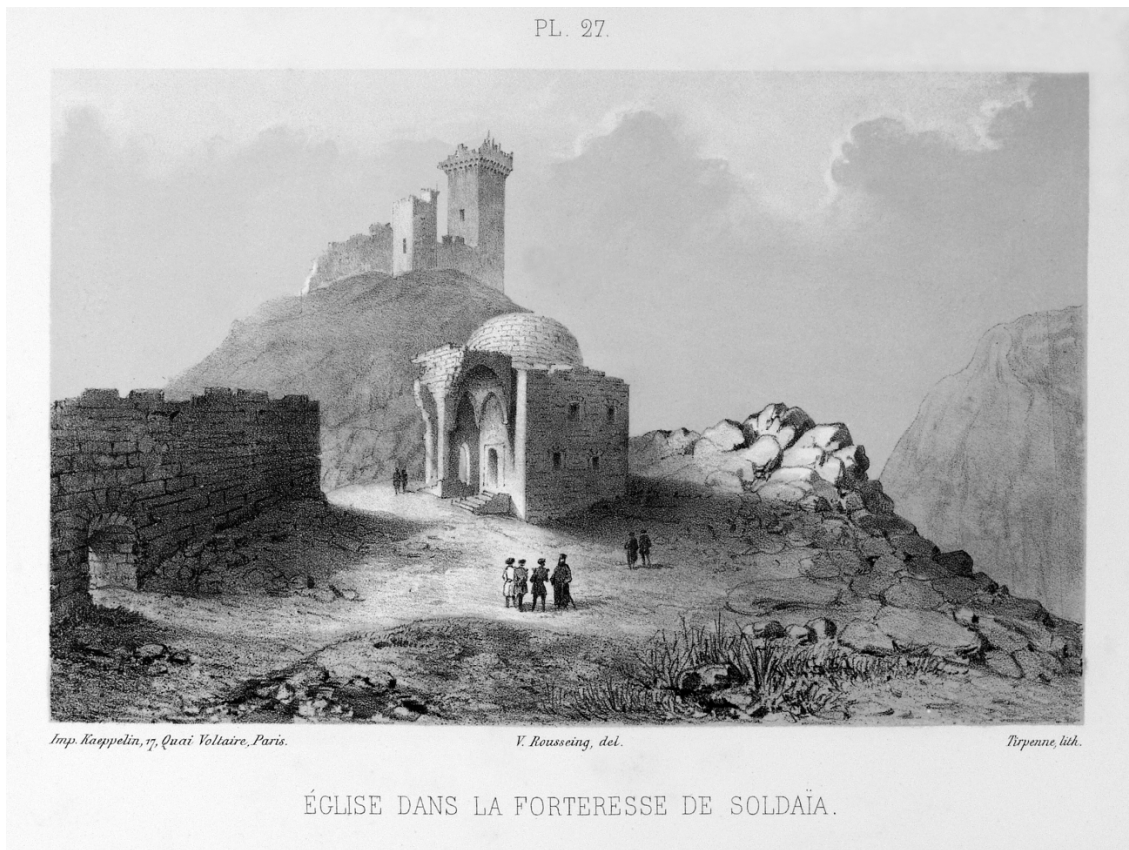

Рис. 5. В.О. Руссен. Церковь (т. н. храм с аркадой) в крепости Солдайя (Судак) (Album..., il. 27)

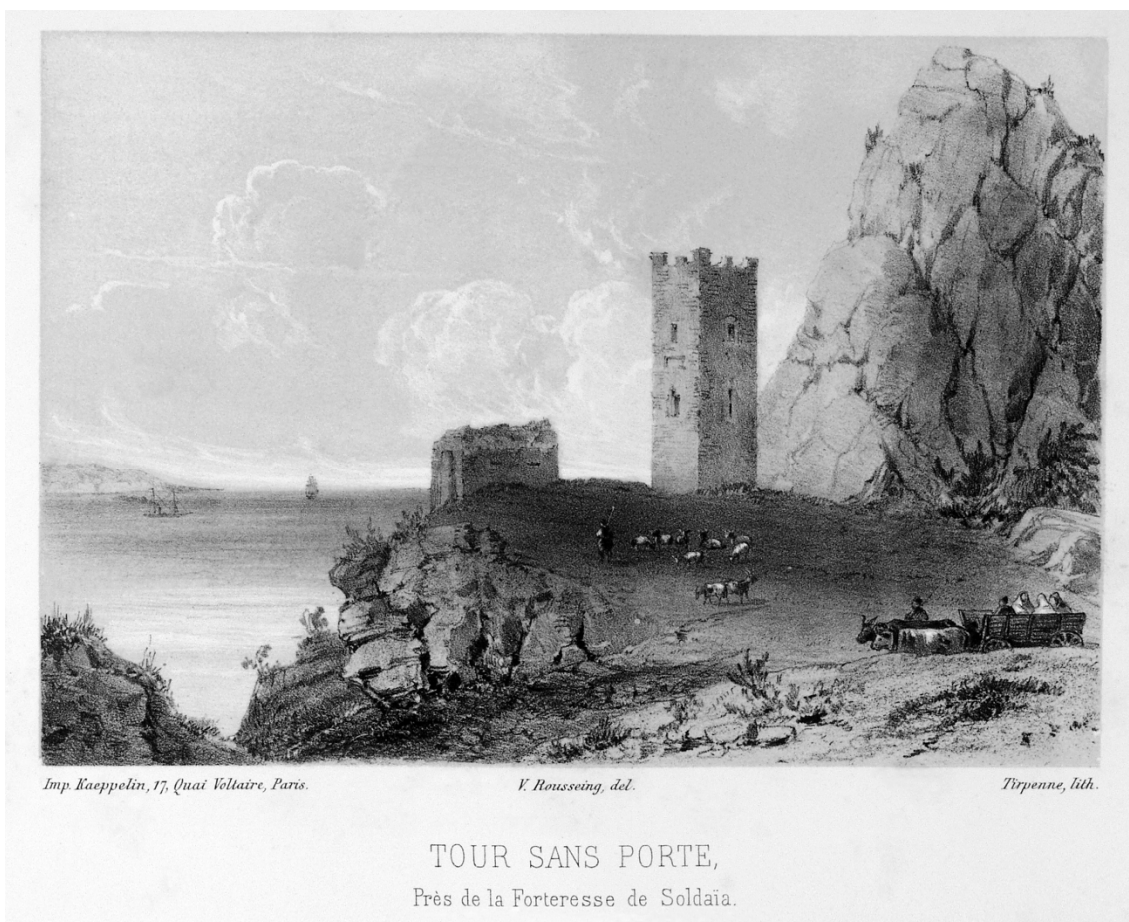
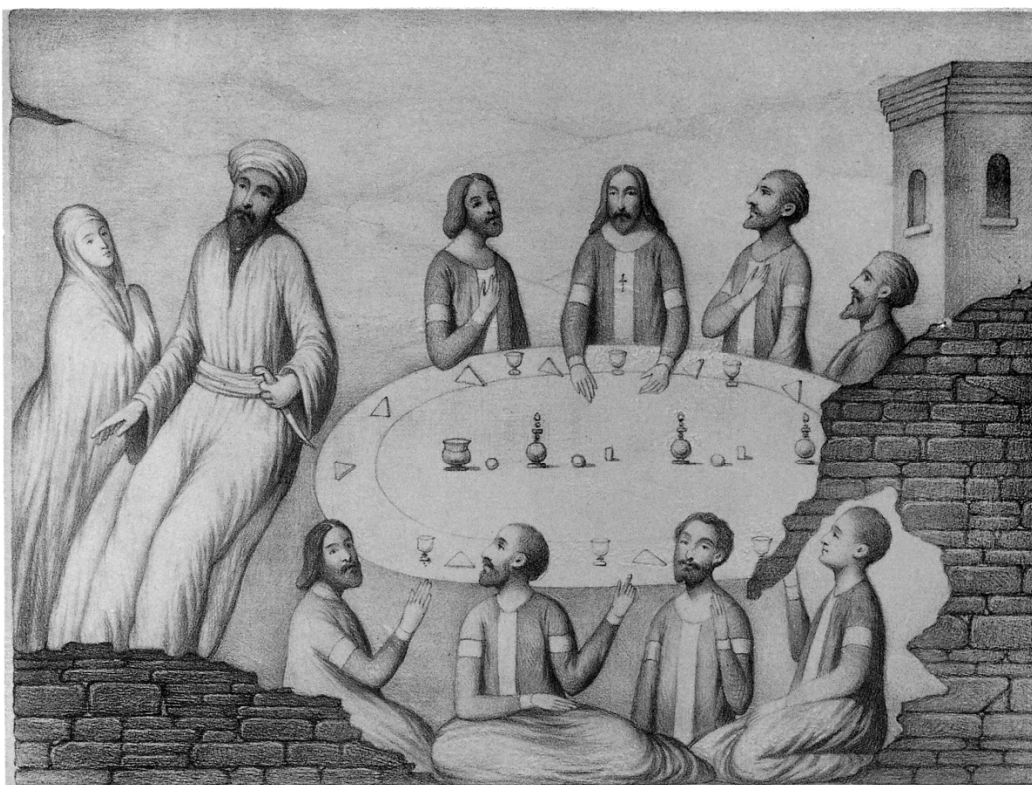

Рис. 6. В.О. Руссен. Башня без дверей, около Солдайской крепости (Album..., il. 29)

Imp. Kasppelin, 17, Quai Voltaire, Paris.

Barry, lith.

PEINTURE DANS L'ÉGLISE GRECQUE.
près de la Tour sans porte, à Soudak.

Рис. 7. В.О. Руссен. Фреска в греческой церкви возле башни без дверей в Судаке (Album..., il. 30)

PL. 31.

Imp. Kasppelin, 17, Quai Voltaire, Paris.

V. Roussing, del.

Tirpenne, lith.

VALLÉE DE SOUDAK.

Рис. 8. В.О. Руссен. Судакская долина (Album..., il. 31)

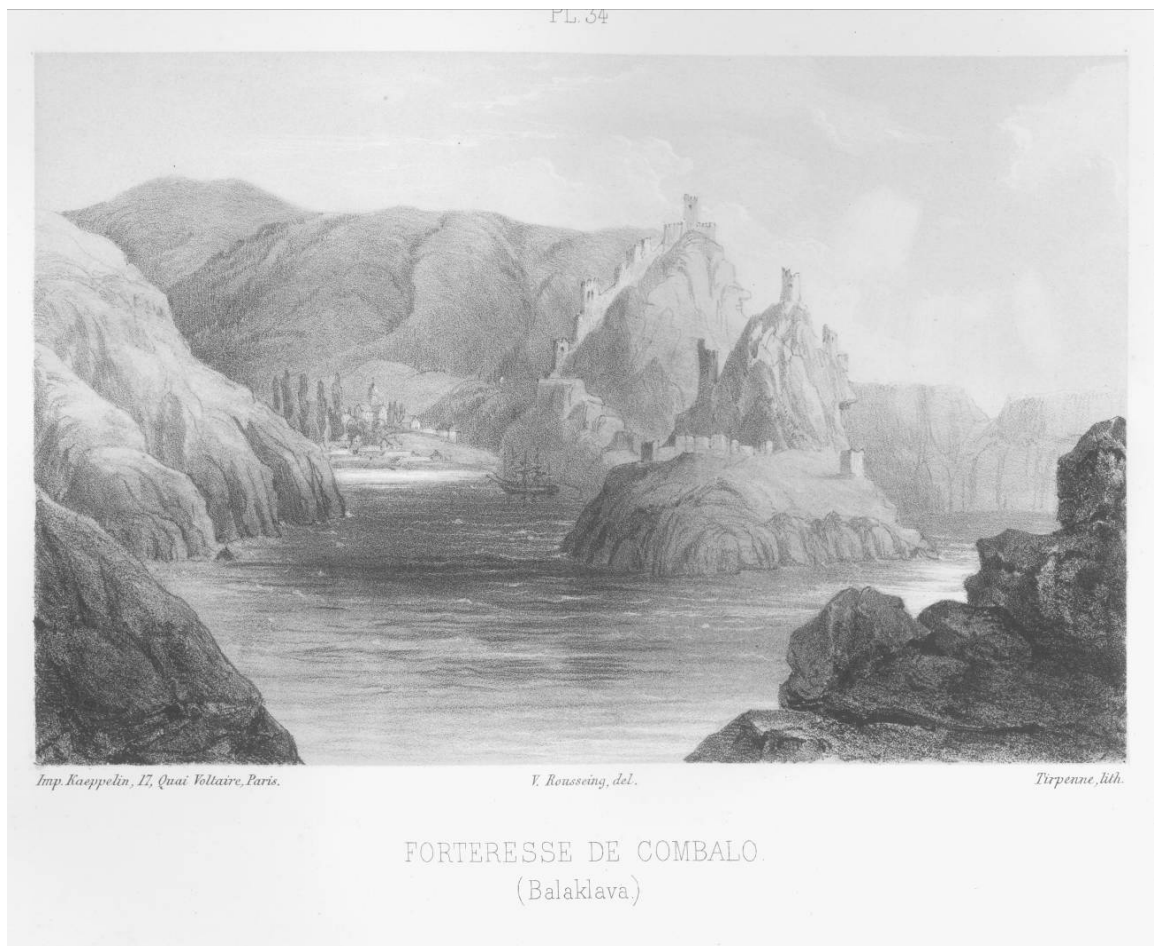

Рис. 9. В.О. Руссен. Крепость Чембало (Балаклава) (Album..., il. 34)

Рис. 10. В.О. Руссен. Крепость Алустон (Алушта) (Album..., il. 35)

Рис. 11. В.О. Руссен. Крепость Горзувиты (Гурзуф) (Album., il. 36)

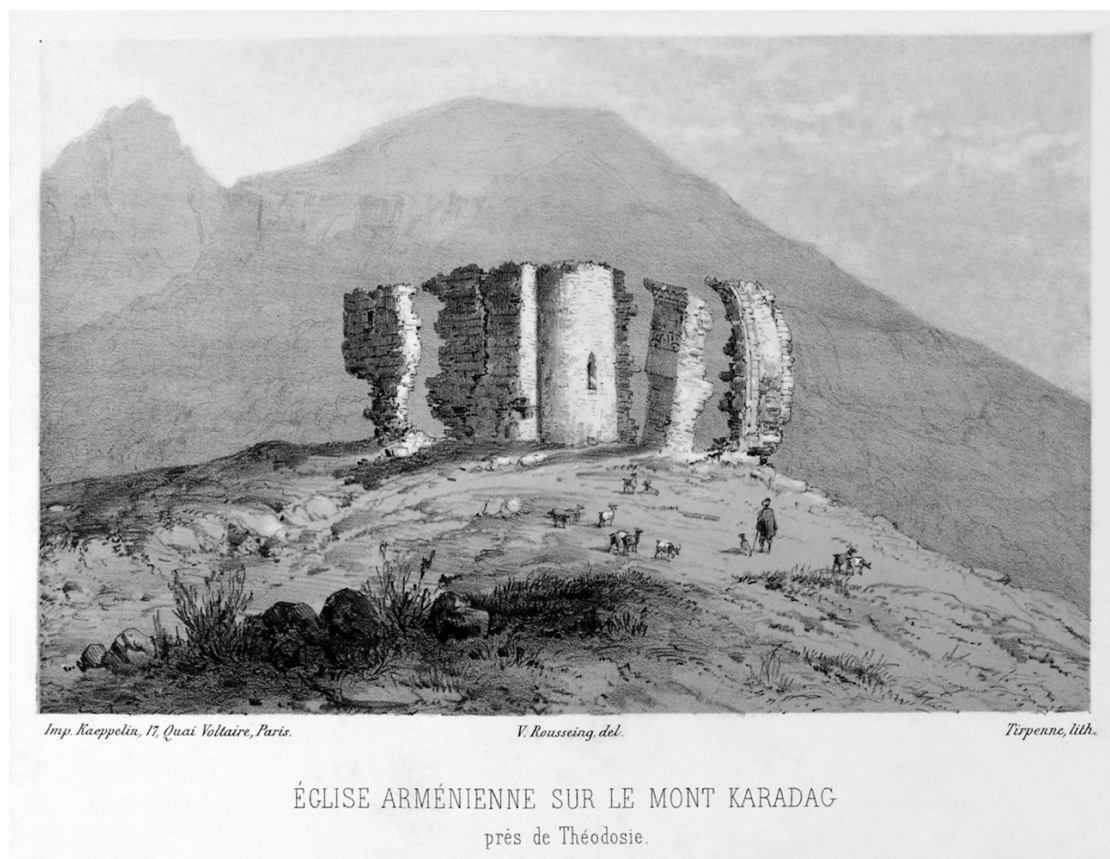

Рис. 12. В.О. Руссен. Армянская церковь на горе Карадаг, около Феодосии (Album., il. 37)

PL. 38.

Imp. Kauppelin, 17, Quai Voltaire, Paris.

V. Rousseing, del.

Tirpenne, lith.

MOSQUÉE DE KARAGOS.

Рис. 13. В.О. Руссен. Мечеть в Карагозе (Album..., il. 38)

ИСТОЧНИКИ ПЕРЕЯСЛАВСКОГО МИФА И МЕТОДОЛОГИЯ ИХ «НАУЧНОЙ» ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ставицкий А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Известно, что по истории Освободительной войны 1648–1654 гг. историки насчитывают более 10 тысяч письменных источников. И примерно шестая их часть касается истории взаимоотношения Московского государства и Войска Запорожского.

К сожалению, значительная часть документов, хранившихся в генеральной и войсковой канцеляриях Войска Запорожского, в ходе войн по различным причинам была утрачена. Но хранившиеся в российских архивах документы, несмотря на аналогичные проблемы, сохранились гораздо лучше. Однако этот факт воспринимается и интерпретируется многими украинскими историками как «доказательство» того, что российская сторона намеренно уничтожала украинские архивы, дабы легче было фальсифицировать то, что осталось, с целью обоснования добровольного вхождения Украины в состав «Московии» [См.: 11].

Впрочем, данный аргумент убеждает лишь людей несведущих и не знакомых с методикой сравнительного анализа источников. Ведь имеющиеся документы несложно сравнить на предмет их достоверности [См.: 5]. К тому же помимо документов, сохранившихся в России и Украине, существует большое количество документов иностранного происхождения, прямо или косвенно подтверждающих традиционную точку зрения, сложившуюся по этому вопросу в российской историографии [См.: 12].

Кстати, обращаем внимание на такое довольно любопытное обстоятельство, что в работах ведущих украинских исследователей Переяславской рады нет ссылок на источники, подтверждающие этническое и конфессиональное единство русских Великой и Малой Руси, включая массовое желание населения Малороссии воссоединиться с живущими в московском государстве единоверными братьями [См.: 14]. Хотя таких документов насчитывают сотни. При этом использование ярлыка «Переяславский миф» по отношению ко всем документам и исследованиям, которые противоречат официальной «национально-государственной» концепции, призвано оправдывать любую аргументацию её сторонников.

Возможно, поэтому московские оригиналы написанных на т.н. «московском языке» «Статей Б. Хмельницкого» [См.: 33] и Жалованной грамоты Алексея Михайловича [См.: 9], украинские историки нередко называют «копиями» (А. Яковлев и др.), позже переведёнными на «белорусский язык» и отправленными гетману. Хотя в действительности это исходные документы, сохранившиеся до наших дней в том виде, в каком были подписаны царем и заверены государственной печатью «с новопробылыми титулы» 21 и 27 марта 1654 года.

В целом общие подходы в украинской историографии выстраиваются вокруг трёх основных обвинительных позиций, согласно которым историки либо:

- не знают исторических документов;
- не умеют их грамотно анализировать [1, с. 196];
- просто бессовестнейшим образом их фальсифицируют.

Понятно, что сами по себе подобные обвинения и активные призывы к борьбе против мифологизации и фальсификации истории [См.: 35] как бы подразумевают, что сами борцы профессиональны, грамотны и кристально чисты. Но это не так. Поэтому профессионализм украинских историков скорее заключается в другом.

Основные методы их «работы» с источниками сложились ещё в период генезиса украинской историографии [9, с. 60–110] и строятся на купировании и компиляции выбран-

ных текстов, а также на изобретении «новых» и фальсификации известных документов с целью доказательства своей версии [См.: 6].

Нередко авторы объединяют разные источники в один, как это делал с письмами черныбыльского протопопа М. Грушевский. Аналогичное компилирование присуще и многим другим историкам. Так, один из наиболее авторитетных «исследователей» данной эпохи Р. Бжецкий в рассказе о переяславских мещанах, которых якобы «гнали к присяге палками», объединил сведения черныбыльского протопопа о том, как киевских «мещан силою гнали к присяге» и о мародерах [См.: 16], которых казаки Кропивенского и Полтавского полков якобы «побили палками» [2, с. 260].

В другом случае Р. Бжецкий пытался убедить, что уже весной 1654 г. в документы по условиям вхождения Войска Запорожского были вписаны требования разместить российские войска в других городах помимо Киева. *«Москвины добавили, что московское войско должно стоять не только в Киеве, но и в Чернигове, Переяславе и Нежине. Были и другие инновации, односторонне внесенные москвинами»*, – возмущался Р. Бжецкий, «рассматривая» статьи «Переяславского договора» 1654 года. Однако ни в «14-ти пунктах» [См.: 7], ни в «Статьях Б. Хмельницкого» [См.: 34], ни в Жалованной грамоте [См.: 8] ничего подобного нет. А сей факт взят из пункта 5 «Переяславского договора» 1659 года [См.: 32], составленного в других военно-политических условиях.

Отдельно следует отметить наиболее часто цитируемые украинскими историками источники. Так, применительно к Переяславской раде у большинства украинских историков ставка привычно делается на выборочные цитаты из «реляции» М. Крыницкого и «свидетельства» Г. Котошихина (А. Яковлев, О. Оглоблин и др.), которые, опираясь на непроверенные слухи, ставили под сомнение подлинность документов и порядочность русских послов в Малороссии. Исходя из этого, содержание документов можно либо игнорировать, либо домысливать как «исследователю» заблагодарассудится и фантазировать по их поводу. Однако на самом деле убедительность используемых в украинской историографии документов, включая тексты Г. Котошихина, «реляцию» М. Крыницкого, письма черныбыльского протопопа и «украинского» шляхтича С. Павши вытекает лишь из их очевидной антироссийской окраски. И не более.

Напомним, что в данном случае речь идёт о неоднократно отредактированных источниках пересказов слухов о желанном для поляков, но сомнительном сопротивлении решениям Переяславской рады, оставленных не её непосредственными участниками, а только современниками. Рассмотренные в конкретном историческом контексте эти источники вскрывают не только стремление высшего малороссийского духовенства сохранить свою власть и доходы при любом развитии событий, но и потребность польской разведки увидеть и представить происходящее именно так, как ей хотелось.

В силу этого, с учётом неоднократного компилирования и предвзятой редактуры текстов украинскими историками, можно сделать вывод о том, что письма С. Павши, черныбыльского протопопа и «Реляция» Крыницкого не являются достоверными свидетельствами негативного восприятия московского подданства большинством малороссиян.

Что касается весьма жёсткой оценки деятельности русских послов Г. Котошихиным, то для того чтобы доказать фальсификацию ими статейных списков, этого явно недостаточно.

При этом, сторонники точки зрения о подделке основных документов в Москве полностью игнорируют тот факт, что помимо документов Посольского приказа существуют, например, малороссийские летописи, составленные казаками, державшими в руках Жалованные грамоты царя и грамоту Б. Хмельницкого от 17 февраля 1654 года, написанные «белорусским письмом». Напомним, что С. Величко [См.: 4], Г. Грабянка [См.: 17] и другие малороссийские летописцы не только полностью цитировали эти документы, но и описывали их внешний вид. А значит, ссылки на отсутствие оригиналов документов, отправленных в 1654 году гетману, не могут оправдать вольные интерпретации на этот счёт украинских историографов.

Таким образом, в целом для «национально-сознательных» украинских историков типичным в работе с источниками середины XVII века является:

- использование при «анализе» событий двойных стандартов и неисторической терминологии;
- перенос современных представлений на прошлое, ведущий к неверным, идущим вразрез с источниками трактовкам событий и явлений вплоть до наличия в рамках одной исторической доктрины непоследовательно изложенных и даже взаимоисключающих «доказательств»;
- тенденциозный отбор свидетельств, подчеркивавших все худшие стороны Московского государства и русского народа, его создавшего;
- подмена документальных свидетельств радикальными и тенденциозными утверждениями украинских «историков»;
- использование в качестве научных терминов неаутентичных, а зачастую и во все неисторичных, нередко оскорбительных для русского народа названий;
- приписывание русскому правительству намерений, которые оно не могло иметь или осуществить;
- использование метода морализации истории через подмену исторического анализа расстановкой эпитетов и приписыванием историческим персонажам односторонне негативных или позитивных черт.

При этом заметно, что, критикуя «сфальсифицированные» посольствами (или издателями) документальные источники на предмет их достоверности и подлинности, украинские историки:

- охотно используют представленную в них информацию там, где это им было выгодно;
- обычно опираются на выдаваемый за летопись известный «политический памфлет» под названием «История Русов», фактически не просто приравнивая его к историческому источнику, но и наделяя его наиболее значимым для источника статусом.

Таким образом, применительно к переяславскому мифу мы имеем дело с системой представлений, сформировавшейся как следствие тенденциозно рассмотренных, неверно понятых и истолкованных данных, сложившихся в результате специального редактирования, а нередко и прямого подлога исторических документов. И сделано это было лишь для того, чтобы соответствовать новой украинской идентичности современных историков [См.: 20].

Как следствие в ней роль источников стали играть «классические» сочинения украинских историографов конца XIX – начала XX века, чтобы с их помощью доказывать безусловную достоверность и «непреложную ценность» «катехизиса» украинской «историографии» вышеназванной «Истории Русов».

В результате в ходе развития украинской историографии по данному вопросу возник довольно любопытный феномен, когда историография замыкается на себе самой, черпая из себя и постоянно воспроизводя в разных вариантах одни и те же идеи и версии. А в них роль новых исторических источников для украинских историков выполняют исторические труды и неверные по сути высказывания их предшественников.

Так, например, воскресив сказку В. Липинского об унижении Б. Хмельницким московских дипломатов в 1650 году, когда он *«послов московских к пушкам приковывал»* [15, с. 61], Р. Бжеский внёс в неё некоторые изменения, после чего послы, сбросившие тяжкое бремя прикованных к ним орудийных стволов, превратились в объект для рукоприкладства раздражённого гетмана [2, с. 256].

Понятное дело, что при таких своеобразных подходах к анализу исторических событий во многих «исследованиях» по истории Переяславской рады, авторы подчёркивают свою «объективность» и «беспристрастность», которых они, безусловно, придерживаются в сочетании с глубоким знанием первоисточников с целью найти и раскрыть ту самую настоящую историческую правду, которую от украинского народа многие годы злостно скрывали [См.: 23]. Однако она сводится к таким идеям, которые жёсткого всестороннего и перекрёстного анализа совсем не выдерживают.

Хотя сам факт типичного для них применения неаутентичных для того времени названий: «украинцы» [См.: 22], «Украинская держава», «москвины» [См.: 13], «москов-

ты», «Московия», «Московщина», «Московство», «московский язык» и пр., – говорит о том, что их целью является не всестороннее и непредвзятое исследование, а навязывание и обоснование своей особой версии, историческими документами не подтверждающейся [См.: 10]. Версии, которая, при всём разнообразии, а зачастую и очевидной противоречивости, существует и развивается в режиме единства множеств.

Интересно, что само наличие различных версий по поводу характера решений Переяславской Рады в украинской историографии без их системного анализа подаётся и воспринимается, как право трактовать «Мартовские статьи» историками как им хочется. Однако, хотя при любом анализе исторических событий их различные интерпретации неизбежны, грамотный историк должен интерпретировать их в рамках тех возможностей, которые предоставляет ему содержание документов [См.: 30].

При этом сам факт того, что в украинской историографии существуют разные оценки Переяславского «соглашения», подаётся украинскими историками как признак их бесспорной научности [См.: 21]. Однако такая позиция следует из незнания природы современной мифологии, которая вполне способна предоставлять целый «веер» взаимоисключающих версий по поводу той или иной исторической мифологемы. Причём, излагать их и отстаивать могут одни и те же люди. Те, что под видом борьбы с чужим мифотворчеством активно создают, обосновывают и пропагандируют своё [См.: 18].

Допустим, что занимающиеся разработкой основных мифологем украинские историки могут разбираться в исторических событиях, хотя и достаточно специфически их трактуют. Но они явно не разбираются в мифологической онтологии [См.: 28], исходя из устаревшего принципа разделения науки и мифа, где наука строится на фактах, а миф – на вере. И уже в силу этого никаких трактовок происходящего миф не допускает. На самом деле в рамках общего мифологического пространства разные трактовки одного и того же события вполне могут сосуществовать [См.: 29].

Поэтому нередко одни и те же историки в одном случае могут заявлять, что Мазепа как «мифический» Конрад Валленрод из одноименной поэмы А. Мицкевича с самого начала любыми способами боролся за независимость Украины, лишь прикидываясь верным соратником Петра, а в другом – уверять, что Мазепа верно служил русскому царю, пока не понял, что никакой благодарности ему за верность не будет. И вот тогда он начал борьбу, используя армию шведского короля Карла XII, «с открытым забралом». Просто у каждой из этих трактовок свой «электорат» и свои потребители [См.: 3]. В первом случае – в нём содержится установка для «непримиримых борцов» руководствоваться в своей борьбе за Украину принципом «что хорошо для Украины – угодно и Господу», а в другом – урок для желающих жить дружно с Россией: как бы вы ни пытались дружить с Московией, она вас всё равно обманет, предаст, обезоружит и закабалит [См.: 31].

В свою очередь, дабы оградить себя от обвинений в подделке и некорректной интерпретации источников, многие историки прибегают к давно испытанному в украинской историографии приёму – обвинению своих оппонентов в фальсификации документов и мифотворчестве [См.: 19]. Причём масштаб их, по мнению отдельных украинских историков, таков, что изучение «Переяславского договора» становится вредным и невозможным, *«так как это на руку врагам украинского государства»* [2, с. 250].

Не удивительно, что практически во всех исследованиях украинских историков игнорируется главное: отмеченное в сотнях и сотнях документов искреннее стремление большей части русского народа Малороссии и Московского государства к воссоединению.

Об этом сообщают многочисленные документы русского и нерусского происхождения, включая малороссийские летописи XVII–XVIII веков и сообщения сторонних лиц – греческих купцов (И. Петрова-Тафлария, Х. Мануйлова И. Остафьева и пр.) и духовенства (монаха П. Алеппского, старца Павла, коринфского митрополита Иоасафа, иерусалимского патриарха Паисия и пр.). В них подчёркиваются такие важные факторы сближения, как единство происхождения, истории, языка, культуры, веры «казацкого народа» и т.н. «московитов». Об этом же упоминается в письмах польского воеводы А. Киселя, диариушах (дневниковых записях) шляхтичей В. Мясковского, записках иностранных путешественников [См.: 6, с. 19-59].

Причём, этих данных настолько много, что любому историку, который хоть как-то хочет сохранить свою претензию на объективность, следует их учесть. Однако на этот счёт в украинской историографии господствует мнение о том, что свидетельствующие о желании русского народа Малороссии стать подданными русского царя летописи написаны представителями пророссийски настроенной украинской шляхты [См.: 23, с. 148–150]. Тогда как тексты, отражающие точку зрения пропольски настроенного казачества Правобережья, были российской стороной уничтожены. Однако, если такие документы когда-то существовали, они должны были сохраниться вне пределов российской историографии. Но ни украинские, ни польские историки подобных источников, которые бы подтверждали их версии, до сих пор не представили [См.: 25]. И есть основание полагать, что не представляют, делая ставку на уже наработанное. Так, несмотря на постоянные пополнения украинских исследователей, тема «перяславского мифа», словно заезженная пластинка, «бежит» по очередному кругу [См.: 6, с. 113–187].

Впрочем, не будем недооценивать усилий современных украинских историков. Они грамотно работают и очень стараются [См.: 26]. И будут стараться до тех пор, пока в разрабатываемой и обслуживаемой ими исторической доктрине будет социально и политически оформленная потребность [См.: 24]. Но имеет ли эта работа отношение к науке или национальной пропаганде, пусть каждый уже решает сам.

Источники и литература.

1. «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией» (Акты ЮЗР). Т. X.
2. Бжеський Р. Переяславська умова в планах Б. Хмельницького та “Переяславська легенда” // Переяславська рада 1654 року. Історіографія та дослідження. (Під ред. Соханя П., Шашкевича Я.). К.: Смолоскіп, 2003. С.248-268.
3. Бортников В. «Розмежування» в Україні в контексті ціннісної ідентифікації населення // Політичний менеджмент. 2007. № 1. С. 37-47.
4. Величко С. В. Літопис. Т. 1. / Пер. з книжної української мови, вст. стаття, комент. В. О. Шевчука; Відп. ред. О. В. Мишанич. К.: Дніпро, 1991. 371 с.; Літопис. Т. 2. / Пер. з книжної української мови, комент. В. О. Шевчука; Відп. ред. О. В. Мишанич. К.: Дніпро, 1991. 642 с.
5. Викторов Ю.Г. Проблема достоверности «неканонических источников» о Переяславской раде 1654 г. // Вестник РУДН, №6, 2008. С. 43-47.
6. Викторов Ю. Г. Украинская историография о взаимоотношениях Московского государства и Запорожского Войска в 1648-1654 годах и ее источниковая база: дис. ...канд. истор. наук, специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. М.: МГУ, 2009. 250 с.
7. Договірні статті із Російським царем Олексієм Михайловичем від 13 березня 1654 року // Тисяча років Української суспільно-політичної думки. Т. 3 Кн. 1. К.: Смолоскіп, 2001. С. 262-267.
8. Жалованная грамота войску запорожскому о правах войсковых // Жалованная государевы грамоты, отправленные с войсковыми посланниками в Малороссию и помеченные 27 числом марта 1654 года // Акты ЮЗР. т. X. С. 489-494.
9. Жалованная грамота царя Алексея Михайловича гетману Б. Хмельницкому и всему Войску Запорожскому о сохранении их прав и вольностей (27 марта 1654 г.) // Акты ЮЗР. Т. X.. С. 489-494.
10. Журухина А. Образ России в учебниках по истории Украины [Электронный ресурс] / Сайт «Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве». – Режим доступа: http://www.ia-centr.ru/archive/public_detailsa651.html?id=402
11. Заборовский Л.В. Переяславская рада и Московские соглашения 1654 года: проблемы и исследования // Россия-Украина: история взаимоотношений. Сб. статей. (Отв. редакторы: Миллер А.И., Репринцев В.Ф., Флоря Б.Н.). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 39-49.
12. Карпов Г.Ф. Критический обзор разработки главных русских источников до истории Малороссии относящихся, за время: 8-е января 1654 – 30-е мая 1672 года. М.: Типогр. Грачева и комп., 1870. 179 с.
13. Косаренко-Косаревиц В. Московський сфінкс. Нью Йорк: R. Krupka & A. Bilan, 1957. 490 с.
14. Кравченко В.В. Концепції Переяслава в українській історіографії // Переяславська рада 1654 року. Історіографія та дослідження. (Під ред. П. Соханя, Я. Дашкевича). К.: Смолоскіп, 2003. С. 463-523.
15. Липинський В.К. Україна на переломі 1657-1659 років (Замітки до історії українського державного будівництва в XVII-ім столітті. Відень, 1920. 260 с.
16. Лист шляхтича С. Павші до віленського воеводи князя Я. Радзивила (11 (21) лютого 1654 р.) // Мицик Ю. Нові документи до історії Переяславської ради 1654 р. [Електронний ресурс] // Сайт українського історика Юрія Мицика. – Режим доступа: <http://mytsyk.iatp.org.ua/inshi/novdo/html>
17. Літопис гадяцького полковника Г. Грабянки (Пер. із староукр. Р. Іванченка). К.: Т.-во “Знання” України, 1992. 192 с. (Обращаем внимание на упоминание перевода летописи: с т.н. староукраинского языка,

- который на деле оказывается немного архаичным русским языком, свободно понимаемым современным читателем).
18. Лосев И. Украинские ученые – о Переяславской раде [Электронный ресурс] // Сайт «Українське життя в Севастополі». - Режим доступа: http://ukrlife.org/main/prosvita/rada_los.htm
 19. Лукінюк М.В. Обережно: міфи! Спроба системного підходу до висвітлення фальшувань історії України. К.: Вид. ім. Олени Теліги, 2003. 576 с.
 20. Масненко В.В. Самоідентифікація українських істориків у контексті становлення національної історичної думки // Киевская старина, №6, 2002. С. 92-106.
 21. Махун С. Валерий Степанков: «История – наука. Поэтому можно познавать прошлое!» // День, №199, 5.11.2003. С. 1.
 22. Мончаловский О. О названиях «Украина», «украинский» // «Украинская» болезнь русской нации. М.: Имперская традиция, 2004. С. 187-189.
 23. Мякотин В.А. Идея русского единства в прошлом (рецензия на книгу: Лаппо И.И. Идея единства русского народа в юго-западной Руси в эпоху присоединения Малороссии к московскому государству. Прага, 1929) // Украина – это Русь: Литературно-публицистический сборник (Под ред. М.И. Туряницы). СПб.: ЛИО «Редактор», 2000. С. 148-150.
 24. Нарочницкая Н. А. Украина: историческая ретроспектива и геополитическая перспектива [Электронный ресурс] // Сайт «Руська правда». – Режим доступа: <http://www.ruska-pravda.com/nit-vremeni/45-st-nit-vremeni/21433-ukrainaistoricheskayaretrospektiva.html>
 25. Пекевич К. Переяславская Рада 1654 года в новейшей польской историографии и публицистике [Электронный ресурс] // Сайт «Соционауки». – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/145372/>
 26. Родин С. Отрекаясь от русского имени: происхождение, подлинная история и реальное настоящее «Украины» и «украинцев». М.: Крымский мост, Форум, 2006. 474 с.
 27. Смолин М.Б. Укратиофильство в России // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М.: Москва, 1998. С. 5-22
 28. Ставицкий А. В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
 29. Ставицкий А. В. Современный миф: его природа и предназначение. Севастополь: Рибэст, 2013. 148 с.
 30. Ставицкий А. В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.
 31. Ставицкий А. В. Мифы Украины: Мазепа. Севастополь: Рибэст, 2012. 172 с.
 32. Статті, або Переяславські конституції, дані при обранні на гетьманство Юрія Хмельницького всому Запорозькому війську від Великого государя, царя всеросійського, в літо 7167-го, січня 13-го, а від Різдва Христового – 1659-го // Тисяча років Української суспільно-політичної думки. Т. 3 Кн. 1. С. 357.
 33. «Статьи Б. Хмельницкого», определявшие положение Украины в составе Русского государства (21 марта 1654 г.) // Акты ЮЗР. Т. X. С. 477-484.
 34. Статьи, предоставленные войсковыми посланниками боярам, 21 марта, и государевы указы на них («Статьи Б. Хмельницкого», определявшие положение Украины в составе Русского государства (21 марта 1654 г.) // Акты ЮЗР. Т. X. С. 477-484.
 35. Штепа П. Московство: его происхождение, содержание, формы и историческое развитие. (Пер. с укр. В. Молчанова). К.: «Слово», 1998. 382 с.

ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ МИФ В СВЕТЕ ПРИМЕНЯЕМОЙ «НАУЧНОЙ» ТЕРМИНОЛОГИИ

Ставицкий А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

В связи с тем, что в обосновании Переяславского мифа активную роль играют профессиональные украинские историки, нам следует особо оговорить вопрос применяемой ими терминологии.

Так, одной из особенностей взглядов отстаивающих идеи украинства историков, с помощью которых они могут успешно скрывать и осуществлять свои подтасовки и фальсификации, формально не выходя за пределы научного дискурса, является типичная для них системно организованная терминологическая путаница и невнятица. Благодаря ей, по отношению к периоду XVI-XVIII веков украинские историки умышленно используют такие термины, которые будут введены несколькими столетиями позже.

В частности, применение терминов «Украина», «украинцы», «украинское казачество», ставшее типичным и общепринятым в советский период, для «казацкого периода» истории Украины является методически неграмотным и терминологически некорректным. Ведь Украина в её нынешних границах возникла лишь в советский период как результат произвольных и авторитарных действий советского руководства, которое руководители современной Украины публично осуждают, хотя благодаря им Украина существует в нынешних границах, продолжая до сих пор паразитировать на советских достижениях. Соответственно и терминология утверждается и приживается в то же время. Не ранее.

Поэтому нам следует оговорить, что в середине XVII в. Украина:

- как термин, в отличие от названия «Малороссия», являлась топонимом, а не этнонимом. Иначе говоря, она не подразумевала особую территорию, которую заселял некий этнос укров или украинцев, а имела в виду только пограничные земли Руси, соотносимые с названиями Киевщина или Слобожанщина [См.: 15];

- не включала в себя Галицию, Волынь, Подолию и другие районы Малороссии, территориально ограничиваясь средним Поднепровьем;

- означала польское юго-восточное пограничье [См.: 10], заселённое преимущественно русским населением Речи Посполитой [См.: 3; 18].

Поэтому заявления в духе молодого «национально-сознательного» украинского «историка» Я. Давиденко о том, что «сразу после подписания в Переяславе договора», «положившего начало нового закабаления украинского народа» [22, с. 119], «Москва» стала «по собственной инициативе называть Украину «Малой Россией» или «Малороссией», включая ее в свой царский титул» [33, с. 159], в результате чего «из свободного государства, основы которого заложил Богдан Хмельницкий, Украина превратилась в Малороссию – в Малую Россию» [33, с. 125], следует считать малограмотной инсинуацией.

В свою очередь термин «украинцы»:

- не имел широкого применения в XVII в. (в источниках упоминается лишь несколько раз) и подразумевал не национальность, а место жительства (пограничье), как не характеризует особую этническую принадлежность определение «киевлянин» или «одессит»;

- впервые был заявлен как не топоним, а этноним в работах польских интеллектуалов и подвижников Я. Потоцкого и Т. Чацкого на рубеже XVIII-XIX вв. после распада Речи Посполитой. Так, согласно их мнению, он произошёл от названия заселившего в VI в. Поднепровье древнего народа укров [См.: 31];

- на протяжении XIX в. из обозначения партийной принадлежности при помощи целенаправленной деятельности сначала «укаинофилов», а затем «хлопоманов» и «народовцев» он под воздействием установок идеолога польского украинства Ф. Духинского

стал превращаться в определение особой «национальности», в корне отличной от русских. Потом это положение окончательно закрепили в 20-30-х гг. XX в. большевики. Правда, в отличие от большевиков, которые считали великороссов, белорусов и украинцев – разными ветвями одного народа, Ф. Духинский утверждал, что «москаля» на самом деле не славянского, а туранского происхождения с примесью монгольской крови, и настаивал, что они украли у украинцев их название и присвоили их историю, чтобы подчинить их себе. Именно поэтому все сторонники идей Ф. Духинского называют Московскую Русь, Россию – Московией, а русских – москалями, москвинами, московитами: чтобы подчеркнуть, что они не имеют права так называться. Хотя в действительности подобное название столь же нелепо, как если бы Францию называли Парижанией, Англию – Лондонией, а США – Вашингтонией. И соответственно им определяли гражданство и национальность («парижанцы», «вашингтонцы» и пр.). Более того, в украинском языке они всячески избегают слова «русский», подменяя его на «російська» или «московський» и полностью выводя из употребления украинцами как неправильное. В результате в украинском языке как бы нет «РУССКОГО» языка или «РУССКОЙ» национальности. И в этом совсем небольшом факте как в зеркале отражается общее для профессиональных украинцев credo: закрепить данные идеологические установки как научно доказанные и привычные на уровне подсознания, чтобы никому неповадно было подвергать их сомнению.

Возможно, поэтому в своей нашумевшей работе «Приєднання чи возз'єднання?» М. Брайчевский утверждал, что русский и украинский народы сформировались ещё до XVII века, а использование украинцами самоназвания «русь», «русские» было связано с тем, что они якобы следовали привычной «традиции», признавая своё общее с «москалями» происхождение [См.: 4].

Напомним, что в ходе развернувшейся по выдвинутым в работе М. Брайчевского тезисам полемики он подвергся критике известного украинского историка М.Ф. Котляра [См.: 14], который указал, что, вопреки утверждениям М. Брайчевского:

- Переяславский договор не был результатом сговора узкого круга лиц;
- в XVIII в. «украинцы», «белорусы» и «россияне» считали себя единым русским народом;
- Украина не была капиталистическим государством [4, с. 347-348].

Отдельно стоит оговорить и проблему термина «воссоединение», использование которого применительно к решениям Переяславской рады стало модным в период правления Н.С. Хрущева. Так:

- идея «воссоединения» подвергается критике профессиональных украинцев, считающих, что никакого воссоединения украинского и русского народов не произошло, так как оба народа были слишком разными. Тем более что украинский народ был обманут. Следовательно, борьба за освобождение от Москвы исторически справедлива и юридически правомерна.

Вместе с тем, данная идея предпочтительнее идеи «присоединения» и подводит к мысли о равенстве Украины с Россией как субъектов международного права, поскольку лишь в этом случае Украина могла «воссоединиться», а не быть «присоединена». Однако сей вариант можно было понимать и так, что территория присоединялась к России в ходе собирания русских земель, а народ русский Малой и Великой Руси, бывший до того разделённым, после Переяславской рады просто воссоединялся [См.: 16].

В соответствии с этим применение понятия «воссоединение» в данном случае уместно лишь в контексте воссоединения разделённого ранее народа русского, но никак не по отношению к воссоединению РАЗНЫХ народов, стран или государств.

Разумеется, такой подход вызывает у ряда идеологов украинства возражения. «Что касается Переяславской легенды о "воссоединении украинского и российского народов-братьев", то Вацлав Липинский замечал, что при других обстоятельствах можно было бы создать легенду о "воссоединении" с турками. От себя добавлю, что она не выглядела бы такой дикой, как легенда Переяславская о "воссоединении" украинского, земледельческого, славянского с московским, кочевым, угро-финским народом», - уверен Р. Коваль [См.: 13].

В самом деле, если исходить из идеи Ф. Духинского, что русский народ – «москалии» – по своему происхождению является смесью туранцев, монголов и угро-финнов, а украинцы, включая казаков, – сплошь славяне и земледельцы, начисто игнорируя вопрос их общего вероисповедания, то почему бы не предположить, что турки украинцам ближе, чем русские? Конечно, данный вопрос является риторическим с тем дополнением, что подмена причин восстания Б. Хмельницкого в работе В. Липинского «Україна на переломі 1657–1659 років», из которой Р. Ковалем взято данное сравнение [19, с. 57], вырвано из исторического контекста, не имеет логически выраженного и документально подтвержденного обоснования и строится на доверчивости неподготовленного читателя, не знающего источников, раскрывающих мотивацию Б. Хмельницкого, оставившего немало документов, раскрывающих истинные причины малороссов воссоединяться с Московской Русью в середине XVII в.

Так, в его письмах, адресованных в Россию, мы находим следующие строки: «*Зичили бихмо собі самодержца господаря такого в своєї землі, яко ваша царская велможност православний хрестиянський цар, азали би предвічноє пророчество от Христа Бога нашего ісполнилось*» [20]; «...і по вас самих, православних хрестиян, штоби есте на віру нашу хрестиянскую, однакую з вашою...» [21]. А в его обращении русскому послу Г. Унковскому подтверждалось уже сказанное: «*А мы царского величества милости ищем и желаем потому, что от Владимирова святого крещения одна наша благочестивая хрестиянская вера с Московским государством и имели едину власть. А отлучили нас неправдами своими и насильем лукавые ляхи*» [30]. Одним из таких «лукавых ляхов» и был поляк по происхождению и католик по вероисповеданию Вацлав Липинский, идеолог современного украинства, для которого «*в борьбе с Польшей царь занимал место султана, и только*» [19, с. 57].

Именно поэтому мы может утверждать, что и В. Липинский, и Р. Коваль своим сравнением лишь демонстрируют свою некомпетентность и заинтересованность превратно истолковать историю, опираясь на сведения о том, что Б. Хмельницкий пытался искать поддержки у султана Османской империи и даже получил от него соответствующую грамоту. Хотя тот факт, что гетман не дал хода этому процессу в конце 1653 года, показывает, что выбор делал не он, а народ малорусский. И в его выборе альтернативы уже не было. А «турецкая карта» всего лишь «работала» как способ дополнительной мотивации русского царя, побуждавший его действовать активнее и решительнее.

Профессиональный историк в данном случае должен учитывать исторический контекст и то весьма простое и недвусмысленное обстоятельство, что воссоединявшиеся в Переяславе народы Руси говорили на одном языке [См.: 28] и были одной веры. Безусловно, что для населения Малороссии именно эти доводы были самыми важными тогда, о чём весьма недвусмысленно в своей речи поведал гетман Б. Хмельницкий: «*Панове Полковники, Ясаулы, Сотники и все войско Запорожское, и вси православнии Хрестияне! ведомо то вам всем, как нас Бог свободил из рук врагов, гонящих церковь Божию и озобляющих все Хрестиянство нашего православия Восточного, что уже шесть лет живем без Государя в нашей земли в безпрестанных бранях и кровопролитиях с гонители и враги нашими, хотящими искоренити церковь Божию, дабы имя Руское не помянулось в земли нашей, что уже вельми нам всем докучило, и видим, что нельзя нам жити боле без Царя; для того ныне сбрали есмя Раду, явную всему народу, чтоб есте себе с нами обрали Государя из четырех, которого вы хочете; первый Царь есть Турский, который многожды чрез послов своих призывал нас под свою область; вторый Хан Крымский; третий Король Польский, который, будет сами похочем, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть Православный Великия России Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея России Самодержец Восточный, которого мы уже шесть лет безпрестанными молении нашими себе просим; тут которого хотите избирайте. Царь Турский есть бусурман; всем вам ведомо, как братии наши, православнии хрестияне, Греки беду терпят, и в каком суть от безбожных утеснении; Крымской Хан тоже бусурман, которого мы по нужди и в дружбу принявши, каковыя нестерпимыя беды приняли есмя! Какое пленение, какое нещадное пролитие крови хрестиянския от Польских Панов утеснения, никому вам сказывать не надобет; сами вы все ведаете, что лучше жиди*

и пса, нежели христианина, брата нашего, почитали. А православный христианский Великий Государь, Царь Восточный, есть с нами единого благочестия Греческого закона, единого исповедания, едино есми тело церкви православием Великия России, главу и мущу Иисуса Христа.

Той Великий Государь, Царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православныя церкви в нашей малой России, шестылетных наших молений безпрестанных не презривши, теперь милостивое свое Царское сердце и нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с Царскою милосты о своєю прислати изволил, которого естли со усердием возлюбим, кроме Его Царския высокия руки благодетнейшего пристанища не обрящем; а будет кто с нами не согласует теперь, куды хочет, вольная дорога» [5, с. 373].

Как видим, альтернатива присоединения Войска Запорожского к Московскому государству была и гетманом проговаривалась. Значит, у участников Рады был выбор. Они могли одобрить иное решение. Но этого не сделали, потому что, в отличие от граждан современной Украины, понимание «исторического момента» у населения южной Руси тогда было лучше. В результате, благодаря решениям Земского собора и Переяславской рады, русский народ Малороссии смог воссоединиться с русским народом Московской Руси, чтобы жить и развиваться вместе, исповедуя одну веру и строя общие планы на будущее.

В современных условиях такие решения называются цивилизационным выбором. И потому сравнение этого события с «ящиком Пандоры» уместно допустить лишь по отношению к полякам, для которых восстание Б. Хмельницкого стала первым сигналом будущего кризиса и распада. Разумеется, эта совместная жизнь представителей ранее разделённого народа не была простой и безоблачной, так как за прошедшие столетия раздельного бытия различия между ними стали более заметными и породили немало частных проблем, на основе которых украинские историки пытаются выстроить обоснование их принципиальной несовместимости. Однако принцип единства множеств не отрицает их разности, но позволяет работать ему на общее благо в прошлом и будущем, если оно у нас ещё будет.

К подобного рода «невинным» терминологическим оговоркам следует отнести и постоянное подчёркивание украинскими историками того, что запорожские казаки заключили с русским царём договор [См.: 23]. В результате у них появляется основание заявлять, что этим договором царь признал Украинское государство *de jure*. Что было равносильно его международному признанию.

Таким образом, по мнению украинских историков, «*настоящий договор открывал перспективу в союзе с «Московией» довести до победного конца войну с Речью Посполитой и завершить объединение всех этноукраинских земель в границах национального государства» [32].* Иначе говоря, Московское государство приглашали поучаствовать в великом процессе создания «Украинской державы». И оно согласилось. Но дальше всё пошло не так. И «Московия», вместо помощи, начала Украину уничтожать.

Ссылаясь на газету «Известия» (3.09.1991), отдельные «профессиональные украинцы» утверждают, что «*начиная с 1654 года, ... велась планомерная, последовательная политика уничтожения Украины как национального государства...*» [цит. по: 32]. Ведь, надо полагать, что авторы «Известий» врать или утверждать недоказанное не будут. И раз уж в такой авторитетной газете данное заявление сделано, ему надо верить безоговорочно. Однако как можно уничтожать то, чего не было? Или восставшее запорожское войско уже самим фактом борьбы против Польши наделяется статусом государства? Но тогда почему мы не называем подчинённые С. Палию казацкие полки Правобережья или участников Колиивщины государством или на подконтрольной восставшим территории не было своего самоуправления? Какие же основания у нас называть Войско Запорожское при гетмане Б. Хмельницком «национальным государством»? А может, оно являлось официально признанным субъектом международных отношений? Или было признано как суверенное и независимое государство своими соседями? Никаких данных на этот счёт нет. Но, несмотря на это, Президиум НАН Украины сам факт наличия т. н. «переяславских договоренностей» между Московским государством и Войском Запорожским рассматривает как «*правовое признание Московией внутривитимской суверенности Украинского государства» [32].*

В данном случае уместен вопрос: что это за договор, который был составлен на основе прошения («челобитной») и сопровождался присягой на верность местного населения? Зачем казакам было писать царю: *«много челом бьем Тебе, Государю нашему, Твоему Царскому Величеству, служить прямо и верно во всяких делах и повелениях Царских Твоему Царскому Величеству будем вовеки»*? Отчего Б. Хмельницкий от имени остальных заявил на Переяславской раде: *«видим, что нельзя нам жити боле без Царя»*?

Напомним, что договор как минимум предусматривает равенство договаривающихся сторон и их взаимное признание друг друга субъектами международного права. Но ничего подобного в данном случае мы не наблюдаем. Значит, здесь речь идёт не о «договоре», а о «жалованной грамоте» [См.: 11] с перечислением определённых условий и льгот, которые распространяются на сословие или регион. И полагать иначе может лишь тот, кто не хочет считаться с общепринятыми понятиями.

Наверное, поэтому призыв к объективности и обоснованности украинские историки воспринимают, как *«старание российских историков указывать нам, как мы должны освещать свою историю, — это нарушение международного права и квалифицируется как вмешательство одного государства в дела другого»* [32].

Причём, наряду с подменами терминологических понятий общего порядка многие украинские историки нередко применяют термины, изобретённые для использования по отношению именно к данной эпохе. Такими понятиями, в частности, являются «первая национальная революция» [См.: 26], к которой крайне критически отнеслись польские историки [См.: 24], и «возрождение Украинской державы», хотя ни о какой революции или украинской державе, тем более об её возрождении в то время говорить не приходится.

Иначе говоря, речь идёт о попытке украинских историков вывести из сферы научного дискурса те исторические проблемы, всесторонний анализ которых бросает тень на характер современной украинской внешней политики [См.: 9]. Переяславская рада занимает в этом ряду научных проблем одно из самых важных мест. И если отношение к ней кардинально не пересмотреть, Украина лишается крайне важного аргумента в системе доказательств того, что русские и украинцы были разными народами, а украинское государство существовало всегда.

В связи с этим напомним: тот факт, что русские Малой и Великой Руси стали представлять себя разными народами, в первую очередь, был связан с деятельностью партии «украинцев» Галичины и идеологией украинства, которая в советское время, благодаря политике «коренизации», стала на Украине господствующей. Тогда миллионы людей записывались в «украинцы» против их собственного желания [См.: 17]. Причём, идеологические рамки советского периода, на которые часто сетуют современные украинские «историографы», не только не мешали продолжению этой «украинской» традиции, но во многом её продолжали развивать. Так, в частности, именно в период наиболее активной деятельности пролетарского историка М. Покровского был введён в оборот ныне популярный среди украинских национально озабоченных историков термин «казацкая революция» [См.: 12]. А неоднократно повторявшиеся Б. Хмельницким в текстах и речах слова о единой вере малороссиян и подданных царя были для него не более чем риторическими приемами в поисках гетманом наибольшей выгоды для казаков [25, с. 500].

И хотя его позиция будет советской историографией во многом пересмотрена, не удивительно, что, несмотря на рассмотренные выше соблазны, использование термина «воссоединение» применительно к решениям Переяславской рады, ставшее модным в период правления Н.С. Хрущева, в целом профессиональными украинцами отвергается [См.: 4]. Так, И. Дзюба подчёркивал, что Украина не «воссоединилась» с Россией, а *«вступила в договорный союз, который потом был вероломно сломан царизмом»* [8, с. 80]. С другой стороны, этот термин подводил к мысли о равенстве Украины с Россией как субъектов международного права, поскольку лишь в этом случае Украина могла «воссоединиться», а не быть «присоединена». И это обстоятельство не позволяло украинским историкам отказаться от него полностью.

Впрочем, сей вариант можно понимать и так, что территория присоединялась к России в ходе собирания русских земель [См.: 2], а народ русский Малой и Великой Руси, бывший до

того разделённым, после Переяславской рады просто воссоединился [См.: 6]. Именно такого мнения, в частности, придерживался один из основателей украинофильского движения П. Кулиш [См.: 16]. Но ныне его позиция, к сожалению, просто игнорируется.

Итак, судя по технологии используемой научной терминологии, для украинской историографии типичным является незаметное для читателей выведение исследования из исторического контекста, которое позволяет создать именно тот образ, в котором украинская историческая доктрина нуждается, чтобы доказать свои исходные концептуальные установки. Но можно ли после этого считать такие исследования научными? В своё время Й. фон Гёте сказал: *«Кто неправильно застегнул первую пуговицу, уже не застегнется как следует»*. А ведь именно правильно выбранная терминология определяет характер и глубину исследования. Так и в данном случае. Если в основу украинской научной доктрины положен принцип, позволяющий такое вольное использование научной терминологии, то, как бы потом ни исследовали историки тот или иной исторический период, он с наукой уже будет иметь мало общего.

Так, на основании этих терминологических допущений украинским «историографам» удалось «доказать», что:

- «Украина» существовала всегда и была заселена «украинцами», которые с русским населением России, называемым «московитами» [См.: 34], были настолько разными, что даже союз с «басурманской» Турцией был для них более привлекательным [23, с. 140];

- украинцы имели свою «Украинскую державу», которую признали в Европе, включая правительства Англии и Венеции.

В свою очередь, это позволяет утверждать, что:

- на территории Малой и Великой Руси проживал не один русский народ, а два совершенно разных народа, не имевших между собой ничего общего: по-европейски просвещённые и образованные «украинцы» и тёмные, полудикие с азиатскими традициями «москвины» («московиты», «москалы») [1, с. 257], которых даже турки отличали от «русов»-украинцев, называя их «москоф» [1, с. 225];

- «москвины» украли у «украинцев» их греческие («договорные», «научные») названия «Русь», «русский», «Россия», «Великая Россия», а также историю Украины-Руси и великую культуру, дав взамен обидные клички «хохлы», «малороссы» и «черкасы» [1, с. 257];

- «Московия» не имеет права на исторические названия русов-украинцев. *«Существовала только одна «Россия» – Украина, только она была той самой державой, которая при Владимире была империей. (...) Киевская княжеская империя была державой украинской и только украинской»* [1, с. 266].

И хотя наиболее авторитетные украинские историки, дабы себя не скомпрометировать, открыто об этих установках и доказательствах стараются не упоминать, по сути, они работают в том же смысловом пространстве, если принимают заранее установленные ещё при М.С. Грушевском околонучные «правила игры».

Понятно, что такой как бы «научный» подход отдаёт околонучным лукавством, когда принцип научной объективности скрывает конкретную и совсем не научную цель: выполнить определённый политический заказ [См.: 29], ничем себя при этом в научном обществе не скомпрометировав. Иначе говоря, вписаться в тот научно оформленный политический мейнстрим, который актуализировал «больные» темы украинской истории и вызван потребностью поиска и утверждения новой украинской идентичности [См.: 28]. Эту новую идентичность не создать без обладающих нациотворческим потенциалом исторических сюжетов, несущих национально мыслящему украинцу важный и глубокий символически означенный смысл. И переяславский миф – один из них.

Вот почему, что бы ни говорили или писали украинские историки в данном случае, как бы научно ни изъяснялись, их задача довольно далека от науки. Им надо обслуживать мифологию, без которой украинское государство может потерять свою освящённую историей легитимность. В свою очередь из этого следует, что для определённых «знаковых» тем украинской истории быть профессиональным историком на Украине означает быть профессиональным фальсификатором, манипулятором, мифотворцем новой украинской

метаистории. Истории, возникновение и утверждение которой без системных фальсификаций невозможно.

В результате, создавая своеобразные «смысловые узлы» для своей структурной конструкции в духе переяславского мифа или «батуриной резни» [См.: 27], украинская история просто выводит себя из сферы научного дискурса и науки как таковой, пытаясь прикрыть свою ненаучность некой претензией на свою особую украинскую правду. А она должна восприниматься как основанная на особой правде жизни метаистория и сможет открыться исследователю лишь в том случае, если он руководствуется принципом этноцентризма, конечной формулой которого является идея, что «Украина превыше всего». При этом, на наш взгляд, такой подход хотя бы отчасти мог оправдать себя лишь в том случае, если бы он утверждался не в одной отдельно взятой стране, которая существует и сосуществует рядом с другими странами и народами, а на некой планете Украина. Но это невозможно.

Поэтому ещё раз подчёркиваем: в данном случае дело не в пророссийской или проукраинской позиции учёного. А в грамотном следовании принципам научного исследования. Нельзя выводить из сферы науки целую научную дисциплину, сохраняя за ней при этом право на научность. В противном случае, с этой точки зрения украинскую историю следует считать исторической мифологией. Не потому, что она не строится на имевших место событиях. В украинской истории довольно много научно проверенной информации. Но потому что в её основе в качестве несущих опор истории как системы используются факты сознания, не подтверждаемые историческими источниками и целиком относящиеся к построенной на ложных постулатах мифологии.

Источники и литература.

1. Бжеський Р. Переяславська умова в планах Б. Хмельницького та “Переяславська легенда” // Переяславська рада 1654 року. К.: Смолоскіп, 2003. С. 257.
2. Богаевский П. Присоединение Малороссии к Московскому царству // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М.: Москва, 1998. С. 124-130.
3. Боплан Г. Левассер-де Описание Украины (Пер. с фр. Борисюк З.П.). – М.: Древнехранилище, 2004. – 576 с.
4. Брайчевський М. Приєднання чи воз’єднання? // Переяславська рада 1654 року. Історіографія та дослідження. (Під ред. Сохана П., Дашкевича Я.). К.: Смолоскіп, 2003. С. 294-393.
5. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех тт. (Сборник документов и материалов 1620–1654 гг., посвященных освободительной войне Б. Хмельницкого и Переяславской раде). М.: Издательство академии наук СССР, 1953. т. 3, 649 с.
6. Гизель И. Мечта о русском единстве. Киевский Синописис (1674). М.: Европа, 2006. 248 с.
7. Грушевський М. Переяславська умова України з Москвою 1654 р. // Переяславська Рада 1654 року. К.: 2003. С. 5-55.
8. Дзюба І. М. Інтернаціоналізм чи русифікація? К.: Видавничий дім "КМ Academia", 1998, 276 с.
9. Дубинянская Я. Молодежь, мифология и Переяславская рада [Электронный ресурс] / Я. Дубинянская. - Режим доступа: <http://www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/469/43732/>
10. Донесення римських нунціїв про Україну. 1648-1654 рр. // Ватиканські матеріали до історії України. Львів: Науково тов.-во ім Т. Шевченка, 1919. 235 с.
11. Жалованная грамота царя Алексея Михайловича гетману Б. Хмельницкому и всему Войску Запорожскому о сохранении их прав и вольностей (27 марта 1654 г.) // Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3 т. Т. III. М.: Издательство АН СССР, 1954. С. 567-570.
12. Карпенко Г. Селянська революція 1648 р. // Історія України. У 2 т., Т. I. К.: Вид.-во “ПРОЛЕТАР”, 1932. С. 93-137.
13. Коваль Р. Філософія українства [Електронний ресурс] / Р. Коваль. – Режим доступу: <http://ukrlife.org/main/koval/right.htm>
14. Котляр М.Ф. Історичне минуле українського народу і зарубіжні фальсифікатори. К.: Політиздат, 1974. 80 с.
15. Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание, что в каком годе в украине малороссийской деялось, наипаче, кто именно когда был козацким гетманом, и о протчих приключениях от России, кратко (1506-1783 гг.) // Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. Т. I. К.: Университетская типогр., 1856. С. 54-105.
16. Куліш П. А. Історія возсоединения Руси / П. А. Куліш. СПб.: Изданіе товарищества «Общественная польза», т. 1. 1874. 372 с.
17. Кульчицкий С. Курс – украинизация // Родина, №8, 1999. С. 108-110.

18. Летопись событий в Южной Руси Львовского каноника Я. Юзефовича (1624-1700 гг.) // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. К.: Типогр. Г. Корчак-Невицкого, 1888. С. 115-213.
19. Липинський В.К. Україна на переломі 1657-1659 років (Замітки до історії українського державного будівництва в XVII-ім столітті) // Переяславська рада 1654 року. Історіографія та дослідження. (Під ред. Соханя П., Шашкевича Я.). К.: Смолоскіп, 2003. С. 55-66.
20. Лист Б. Хмельницкого, посланный из Черкас царю Алексею Михайловичу (8 июня 1648 г.) // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III. СПб.: Типография Пантелеевых, 1861. С. 208.
21. Лист Б. Хмельницкого, посланный из Чигирина хотмыжскому воеводе С. Болховскому (20 июня 1648 г.) // Акты ЮЗР. Т. X. С. 222.
22. Мисан В. Оповідання з історії України. Підручн. для 5-го кл. серед. шк. К.: Генеза, 1997. 208 с.
23. Паздрій В. Переяслав. Що він дав Україні? // Наслідки Переяславської ради 1654 року. Збірник статей. К.: Смолоскіп, 2004. С. 123-215.
24. Петкевич К. Переяславская Рада 1654 года в новейшей польской историографии и публицистике [Электронный ресурс] // Сайт «Соционауки». – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/145372/>
25. Покровский М. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения в четырех книгах. М.: Мысль, 1966. Кн. 1. 728 с.
26. Смолій В., Степанков В. Українська національна революція XVII ст. (1648-1676 рр.) К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. 448 с.
27. Ставицкий А. В. Мифы Украины: «Батуриная резня». Севастополь: Рибэст, 2012. 252 с.
28. Ставицкий А. В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013. 160 с.
29. Ставицкий А. В. Украинская «элита»: идентичность и глобальный выбор. Севастополь: Рибэст, 2013. 208 с.
30. Статейный список посла русского правительства Г. Унковского к Б. Хмельницкому (13 марта – 22 мая 1649 г.) // Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3 т. Т. II. – М.: Издательство АН СССР, 1953. С. 152.
31. Чайченко О. О. Укри-арії: Дослідження родоводу українців. Киев: Воєнне видавництво України «Варта», 2003, 304 с.
32. Чумак В. Міфи сучасної України [Електронний ресурс] / В. Чумак. - Режим доступу: <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1697/163/59931/>
33. Швыдько А. История Украины. XVI-XVIII вв. Учебник для 8 класса средней школы / Под ред. М. Малука. К.: Генеза, 1999.
34. Штепа П. Московство: его происхождение, содержание, формы и историческое развитие. (Пер. с укр. В. Молчанова). К.: «Слово», 1998. 382 с.

II

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ, ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В КРЫМУ (1991–2014 гг.)

БАРАНОВ А.В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Актуальность темы в том, что за постсоветский период в Крыму сложилась конфликтность территориальных, этнических и конфессиональных идентичностей. В условиях воссоединения Крыма с Россией злободневной становится политика конструирования российской гражданской идентичности сообщества, не отрицающая специфику парциальных идентичностей, а интегрирующей и согласующей их между собой. Поэтому важно выявить индикаторы и тенденции развития региональной, этнических и религиозных идентичностей в поликультурном сообществе Крыма на длительном интервале (1991–2014 гг.).

Методологическую основу работы составляет парадигма конструктивизма, разработанная Ф. Бартом, Б. Андерсоном и др. Она позволяет осмыслить идентичность как процесс и результат социального конструирования сообществ, основанный на убежденности в том, что они объединены происхождением, единством культуры и истории [25, с. 166]. Территориальные, этнические и религиозные маркеры идентичности существуют объективно, но они «активируются» вследствие самоидентификации участников группы как сообщества, отличающегося от других. Субъектами целенаправленного конструирования выступают не сообщества в целом, а их лидеры и элиты. Они используют этничность и религиозность, их социально значимые признаки и проявления в своих интересах, конструируют ориентации и установки групп в отношении политики. Лидеры и элиты становятся субъектами политической мобилизации сообществ. Т.е., возможны смены идентичностей и их «переформатирование». Взаимодействие гражданской (национальной), региональных, этнических и конфессиональных идентичностей конкурентно. Конструирование этнической идентичности может быть либо фактором риска в политических процессах, либо условием интеграции поликультурного общества.

Научная традиция исследований сформирована. Обобщающие работы о балансе идентичностей в Крыму создали В.Е. Григорьянц, С.С. Жильцов, А.В. Ишин и А.В. Мальгин [7], А.С. Филатов [30]. Психологические аспекты конфликта идентичностей и меры его регулирования в Крыму обосновал Е.В. Чёрный [32]. Региональная идентичность

крымчан выявлена в диссертации Д.В. Сосновского [26]. Географический анализ социокультурных ареалов конфликтности проведен А.Б. Швеце, А.Г. Шевчуком и А.Н. Яковлевым [34; 35; 36]. Идентичность русского сообщества анализируют А.С. Филатов [31], Ю.В. Кокин [12], С.Н. Киселёв [11]. Крымско-татарскую идентичность исследовали Е.Н. Велешко [4], О.В. Рябцев [24], Э.С. Муратова [18; 19] и Н. Куц [17].

Цель статьи – раскрыть тенденции развития региональной, этнической и религиозной идентичностей в Крыму (1991–2014 гг.). Это делает необходимым анализ массовых анкетных и экспертных опросов, итогов Всеукраинской переписи населения 2001 г., референдума о воссоединении Республики Крым (РК) и г. Севастополя с Россией, выборов депутатов Государственного Совета РК 14 сентября 2014 г.

Крым – полиэтничный и поликонфессиональный регион, находящийся в ареале цивилизационного соперничества Запада, России и исламского Востока. В Крыму взаимодействуют русская, украинская и татарская идентичности. Причём линии политической сегментации во многом совпадают с этническими и религиозными, что делает Крым многосоставным сообществом. Долгосрочные этнические, конфессиональные, политические противоречия активизируются. Их наложение рождает сложносоставной конфликт, пространство которого образовано диффузией полей разнотипных конфликтов, а специфика конфликтного взаимодействия определяется неравномерным распределением капиталов субъектов [21, с. 84-85].

Важный фактор – взаимоусиление этнической и религиозной идентичности. По переписи 2001 г., русские составляли 60,2% совокупного населения Автономной Республики Крым (АРК) и г. Севастополя, украинцы – 23,9%, крымские татары – 10,2% [6]. В настоящее время в Крыму проводится микроперепись населения, но её итоги ещё неизвестны.

Темпы роста религиозности в Крыму высоки. По сведениям Министерства культуры Украины, на 1 января 2014 г. зарегистрировано 2083 религиозных организаций, относящих себя к 42 конфессиям. Из них 42,7% – организации Украинской Православной Церкви (УПЦ). В Крыму УПЦ Московского патриархата доминирует по влиянию над УПЦ Киевского патриархата. На втором месте мусульманские организации – 29,0%, в т.ч. 575 из них действуют без регистрации. Третье место занимают протестантские организации – 20% наименований [9]. Опрос, проведенный Украинским центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова в феврале-марте 2011 г. (выборка 2020 чел.), показал, что 78,9% респондентов считали себя православными, 8,8% – мусульманами, а по 5,2% назвали себя «просто христианами» или не отнесли себя ни к одному вероисповеданию [27]. 97,8% татар считают себя мусульманами, а 85,1% украинцев и 84,9% русских – православными, судя по массовому опросу 2008 г. [13, с. 4]. Т.е., этническая и конфессиональная идентичности совмещаются в высокой степени.

Религиозность достаточно поверхностна. По опросам 2010 г., лишь 18% мусульман совершают религиозные обряды ежедневно, а раз в неделю – 14%. Религиозность православных ещё ниже [22, с. 164-165].

В регионе сложилась сложносоставная идентичность крымчан. Её разделяют не только русские по происхождению, но и многие украинцы, белорусы, евреи, греки, поволжские татары и др. Для них русские исторические символы и язык общения более привлекательны, чем навязывавшаяся украинская идентичность, тем более что последняя имеет подчеркнута этнический характер. По переписи 2001 г., повседневно использовали в быту русский язык 97-98% жителей АРК и Севастополя [6]. Это значительно больше, чем удельный вес русских в населении. Половина крымских украинцев имеет те же социокультурные ориентации, что и русские.

Русские выступают в роли системообразующего этнокультурного сегмента регионального сообщества. Крым является малой родиной для многих русских. По переписи 1989 г., русские, родившиеся в Крыму, составляли 828761 чел. (50% числа русских и 78,7% всех жителей полуострова, родившихся в Крыму) [5, с. 65]. Данные опросов свидетельствуют о стойкости региональной идентичности русских крымчан. Она позиционируется как часть Русского мира, и уже, Российской Федерации. Опрос, проведенный службой социологии фирмы «КБ-САМ» в 1999 г., доказывал рост самосознания русских. На-

пример, в когорте 21-30 лет 52% респондентов называли себя «крымскими русскими», а в когорте от 16 до 20 лет – 67% [11; 20].

В АРК русская идентичность является основой крымской региональной. По итогам опроса, проведенного А.С. Филатовым в 2008 г., на русском языке разговаривали дома 86,1% крымчан всех этнических групп, на работе – 91,1%, с друзьями – 85,0%; отдавали предпочтение СМИ на русском языке 83,1%, желали обучать членов семьи 80,0% [30]. Опрос Центра им. А. Разумкова (февраль-март 2011 г., n=2020) показал: 81,3% респондентов всех национальностей назвали русский язык родным (в т.ч. 95,7% русских, 76,7% украинцев и 9,1% татар). Говорят дома по-русски 86,4% украинцев и 20,8% татар [16]. Наиболее консолидированной в языковом отношении выступает группа русских. Татары на втором месте, наименее консолидированы украинцы. Т.е., в Крыму идёт добровольная ассимиляция украинцев русскими, вопреки навязыванию «державной мовы». Уровни модернизированности русского и украинского сообществ выше, чем татарского.

Важны материалы исследований, проведённых Институтом ПАТРИР в 2010–2011 гг. Фокус-группы и интервью с представителями этнических групп доказали, что языковая политика воспринимается как форма властных отношений [3, с. 152-154]. Функции родного языка в каждой из групп различаются. Русские и татары расценивают свой язык как ресурс политического влияния и равноправия, ориентированы на внешние центры культуры. Для украинцев родной язык – средство поддержания идентичности, интеграции в свое государство. Представителями всех народов русский язык в Крыму оценивается как язык межэтнического общения, бизнеса, вхождения в глобализацию. Украинский язык – государственный, но его повседневное применение слабо. Крымскотатарский язык положительно оценивается только в роли средства общения носителей. Меры введения крымскотатарского языка в сфере управления, бизнеса и СМИ вызывают у русских и украинцев ассоциации с «историческим реваншизмом», исламизацией и сепаратизмом.

Сформировался устойчивый конфликт идентичностей. Наибольшая мера самоизоляции проявляется среди крымских татар. По опросу, проведенному Украинским независимым центром политических исследований в 2007 г., 24,7% татарской молодежи 17-36 лет уверены в том, что наилучшее будущее – независимое государство крымских татар. Через 20 лет считают такой статус реальным 50% [29, с. 76]. Опрос татар, проведенный социологами Таврического национального университета (выборка 600 чел., ноябрь-декабрь 2008 г.), выявил поддержку сотрудничества конфессий, если оно не нарушает религиозные нормы и чувства (74%). Уровень критики государства не связан со степенью религиозности. 1/3 опрошенных татар не осуждала «нетрадиционные» течения в исламе – «Хизб-ут-Тахрир-аль-Исламия», салафитов, «Нурджулар» и др., что конфликтогенно [19, с. 30-32, 39-45]. Вопреки стереотипам СМИ, крымскотатарское движение неоднородно, и его размежевания возросли с 2010 г. Меджлис крымскотатарского народа, судя по массовому опросу службы «Крымсоцис» в 2007 г. и итогам выборов в Верховную Раду Украины 2012 г., а также региональных и местных выборов 2010 г., пользуется поддержкой не более чем 43% респондентов в данной этнической группе [1, с.120-121].

На конфликт влияет локализация расселения народов, обостряющая конкуренцию за экономические ресурсы. 245,9 тыс. крымских татар репатриировались, в основном, в степные и предгорные районы. Там удельный вес татар – от 20 до 30%, а в Севастополе и Ялте – по 0,7% жителей [35, с. 73]. Вместе с тем, социологические опросы доказывают наименьший уровень индекса конфликтности мнений респондентов-татар по индикаторам экономического развития [27, с. 8]. Д.В. Маковская резонно полагает, что лидеры меджлиса намеренно искажали информацию, формируя у крымских татар представление о крайне ущемленном, приниженном положении, используя коллективные исторические обиды, чтобы вести борьбу за монопольное обладание властью в республике [15, с. 207-208].

Географический анализ социокультурных ареалов в Крыму, проведенный А.Б. Швеце, А.Г. Шевчуком и А.Н. Яковлевым, доказал: сформировался значительный ряд местностей (9 предгорных и степных районов от Бахчисарайского до Белогорского), в которых идёт смена социокультурного доминирования народов и конфессий. Этот процесс

объективно определен массовой репатриацией депортированных народов и диспропорциями демографического роста этносов и конфессий, снижением удельного веса межэтнических браков [34, с. 71-74; 33, с. 279-281; 36, с. 43-50]. Как доказал А.Н. Яковлев, с начала 2000-х гг. доминируют (2/3 проявлений) сложносоставные (этноконфессиональные) конфликты; растет их число; повышается удельный вес конфликтных проявлений в острой фазе. Ареал конфликтности устойчиво закрепляется в 3 предгорных районах (Симферопольском, Бахчисарайском и Белогорском) и 4 южнобережных (Ялта, Алушта, Судак и Феодосия). С 2010 г. ареал расширяется на Евпаторию, Саки, Кировский, Первомайский и Ленинский районы [36, с. 46-48].

Центр этносоциальных исследований в 2008–2010 гг. провёл лонгитюдный опрос жителей г. Симферополя и пригородов, выборка 400 чел. коррелировалась (половозрастной и этнический состав, профессиональный и образовательный статус) со всем населением АРК. Погрешность выборки не более 4,8%. На вопрос «Каким Вы хотели бы видеть статус Крыма?» ответили: республикой в составе России – 37%; независимой республикой в союзе с Россией, Белоруссией и Украиной – 10,5%; автономной республикой в составе Украины – 32,1%; областью Украины 8,3%; крымско-татарской автономией в составе Украины – 4,8%; самостоятельным крымско-татарским государством – 4,3%; вилайетом в составе Турции – 0,5%. По выводу руководителя опроса А.С. Филатова, этнокультурный фактор ориентаций характерен в Крыму для 44% украинцев, 65-66% крымских татар и 77-78% русских. Более 60% русских крымчан поддерживали воссоединение с Российской Федерацией [31].

При ответе «С какой социальной группой вы себя хотели бы идентифицировать?» сторонников пророссийской ориентации – суммарно 50,5% («крымчане», «русские», «советский народ», «россияне»). К проукраинской ориентации можно отнести 24,7% респондентов («граждане Украины», «украинцы»). Важно, что для русских и украинцев идентичность, прежде всего, по основаниям – государственная (32% и 28% ответов), а для крымских татар – этническая (около 80%) [31].

Т.е., в Крыму сложилось многосоставное сообщество, этнические и конфессиональные сегменты которого чётко выражены в идентичности и взаимодействиях. Опрос, проведенный Центром им. А. Разумкова в феврале-марте 2011 г. (выборка 2020 чел.), показал крайнюю неравномерность межэтнических дистанций по шкале социальной дистанции Э. Богардуса. Самым низким был уровень дистанции относительно крымских русских – 1,91 балл, по нарастающей – крымских украинцев (2,11), жителей Юга и Востока Украины – 2,89, жителей РФ – 3,11, жителей Центра Украины – 3,12. Наиболее высок уровень дистанции в отношении крымских татар – 3,97 балла, жителей Запада Украины – 4,54, турок – 5,60 и цыган – 6,02 балла. Но с сентября 2008 г. заметно снизилась дистанция в отношении татар и жителей Центра и Востока Украины, а заметно возросла – в отношении жителей Запада Украины. Характерно, что уровень дистанции между русскими и татарами (4,22 балла) почти не отличается от такового между украинцами и татарами (4,10) [27, с. 29].

Опасения крымчан вызывает межэтнический конфликт. Об этом свидетельствуют итоги анкетного опроса, проведенного Центром им. А. Разумкова в феврале-марте 2011 г., 4,6% респондентов среди наиболее важных проблем отметили напряженные межэтнические отношения (в 2008 г. – 16,4%). Среди русских в 2011 г. таких 3,1%, а среди крымских татар – 14,7%. 76% опрошенных не ощущали себя защищенными от столкновений на межэтнической почве. В г. Севастополе наличие страхов признали 88,6% [27, с. 29-30].

Насколько конфликт влияет на общественное мнение Крыма? Исследование, проведенное Центром им. А. Разумкова в АРК и Севастополе (октябрь-ноябрь 2008 г., n=6891, все этнические группы) доказало, что на первое место среди причин конфессиональных конфликтов крымчане ставят политические и национальные противоречия (26,2%), столкновение экономических интересов (25,2%). Производными выглядят религиозный фанатизм и нетерпимость (10,3% ответов), предвзятое отношение власти к различным религиозным организациям (8,5%). Ответственность за конфессиональные конфликты респонденты возлагают на представителей зарубежных политических и общественных структур (2,68 балла из 5), зарубежные религиозные центры (2,47), рядовых участников конфликтов

(2,14), руководителей религиозных организаций Крыма (2,13), органы власти АРК (2,06) и Украины (2,02) [28]. Готовность лично участвовать в конфликтах, тем более – в насильственных формах, низка.

В условиях политического кризиса в Украине (ноябрь 2013–2014 гг.) источники характеризуют рост уровня крымского регионализма. Так, в январе 2014 г. Крымская республиканская организация Союза молодых политологов Украины провела опрос в г. Симферополе. 72,2% респондентов назвали себя патриотами Крыма. 76,9% считали, что АРК оправданно имеет автономный статус. 71% выступали за расширение прав автономии. 47,5% опрошенных считали, что есть угроза потери автономного статуса Крыма; 35,8% - что такой угрозы нет [2].

Референдум о статусе Республики Крым и г. Севастополя 16 марта 2014 г. подтвердил прочность региональной идентичности. Поддержали воссоединение с РФ 96,77% принявших участие в референдуме жителей РК и 95,6% жителей Севастополя при уровне явки, соответственно, 83,1 и 89,5% [10; 8]. Уровень поддержки воссоединения слабо различается по оси «русские – украинцы». Более весомы территориальные отличия в зависимости от удельного веса крымских татар. Но ни в одном из районов явка на референдум не опускалась ниже 58%. Характерно, что сниженная явка отмечена именно в районах с повышенной плотностью мусульманских религиозных общин и высоким удельным весом татарского населения – Белогорском, Бахчисарайском, г. Судак [23]. Выборы депутатов Государственного Совета Республики Крым 14 сентября 2014 г. подтвердили эту территориальную тенденцию.

Подведём итоги. Региональное сообщество Крыма является многосоставным, с четливой сегментацией на русское, украинское и крымскотатарское сообщества. Но этнические, лингвистические и религиозные размежевания отчасти компенсируют друг друга. Русская идентичность крымчан регионально своеобразна, но интегрирована в «большую» русскую идентичность. Наиболее слабы проявления украинской идентичности. Внутрорегиональные конфликты идентичности наиболее вероятны в проекции «славяне – татары». Радикальный ислам либо этноцентристские проекты могут нарушить конструктивный баланс идентичностей.

Необходима политика реинтеграции Крыма с Россией на основе распространения гражданской идентичности, диалога этнических и конфессиональных сообществ. Политика идентичности должна реализовать систему мер, направленных на конструирование, воспроизводство и трансляцию приверженности полиэтничному российскому обществу. Среди основных направлений её формирования: интеграция социокультурного пространства как основы позитивного баланса идентичностей; укрепление самостоятельного вектора цивилизационного развития России; переформатирование региональной идентичности крымчан в качестве одного из компонентов российской идентичности, действующего на основе цивилизационного единства, исторической преемственности, секулярности, полиэтничности. Данная политика должна проводиться системно в сферах: среднего и высшего образования, информационного пространства, государственно-религиозных взаимодействий, конструктивного диалога государственной власти с этнокультурными объединениями.

Источники и литература.

1. Бекиров Н.В. Об отношении крымских татар к институтам национального самоуправления (по материалам исследования социологической службы «Крымсоис») // Вопросы развития Крыма. Симферополь, 2012. Вып. 16. С. 117-121.
2. Большинство крымчан недовольны фиктивностью автономии [Электронный ресурс] // Сайт «Свободная Таврида». Режим доступа: <http://www.freetavrida.org/?p=2656#more-2656>
3. Брунова-Калисецкая И., Духнич О. Психологические образы языково-культурных угроз в восприятии городских жителей Крыма // Крымский политический диалог 2010. М., 2011. С. 114-156.
4. Велешко Е.Н. Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымскотатарских репатриантов. Дис. ... канд. полит. наук. Симферополь, 2007. 305 с.
5. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII–конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав). М., 2003. 160 с.

6. Всеукраинская перепись населения 2001 г. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Всеукраинская перепись населения 2001 г.». Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>
7. Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. М., 2011. 228 с.
8. 95,6% голосовавших в Севастополе выступили за вступление Крыма в РФ. [Электронный ресурс] // Сайт «Регнум». Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/1778895.html
9. Звіт про мережу церков і релігійних організацій в Україні станом на 1 січня 2014 р. Наказ Міністерства культури України від 19.03.2014 р. №167 [Электронный ресурс] // Офіційний сайт Міністерства культури України. Режим доступа: <http://mincult.kmu.gov.ua/mincult/uk/publish/article/354806>
10. Итоговые данные: За воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77% участников референдума. [Электронный ресурс] // Сайт «Регнум». Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1778840.html/
11. Киселёв С.Н. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://clubs.ya.ru/polit/replies.xml?parent_id=136612&item_no=136534&with_parent=1
12. Кокин Ю.В. Функциональные особенности институционализации региональных движений на рубеже XX–XXI вв. (на материалах Крымской автономии) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2011. №3. С. 54-61.
13. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. Київ, 2009. №5 (109). С. 2-72.
14. Кузьмин Н. В чем сила, брат: причина импотенции русских национальных движений в Крыму [Электронный ресурс] // Сайт «Хвьяля». Режим доступа: <http://hvulya.org/analytics/politics/v-chem-sila-brat-prichina-impotentsii-russkih-natsionalnyh-dvizhenij-v-krymu.html>
15. Маковская Д.В. Конструирование этностатусной противоречивости: конфликтологический аспект // Этничность и власть: коллективная память и технологии конструирования идентичности. Севастополь, 2013. С. 205-208.
16. Может ли в ближайшее время в АР Крым произойти острый межнациональный конфликт? (Опрос в Крыму, динамика 2008–2011) [Электронный ресурс] // Сайт Центра им. А. Разумкова. Режим доступа: http://www.razumkov.org.ua/poll.php?poll_id=403
17. Муратова Э., Куц Н. Политическое и социальное значение самозахватов для крымского социума [Электронный ресурс] // Сайт «Черноморская безопасность». Режим доступа: <http://nomos.com.ua/content/view/415/81/>
18. Муратова Э.С. Ислам в современном Крыму: индикаторы и проблемы процесса возрождения. Симферополь, 2008. 240 с.
19. Муратова Э.С. Крымские мусульмане: взгляд изнутри. Симферополь, 2009. 52 с.
20. Никифоров А. Крымской власти не разрешили «ломать» татар, и теперь она «ломает» русских [Электронный ресурс] // Сайт «Регнум». Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1422195.html>
21. Никовская Л.И. Сложносоставной конфликт как инструмент анализа трансформации и кризиса // Политические исследования. 2009. №6. С. 83-94.
22. Осиповский С.Н. Развитие ислама в современном Крыму: некоторые тенденции и перспективы // Тенденции и перспективы современных геополитических и религиозных процессов: теория и практика. Междунар. науч. конф. Симферополь, 2013. С. 164-167.
23. Референдум о государственном статусе Крыма и Севастополя 16 марта 2014 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Крымология». Режим доступа: <http://krymology.info/index.php/%D0%A0%D0%B5/>
24. Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России (на примере крымско-татарского национального движения). Дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2008. 182 с.
25. Семененко И.С. Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 166.
26. Сосновский Д.В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991–2014). Дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. 171 с.
27. Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. №4-5 (122-123). С. 27-39.
28. Суспільно-політичні, міжнародні та міжконфесійні відносини в Автономній Республіці Крим: стан, проблеми, шляхи вирішення [Электронный ресурс] // Сайт Центра им. А. Разумкова. Режим доступа: http://www.razumkov.org.ua/ukr/project.php_news_id=122
29. Тищенко Ю., Халилов Р., Капустин М. Суспільно-політичні процеси в АР Крим: основні тенденції. Київ: Україн. незалежний центр політичних досліджень, 2008. 84 с.
30. Филатов А.С. Крым: этнокультурные ориентиры и политические установки // Вопросы развития Крыма. Симферополь, 2012. Вып. 16. С. 184-194.
31. Филатов А.С. Русский Крым: внешние угрозы и внутренние вызовы [Электронный ресурс] // Сайт «Крымское эхо». Режим доступа: <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=7280/>
32. Чёрный Е.В. Уроки Европы и опыт мультикультурализма в Крыму // Религия и гражданское общество: межконфессиональные и этнические конфликты в условиях геополитической конкуренции. Севастополь, 2013. С. 258-271.

33. Швец А.Б. Конфликты ценностей в Крыму // Религия и гражданское общество: межконфессиональные и этнические конфликты в условиях геополитической конкуренции. Севастополь, 2013. С. 277-282.
34. Шевчук А.Г. Регионализация этноконфессиональных процессов в социокультурном пространстве Автономной Республики Крым // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Симферополь, 2013. Вып. 3. С. 64-75.
35. Шевчук А.Г., Швец А.Б. Политико-географический фактор эволюции крымской системы расселения населения в XX–начале XXI вв. // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2010. Вып. 1. С. 64-74.
36. Яковлев А.Н. Особенности локализации социокультурной конфликтности в Крыму (2011–2012 гг.) // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Симферополь, 2013. Вып. 3. С. 43-50.

РЕСТАВРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

КАЛАХАНОВА З. М., КАЛАХАНОВ Н.Х.

Ставропольский институт кооперации
УМВД РФ по городу Ставрополю

Северный Кавказ всегда являлся регионом высокоразвитой материальной и духовной культуры и местом взаимодействия многих культур и народов. Этническая психология и самосознание народов Северного Кавказа непрерывно связана с их историей и культурой. Свойственным народам Кавказа уважение к предкам, глубина исторической памяти, зафиксированная не только в хронике, но и в исторических преданиях, генеалогиях, эпосе, особенности социально-экономического и культурного развития – все это обусловило формирование менталитета народов Северного Кавказа [5].

Противоречивые процессы глобализации и социальных трансформаций с нарастающей силой унифицирует культуры разных народов, что актуализирует проблематику взаимосвязи универсального и самобытного в культуре, а также формирует интерес к своей традиционной этнической культуре у народов Северного Кавказа. В складывающихся обстоятельствах важное научное и практическое значение приобретает задача адаптации этнокультурных общностей к новым пространственно-временным формам бытия и предотвращение разрыва социально-исторического и культурного пространства их жизнедеятельности и, как следствие, повышенный интерес к историческому и этнокультурному наследию. Рост престижа народной культуры и потребность членов общества в познании исторического прошлого, социального и культурного опыта предшествующих поколений – не просто дань политической конъюнктуры, а насущная задача, возникающая в условиях универсализации и глобализации. Она объясняется повсеместным желанием народов сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность обычаев и психологического уклада, вписать новые главы в этническую историю и историю человечества [3].

Традиции поддерживают связь между прошлым, настоящим и будущим, формируют бытие истории. В этом стремлении народа существенную помощь способно оказать демократическое, выражающее волю народа государство. Каждый народ стремится сохранить свою культурную целостность и духовный облик, запечатлеть и сохранить уникальность и неповторимость своей культуры. В двуедином этнокультурном процессе «глобализации» и «национализации» происходит формирование общечеловеческой культуры при одновременном расцвете национальных культур и национальной этнической самобытности народов. В настоящее время практически невозможно найти ни одной этнической группы, которая не испытала бы на себе воздействие со стороны культур других народов.

Анализ имеющихся источников и литературы по избранной теме, посвященных изучению культуры народов Северного Кавказа, способствовал появлению разных исследовательских подходов к изучению комплекса национальных проблем, процесса развития национальной культуры. Своим содержанием и направленностью они помогли формированию и разработке структуры авторской концепции исследования региона, которые позволили осмыслить его в контексте глобализации. В этом важную роль сыграли исследования А.И. Арнольдова, И. Горловой, А.Я. Гуревича, А.Н. Чумакова, Б.С. Ерасова, В.М. Межуева, Г.В. Драча, А.В. Лубского, Т.Г. Лешкевич и др. Так, определяющий вклад в исследование понятия «глобализация» внесли Р.П. Ващекин, М.Н. Руткевич, Р. Фольк, М. Уотерс, Н.Е. Покровский, Л.М. Дробижева и др.

За последние десятилетия отечественные авторы провели анализ этнокультуры, обычаев, традиций. Эта тематика отражена в исследованиях и трудах В.С. Степина, Г.В. Драча, В.А. Авксентьева, А.К. Алиева, К.Х. Унежева, О.М. Штомпеля, Б.Х. Бгажнокова, Б.С.

Саламова Н., Сарсенбаева, И.В. Суханова, Р.Х. Ханаху, Д.Д. Межидова и других.

По вопросам влияния глобальных процессов на национальную культуру нами использовались исследования таких авторов, как Т.П. Григорьева, И.А. Василенко, С.А. Арутюнов, А.Г. Косиченко, Ю.С. Тхагазитова и др.

Некоторые западные философы и социологи по традициям и традиционной культуре рассуждают так: люди в своем поведении имеют полную свободу выбора и руководствуются только субъективной «пользой» и «личным успехом». Например, такие прагматисты, как С. Хук, Уд. Джемс, общественные нормы, образцы, установки поведения отрицают.

Экзистенциалисты К. Ясперс, М. Хайдеггер и другие утверждают, что человек свободен якобы тогда, когда независим от общества и от его традиций. Представители функционализма, например, С.М. Айзенштадт, считают, что благодаря традициям происходит воспроизводство социокультурного опыта, традиционной культуры. По его мнению, традиция – это неотъемлемый элемент любой социальной культуры: как всякой социальной организации в целом, так и каждого ее элемента в отдельности. Западный исследователь Х.Д. Лассуэлл утверждает, что якобы содержание традиции совпадает с содержанием коммуникации.

Как и во всей России, так и на Северном Кавказе, с 90-х годов начался процесс возрождения и рост национального самосознания, который способствовал появлению новых исследовательских подходов к изучению этнической культуры и системного характера формирования личности. Однако отдельные вопросы теории этноса, традиционной этнической культуры и нравственного формирования личности оставались не до конца исследованными, хотя вопросам динамики культуры, этническим процессам был посвящен ряд исследований.

В период культа личности Сталина, во время Великой Отечественной войны, были незаконно репрессированы по национальному признаку целые народы: карачаевцы, балкарцы, калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары, турки-месхетинцы, немцы, хемшиды и др. Национальные автономии их были ликвидированы, а сами они депортированы в восточные районы страны: Казахстан, республики Средней Азии и Сибирь. Депортированные народы в этих районах были в ссылочном режиме, ограничены в передвижении, лишены письменности на родном языке, прав сохранять и развивать каждый из них свою культуру [6].

По месту расселения депортированных народов в Сибири, в Средней Азии и Казахстане был установлен комендантский режим, согласно которому передвижение спецпереселенцев было строго ограничено пределами района расселения, обслуживаемого данной комендатурой. Под страхом каторги запрещалось переезжать из одного населенного пункта в другой или навещать своих родственников без специальных пропусков. Разрешения давались очень редко, выезд без разрешения рассматривался как побег и влек за собой ответственность в уголовном порядке [6]. Переселенцы должны были ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре. Они не имели права избираться депутатами, работать на руководящих должностях, служить в армии, учиться в высших и средних специальных учебных заведениях и т.д. В 1943 г., после выселения карачаевцев в Среднюю Азию и Казахстан, на протяжении 14 лет карачаевцы были лишены возможности получать высшее и среднее специальное образование, значительная часть их детей вообще не имела практической возможности посещать школу. Распоряжением Совета Народных комиссаров СССР от 20 июня 1944 г. формально, вроде бы, был установлен порядок обучения детей спецпереселенцев – чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар, согласно которому обучение должно было производиться на русском языке в действующих начальных школах по месту их поселения, а обучение спецпереселенцев в средних и высших учебных заведениях Казахстана, Киргизии и Узбекистана должно было производиться в существующих учебных заведениях, с правом переезда учащихся к месту нахождения этих заведений. Однако, так же как и ряд других постановлений правительства, направленных на создание более или менее сносных условий для жизнедеятельности спецпереселенцев, это постановление выполнялось плохо. Так, в постановлении Совета народных комиссаров и ЦК КП Казахской ССР от 26 апреля 1945 г. «О недостатках в хозяйственном устройстве спецпоселенцев, расселенных в Казахской ССР», наряду с другими недостатками, отмечается, что «Наркомпрос Казахской ССР не проводит достаточных мер по охвату детей

снецпоселенцев учебой, в связи с чем, из 50 329 детей школьного возраста в текущем году посещают школу только 6099 детей. Отсюда следует, что обучалось в школе лишь 12% детей школьного возраста [5]. Далее в справке Министерства Госбезопасности СССР от 1952 г. о расселении, трудоустройстве, правовом положении спецпереселенцев, недостатках, имеющих в работе с ними и мерах, необходимых для устранения этих недостатков, подчеркивается, что на 1 января с.г. по всей территории расселения было учтено 91 943 детей школьного возраста, не охваченных обязательным обучением. Из них детей спецпереселенцев – 38 289, детей народностей, выселенных с Северного Кавказа – 33 702. Кроме того, вышеупомянутое постановление Совета Народных комиссаров не выполнялось и в части того, что рекомендовалось организовать обучение детей на русском языке, а обучение, как правило, осуществлялось на языке коренных народов каждой местности, куда были поселены депортированные народы. Данное постановление не выполнялось и в части обучения в высших учебных заведениях и разрешения переезда спецпереселенцев к месту нахождения этих учебных заведений. Во-первых, в подавляющем большинстве случаев переселенцы, желающие обучаться в вузах, встречали запрет на переезд к месту нахождения вуза, а если отдельные единицы добились этого, то им или отказывалось в праве поступления в вузы или с хорошими оценками переселенцы не проходили по конкурсу [1].

В 1957-1991 годах в Карачаево-Черкесии работали такие научные учреждения, как Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт экономики, языка и литературы, Институт усовершенствования учителей, Опытная сельскохозяйственная станция, сектор овцеводства и козоводства ВНИОК, педагогическая лаборатория института национальных школ Академии педагогических наук СССР. Научные исследования велись в Карачаево-Черкесском педагогическом институте и Черкесском филиале Ставропольского политехнического института, астрофизической обсерватории Академии наук СССР, Тебердинском государственном заповеднике. В научных и учебных заведениях работали 440 ученых, в том числе 13 докторов и 167 кандидатов наук.

Кадры научной интеллигенции для области готовились в институтах Академии наук СССР, вузах Москвы, Ленинграда, Ставрополя, Краснодара, Саратова, Киева, Харькова, Ростова-на-Дону, автономных республик Северного Кавказа. Эта добрая интернационалистская традиция постоянно развивалась и достигла расцвета в постсоветский период.

Вместе с тем, надо отметить, что в деятельности партийных и советских органов Ставропольского края и Карачаево-Черкесской автономной области допускались значительные просчеты в укреплении материальной базы научных учреждений, в подготовке и создании необходимых условий для развития научного потенциала, не открывались в вузах отделы аспирантуры, диссертационные советы, при направлении на учебу молодежи в научные центры партийные работники допускали избирательный подход с учетом национальной принадлежности рассматриваемых кандидатур. В свою очередь, ученые недостаточно целеустремленно рассматривали актуальные проблемы экономического и духовного развития народов области, особенно – вопросов, связанных с оптимальным размещением производительных сил, совершенствованием структуры народного хозяйства, охраны окружающей среды, рационального использования трудовых и сырьевых ресурсов. Имелись перегибы в деятельности партийных организаций в интернационально-патриотическом воспитании молодежи, в научной разработке этих проблем [7].

Этническая нравственная культура обеспечивала общественную и личную целесообразность, так как была направлена на поддержание гармонии личности и общества. Нравственное формирование личности представляло собой управляемый процесс, который осуществлялся институтом старшинства, дворянами, авторитетом межпоколенческого общественного мнения и самовоспитанием: собственной совестью, чувством долга, ответственностью и др. Немалую роль в системном формировании нравственной личности играли муллы, эфенди и другие духовные служители.

В условиях кризиса нарушается баланс структурной упорядоченности взаимосвязей между элементами системы этнической культуры. Этому нарушению способствует глобализация как внешняя причина и социальные трансформации как внутренняя причина. Как следствие, происходит понижение уровня социокультурной интегрированности, согласованности и

консолидированное этносов. В связи с этим постепенно ослабляется нормативно-регулятивная функция этнической культуры и ее некоторые нормы и правила, хотя сохраняются базовые элементы культуры, нравственные императивы. В этой связи необходимо уметь сочетать и использовать традиционные ценности с новациями в современных условиях [4].

В условиях глобализации сохранение традиционных ценностей ориентации способствует возрождению национальной культуры региона. Уверенность этнической группы в позитивности и ценности своей культуры позволяет ей проявить толерантность к другим культурам. В результате происходит обогащение национальных ценностей достижениями локально развивающихся культурных систем, определенная их трансформация, интеграция с общечеловеческими культурными ценностями.

Традиции и обычаи, лежащие в основе народных морально-этических «кодексов поведения», выступают базовыми элементами культуры народов Северного Кавказа. Поэтому разрушение традиций, исчезновение обычаев и обрядов, утрата идеалов в глобализирующемся мире, свидетельствует о распаде ценностного пространства, которое составляет своеобразие национальной культуры.

Глобализация выступает как распространение североамериканской культуры и соответствующей ей системы приоритетов, ценностей, образцов и идеалов. Распространение одинаковых культурных образцов по всему миру, открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение, заставили ученых говорить о процессе глобализации современной культуры. Этот процесс имеет как позитивные, так и негативные стороны.

Под термином «глобализация», как известно, понимают процесс социальных изменений последнего десятилетия, заключающийся в формировании единого всемирного рынка, всемирной информационной открытости, появления новых информационных технологий, а также в увеличении глобальной культурной связи между людьми и народами. По мнению Э. Гидденса, глобализацию следует рассматривать как процесс интенсификации социальных отношений, которые связывают отдельные регионы таким образом, что локальные феномены, в том числе и этнические, формируются под влиянием событий, происходящих на очень большом от них расстоянии, а глобальное в большей степени, чем это было до сих пор, определяется локальными изменениями. С позиций глобализации роль этноса в цивилизационных процессах практически нивелируется.

Каждое поколение осуществляет выбор тех или иных традиций, принимая одни, отвергая другие. Очевидно, было бы в такой же степени неразумным пренебрегать ценностями прошлого, как и пытаться все их сохранить в неизменном виде в новых исторических обстоятельствах, иначе говоря, ограничиться функцией простого приема и передачи. Общечеловеческие ценности конкретно воплощаются в каждой национальной культуре. Как подчеркивает И.И. Осинский, процесс международного взаимодействия носителей национальных культур помогает преодолевать существующую тысячелетиями или только что наметившуюся культурную изоляцию наций и отвечает пробивающей себе дорогу универсальной потребности в сохранении, сбережении и освоении общечеловеческого культурного «генофонда». В этом проявляется сила национальной культуры как выразителя, охранителя и носителя гуманистических ценностей человека [2].

Источники и литература.

1. Антология литературы народов Северного Кавказа. Поэзия. Т. 1. Пятигорск. 2013. С. 291.
2. Борлакова, З. М. Депортация и репатриация карачаевского народа (1943-1959 гг.). М., 2005. 215 с.
3. Ершова М.А. Художественно-эстетическое воспитание школьников в кружках по художественной обработке текстильных и войлочных материалов. // Дисс. канд. пед. наук. М. 1988, С. 29.
4. Известные люди Карачаево-Черкесии. Краткий биографический словарь. Черкесск, 2011. С. 32.
5. Калаханова З.М. Глорификация культуры как тимол элиминации терроризма. // Проблемы теории и практики борьбы с терроризмом и экстремизмом в современных условиях Всероссийская научно-практическая конференция, Ставрополь 25-26 сентября, 2014.
6. Студенецкая Е.Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев. КЭС. Т. 6. М. 2006, С. 206.
7. Хубиев М.А. Батмаз джудузну джарыгы. Черкесск. 2009. См. Вместо предисловия, С. 3.

ШАМПАНСКОЕ ИЛИ ИГРИСТОЕ? ПРОБЛЕМА ИМЕНОВАНИЯ ИГРИСТОГО ВИНА В РОССИИ И УКРАИНЕ

Кудашкина Н.А.

Средняя общеобразовательная школа № 8 (г. Севастополь)

Шампанское – традиционный напиток праздников жизни. Интерес к его истории и технологии производства стар, как и сам напиток. Произведенный в северной части Франции, неподалёку от Парижа – в провинции Шампань, он очень скоро приобрел неслыханную славу в Европе, России, и других странах мира. Светлое, искристое вино, получило географическое название местности, на которой было открыто.

Так сложилось, что географической ценности названия – «шампанское», долгое время никто не уделял особого внимания, поэтому, перенимая технологию изготовления, многие страны перенимали и исконное именование. Вскоре, под традиционной этикеткой, стало именоваться любое игристое вино, иногда и спиртосодержащая газировка.

Многие производители игнорируют тот факт, что право именовать свое вино «шампанским» имеют только те компании, которые придерживаются строгих технологических правил изготовления и используют виноград, выращенный в четко установленных границах – французской провинции Шампань. Это положение было легитимировано Версальским мирным договором 1919 года. В 2005 году законодательством Франции был введен запрет на употребление термина «шампанский метод», вместо него в корпус винных терминов вошло понятие «классический способ».

Конечно, для большинства стран мира этот вопрос не является проблемой, так как для обозначения своего игристого вина они используют собственные термины: в Испании это «Cava», в Италии – «spumante», в Южной Африке – «Cap Classique». Итальянское игристое вино из винограда сорта мускат называют «Asti». В Германии наиболее распространено игристое вино «Sekt» [12].

А вот на территории стран СНГ тема именования игристого вина на протяжении последних шести лет является животрепещущей среди верных адептов сложившейся традиции. Никому не хочется вносить изменения в «отечественном гражданстве» иностранного напитка.

Особо остро эта проблема обозначена в России и на Украине. Активную и любопытную для исследователя полемику по данной тематике можно наблюдать на сайтах специализированных интернет-изданий, виноделов и местных дистрибьюторов, так как именно они являются основным источником информации на пути исследователя.

Итак, лидеры винной промышленности затрудняются ответить, как же теперь будет называться их продукт. Ранее можно было просто добавить «региональную приставку», например, Дом шампанских вин «Новый Свет», или шампанское «Абрау-Дюрсо» [2], а теперь необходимо искать другие варианты. Последняя из компаний даже объявила конкурс на новое имя для своего продукта, учредив специальный призовой фонд.

Корреспондент русского сайта, специализирующегося на спиртных напитках, в статье «Рынок шампанского производства» контурно обозначил эту проблему так: *«Подходящую замену слову “шампанское” еще никто не придумал, да и выбор не велик: “игристое”, “искристое”, “жемчужное”, особо не впечатляют, а других нет»* [7].

К тому же вопрос об именовании шампанского требует серьезно оформленной законодательной базы, которую законодательные органы обеих стран основательно разрабатывают только последние два года.

На сайте делового петербургского интернет журнала в статье «Российского шампанского не будет» за 29 марта 2010 года отмечается: *«В марте 2010 года в Госдуму был внесен проект техрегламента на винодельческую продукцию, согласно которому вместо*

«шампанского» будет производиться «игристое вино», вместо «коньяка» – «бренди» и т.д.». [4] Не многие были согласны с этим положением, поэтому, в июне был введен на рассмотрение новый законопроект, который предлагал компромиссный вариант наименования французских напитков: «Российский коньяк» и «Российское шампанское». Для полного утверждения было решено объединить производителей шампанского России в Ассоциацию, представители которой отправятся во Францию подписывать соглашение, которое бы давало право российским производителям писать «шампанское» и «коньяк» кириллицей.

Но и этот подход не решил всех вопросов однозначно. Озадачил он и производителей популярного шампанского бренда «Российское шампанское». В статье «Российское – значит конкретное» [6], предлагается альтернативное решение этого вопроса. Так, например, наряду с общим названием «Российское шампанское» заводы должны будут обозначать на этикетке и «конкретное наименование» (Российское шампанское «Южное» или Российское шампанское «Ленинградское»). Как отмечают финансовые аналитики, особого ущерба на рынке это не принесет. Тем более что три крупнейших производителя шампанских вин в России – Московский Комбинат Шампанских Вин (МКШВ), «Игристые вина» и «Корнет» в общей сумме всех своих промышленных активов держат более 50% акций «Российского шампанского».

Так, полемика по вопросу именования шампанского продолжается уже более шести лет и, по всей видимости, закончится не раньше 2022 года. Об этом сообщается на сайте РБК Daily: «С 2023 года в России откажутся от шампанского» [8]. Настойчивая позиция ЕС и Франции, способствует ускоренному принятию решений в законодательной и хозяйственно-практической области этого вопроса.

Поэтому, президент Союза виноградарей РФ Леонид Попович предложил разработать протокол «о добровольном отказе российских производителей вина от использования наименования «шампанское»». Предварительная версия протокола была разработана Межпрофессиональным комитетом вин Шампани (CIVS), ее подписали крупнейшие производители российского шампанского – Московский комбинат шампанских вин, РИСП, «Олимп Империял», «Абрау-Дюрсо».

Официально дату полного отказа от «шампанского» назначили на 31 декабря 2022 года. Отметим, что российская сторона пошла на этот компромисс с условием частичного возмещения французскими коллегами материальных затрат на проведение ребрендинговых кампаний.

Несмотря на предварительные договоренности с CIVS, проблема именования русского «шампанского» так и не решена. Владелец «Абрау-Дюрсо» Борис Титов, который год объявляет конкурс на альтернативное название, но все безрезультатно. Даже внушительный призовой фонд в 150 тыс. руб. не побудил энтузиастов придумать его.

Аналогичная ситуация неопределенности серьезно коснулась Украины только в феврале 2011 года, хотя истоки ее возникновения относятся к 2007 году. Так, например, на сайте «РБК – Украина» в интернет издании газеты «Дело» за 11.02.2011 г. опубликована статья под названием «Украину призвали отказаться от шампанского, коньяка и камамбера». Руководитель подразделения Генерального департамента по вопросам торговли Европейской комиссии Филипп Куиссон заявил, что Украине «придется отказаться» от использования географических названий в маркировке своей продукции. При этом представитель ЕС упомянул, что такая ситуация была еще в ряде стран, которые уже успешно решили эту проблему [11].

Через два дня стало подробно известно об итогах переговоров, результаты которых отражены в статьях: «Судьба украинских коньяков и шампанских вин» [9], «Украине могут запретить продавать шампанское и коньяк» [10]. В них оглашаются итоги длительных дискуссий: «Украина продлила право использовать эти названия для внутреннего рынка и на рынках стран членов ВТО на 10 лет». На первый взгляд создалось впечатление, что Украина прошла этот этап легче и быстрее.

Однако не прошло и двух недель, как 28 февраля состоялась очередная встреча с представителями ЕС, на которой обсуждалась все та же тема. На этот раз европейская

сторона была настроена более радикально. На официальном сайте «Росбалт» в статье «ЕС твёрдо решил «лишить» Украину шампанского» [1] говорится, что *«по условиям соглашения о свободной торговле с Европейским союзом, которое должно быть подписано в этом году, украинским виноделам придется прекратить называть свои игристые белые вина «шампанским»»*. Соглашение должно вступить в силу в 2014 году, сообщает inoСМИ.Ru.

Более того, глава делегации ЕС на Украине Жозе Мануэль Пинту Тейшейра заявил, что данный вопрос «не подлежит обсуждению» и производителям «следует выбрать другое название».

Стоит отметить, что в ЕС на сегодняшний день запатентовано более 3 тысяч названий продуктов, использовать которые другие страны не имеют права. Европейцы решили произвести «именную революцию», и это теперь касается не только шампанского, но и других привычных для нас названий. Так, на одном из форумов появилась статья – «Украина: прощай «Шампанское» и «коньяк». Автор Ирина Ивершень решила проанализировать шквальный именной бум в отношении других видов товаров. Получилось следующее: *«...пользуясь ажиотажем, итальянцы теперь единственные, кто еще может выпускать продукты с названием «пицца», а сыры «Фета» может производить только Греция. Болгария, которая считается родиной йогурта, под видом борьбы с некачественным продуктом уже давно пытается запретить производителям подписывать свой продукт йогуртом. Но дальше всех, наверное, пошли поляки: они запатентовали бренды «водка», «охотничьи колбаски» и «шинка», и теперь, видимо, украинский продукт с таким названием на европейские рынки не пропустят. Таким образом, получается, что мы должны переименовать йогурт в «продукт кисломолочный», а пиццу – в «итальянский пирожок»?»* [3].

На этот счет некоторые аналитики выдвинули предположение: *«ЕС желает ограничить поставки украинских товаров на европейские рынки»*.

Украина все же приняла решение пойти на компромисс и удовлетворить настойчивые просьбы своих стратегических партнеров.

Премьер-министр Украины Николай Азаров в 2013 г., во время встречи с министром иностранных дел Греции Димитрисом Друтасом, заявил о твердой готовности Украины отказаться от использования географических названий товаров на десять лет, для подписания договора о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Европейским Союзом. В свою очередь, ЕС согласилась оказать помощь по ребрендингу и продвижению на европейский рынок украинских продуктов с новыми названиями [5].

Окончательное решение вопроса близится к финалу, как для России, так и для Украины. Фактически равны шансы решить наболевший вопрос. В первом случае уже разработан и подписан протокол добровольного отказа от французского наименования. На Украине, уже после смены правительства 27 июня 2014 г., Арсением Яценюком подписана экономическая часть Соглашения об Ассоциации с ЕС. По идее, соглашение должно подстегнуть к ускоренному темпу в изменении «отечественных» названий, но учитывая самый последний политический и экономический кризис, нашим соседям не скоро придется вернуться к этому вопросу.

Таким образом, стабильная политическая ситуация в России еще в 2013 году позволила выйти в решении вопроса именования «шампанского» на новый, финальный уровень. Что же касается Украины, остается только догадываться, как будут развиваться дальнейшие события в этой области.

Источники и литература.

1. ЕС твёрдо решил лишить Украину шампанского // Новостной портал. 29 фев. 2011 г. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/2011/02/28/823821.html>
2. Заводы близки не только своим историческим происхождением – отцом-основателем их был Л.С. Голицын – но и технологией приготовления игристого вина – классический способ с сохранением русской традиции.
3. Ивершень. И. Украина: прощай «Шампанское» и «коньяк // Новостной форум. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://www.from-ua.com/eco/1b6f133fbde1d.html>.

4. Лобановский А. Российского шампанского не будет // Деловой журнал. 29 марта 2010 г. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://www.dp.ru>
5. Проживет ли Украина без шампанского и коньяка? // For Um. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://for-ua.com/comments/2011/06/01/090221.htm>
6. Российское - значит конкретное // Информационный портал. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://www.firstnews.ru/news/business/7231>.
7. Рынок шампанского российского производства // Спиртные напитки. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://www.mysn.ru/articles.php?c=34&n=177&a=10196&l=0>.
8. С 2023 года в России откажутся от шампанского // РБК daily. 24 октября 2011 г. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2011/10/24/market/562949981811318>.
9. Судьба Украинских коньяков и вин // Новостной портал. 13 февраля 2011 г. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://www.newsland.ru>
10. Украине могут запретить продавать шампанское и коньяк // Новостной портал 11 февраля 2011 г. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://www.newsrax.ru>
11. Украину призвали отказаться от шампанского, коньяка и камамбера // Газета «Дело» 11.февраля.2011. Интернет издание. Сайт РБК-Украина. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ua/rus/digests/show/ukrainu-prizvali-otkazatsya-ot-shampanskogo-konyaka-i-kamam>.
12. Шампанское // Википедия. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. – (проведено 10.05. 2014).

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЗОНЫ В БАЛАКЛАВСКОМ РАЙОНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – НАЧАЛЕ 1950-Х ГОДОВ

НИКИТИНА И.В.

Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя

В экономической жизни Балаклавского района в первые послевоенные годы большую роль играло восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства, колхозное строительство. На развитие сельскохозяйственной зоны Балаклавского района во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. оказали влияние, прежде всего, последствия военных действий на Крымском полуострове. Что касается особенностей демографического фактора, то данные вопросы мы рассматривали ранее. В настоящей статье мы остановимся на экономических и социальных изменениях в сельской зоне района в указанный период, с учетом влияния процесса переселения в Крым крестьян-колхозников из других регионов СССР. Исследование проведено на основе анализа материалов Государственного архива г. Севастополя (ГАГС).

Основными аспектами развития района стали: прибытие в район колхозников-переселенцев из Воронежской, Московской областей РСФСР и Сумской области УССР; восстановление материальной базы балаклавских колхозов, пострадавших от немецко-фашистской оккупации, активное жилищное строительство в селах района, начало реорганизации колхозов района (укрупнение); восстановление и развитие виноградарства, садоводства, табаководства и пр.

Первые мероприятия по восстановлению сельского хозяйства региона выражались в подсчете ущерба от войны, выяснении состояния имущества коллективных хозяйств района, мероприятиях по организации работы. Так, 28 июля 1944 г. было принято решение объединенного заседания Балаклавского райисполкома и райкома: «Об укреплении и расширении Байдарского табакосовхоза». В решении, в частности, было сказано, что *«земельный фонд Байдарского табакосовхоза и бывшего колхоза «Красный Октябрь» общей площадью 1102 га (40 га совхоза и 462 га колхоза) расположен так, что созданы условия чересполосицы, и это не дает возможности вести севооборот и наладить правильное землепользование... Центральная усадьба Байдарского табакосовхоза, в результате временного хозяйничания (так в документе) немцев полностью уничтожена, и совхоз потерял весь жилой и производственный фонд, за исключением только построек, расположенных в д. Байдары»*. *Постановили: «Считать вполне целесообразным с народнохозяйственной точки зрения передать Крымтабаку «Главтабаксырье» для укрепления Байдарского табакосовхоза землепользование, жилые и прочие постройки бывшего татарского колхоза «Красный Октябрь». Просить СНК Кр. АССР и обком утвердить настоящее решение»* [1, л. 3].

В сентябре 1944 г. в район прибыли первые переселенцы из Воронежской области общей численностью 8470 чел.[2, л.10]. Их обустройство, обеспечение всем необходимым, с одной стороны, стало значительной проблемой местных властей в связи с тяжелым положением района. С другой стороны, мероприятия по решению таких проблем способствовали значительным изменениям в сельской зоне района. И, если первоначально в рамках обеспечения жильем, вновь прибывших размещали в дома, остававшиеся в деревнях свободными по разным причинам, то к 1948 г. в районе была развернута программа по строительству нового жилья. Обращаясь в наших более ранних работах к проблеме ухода переселенцев из мест вселения, мы уже отмечали и тот факт, что очень часто оно было вызвано недостаточным вниманием к их нуждам в колхозах и тем, что борьба с данным явлением, в основном, ограничивалась формальными мероприятиями. Так, в архивных документах 1946 г., при фиксации данной проблемы, основная вина возложена на предсе-

дателей колхозов, которые не обеспечили условия людям при их обустройстве и не провели с ними разъяснительную работу.

Одновременно, уже в 1945 г., отмечено значительное увеличение отпуска на нужды переселенцев зерна и кредитования району на проведение хлебозаготовок. Так, только на май 1945 г. на Балаклавский район для нужд переселенцев СНК Крыма выделил 20 тонн зерна [3, л. 132]. В том же 1945 г. отмечен значительный вклад колхозников в дело выполнения производственных планов. В частности, по итогам хлебозаготовок 1945 г. Почетными Грамотами СНК Крыма были награждены: Ганьков Артем Степанович (совхоз «Спецкультуры»), Евстратов Николай Павлович (колхоз им. Ворошилова), Кунин Алексей Георгиевич (колхоз им. Кирова), Кунарченко Степан Васильевич (колхоз III Интернационала) [3, л. 156]. Балаклавская МТС в 1945 г. получила премию 3000 руб. за успешное выполнение ремонта тракторов [3, л. 70]. Также, по итогам 1945 г., Переходящее Красное Знамя за победу в социалистическом соревновании получил колхоз им. Калинина (Фруктовского сельского совета) [4, л. 57].

Вопросы развития сельской зоны района в 1946–1947 гг. пока по исследованным документам не прослеживаются, их уточнение станет определенной перспективой для дальнейшего изучения. На данный момент удалось установить, что 29 сентября 1946 г. Советом Министров СССР и ЦК ВКП (б) было принято решение о сокращении расходов по пайковому снабжению населения на 30 % и уменьшении на 70% фондов хлеба, выдававшегося для снабжения населения, проживающего в сельской местности, что было вызвано «неблагоприятными климатическими условиями» (засуха), и имело целью «обеспечение хлебом населения до следующего урожая» [10, л. 45]. Это не могло не сказаться на снабжении хлебом Балаклавского района, которое также было значительно сокращено. Как следствие недостаточности снабжения продовольствием, в 1947 г. на территории района, в Байдарской долине, были отмечены факты голода, однако, в целом смертность по району за этот год была не высокой.

Не смотря на возникавшие трудности, к 1948 г. в сельском хозяйстве района уже наметились определенные позитивные изменения. Так, в 1944 –1948 гг. в переселенческих колхозах было построено и восстановлено 22 механические установки, 8 буровых скважин, 18 поливных сооружений, проложено 13 км. трубопровода, начато строительство первой очереди межколхозной насосной станции и группового водопровода. В колхозах орошаемая площадь земель составляла на в 1948 г. – 580 га., на 1949 г. – 888 га [6, л. 32].

Одновременно, в 1948 г. наблюдались негативные явления в сфере развития животноводства. По материалам сессий Балаклавского районного Совета депутатов трудящихся за 1949 г. установлены следующие данные по падежу скота:

Таблица 1

СОКРАЩЕНИЕ ПОГОЛОВЬЯ СКОТА ЗА 1948 Г. [6, л. 69]

	Пало	Вынуждено забито	Для нужд колхозов	Продано на рынке	Продано	Всего
Лошади	37 голов	4 головы	-----	-----	3 головы	44 головы
Крупный рогатый скот	42 головы	62 головы	3 головы	14 голов	13 голов	134 головы
Свиньи	60 голов	14 голов	4 головы	211 голов	139 голов	428 голов
Овцы и козы	243 головы	391 голова	43 головы	72 головы	253 головы	1002 головы

Сессия отмечала, что наихудшая ситуация с падежом скота в 1948 г. наблюдалась в колхозах «Красный Октябрь», им. Чкалова, и «Память Ленина» (Ново-Бобровка).

Однако, по итогам выполнения планов по данной отрасли сельского хозяйства в 1948 – 1949 гг., показатели развития животноводства оказались высокими, что показывает следующая таблица:

ВЫПОЛНЕНИЕ ГОСПЛАНА РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА [6, л. 69]

	План 1948 г.	выполнено	%	План 1949 г.	Выполнено 1 полугодие	%
Лошади	670 гол.	651	97	730	648	88,6
Крупный рогатый скот	1450	1524	105	1700	1554	91,3
Свиньи	200	223	111	400	297	71,2
Овцы и козы	4950	5522	111	7000	6238	87,6
Надой молока	1000 л.	844	84	1400	463,2	
Настриг шерсти	1,6	2,44	150	2,5		

Одновременно в 1949 г. в районе отмечалась низкая заготовка кормов, по этому направлению план был выполнен всего на 55,9 % [5, л. 70]. В 1948 г. в колхозах района впервые был применен новый порядок оплаты труда колхозникам в зависимости от размеров урожая и производительности животноводства. По сведениям из документов Балаклавского районного Совета депутатов трудящихся за 1948 г. такая система оплаты сразу же дала свои результаты. В частности, семья переселенки Дмитриенко Анны Васильевны из колхоза «Путь к социализму» Флотского сельсовета (в семье 3 трудоспособных) получила на трудодни деньгами 12204 руб., винограда 515 пудов, вина 340 литров, зерна 1220 кг., а за «самоотверженный труд» дополнительно семье было выдано 131 литр вина (в переводе на деньги вышло 30 тыс. руб.) [5, л. 28].

1948 г. ознаменовался также «борьбой с нарушениями устава сельхозартелей». Так, в решении Балаклавского районного Совета депутатов трудящихся от 24 апреля 1948 г. сказано: «...В колхозах района имелось много случаев нарушения устава сельхозартели. В первой половине 1947 г. в 18 колхозах нарушались установленные лимиты на административно-управленческий аппарат и вместо 8 % расходовалось по 13,5–14 % (колхозы им. Калинина (Фруктовое), Коминтерн, им. Кирова). Проверка землепользования установила факты захвата колхозных земель в размере 2,948 га, в колхозе им. 12 годовщины Октября 0,24 га, им. Чкалова 0,10 га, им. Кирова 0,16 га и пр. Райпищкомбинат до начала весны пользовался домом, расположенным на земле колхоза им. III Интернационала. Имелись также факты, когда советские работники занимались поборничеством в колхозах и брали продукты, не оплатив их стоимость. За нарушение устава сельхозартели председателями колхозов уголовная ответственность возбуждена против 7 человек, в т.ч. по колхозам им. Молотова – 5, Большевик – 2. Проведена работа по ликвидации дебиторской задолженности, в колхозах последняя снижена с 507 тыс. до 204, 8 тыс. из 175 (должники) 120 рассчитались по сенозаготовкам» [8, л. 51-52].

С 1949 г. вновь активизировалось массовое вселение в район колхозников-переселенцев, данная тенденция сохранялась вплоть до 1953 г. Так, к марту 1950 г. в район прибыло 100 семей переселенцев. К 1950 г. значительно возросло и общее число сельского населения, оно увеличилось до 10231 чел. Однако, по-прежнему, в больших масштабах также продолжались и самовольные уходы переселенцев из мест поселения. Требования Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) к местным властям о проведении более активных мероприятий по розыску и возвращению выбывших обратно, особого результата не принесли. Продолжалось и «отходничество» в соседние районы Крыма (прежде всего в Севастополь) для работы на промышленных предприятиях.

Основные результаты развития сельскохозяйственной зоны района к 1949 г. выглядят следующим образом. На виноградниках в хозяйствах района с 1949 г. начали применение шпалерной системы их посадки. Общая площадь садов составила 379 га, из них плодоносящих 239 га. В 1949 г. было произведена посадка 53494 шт. фруктовых деревьев. Значительно улучшилось культурное «обслуживание» села. Количество учреждений культуры на 1949 г. по району составило 3 сельских клуба, 16 изб-читален, 7 колхозных клубов, 5 ленинских уголков, 3 библиотеки, 3 кинопередвижки, 1 стационарная киноустановка. К этому же периоду полностью был перестроен Родниковский мост протяженностью 1,5 км., произведен капитальный ремонт дороги Черноречье – Терновка – 0,5 км. Было

построено 48 новых домов, в т.ч. в с. Колхозное – 19, с. Флотское – 12, капитально отремонтировано 178. Одновременно, районные власти настоятельно требовали от председателей колхозов ускорения процесса обеспечения жильем членов хозяйств. Так, в частности, в мае 1950 г. на заседаниях исполкома Балаклавского районного Совета депутатов трудящихся обсуждались случаи задержек строительства домов для переселенцев и невнимания к их обустройству со стороны ряда председателей колхозов. В протоколе заседания от 16 мая 1950 г. отмечалось: *«Заслушав доклад председателей колхозов «Красный Октябрь» тов. Бенза и им. Чкалова тов. Соломатина» исполком постановил «они не достаточно занимаются хозяйственным устройством вновь прибывших переселенцев ... некачественно проведен ремонт домов, ... не передано ни одного дома по актам колхозникам. В колхозе «Красный Октябрь» строительная бригада из 12 человек из-за отсутствия стройматериалов, а также недостаточного руководства со стороны правления колхоза, много рабочего времени пробыла без работы. В этом же колхозе у семьи вновь прибывшего переселенца из-за не предоставления правлением транспорта, до настоящего времени не получены по обменным квитанциям картофель 363 пуда. В колхозах с вновь прибывшими переселенцами не проводится агроучеба по освоению и выращиванию основной сельхозкультуры для колхозов – табака».* Постановление предписывало в кратчайший срок ликвидировать все указанные недостатки, добиться своевременного получения хлеба и скота по обменным квитанциям, обеспечить проведение разъяснительной работы среди вновь прибывших переселенцев по поводу новых для них сельхозкультур и пр. [7, л. 27, 28]. Общие сведения о ходе строительства в колхозах Балаклавского района на 10 мая 1950 г. выглядят следующим образом: *«всего подготовлено домов к приему переселенцев 119, новых нет, восстановлено 19, капитальный ремонт 57, куплено 1, текущий ремонт 42, в стадии строительства 82, новых 79, восстановлено 3. Организованы бригады 15 колхозных (152 чел.), 16 наемных 127 чел, занятых в колхозах автомобилями 30, колхозные 20, наемные 10, подвод, занятых на строительстве, 43»* [9, л. 3].

Начало 1950-х гг. было отмечено значительным увеличением объемов производства практически по всем отраслям сельского хозяйства района. Дальнейшее развитие получила механизация производственных процессов на селе. Колхозники района приступили к внедрению в производство новых методов хозяйствования, которые способствовали повышению урожайности табака, винограда, овощей и фруктов и т.д.

Таким образом, анализ развития сельскохозяйственной зоны Балаклавского района во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. показал, что в первые послевоенные годы положение в сельском хозяйстве района оставалось достаточно сложным, меры правлений колхозов, местного руководства далеко не всегда обеспечивали разрешение возникавших проблем. Имелись также и объективные причины задержки улучшения положения населения в районе (послевоенная разруха, засуха). Однако, инициатива ряда председателей колхозов, ряд решений Балаклавского райисполкома, определенная государственная политика (льготное снабжение переселенцев), а также труд самих колхозников сыграли значительную роль в получении достаточно хороших урожаев основных сельскохозяйственных культур. Одновременно, материальная база хозяйств, уровень механизации оставались недостаточно высокими на протяжении всего изучаемого периода.

Источники и литература.

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС). Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 5.
2. ГАГС. Ф Р-430. Оп. 2. Д. 11.
3. ГАГС. Ф Р-430. Оп. 2. Д. 16.
4. ГАГС. Ф Р-430. Оп. 2. Д. 25.
5. ГАГС. Ф Р-430. Оп. 2. Д. 34.
6. ГАГС. Ф Р-430. Оп. 2. Д. 56.
7. ГАГС. Ф Р-430. Оп. 2. Д. 66.
8. ГАГС. Ф Р-430. Оп. 2. Д. 77.
9. ГАГС. Ф Р-430. Оп. 2. Д. 78.
10. ГАГС. Ф Р-430. Оп. 3. Д. 5.

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ: ПЕРВЫЕ ПОТЕРИ (ИЮНЬ 1941 г.)**ТКАЧЕНКО С.Н.****НИЛ «Крым во Второй Мировой войне» (г. Феодосия)**

Эти события не обойдены вниманием историков, и во многих исследованиях – как советского периода, так и современных, о начале войны на Черном море в июне 1941 года, упомянуты эти случаи [7, с. 141; 12, с. 132; 13, с. 142; 8, с. 9; 11, с. 409; 20, с. 222]. Первые потери Черноморского флота в Великой Отечественной войне. Подорвался на морской mine и быстро затонул буксир "Севастопольский порт-12", более известный как СП-12. Затем – плавкран, эсминец, торпедный катер....

Однако множество фактов – как подробностей гибели судов, так и информация о потерях кораблей в первую неделю войны – осталось неизвестным. Целью данной статьи является изучение истории первых потерь в корабельном и личном составе в контексте первых дней войны на Черном море. И еще – вспомнить всех поименно: ведь гибли не столько плавсредства, сколько люди....

Стоит отметить, что первыми потерями флота стали вспомогательные суда. К началу войны в Главной базе флота – Севастополе, числясь в отделе плавсредств и гаваней ЧФ, имелось 4 морских буксира, 6 рейдовых буксиров, 3 транспорта (еще один военный транспорт «Красная Кубань» в июне 1941 г. находился в рейсе у Кавказского побережья), 21 моторный катер, 3 плавкрана (СП-1, СП-2, 100-тонный кран завода №201), 1 самоходная баржа торпедная, 2 водоналивных бота, 2 самоходные баржи продовольственные, 2 мазутные баржи, 2 баржи котельной воды, 2 баржи береговой воды, 13 других самоходных барж грузоподъемностью от 150 до 450 тонн [17, с. 362].

Важна также предыстория события, также известная и изложенная в исторической литературе [9, с. 5-6; 10, с. 27-28]. 21 июня 1941 года корабли Охраны водного района (ОВР) главной базы находились в Стрелецкой бухте, за исключением 2-го дивизиона быстроходных тральщиков, которые по окончании флотских учений зашли в порт Одесса. Корабли эскадры стояли на якорях в Северной бухте и у Минной стенки Южной бухты.

22 июня в 01 ч 15 мин командующий флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский по приказанию Наркома ВМФ объявил по флоту оперативную готовность № 1. На командный пункт ОВР прибыли командир соединения контр-адмирал В.Г. Фадеев, начальник штаба капитан 2 ранга В. И. Морозов и военком полковой комиссар Б.В. Сучков. Оперативный дежурный флагманский минер капитан-лейтенант И.В. Щепаченко доложил обстановку.

В 1 ч 55 мин корабли и город погрузились в темноту в целях светомаскировки. В 03 ч 7 мин посты СНИС и посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), находившиеся в районах Евпатории и мыса Сарыч, доложили о шуме моторов самолетов, идущих на Севастополь. Штаб береговой обороны объявил в главной базе воздушную тревогу. Корабли и катера отошли от причалов и заняли места на рейде согласно плану рассредоточения. Силы и средства противовоздушной обороны немедленно приготовились к отражению противника. В 03 ч 15 мин по самолетам открыли огонь береговые зенитные батареи, а вскоре к ним присоединились и корабельные зенитные установки.

Воздушный налет продолжался до 3 ч 50 минут. Был, по некоторым данным, сбит и рухнул в море самолет противника [20, с. 221-222]. В районе улиц Щербака, Подгорной, а затем в районе Приморского бульвара раздались один за другим два сильных взрыва. Командующий флотом доложил Наркому ВМФ, что Севастополь бомбят. Однако, как выяснилось, с самолетов сбросили не бомбы, а мины на парашютах. Немцы попытались заминировать фарватер и заблокировать в базе советские корабли. Враг рассчитывал на внезапность удара. Однако силы флота встретили его хорошо организованным, мощным зенит-

ным огнем. Самолеты не смогли поставить мины прицельно и побросали их куда попало – на сушу, на мелководье, и только отдельные мины упали вблизи фарватера.

Командующий флотом в 04.35 приказал командиру ОВР немедленно провести траление в Северной и Южной бухтах, а также на внешнем рейде по оси Инкерманского створа.

Утром три малых охотника – «МО-041» лейтенанта П.А. Кулашова, «МО-051» лейтенанта С.А. Бычкова и «МО-061» лейтенанта С.Т. Еремина под командованием командира 2-го звена старшего лейтенанта И.С. Соляникова вышли на внутренний рейд бухты, а три малых охотника – «МО-011» лейтенанта Н.В. Перевязко, «МО-021» младшего лейтенанта П.Д. Чеслера и «МО-031» старшего лейтенанта А.С. Осадчего под руководством командира 1-го дивизиона сторожевых катеров капитан-лейтенанта В.Т. Гайко-Белана – на внешний рейд и провели траление. Для наблюдения за морем быстроходный тральщик «Трал» старшего лейтенанта А.М. Ратпера вышел в дозор.

Ни одной мины корабли не затралили. Дело в том, что траление осуществлялось обычными тралами, рассчитанными на якорные контактные мины, а самолеты люфтваффе выставили донные неконтактные мины, срабатывавшие под воздействием магнитного поля корабля. Кроме того, мины обладали приборами срочности (могли приходить в боевое состояние не сразу, а спустя несколько суток) и кратности (срабатывали не под первым проходившим, а под определенным по счету кораблем). Тралить такие поля следовало в течение многих дней, проходя по нескольку раз над одним и тем же местом. На вооружении ВВС ВМФ таких мин не было, применения таких мин никто не ожидал и от немцев. Но что хуже всего, у советского флота не было и специальных тралов, для того чтобы бороться с этими минами. Лишь накануне войны советские ученые занялись практическими экспериментами по размагничиванию кораблей при помощи специальных обмоток и создали принципиальную схему электромагнитного трала.

Анализ данных о подрыве кораблей и плавсредств навел на мысль о том, что противник поставил неконтактные донные магнитные мины. Требовалось в самые короткие сроки найти вражеские мины, чтобы раскрыть секрет их действия и создать эффективные средства для уничтожения. Донные мины, как принято считать, секретным оружием не являлись. В распоряжении НИИ минно-торпедного оружия имелись зарубежные образцы (в том числе и немецкие), на базе которых был разработан советский аналог. На полигоне в Феодосии, куда были приписаны некоторые боевые корабли, как раз накануне войны шли испытания советской донной мины и электромагнитного трала – электромагнитных тралов на советском флоте не было. Были только экспериментальные образцы [15].

Поэтому задача по надежной защите кораблей-тральщиков от неконтактных донных магнитных мин стала первоочередной. Всего, по данным советской стороны, за весь период обороны Севастополя противник выставил на подходах к порту и в его бухтах 131 мину [9, с. 7]. По немецким данным [15], с начала войны до 4 июля 1941 г. группа П/КГ 4 выставила 120 мин в районе Севастополя и 50 в Днепровском лимане. Авиационную составляющую минных постановок в первый день войны подробно изучил И.И. Фурман [25, с. 170-180].

А теперь о буксире. Это был стандартное судно такого типа. Заложен СП-12 в 1939 г. («Севморзавод», Севастополь), спущен в начале 1940 г., сдан 1 августа 1940 г. Водоизмещение: стандартное – 550 т., полное – 490 т., длина – 39 м, ширина – 8,7 м, осадка – 3,6 м. Мощность паровой машины составляла 800 л.с., и буксир развивал скорость в 12 узлов [4, с. 278; 18, с. 432].

Морской буксир СП-12 принадлежал отделу плавсредств и гаваней Черноморского флота. В целом катастрофа подробно описана в архивных документах из Центрального военно-морского архива. Согласно Внесрочному донесению командующему флотом вице-адмиралу Ф.С. Октябрьскому [29, л. 60-61], это произошло 22 июня 1941 г. в 20 часов 35 минут, на внешнем рейде Севастопольской бухты, у Константиновского буя, при волнении моря 4 балла. При возвращении в бухту, по выполнении работ по уборке артиллерийских щитов, по приказанию оперативного дежурного по штабу ЧФ (возвращался с Тендровского рейда после участия в маневрах), проходил по фарватеру и, несмотря на то, что внешний и внутренний рейды протралили, подорвался на германской неконтактной дон-

ной mine. Сразу характер повреждений установлен не был, и бал отложен до подъема судна, который во время войны так и не состоялся [5, с. 26; 24, с.8].

В 1955 году останки буксира обследовали военные водолазы. В акте отмечено, что носовая и кормовая часть лежат без крена погрузившись в мягкий илистый грунт. Металлический набор надстройки видимых повреждений не имеет. Деревянные части изъедены, фок-мачта отсутствует, а грот мачта сломана у основания. Дымовая труба лежит на грунте по левому борту. А вот в акте обследования 1985 года уже отмечено, что кормовая часть корпуса не обнаружена – занесена илом. Носовая часть и надстройка практически полностью изъедены ржавчиной. Глубина залегания – 21 метр [21].

Погибло от катастрофы 26 человек команды буксира, и еще один умер позже в госпитале (по некоторым данным [23], это Иван Федорович Маруненко, но в архивных документах фамилии умершего пока не обнаружено, а старпом отмечен в общем списке). Ранено и контужено 4 человека (в т.ч. капитан буксира Михаил Чересиз), которые остались живы. Вышедший к месту гибели торпедный катер подобрал из воды этих пятерых раненых. По факту катастрофы велось расследование, результаты которого пока не найдены.

Нашим долгом считаем публикацию всех имен погибших на буксире – ведь именно эти 26 человек оказались фактически первыми из 26 миллионов последующих жертв Великой Отечественной войны. В донесениях о потерях [29, л. 63-64] более подробно даны социально-демографические сведения на каждого погибшего, известно, например, что 8 человек имели семьи, все проживали в Севастополе.

СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА МОРСКОГО БУКСИРА СП-12, ПОГИБШИХ 22 ИЮНЯ 1941 Г. [29, л.64-64об]

1. Андреев Владимир Александрович, 1922 г.р., кочегар, уроженец г. Николаев.
2. Актентьев Кирилл Вениаминович, 1920 г.р., машинист, уроженец г. Ленинград.
3. Бондаренко Леонтий Иванович, 1923 г.р., кочегар, уроженец г. Мариуполь.
4. Борц Матвей Яковлевич, 1923 г.р., машинист, уроженец г. Мариуполь.
5. Балачевский Александр Сергеевич, 1913 г.р., машинист, уроженец г. Днепропетровск.
6. Герасимов Николай Семенович, 1923 г.р., матрос 2 класса, уроженец с. Покровское Рязанской области.
7. Година Иван Семенович, 1922 г.р., матрос 2 класса, уроженец с. Красное Знамя Николаевской области.
8. Дениско Алексей Сергеевич, 1922 г.р., кочегар 2 класса, уроженец с. Баштанка Николаевской области.
9. Еременко Петр Макарович, 1912 г.р., старший кочегар, уроженец с. Великая Лепетиха Днепропетровской области.
10. Николаев Александр Дмитриевич, 1918 г.р., второй механик, уроженец г. Севастополь.
11. Маруненко Иван Федорович, 1913 г.р., помощник капитана, уроженец с. Васильевка Винницкой области.
12. Корытцев Владимир Ермолаевич, 1914 г.р., машинист, уроженец г. Троицк Челябинской области.
13. Коваль Николай Иванович, 1921 г.р., матрос, уроженец с. Красное Николаевской области.
14. Ларионов Алексей Алексеевич, 1912 г.р., боцман, уроженец г. Одесса.
15. Машко Владимир Степанович, 1923 г.р., матрос, уроженец д. Альма-Тархан Бахчисарайского района Крымской АССР.
16. Мартынюк Михаил Григорьевич, 1923 г.р., матрос, уроженец д. Росишка Киевской области.
17. Ноздрачев Алексей Иванович, 1913 г.р., рулевой, уроженец с. Голая Пристань Николаевской области.
18. Полевой Василий Романович, 1896 г.р., помощник капитана, уроженец с. Башаровка Ровенской области.
19. Попов Николай Васильевич, 1911 г.р., старший механик, уроженец г. Севастополь.
20. Прилуцкий Николай Николаевич, 1912 г.р., радист, уроженец г. Киев.
21. Обориева Мария Михайловна. 1889 г.р., кок, уроженец г. Ростов-на-Дону.
22. Розанов Владимир Николаевич, 1907 г.р., кочегар, уроженец аула Гунаб Дагестанской области.
23. Селянин Андрей Иванович, 1917 г.р., машинист, уроженец д. Григорьевка Ивановской области.
24. Сосновский Борис Андреевич, 1923 г.р., кочегар, уроженец г. Мариуполь.
25. Шенкевич Феодосий Федорович, 1913 г.р., рулевой, уроженец с. Новоселовка Одесской области.
26. Швец Михаил Авраамович, 1909 г.р., помощник капитана, уроженец с. Старо-Сбуровка Николаевской области.

Теперь о других потерях Черноморского флота. 24 июня подорвался 20-тонный кран, ведомый буксиром СП-2, 30 июня – шаланда «Днепр». 1 июля при выходе из бухты получил сильное повреждение эсминец «Быстрый». Это все – потери от германских магнитных мин, активно выставляемых в июньские ночи.

В ранние часы 24 июня в Севастополе опять зазвучали сирены воздушной тревоги, которая длилась четыре часа. Из-за затемнения немецким пилотам вновь не удалось точно отыскать город, в результате чего большинство мин (как минимум шесть) упало на сушу. Две мины взорвались на побережье Карантинной бухты, где разрушили пристань, а четыре легли на внешнем рейде базы. Одна из упавших на сушу мин не взорвалась, что стало ценным подарком для советских минеров. Тогда-то и отпали последние сомнения в том, мины какого типа применяет противник. Тем не менее днем вновь велось траление внешнего рейда обычными контактными тралами [6, с. 326].

Однако 24 июня 1941 г. в 12 часов 50 минут кран СП-2 грузоподъемностью 20 т, ведомый рабочим буксиром СП-2, следовал из Севастопольской бухты для подъема сбитого ночью 22 июня 1941 г. немецкого самолета, который упал в бухте Песочная. Уступая фарватер крейсеру "Червона Украина", входившему в Севастопольскую бухту, буксир начал разворачивать кран. На внешнем рейде, в районе гудящего буя при штиле в 12 часов 52 минуты под днищем крана прогремел взрыв. Кран затонул за время менее минуты, погибли люди, находившиеся на его борту. В процессе погружения, кран навалился на буксир стрелой, повредив его, в результате чего, погибло 8 человек, получили ранения шесть (а также трое – на буксире) [29, л. 56-59; 20, с. 46].

СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА КРАНА, ПОГИБШИХ 24 ИЮНЯ 1941 Г. [29, л. 58-59]

1. Дорофеев Петр Степанович, 1899 г.р., ст. кочегар, уроженец д.Вергезки Нижегородской области.
2. Завгородний Александр Георгиевич, 1912 г.р., такелажник, уроженец г. Севастополь.
3. Краскова Екатерина Степановна, 1911 г.р., кок, уроженец с. Прогной Николаевской области.
4. Михно Петр Максимович, 1880 г.р., такелажник, уроженец г. Воронеж.
5. Надточий Петр Яковлевич, 1882 г.р., такелажник, уроженец д. Чоргунь, Крымская АССР.
6. Черчин Петр Пантелеевич, 1890 г.р., ст. механик, уроженец г. Севастополь.
7. Фугаджи Дмитрий Герасимович, 1925 г.р., ученик машиниста, уроженец г. Мелитополь.
8. Рьжков Михаил Филимонович, 1923 г.р., такелажник, уроженец д. Новая Указнь Курской области.

Третьей ночью минирования стала ночь на 27 июня. Пять мин упали на внешнем рейде, одна – на военно-морское училище и одна – на рыбацкую деревню. Впервые немецкие летчики попытались минировать Днепровский лиман, где находилась важнейшая судостроительная и судоремонтная база ЧФ – Николаев. После этого Ф.С. Октябрьский предупредил всех командиров баз, что противник может попытаться заминировать их с воздуха, а способов траления донных мин все еще нет. В качестве единственного средства предлагалось организовать ночные посты наблюдения на шлюпках и катерах, которые в случае минирования точно засекали бы места падения мин, которые потом бы обвеховывались и уничтожались глубинными бомбами. Одновременно он доложил наркому ВМФ, что отсутствие средств борьбы с донными минами *«частично парализовало активную деятельность флота. По этой же причине, а также из-за боязни потерять транспорты от атак подводных лодок и авиации противника, в первые дни войны на театре перевозки замедлились»* [14, с. 29-30]. Немецкие самолеты He-111 бомбардировочной группы II/KG4 минировали внешний рейд базы в ночи на 28, 29 июня и 3, 4 июля.

По советским данным, начиная с первой военной ночи, наблюдательным постам главной базы (ГБ) удалось заметить сброс 44 мин, из которых только 24 упали на выходе из Северной бухты [32]. Таким образом, даже если допустить, что часть сброшенных мин осталась незамеченной, немцам удалось выставить в заданном районе только около четверти от израсходованного числа, а остальные упали на сушу или далеко в море, где они не представляли большой угрозы (мины срабатывали под днищем корабля только на глубинах моря не более 25 м).

Кроме упоминавшихся выше, Черноморский флот понес на минах еще несколько потерь. Днем 30 июня на выходном фарватере взорвалась паровая шаланда «Днепр» водоизмещением 925 т. Погибло четыре человека, и столько же получили ранения.

К началу Великой Отечественной войны Черномортехфлот и Азовский техфлот Наркомстроя, насчитывающие около 100 судов, обслуживали порты всего Азово-Черноморского бассейна. Среди судов техфлота насчитывалось несколько десятков зем-

леотвозных шаланд. При передаче судов техфлота ВМФ, эти шаланды были переоборудованы и стали сторожевыми судами, канонерскими лодками, тральщиками, вошли в состав плавсредств. В связи с началом войны, согласно мобилизационному плану, были мобилизованы и приняты в Наркомстроа 13 землеотвозных шаланд [2, с. 57]. Среди них и была шаланда «Днепр», которую планировалось переоборудовать в Николаеве. Увы, списков погибших на «Днепре» в архивах ВМФ не найдено, видимо, из-за того, что личный состав мобилизуемых шаланд еще не был внесен в списки флота и, потому, донесения о потерях прошли не по линии ЧФ [22].

В некоторых современных книгах о войне на Черном море бездоказательно указывается, что шаланда «Днепр» подорвалась на советской мине, установленной по плану минных заграждений [27, с. 43].

Но свою самую большую утрату ЧФ понес 1 июля. Днем новый эсминец «Быстрый» [33] вышел из главной базы в Николаев для ремонта. Перед ним по фарватеру прошли два транспорта, буксир и подводная лодка, но, тем не менее, в 14 часов 29 минут при проходе первой линии бонов (глубина 14-16 м) под кораблем прогрехотал мощный взрыв.

Катастрофа началась, и ее последствия были существенны [3, с. 100-102]. Корабль подбросило вверх и вправо. «Быстрый» начал описывать циркуляцию вправо. Немного не дойдя до Константиновского равелина, он остановился с креном на левый борт: его затормозил левый якорь, самопроизвольно отдавшийся в момент взрыва. Котельные отделения № 1 и № 2 были затоплены сразу же, а через 10 минут после взрыва вода заполнила все помещения до 109-го шпангоута и между 159-м и 185-м шпангоутами. Крен на левый борт достиг 15, нос сел на грунт. Примерно в 15.00 вокруг «Быстрого» вспыхнул вытекший из цистерн мазут. Пришлось эвакуировать личный состав. На помощь подошли три спасательных судна, но пожар удалось потушить только к полуночи. Эсминец к тому времени почти полностью затонул: над водой возвышались только надстройка и часть полубака.

Утром 2 июля приступили к спасательным работам. Выяснилось, что нос корабля сидит на грунте на глубине 6 м, корма – на 12 м. Первым делом сняли 2 130-мм орудия, 3 45-мм полуавтомата и КДП. Но дальнейшим работам помешал разыгравшийся шторм. Командующий флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, осмотрев эсминец, определил его положение как безнадежное. Через два дня под ударами волн носовая часть корпуса отломилась по 34-му шпангоуту.

13 июля «Быстрый» все же был поднят аварийно-спасательной службой флота и поставлен в док. При детальном осмотре выяснилось, что восстановить корабль будет чрезвычайно трудно. Корпус в районе котельных отделений и между 34-м и 86-м шпангоутами был сильно деформирован, киль перебит, в районе взрыва (58-70 шп.) зияла огромная пробоина размером 5х3,5 м.

Тем не менее, уже 30 августа корпус эсминца вывели из дока и отбуксировали в Килен-бухту для продолжения ремонта на плаву. Однако вскоре во время авианалета в него попало несколько бомб. «Быстрый» вторично затонул.

Носовая часть «Быстрого» осенью 1941 года была использована для восстановления «Беспощадного». А из снятых 130-мм орудий сформировали береговую батарею № 112. После войны, в 1945 году, его подняли и позже разобрали на металл.

В течение короткой боевой службы «Быстрого» его командиром (точнее, исполняющим обязанности командира) был капитан 2 ранга С.М. Сергеев [28].

На эсминце погибли 16 человек: 12 – при взрыве и в госпитале, и еще 4 утонули (некоторые современные исследователи уточняют, что прыгнув за борт во время возникшей паники, и приводят почему-то цифры в 22 человека, что не подтверждается донесениями о потерях). 14 июля корабль сняли с мели и ввели в док, но отремонтировать так и не смогли – повреждения оказались слишком обширными, а при осаде Севастополя «Быстрый» получил многочисленные повреждения от бомб и снарядов. Потерю и этого корабля некоторые современные авторы относят к действию советских морских мин. Но в дневнике командующего ЧФ Ф.С. Октябрьского указано на игнорирование командиром корабля информации о минной опасности и следование как раз к месту засечки падения парашюта с миной [16, с.71].

**СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА ЭСМИНЦА «БЫСТРЫЙ»,
ПОГИБШИХ 1 ИЮЛЯ 1941 Г. [29, лл. 3-6, 31; 31, л. 2 – 2 ОБ]**

1. Свицерский Станислав Иосифович, старший политрук, военный комиссар, 1907 г.р., уроженец г. Ленинград.
2. Балоусов Иван Тарасович, старшина 2-й ст., командир отделения артиллерийских электриков, 1914 г.р., уроженец станицы Тихорецкой Краснодарского края.
3. Тихоненко Степан Николаевич, ст. краснофлотец, артиллерийский электрик, 1917 г.р., уроженец хут. Мушты Полтавской области.
4. Иванисов Федор Сергеевич, краснофлотец, артиллерийский электрик, 1918 г.р., уроженец с. Днепровка Днепропетровской области.
5. Сухарев Аркадий Иванович, старшина 2-й ст., командир отделения торпедных электриков, 1919 г.р., уроженец д. Массоновская Архангельской области.
6. Власенко Григорий Алексеевич, старшина 2-й ст., командир отделения котельных машинистов, 1915 г.р., уроженец с. Ремовка Сталинской области.
7. Засыпко Иван Демидович, ст. краснофлотец, котельный машинист, 1915 г.р., уроженец п. Осколок Азово-Черноморского края [34].
8. Логунов Иван Данилович, ст. краснофлотец, котельный машинист, 1919 г.р., уроженец г. Суджа Курской области.
9. Захаров Иван Васильевич, ст. краснофлотец, котельный машинист, 1915 г.р., уроженец г. Балашов Саратовской области.
10. Ежель Бронислав Матвеевич, краснофлотец, котельный машинист, 1921 г.р., уроженец с. Слобода – Галивская Винницкой области [35].
11. Жигала Юрий Макарович, ст. краснофлотец, электрик, 1916 г.р., уроженец г. Лубны Полтавской области.
12. Покутный Иван Фомич, гл. старшина, старшина фингруппы, 1911 г.р., уроженец г. Севастополь.
13. Шемет Григорий Дмитриевич, старшина 2-й ст., старший кладовщик, 1918 г.р., уроженец с. Ясное Харьковской области.
14. Поляков Михаил Пантелеевич, старшина 2-й ст., командир строевого отделения, 1915 г.р., уроженец станицы Калермес Краснодарского края.
15. Цигельник Зиновий Степанович, краснофлотец, 1917 г.р., уроженец с. Нарубайка Николаевской области.
16. Власов Константин Константинович, ст. краснофлотец, ст. машинист, 1918 г.р., уроженец г. Ленинград.

Но в истории минной эпопеи остались и сложные вопросы. 3 июля, при возвращении из ночного дозора в Балаклаву, в районе западнее Балаклавы в 05 часов 31 мин. торпедный катер типа «Г-5» ТКА-12 из состава 1-й бригады торпедных катеров взорвался на притопленной мине. Взрыв наблюдали посты службы наблюдения и связи (СНиС). Весь личный состав торпедного катера погиб [26, с. 10].

СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА ТКА-12, ПОГИБШИХ 3 ИЮЛЯ 1941 Г. [31, л. 3 – 4; 33, л. 6]

1. Керимов Абляким Халилович, батальонный комиссар, зам. командира 2-го дивизиона торпедных катеров по политчасти, 1907 г.р., уроженец д.Кутлак Судакского района Крымской АССР.
2. Злочевский Михаил Владимирович, ст. лейтенант, командир звена 2-го дивизиона торпедных катеров, 1912 г.р., уроженец г. Херсон.
3. Степаненко Василий Емельянович, мичман, боцман катера, 1905 г.р., уроженец г. Керчь.
4. Катренко Георгий Ануфриевич, глав. Старшина, старшина мотористов 2-го дивизиона торпедных катеров, 1918 г.р., уроженец г. Новороссийск.
5. Филиппенко Георгий Поликарпович, старшина 1 ст., командир отделения радистов 2-го дивизиона торпедных катеров, 1912 г.р., уроженец г. Таганрог.
6. Казаков Александр Игнатъевич, старшина 1 ст., командир отделения мотористов 2-го дивизиона торпедных катеров, 1915 г.р., уроженец д. Ивановка Днепропетровской области.
7. Кудрявцев Игорь Александрович, ст. краснофлотец, моторист катера, 1920 г.р., уроженец г. Малныус Вятской области.

В этом случае вероятен подрыв на мине, поставленной советскими кораблями для обороны Главной базы. В пользу этого говорят также данные, приведенные в «Хронике» боевых действий на Черном море, из которых следует, что воздушных постановок в районе Балаклавы до 3 июля немцы не делали (или их не отметили посты СНИС или ППМН) [26, с. 8-12]. Также известно, что еще ночью 22 июня 1941 г. Народный Комиссар ВМФ приказал Военному Совету ЧФ произвести постановку оборонительных минных заграждений. 23 июня в течение светлого времени суток крейсера «Коминтерн», «Красный Кавказ», «Червона Украина», минный заградитель «Островский», лидер «Харьков» и четыре

эскадренных миноносца («Бойкий», «Безупречный», «Беспощадный» и «Смышленный») ставили минные заграждения. Было поставлено 609 мин и 185 защитников. На следующий день были выставлены 330 мин и 141 минный защитник; происходило минирование и в последующее время [26, с. 8-10]. Постановка оборонительного минного заграждения в районе Севастополя завершилась 25 июня 1941 г. По мнению современных исследователей, Черноморский флот в период с 23 июня по 21 июля 1941 г. поставил в районе Севастополя, Одессы, Керченского пролива, Новороссийска, Туапсе, Батуми и озера Устричное 7300 мин и 1378 минных защитников, что составило, соответственно, 61 % и 50 % всего наличного минного запаса. Минные заграждения ставились как в дневное, так и в ночное время боевыми кораблями и переоборудованным под минный заградитель транспортом «Островский». Боевое обеспечение минных постановок включало ведение воздушной разведки, несение дозоров надводными кораблями и подводными лодками, поиск подводных лодок противника в районах минных постановок самолетами-разведчиками и сторожевыми катерами. Оперативное прикрытие возлагалось на корабли эскадры, находившиеся в Севастополе в трехчасовой готовности к выходу в море, и дежурившую на аэродромах авиацию [19, с. 51]. С 23 июня по 13 июля 1941 года в районе главной базы было выставлено минное заграждение морское (МЗ-М), протянувшееся от мыса Сарыч до Евпаторийского маяка. Всего в этом районе было поставлено 3623 мины и 509 минных защитников [8, с. 17-18]. Основную часть задачи выполнил экипаж минзага «Островский» (командир капитан 3 ранга М.И. Фокин, военком старший политрук И.П. Кулинич) [36]. Не касаясь вопроса о целесообразности этой постановки, так как между решением о выполнении ее в июне 1941 г. и суждениями об этом решении после войны существует огромное различие.

Одновременно проводились работы по поиску, разоружению и изучению мин противника. В этих целях в ОВР была организована минно-тральная лаборатория, в которой изучались и исследовались все образцы разоруженных мин, вырабатывались средства борьбы с ними. Кроме того, в лаборатории готовились кадры минеров. Штат лаборатории укомплектовали опытными минерами флота. Ее возглавил начальник лаборатории изоляционных материалов Харьковского политехнического института кандидат технических наук, доцент О.Б. Брон.

Первым добился успеха начальник минного отделения минно-торпедного отдела флота военный инженер 3 ранга М.И. Иванов, когда ему в начале июля с огромным риском для жизни удалось разоружить донную неконтактную мину, поднятую со дна моря в районе Очакова. Аппаратуру этой смертоносной находки доставили в Севастополь. Здесь определили схему ее действия, магнитный момент, необходимый для срабатывания замыкателя, рассчитали тактико-технические данные тральных средств. Мина не имела приборов срочности и кратности [9, с. 11-12].

К концу первой декады июля советские минеры разгадали секрет германских магнитных мин. На основании полученных данных инженер Б.Т. Лишнеvский сконструировал баржеvый электромагнитный трал (БЭМТ), который построили в короткий срок. Была выработана методика траления.

Оно осуществлялось путем буксировки БЭМТ катерным тральщиком с деревянным корпусом на пеньковом тросе длиной 200–250 метров. По корме трала на расстоянии 180–200 метров от него буксировалась деревянная шхуна с питающим обмотку трала агрегатом. Траление проводилось на глубинах от 15 до 50 метров. На глубинах менее 15 метров применялся плотиковый трал, действовавший по тому же принципу, что и баржеvый. Его буксировал катерный тральщик, который одновременно служил и питательной станцией. Скорость траления не превышала 2–3 узлов. Впервые трал-баржа вышла на боевое траление 7 июля 1941 года. На ее борту находился конструктор Лишнеvский. Уже 9 июля была подорвана германская донная неконтактная мина [9, с. 12].

И уже с середины июля активная противоминная оборона подходов к главной базе проводилась тралением магнитно-акустическим тралом, контрвзрывами, маневрированием малых охотников с переменной скоростью с целью подрыва акустических и магнитно-акустических мин. Подходы к Севастополю охранялись силами Охраны водного рай-

она. В первые дни войны в составе сил ОВР находились: 1-й и 2-й дивизионы больших тральщиков типа «Трал» – 13 единиц; 3-й дивизион мобилизованных тральщиков типа «Земляк» – 5; отряд минных заградителей «Островский» и «Дробь», 1-й и 2-й дивизионы сторожевых катеров типа МО-4–25, 3-й дивизион сторожевых катеров разного типа – 14; 9-й и 12-й дивизионы катерных тральщиков – 25 единиц. Охрана рейда главной базы включала 3 буксира, 4 рейдовых катера, 2 бронекатера, сетевую баржу, плавбатарею № 3 и гидроакустическую станцию. В оперативном подчинении ОВРу находились 2-й отдельный артиллерийский дивизион с четырьмя противокатерными батареями, дивизион торпедных катеров (12 единиц) и три летающие лодки МБР-2 [9, с. 3-4].

Кораблями ОРВа из более 130 сброшенных противником мин было уничтожено трал-баржой – 17, глубинными бомбами – 11, от шумов гребных винтов малых охотников – 8, от подрывов фугасов на грунте – 8, поднято и разоружено 3 мины. Таким образом, всего было уничтожено 69 мин [9, с. 16]. Минимум пять мин взорвали корабли и суда, и не менее двух десятков мин взорвалось от ударов на земле или мелководье. Планы германской авиации с минированием подступов к главной базе Черноморского флота для закупорки там кораблей полностью провалились.

Выше указаны первые потери в личном составе Черноморского флота. Но из-за взрывов мин, попавших на сушу и на мелководье, по мемуарным данным, среди мирных жителей Севастополя тоже были первые жертвы – 30 человек убитых, 200 раненых и контуженных [1, с. 18]. Потому в последующем считается необходимым выявить имена и этих первых жертв Великой Отечественной войны на крымской земле.

Источники и литература.

1. Азаров И. И. Осажденная Одесса. М., 1962. 212 с.
2. Бадякин А. Шаланды в боевом строю // Military-Крым. 2009. №10. С. 57–60.
3. Балакин С. А. Легендарные «семерки». Эсминцы сталинской серии. М., 2007. 208 с.
4. Бережной С. С. Корабли и суда ВМФ СССР. 1928-1945. Справочник. М., 1988. 710 с.
5. Богатырев С. В. Потери боевых кораблей и катеров ВМФ ССР в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Справочник. Львов, 1999. 45 с.
6. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. 3-е изд. М, 1974. 592 с.
7. Болгари П. Черноморский флот. Исторический очерк / П. Болгари, Н. Зоткин, Д. Корниенко, М.Любчиков, А.Ляхович. М., 1967. 344 с.
8. Ванеев Г.И. Героическая оборона Севастополя. 1941 – 1942 / Г.И.Ванеев, С.Л.Ермаш, Н.Д.Малаховский, С.Т.Сахно, А.Ф. Хренов. М., 1969. 368 с.
9. Воронин К. И. На черноморских фарватерах. М., 1989. 175 с.
10. Вьюненко Н.П. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. М., 1957. 368 с.
11. Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота. 1941–1945. Т.4. СПб., 2005. 764 с.
12. Краснознаменный Черноморский флот. 2-е изд. М., 1979. 311 с.
13. Краснознаменный Черноморский флот. 3-е изд. М., 1987. 334 с.
14. Морозов М. Воздушная битва за Севастополь. 1941-1942. М., 2007. 432 с.
15. Неменко А.В. Черноморский флот 1941-44. Кто выиграл войну на море? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/n/nemenko_a_w/flot.shtml
16. Октябрьская Р.Ф. Штормовые годы: Рассказ об адмирале Ф.С. Октябрьском. К., 1989. 240 с.
17. Оленев И.Е. Тыл Черноморского флота (1941- 1945). К., 2011. 416 с.
18. Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей. 1941-1945. СПб., 2002. 640 с.
19. Платонов А.В. Борьба за господство на Черном море. М., 2010. 464 с.
20. Российский Черноморский флот. Исторический очерк. Симферополь, 2008. 728 с.
21. СП-12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wreck.ru/3-4/30.html>
22. Суда Министерства Морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1989. 104 с.
23. Трафедлюк С. В море. Буксир СП-12 // Слава Севастополя. 24 июня 2003 г.
24. Фадеев В.Г. Опыт борьбы с неприятельским минным оружием. М., 1943. 44 с.
25. Фурман І.І. Початок війни на Чорному морі: мінні постановки 22 червня 1941 р. // Крымфронт: проблеми історії і пам'яті. 70 лет спустя. Сборник работ научно-практической конференции. Симферополь, 2012. С.170–180.
26. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск I. (С 21 июня по 31 декабря 1941 г.). М. – Л-д, 1945. 323 с.
27. Широкопад А.Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини. М., 2011. 352 с.

28. Эскадренный миноносец «Быстрый». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://flot.sevastopol.info/ship/esminets/bistriy.htm>
29. Центральный военно-морской архив (ЦВМА), ф.1250, оп.2, д.394.
30. ЦВМА, ф.11, оп.3, д.15.
31. ЦВМА, ф.1250, оп.2, д.393.

Примечания.

32. Учет происходил благодаря постам противоминного наблюдения (ППМН), составлявшим специальную систему. В нее включалось 42 береговых поста, расположенных на побережье внутреннего и внешнего рейдов Севастопольских бухт, и до 30 морских постов, выставленных в шахматном порядке по оси Инкерманского створа на расстоянии трех кабельтовых друг от друга.
33. Эсминец проекта 7 «Быстрый» был заложен 17.04.1936 г. на заводе им. 61 Коммунара в Николаеве. Спущен на воду 05.11.1936 г., вступил в строй 07.03.1939 г. Водоизмещение: 2402 т.; Размеры: длина - 112,8 м, ширина - 10,2 м, осадка - 4,8 м.; Скорость полного хода: 38,6 узлов; Дальность плавания: 2565 миль при 19,5 узлах. Силовая установка: котлотурбинная, двухвальная, 56000 л.с. Вооружение: 4x1 130/50 мм в установках Б-13-2, 2x1 76/55 мм в установках 34-К, 3x1 45/46 мм в установках 21-К, 4x12,7 мм зенитных пулемета ДШК, 10 глубоководных бомб Б-1, 20 глубоководных бомб М-1, бомбомет БМБ-1, 2x3 533 мм торпедных аппарата 1-Н, торпеды 53-38, 48 мин. Экипаж: 236 чел.
34. Азово-Черноморский край - административная единица административно-территориального деления СССР, существовавшая с 10 января 1934 по 13 сентября 1937 года. Включал в себя Адыгейскую АО, Северную область и нынешние Краснодарский край и Ростовскую область. Административный центр края - город Ростов-на-Дону. 10 января 1934 года Северо-Кавказский край был разделён на две половины: западную — Азово-Черноморский край и восточную — собственно Северо-Кавказский край, центром которого стал Пятигорск. 13 сентября 1937 года Азово-Черноморский край был разделён на Краснодарский край (в него вошла Адыгейская АО) и Ростовскую область. Северная область прекратила своё существование 5 июля 1934 года.
35. По-видимому, родственник бывшего командующего ВМС Украины (1996-2001) и министра обороны Украины (2010-2012) Михаила Брониславовича Ежеля, 1952 г.р., уроженца с. Слобода-Ялтушковская, Винницкой области.
36. Минзаг «Островский» мог принять в четыре минных погреба и на минную палубу до 300 мин типа «1926» и КБ-1, а малых корабельных типа «1908» - до 600. Быстроходные тральщики принимали по 40 мин типа «1908», до 30 мин - типа «1926».

III

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПРАКТИКА РАССМОТРЕНИЯ В ГОСДУМЕ РФ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ДРОВНИКОВА В.М.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В 1993 году в условиях поэтапной конституционной реформы, принятия на всенародном референдуме новой Конституции Российской Федерации, на смену Верховному Совету пришла Государственная Дума, выборы которой состоялись в декабре того же года.

Новой Государственной Думе, как нижней палате Федерального Собрания России, предстояло законодательное оформление курса на рыночные преобразования во внутренней жизни и выстраивание внешнеполитической линии в условиях позиционирования Российской Федерации как самостоятельного государства.

Одним из ключевых приоритетов внешней политики новой России стало определение характера взаимоотношений с новыми независимыми государствами, возникшими на постсоветском пространстве после прекращения существования СССР и, в первую очередь, с Украиной, как крупнейшим соседом, имевшим с Россией глубокие исторические, политические, экономические и духовные связи.

Формирование отношений между Россией и Украиной как суверенными государствами началось еще в 1990 году на основе Договора между РСФСР и УССР от 19 ноября того же года. Однако этот Договор был подписан в условиях существования единого федеративного государства, с единым гражданством, территорией и границами. Поэтому формирование отношений, как подлинно самостоятельных государств, началось в условиях прекращения существования СССР в 1991 году в результате подписания Беловежских Соглашений.

При этом изначально обозначилось расхождение внешнеполитических векторов двух государств. Если Москва и руководство России во главе с Б.Н. Ельциным в формате СНГ предполагали воссоздание нового объединения государств по конфедеративной модели, что позднее получило официальное оформление в «Стратегическом курсе Россий-

ской Федерации в отношении государств-участников СНГ» (1995 года), то Украина и ее руководство во главе с Л.М. Кравчуком рассматривали СНГ как форму цивилизованного «развода» и, в соответствии с Декларацией «О государственном суверенитете Украины», избрали в качестве приоритета курс на интеграцию в европейские структуры.

Это нашло свое отражение в «Оговорках Верховного Совета Украины при ратификации Беловежских Соглашений об образовании СНГ» [4, с. 29], в соответствии с которыми, Украина исключала возможность воссоздания единого государства в любой форме, в том числе по конфедеративной модел, и, соответственно, создания в рамках СНГ каких-либо наднациональных органов. Поэтому Украина уклонилась от участия в военно-политическом объединении стран СНГ – Ташкентском Договоре «О коллективной безопасности» 1992 года, а позднее от подписания Устава СНГ.

Применительно к российско-украинским отношениям особой чувствительностью и потенциально конфликтным содержанием отличались проблемы принадлежности Крыма, статуса Севастополя, судьбы Черноморского Флота. Эти вопросы носили не только исторический характер, но и имели прямое отношение к геополитическому позиционированию новых государств, и испытывали сильное влияние со стороны крупных акторов международной политики.

В России серьезно опасались, что в случае дрейфа суверенной Украины в сторону НАТО, может произойти утрата российского присутствия в этих важнейших для национальной безопасности России районах и вытеснение России из региона Черного моря. Это было тем более актуальным, что в том же 1993 году НАТО провозгласила курс на расширение на страны Центрально-Восточной Европы, а впоследствии и постсоветского пространства.

Для становления Украины как самостоятельного государства проблема Крыма, Севастополя и Черноморского Флота изначально была одной из ключевых, так как, исходя из этнического состава населения, всей предшествующей истории этот регион, формально находясь в составе советской Украины, в действительности имел общесоюзное значение и всегда ассоциировался с Россией. Кроме того, ситуация усугублялась высокой активностью местных политических сил, для которых общим консолидирующим стержнем стала идея отмены акта 1954 года «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украины», отсутствие официального решения о передаче Севастополя и особое положение Черноморского Флота.

Особенно остро эта тенденция проявилась в 1992 году, когда предшественник Государственной Думы в лице Верховного Совета России в мае принял решение о незаконности акта 1954 года, образовал специальную парламентскую комиссию по вопросу о статусе города Севастополя и своими неоднократными решениями выступал против раздела Черноморского Флота и за его принадлежность СНГ, а фактически России. Эти решения российского парламента отражали не только общие настроения депутатского корпуса, обусловленные осознанием масштабов катастрофы, связанной с разрушением единого государства, превращением русского народа в разделенную нацию, но и глубоким расхождением с политикой исполнительной власти.

Свидетельством того, что в Государственной Думе, насчитывающей 450 депутатов различных политических убеждений, очень сложно давалось понимание нового характера взаимоотношений с Украиной как с самостоятельным государством, являются беспрецедентные шаги по приглашению с докладами на свои официальные заседания руководителей Верховного Совета Крыма В. Межака и С. Цекова из блока «Россия», который проводил линию на государственную самостоятельность Крыма и установление федеративных отношений с Украиной.

Этот курс принципиально расходился с политикой украинского государства и обусловил возникновение острого конфликта между Симферополем и Киевом. Поэтому на Украине воспринимали приглашения на заседания Госдумы В. Межака и С. Цекова как открытое вмешательство во внутренние дела Украины и поощрение на уровне Государственной Думы так называемого крымского сепаратизма. Тем более что выступление в Госдуме России депутатов из Крыма не было согласовано с Верховной Радой Украины.

В своем выступлении в Госдуме 16 ноября 1994 года В. Межак, на тот период заместитель Председателя Верховного Совета Крыма, в противовес уже принятому на государ-

ственном уровне решению о необходимости раздела Черноморского Флота, заявил от имени всех крымчан о «невозможности» [5] этого, а также обратился за подтверждением прежних решений Верховного Совета России по Крыму о признании незаконным акта 1954 года «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР». В. Межак высказал мнение, что судьба Крыма [5] должна решаться в переговорном процессе России, Украины и Крыма *«на основе волеизъявления жителей Крыма»*. [5] При этом он поставил вопрос о предоставлении крымчанам гражданства России, подчеркнув, что *«больше двух лет лежат 137 тысяч заявлений крымчан»* [5].

В дальнейшем, в результате фактического поражения крымской государственности, значительно ослабили возможности России с более выгодных позиций решать проблемы Черноморского Флота и Севастополя. В случае сохранения полномочий Республики Крым в составе Украины, Россия могла бы иметь дополнительные веские аргументы при решении проблемы флота. На это обратил внимание, выступая в Государственной Думе России еще 17 июня 1994 года, министр иностранных дел России А. Козырев, который подчеркивал: *«у нас к Крыму есть непосредственный интерес, связанный с тем, что там находится наш Черноморский Флот»* [6]. И далее он отметил, что в ходе переговоров мы ближе подошли к пониманию того, что *«Севастополь должен быть военно-морской базой России в Крыму»* [6].

По мере снятия актуальности вопроса о статусе Крыма главное внимание Государственной Думы было сосредоточено на теме Севастополя. Это соответствовало содержанию переговорного процесса по Черноморскому Флоту в рамках государственных делегаций, когда к 1995 году Россия постепенно трансформировала свою позицию о том, что в будущем силы Черноморского Флота не должны базироваться на континентальной части Украины (Херсон, Одесса, Николаев), и в рамках сокращения вооруженных сил она уменьшит свое присутствие на территории Крыма (Керчь, Симферополь, Донузлав, Веселое, Октябрьское) и в основном ее Вооруженные Силы будут сосредоточены в Севастополе.

О внимании Государственной Думы к вопросу о Севастополе свидетельствует тот факт, что ему полностью были посвящены 15 заседаний Госдумы, и еще на 61-м заседании происходило рассмотрение темы Севастополя во взаимосвязи с другими вопросами.

С одной стороны, депутаты Госдумы были едины во мнении, что Севастополь должен быть базой Черноморского Флота. Однако по вопросу о статусе самого города единства мнений не было. Ряд депутатов (С. Бабурин, К. Затулин, А. Звягин), на основании большого количества документальных материалов, доказывали и требовали подтверждения российского статуса Севастополя. Другие депутаты (В. Вишняков) полагали возможным воздержаться от принятия конфликтных постановлений, что могло вызвать осложнения в отношениях не только между Россией и Украиной, но рассматриваться на международной арене как предъявление территориальных претензий к Украине со стороны России, что было крайне нежелательным.

В. Вишняков исходил из опыта действий Верховного Совета Российской Федерации, когда по предложению комиссии по статусу г. Севастополя, 9 июля 1993 года был подтвержден российский статус города, а также рассмотрен вопрос о его прямом финансировании через Центральный банк. В результате принятия такого решения Совет Безопасности Организации Объединенных Наций осудил действия Российской Федерации, так как, по словам Президента Украины Л. Кучмы, *«откровенная антиукраинская политика»* [1], проводимая правительством России, может *«поставить под угрозу мир и безопасность нашей Земли»* [3]. Решение Верховного Совета России по Севастополю не получило поддержки в Совете Безопасности ООН и осложнило внешнеполитические позиции Российской Федерации. Более того, по признанию министра иностранных дел Украины А. Зленко, Украина тогда же в 1993 году представила в Совет безопасности ООН так называемую «папку по Севастополю», которая находится там по сей день, и может быть вынесена на официальное заседание Совета Безопасности в любой момент по просьбе Украины [2, с. 230].

Поэтому депутат В.Г. Вишняков не исключал возможности договориться в конечном итоге с Украиной применить к Севастополю статус *«вольного города»* [7], или так называемого *«кондоминиума»* [7] – совместного управления.

Возражая против этого предложения, депутат К. Затулин подчеркнул, что никто этот город Украине не передавал, а его просто забыли *«как пальто в раздевалке при передаче Крыма Украине»* [8]. Несмотря на это, при голосовании за предложение депутата В. Журавлева о российском статусе города Севастополя, еще 11 ноября 1994 года высказалось 105 депутатов (23 %), против – 16 человек (3,6%), воздержалось – 7 человек (1,6%), но при этом вообще не голосовало 318 человек [9].

В связи с тем, что в самой Государственной Думе радикально настроенным депутатам не удавалось провести решение о российском статусе города Севастополя, К. Затулин предпринял нестандартный ход и поставил на голосование вопрос о направлении запроса в Конституционный Суд России о статусе Севастополя. Потребовалось четыре тура голосования. При первом голосовании 23 июня 1995 года абсолютное большинство депутатов (234 человека) вообще отказались от участия в голосовании. Позиция депутатов была объяснимой, потому что большинство из них опасались, что принятие такого решения сорвет реализацию только что подписанного президентами России и Украины Сочинского соглашения по Черноморскому Флоту.

Однако уже 7 июля 1995 года, когда стало очевидным, что Украина начинает уклоняться от выполнения Сочинского соглашения, настроения в Государственной Думе существенно изменились. В результате, несмотря на все усилия председательствующего М. Митюкова снять вопрос с рассмотрения, Государственная Дума по инициативе К. Затулина в количестве 240 человек (53,3%) [10] проголосовала за отправку специального запроса в Конституционный Суд России по статусу Севастополя.

При этом в Госдуме подкрепили свою позицию принятием рекомендации министерству иностранных дел планировать открытие генерального консульства России не в Севастополе, *«что будет означать фактическое признание, что город Севастополь на законном основании находится в составе Украины»* [8], а в Симферополе. Таким образом, это означало, что даже Государственная Дума к этому времени, при всем многообразии ее политического спектра, признавала юридический факт нахождения Крыма в составе Украины. В конечном итоге Генеральное консульство России было открыто именно в Симферополе в 1999 году, в присутствии премьер-министра России В. Путина.

Важной особенностью деятельности Государственной Думы России в 1994-1999 годах было повышенное внимание к вопросам Черноморского Флота. Этот вопрос специально рассматривался на 7 заседаниях, а отдельные его аспекты – на 77 заседаниях. Необходимо отметить, что бурное рассмотрение на заседаниях Госдумы вопросов по Крыму и Севастополю в значительной степени было обусловлено поисками путей разрешения главного вопроса для России в этом регионе – сохранения Черноморского Флота и его базы в Севастополе как составной части в общей системе безопасности России в регионе Черного моря.

Сама постановка вопроса о Черноморском Флоте в 1994-1999 годах существенно отличалась от его постановки в 1992-1993 годах сразу после распада СССР. Если тогда стоял вопрос, сможет ли Россия сохранить свое военно-морское присутствие в Севастополе и Крыму, или будет полностью вытеснена Украиной, которая изначально претендовала на 91% Черноморского Флота, то в период после начала работы Государственной Думы, ставился вопрос о том, какие пропорции будет иметь российский флот в Севастополе. Насколько полноценной будет его база, какое количество российских войск будет находиться на территории Украины, насколько приемлемыми будут условия их базирования в Севастополе и Крыму. При этом сказанное выше отнюдь не означает, что сама полемика по вопросу ЧФ стала менее острой, напротив, она приобретала порой конфликтные очертания, несмотря на все усилия политиков и дипломатов.

На специальном заседании 14 февраля 1996 года новый председатель Комитета по делам СНГ Г. Тихонов (фракция «Народовластие») сообщил о поездке делегации из семи депутатов в Севастополь. По его оценке, *«нам открылась катастрофическая картина ... в Севастополе творится непостижимое ... Севастополь превратился в вавилонский базар»* [11]. Наряду с эмоциональными впечатлениями, в докладе Г. Тихонова впервые прозвучали важные данные геополитического характера о наращивании сотрудничества Ук-

раины с НАТО, об увеличении числа заходов кораблей НАТО в Черное море (36), об увеличении мощи турецкого флота и т.д. В ответ на эти очевидные опасности, по оценке Г. Тихонова, «мы бросили там флот, бросили наших людей» [11].

В последующем Государственная Дума самым тщательным образом рассматривала вопрос о ратификации Соглашений по Черноморскому Флоту, чему предшествовали неоднократные обсуждения в комитетах Госдумы, выезды делегаций в Севастополь, а также специальные парламентские слушания в 1998 году. В конечном итоге весь этот процесс разрешения одного из наиболее сложных вопросов российско-украинских отношений завершился ратификацией в июне 1999 года, что и обеспечило введение в действие Большого Договора между Россией и Украиной.

Таким образом, при рассмотрении вопросов российско-украинских отношений Государственная Дума Российской Федерации использовала такие формы деятельности, как консультации с министерствами и комитетами, создание специальных комиссий для более детального изучения обстановки по тем или иным вопросам, проведение парламентских слушаний, конференций, круглых столов, а также голосование по законопроектам.

Для реализации этих форм деятельности Государственная Дума использовала следующие методы давления на исполнительную власть России и правительство Украины: принятие различных обращений и заявлений, блокирование голосования по предложенным Президентом законам, проведение экспертизы закона или законопроекта, проведение консультационных встреч с депутатами Крыма и его избирателями, а также использование средств массовой информации.

Источники и литература.

1. Заявление Президента Украины. // Правда Украины. - № 123, 13 июля 1993 г.
2. Зленко А. М. Дипломатія і політика. Україна в процесі динамічних геополітичних змін. - Харків: Фолио, 2003. – 557 с.
3. Кому выгодно севастьяпольское противостояние. Заявление президиума Верховного Совета Украины. // Правда Украины. - № 123, 13 июля 1993 г.
4. Россия - Украина, 1990 - 2000: Документы и материалы/ Кол.авт. МИД РФ; Кол.авт. МИД Украины. – М.: Международные отношения/ 1990 - 1995 /Отв. ред. Чалый А. А.; Отв. ред. Чалый А. А., Кн. 1. - Б.м., 2001. – 483 с.
5. Стенограмма заседания Государственной Думы 16 ноября 1994 г. // Государственная Дума Российской Федерации. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3134>
6. Стенограмма заседания Государственной Думы 17 июня 1994 г. // Государственная Дума Российской Федерации. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3181>
7. Стенограмма заседания Государственной Думы 27 декабря 1996 г. // Государственная Дума Российской Федерации. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2840>
8. Стенограмма заседания Государственной Думы 7 апреля 1995 г. // Государственная Дума Российской Федерации. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3074>
9. Стенограмма заседания Государственной Думы 11 ноября 1994 г. // Государственная Дума Российской Федерации. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3136>
10. Стенограмма заседания Государственной Думы 7 июля 1995 г. // Государственная Дума Российской Федерации. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3034>
11. Стенограмма заседания Государственной Думы 14 февраля 1996 г. // Государственная Дума Российской Федерации. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2983>

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ирхин А.А.

Севастопольский государственный университет

Современный исторический период является переходным, когда создаются предпосылки для создания новой системы международных отношений. За последние несколько столетий проявились устойчивые закономерности формирования таких систем: Большая война между ведущими мировыми силами, которая чаще начиналась со столкновений на их периферии, и экономический кризис, который предшествовал этой войне. Данные конфликты носили и экономический характер – в условиях капиталистической системы войны идут за рынки, ресурсы и с целью разрушения главных конкурирующих экономических центров. Показательными примерами являлись Первая и Вторая мировые войны. В этот исторический период проявился главный экономический и геополитический гигант – США, которые, находясь на рельсах изоляционизма (за исключением попыток американского президента В. Вильсона в конце I Мировой войны) до 1941 года опосредованно уничтожали своих главных экономических конкурентов, стараясь вступить в войну на заключительной фазе и не потерпев военного ущерба на своей территории. Война позволяла решить целый ряд проблем политической элите великих держав: перезагрузить экономику, ускоренно запустить новый технологический уклад и внедрить достижения научно-технической революции, как бы жестоко это не звучало – сократить население, аннулировать долги, запустить инвестиционный бум. После появился новый мировой порядок, основанный на жестком законе политического реализма – мир строился за счет сторон, которые потерпели поражение в этом конфликте.

Исходя из этой устоявшейся исторической логики, переходный период должен закончиться Большой войной и уничтожением главных конкурирующих с США экономических центров и крайне желательно, чтобы за счет неамериканских ресурсов и без непосредственного ущерба для Вашингтона. Экономическая система не вышла из положения кризиса 2008 года, он лишь оттягивается путем эмиссионных технологий, что только усугубляет положение мировой капиталистической экономики.

На данный момент прослеживаются три очага напряженности, которые разыгрываются США, и все они находятся на периферии, либо между главными конкурентами: Германией (ЕС) и Россией (Евразийский союз), Японией и Китаем, и на Ближнем Востоке, где существует несколько претендентов на региональное лидерство, и конкурирующих пар, например, Иран – Турция, Израиль – Турция, Саудовская Аравия–Иран и другие.

По совокупному ВВП именно Азиатско-тихоокеанский регион выходит на первое место в качестве соперника для экономик стран Запада. Япония меняет конституцию в пользу милитаризации. Очевидно, что Вашингтон, в условиях дефицита собственных финансовых ресурсов, не устраивает модель, которая ограничивает японские военные возможности в сдерживании Китая. То есть, по логике исторического развития, следующая война должна начаться с периферии экономических центров и уничтожить экономику Китая и, возможно, Японии, существенно ослабить Россию, Германию и перезагрузить Ближний Восток, где никак не удастся сместить турецкого лидера Р.Т. Эрдогана, намеревающегося посредством реализации доктрины «стратегической глубины» воссоздать Османскую империю.

Несмотря на глобальный кризис капиталистической экономики, США, как ведущая держава мира, продолжает активный глобальный внешнеполитический курс, который требует значительных капиталовложений. Хотя именно США находятся в «ядре» финансового коллапса, внешняя политика Вашингтона продолжает сохранять свою военно-силовую составляющую, которая достаточно дорого обходится американскому бюджету и налогоплательщикам.

Однако такая активная силовая политика США, несмотря на растущий внешний долг и системные проблемы в экономике, имеет свой практический, в том числе, финансовый смысл. Так именно такая внешнеполитическая линия США имеет следующие последствия в доллароцентричной мировой экономике.

Во-первых, военные кризисы в мире проходят по двум сценариям – на периферии экономических центров (страны группы БРИКС), которые одновременно являются и геополитическими соперниками Вашингтона (Северная Корея, китайско-японские отношения, Кавказ, Сирия, российско-грузинские противоречия и т.д.). Капитал при этом уходит из этих регионов в «тихую гавань» мировой экономики, то есть в США и доллар. Второй сценарий представляет следующую производную – в условиях глобализации экономики и финансового сектора, Вашингтону не обязательно предпринимать силовые акции на периферии своих геоэкономических и геополитических конкурентов. Практически тот же эффект достигается, если потенциальная точка напряжения в военно-политической сфере возникает в любой точке мира. Если напряжение возникает в различных регионах поочередно и на системной основе обеспечивается постоянный приток экономических инвестиций в проблемную американскую экономику, таким образом, поддерживается американская экономическая система, которая служит основой для военно-технологического и силового лидерства США.

Во-вторых, за исключением Китая, который нуждается в ресурсах для своей «мировой мастерской», в современной глобальной экономической системе другие силовые центры попадают в исключительную ситуацию, когда их экономические интересы входят в противоречие с геополитическими. Так, от силовых акций США на Ближнем Востоке выигрывает российский бюджет и в целом существующая экономическая система РФ, правда, речь идет о краткосрочных интересах.

Сложившаяся ситуация позволяет вывести закон современной геополитики – нельзя успешно конкурировать в геополитической сфере, находясь на периферии своего конкурента в мировом экономическом разделении труда.

В противном случае возникает ситуация экономической зависимости и соблазна поддержки любых акций сверхдержавы, которые будут приносить экономические выгоды, даже если это противоречит геополитическим интересам. По крайней мере, такой соблазн будет возникать у части государственной и бизнес элиты, интересы которой завязаны на сырьевой и финансовый секторы мировой экономики.

Таким образом, глобальные тенденции развития международных отношений можно свести к следующим:

- а) глобальный экономический кризис, который формирует более агрессивную среду борьбы за различные виды ресурсов между великими державами;
- б) новый виток гонки вооружений. Несмотря на дефицит материальных ресурсов, все великие державы продолжают наращивать военную часть своего бюджета;
- в) значительный рост влияния транснациональных компаний на глобальные и региональные процессы развития мира;
- г) увеличение разрыва между богатыми государствами и бедными странами и доходов внутри различных государств;
- д) продолжающийся рост численности населения, имеющий неравномерный характер. В ближайшие 20 лет Азия, Африка и Латинская Америка могут рассчитывать на прирост населения. На Западе прирост составит менее 3 %. США частично станут исключением за счет миграции и естественного демографического роста;
- е) проблема старения населения в странах золотого миллиарда (за исключением США), а также в бывшей зоне советского влияния и современной России. Сегодня в перечисленных странах 7 из 10 людей находятся в трудоспособном возрасте от 16 до 65 лет, и приближены к верхней точке данной возрастной группы. Эта цифра никогда прежде не была столь высока. Это – последствия послевоенного высокого уровня рождаемости в Европе и бывшем СССР;
- ж) переход в глобальном масштабе к новому технологическому и экономическому укладу. В одном из исследований «RAND Corporation» отмечается, что в настоящее время идет активное освоение нового техноуклада, которое в целом завершится к 2015–2017

- гг., где США займут 30%, ядро стран ЕС 25 %, Япония 15%, Китай 15 %, Россия 7-10% долю этого рынка технологий;
- h) в ближайшие 10 лет станет более очевидной проблема продовольствия и доступа к водным ресурсам. Прирост населения за последующие 10 лет составит примерно 1,2 млрд. человек. Прогнозируемый рост населения составит с 6,8 до 8 млрд. человек. Причем население Запада относительно других цивилизаций будет и дальше сокращаться – к 2020 году – 16% населения против 24% в 1980 году. На данный момент уже существует 21 страна, суммарное население в которых составляет 600 млн. человек, которые испытывают недостаток либо сельхозугодий, либо питьевой воды. Рост населения приведет к тому, что к 2025 году тридцать шесть стран с населением 1,4 млрд. человек попадают в эту категорию;
 - и) распространение ядерных технологий, которые становятся доступными для более широкого круга стран;
 - j) глобальный экономический кризис спровоцировал усиление государственного регулирования экономики. Необходимое обновление финансовой системы поставило на повестку дня вопрос о конечности капитализма как экономической системы. В настоящее время в мировой экономике пульсируют вторичные ценные бумаги – деривативы, объем которых примерно равен 18–20 мировым ВВП. Капиталистическая система требует постоянного расширения рынков сбыта и сырья и повышение степени разделения труда. Все эти условия уже максимально достигнуты. По исторической аналогии подобный переход от капиталистической экономики к новой системе может занять значительно более продолжительный промежуток времени, чем понижательная стадия «Кондратьевских циклов». Так, переход от феодализма к капитализму продолжался около 200 лет, как от одной экономической парадигмы к другой, и это время вошло в историю как длинное XVI столетие;
 - к) продолжающийся экономический передел мира заключается в парадоксальных экономических трансформациях, имеющих исторические корни. Китай и Индия постепенно занимают то место в экономическом мире, которые они занимали 200 лет назад, до начала их интеграции в английскую экономическую систему. Китай выходит на 30%, а Индия на 15% производства материальных ценностей вне зависимости от экономической парадигмы развития мировой экономики.

Региональные:

- а) противоречивые процессы интеграции и дезинтеграции на региональном уровне;
- б) тенденции формирования бездолларовой системы в торговом обороте между государствами, стремящимися подорвать монопольную финансовую систему Федеральной системы США – между Россией и Китаем;
- с) на региональном и глобальном уровнях активно будут продолжены процессы индигенизации, то есть, все больший отказ от заимствования западных норм и стандартов в незападных цивилизационных обществах. Особенно четко это проявляется в экономических моделях развития (западная и пекинская модели), а также появляется и доказывает свою жизнеспособность исламская финансовая и шире экономическая модель.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, в ближайшее десятилетие эрозия неустоявшихся основ монополярного мира приведет к тому, что сформируется мир новых империй. США сохранят лидирующие позиции, однако относительная мощь остальных государств будет уравнивать американскую силу. По четырем показателям силы: военному, экономическому, технологическому и фактору «мягкой силы» выстраивается следующая лестница: США, Китай, ЕС, Индия, Япония, Россия, Бразилия.

Во-вторых, мир неоднократно существовал в многополярных системах. Причем, в разных социально-экономических формациях – от рабовладельческого периода в древнем мире до Вестфальской, Венской и Версальско-Вашингтонской систем международных отношений в капиталистическом мире. Исторически многополярные системы являются менее стабильными, чем двухполярные или однополярные системы по естественным причинам – большое разнообразие подразумевает меньшую согласованность. Поэтому, будущая система потребу-

ет более действенных, чем система ООН органов согласования и управления для достижения большего пространства мира и стабильности на земле. Каждый из полюсов будет иметь свою зону ответственности и хаоса, и в то же самое время, каждый из них будет зависеть от другого в поддержании стабильности, по причине того, что если один из центров рухнет под тяжестью проблем, то это автоматически будет означать реализацию эффекта домино для всей системы.

В-третьих, глобальный экономический кризис, если не приведет к переходу к новой системе социально-экономического развития (распределительной системе), то потребует гораздо большего участия государственного регулирования в капиталистической системе, что, по сути, будет означать частичный переход к распределительной экономике. В любом случае потребуются сжигание деривативов, упорядочение финансовой системы на обновленных принципах. Страны БРИКС добиваются иного порядка распределения финансовых ресурсов в рамках доллароцентричной экономики. Скорее процесс глобального финансового оздоровления пойдет по пути компромисса и вспышек насилия одновременно, что в результате сформирует несколько региональных валют и зон обмена. Одной из таких валют, возможно, станет рубль. В клуб таких валют уже вошли доллар (амеро), евро, юань и, возможно, бразильский реал.

В-четвертых, Россия к середине 2020-х гг., имеет смутные перспективы развития. В настоящее время, население страны составляет 142 млн. человек, к середине следующего десятилетия менее 130 млн., то есть естественная убыль населения составит более 1 млн. человек в год. В 2017 году количество юношей призывного возраста 18 лет составит 650 тыс. человек, тогда как все вооруженные силы России составляют 750 тыс. Цифры разного смыслового порядка, вследствие наличия контрактного и офицерского корпуса, но показывают их кризисную картину. Демографический показатель – фундаментальный критерий развития общества и цивилизации, если считать Россию особой цивилизацией. Если РФ не сможет сформировать и реализовать интеграционный проект на евразийском пространстве, инвестировать и модернизировать сферу подготовки кадров, что связано с созданием естественных социальных лифтов, освободиться от чрезмерной зависимости в экспорте сырья и ресурсов, иными словами, провести процесс консервативной модернизации путем внедрения мобилизационных экономических механизмов, Москва может выйти из списка великих держав уже в ближайшее десятилетие, то есть, в посткризисном мире новый мировой порядок будет строиться, в том числе, за счет ее ресурсов в самом широком понимании данного термина и на инерции ее поражения в холодной войне, что означает либо возвращение к внешнему управлению – период развития современной России до президентства В. Путина (оптимистический сценарий) либо демонтаж государственного пространства (пессимистическая модель).

В-пятых, если проводить исторические аналогии, то мы живем в предвоенный период между 1939 и 1941 гг., а системная готовность России к войне можно оценить между 1918 и 1924 гг. Россия пока не смогла сформировать успешный интеграционный проект и, следовательно, сформировать буферные пространства, Россия имеет уязвимую во всех отношениях экономическую модель развития, технологический потенциал зависит от поставки критических технологий. Иными словами за период крайне благоприятного времени для модернизации с 2005 по 2008 гг., Россия не захотела закупать и завозить технологии производства с высокой добавленной стоимостью, как это делал И. Сталин в 1930-х гг. Эти условия делают прямое военное столкновение с Западом самоубийственным, к чему сводится партия Вашингтона.

В-шестых, что получила РФ в результате событий в Украине и Крыму за последний год? Веер американских положительных возможностей: от «Крымского гамбита», «Юго-восточного Цунг-цванга», подписания ассоциации Украины с ЕС, изменение настроений украинцев по вступлению в НАТО до системных экономических проблем в самой России. Торпедирована на неопределенное время идея евразийской интеграции. Вернуть даже часть Украины при такой модели развития России уже невозможно. Россия неоднократно попадала в такие исторические ситуации. Следовательно, системный механизм по успешному выходу из нее кроется в российском историческом опыте от Ивана IV до И. Сталина.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Макогон Д.И.

Севастопольский государственный университет

Окончание холодной войны ознаменовало собой рождение новой системы международных отношений с принципиально иными правилами игры и ролями основных акторов. Другим измерением постбиполярной системы международных отношений стало появление принципиально новых игроков и трансформация старых. К таким новым акторам можно отнести объединённую Германию.

Автор данной статьи определяет своей задачей исследовать комплексные изменения, коснувшиеся ключевых векторов внешней политики ФРГ, а также проанализировать те общие трансформационные процессы, которые происходили с ней в реалиях новой системы международных отношений.

Возможность реставрации Германии на политической карте мира в качестве единой страны вызвало серьезные опасения со стороны ближайших союзников ФРГ в Европе – Франции и Великобритании. Для политических элит последних объединенная Германия в силу своего экономического и ресурсного потенциала могла представлять угрозу в качестве возможного европейского гегемона. Общественное мнение в этих странах искусственно накаляли страхом призрака «четвертого рейха» [9, с. 3]. В такой ситуации немецкие лидеры, осуществляя свой внешнеполитический курс, реализовывали тезис, озвученный еще Томасом Манном, о том, что их цель вовсе не «*германская Европа, а европейская Германия*» [8, с. 123]. Для немцев европейская интеграция стала возможностью реализовать свои внешнеполитические амбиции под предлогом не национальных интересов, а общеевропейского блага. По мнению З. Бжезинского, «*в своей горячей приверженности единой Европе Германия видит историческое очищение, возрождение морального и политического доверия к себе. Если немцы будут стремиться к осуществлению национальных интересов Германии, они рискуют отдалиться от остальных европейцев; если немцы будут добиваться осуществления общеевропейских интересов, они заслужат поддержку и уважение Европы*» [1, с. 217].

Объявив себя наследницей внешнеполитического курса «Боннской республики» ФРГ, по сути, к концу 90-х годов полностью трансформировало ее доктринальные положения, что позволило ряду аналитиков, как в самой Германии, так и за ее пределами говорить о феномене Берлинской республики [3, с. 68]. В данном случае политика министерства иностранных дел объединенной Германии противопоставляется политике своей предшественницы периода блокового противостояния Боннской республики. Правда, использование этих терминов иногда критикуется в связи с боязнью возникновения противостояния Берлина и Бонна в сфере преемственности идеалов мира и демократии. Как отмечает российский аналитик С. Погорельская «*даже эти апологеты "механического" расширения старой ФРГ на Восток не могут отрицать тех качественных изменений во внутренней и внешней политике, которые явились следствием объединения двух немецких государств*» [5, с. 98]. Сам термин впервые использовал в своем правительственном заявлении Г. Шредер, чтобы обозначить новую эпоху в соотношении политических сил. Немецкий политолог К. Зонтхаймер считает, что главное отличие Берлинской республики от Боннской состоит в масштабе тех задач, которые необходимо решать в условиях нового места и роли объединённой Германии в современной системе международных отношений [4, с. 337].

Денационализация, коснувшаяся всех сфер общественно-политической жизни послевоенной Германии, привела к определенной ущербности ее внешней политики. Так, из

доктринальных положений последней были исключены понятия «национальных интересов» и сфер влияния. Основным базисом, которым руководствовались политические элиты Боннской республики, была политика Искупления. Следует добавить, что к «грехам» третьего рейха добавилось удручающее наследие еще одной диктатуры – правление СЕПГ в ГДР. Последние породило в обществе дискуссию о «нормальности» немецкой нации. Как метко подметил Й. Фишер, если нация дискутирует о своей нормальности, значит, она не нормальна [8, с. 176]. Преодоление немцами комплекса вины вылилось в необходимость пересмотра внешнеполитической доктрины. В результате вновь были сформированы и переосмыслены «национальные интересы», а также главной задачей внешней политики провозглашалась «возросшая ответственность» Германии за поддержание стабильности в мире и, в первую очередь в Европе. Осознав себя ключевым игроком ЕС и полноценным членом ООН и НАТО, Германия стремится, оставив в прошлом наследие германского империализма, занять подобающее ей место на международной арене. В одном из программных заявлений Г. Шредер сказал: «Германия является «нормальным государством», которое не стремится к превосходству, но и не считает нужным кому-либо подчиняться» [4, с. 217].

В первой половине 90-х годов правительство Х. Коля постепенно расширяло присутствие Германии в разрешении крупных международных кризисов. Так, во время войны в Персидском заливе, ФРГ не участвовала непосредственно в военной операции, но выделила 17 млрд марок, а это – треть военного бюджета, на финансовое, медицинское и военное содействие операции. В 1991 – 1992 гг. германские медики входили в состав гуманитарной миссии ООН в Камбодже. В 1993–1994 гг. бундесвер участвовал в военной операции под эгидой ООН в Сомали. На протяжении 90-х гг. Германия прямо или опосредованно участвовала в 24 миссиях ООН [4, с. 118-125]. Поворотным моментом всей немецкой внешней политики стал Косовский кризис. Принципиальной трансформации подвергся ключевой принцип – нога немецкого солдата не должна ступать по земле, пострадавшей от гитлеровской агрессии.

Моральность, как и в рамках доктрины Искупления, продолжала оставаться краеугольным камнем внешней политики ФРГ, однако, если в начале 90-х во время первого Югославского кризиса и войны в Персидском заливе моральностью объясняли невозможность использования сил бундесвера за пределами Германии, в период Косовского кризиса та же моральность стала прикрытием для участия немецкой авиации в бомбардировках Сербии. Немецкое общество стало заложником средств массовой информации, которые создали кровавый образ новых «сербских фашистов», убивающих косоваров. Феноменальным стал тот факт, что подобная революционная трансформация внешней политики ФРГ произошла в период правления «красно-зеленой» коалиции – СДПГ и «Союз 90/Зеленые». Отход левых политиков от своей традиционной пацифистской риторики нашел свое отражение в программном документе СДПГ «Социал-демократическая внешняя политика на пороге XXI века» [5, с. 93]. Данный документ стал следствием напряженной внутрипартийной дискуссии, которая проходила в 1995–1996 гг. и, так или иначе, касалась немецкого участия в разрешении Балканских кризисов. На съезде в Мангейме в ноябре 1995 года левому крылу СДПГ удалось отстоять свою пацифистскую позицию в данном вопросе, тем не менее, в декабре 1996 г. фракция СДПГ в парламенте голосует за направление бундесвера в Боснию.

Интересно, что еще в 1994 году Х. Коля предпринял попытку легализации использования национального миротворческого контингента за пределами страны. Социал-демократы подали иск в конституционный суд по поводу несоответствия такого решения основному закону страны. Тогда Х. Колю удалось добиться решения, согласно которому был создан миротворческий контингент быстрого реагирования в составе 54 тысяч человек, который мог быть использован в рамках миротворческой операции НАТО или ЕС, но только при условии мандата ООН [8, с. 338]. Настроения немецкого общества в конце 90-х годов изменились – немцы считали, что искупили вину за преступления нацистского режима и должны занять на международной арене место, соответствующее их экономической мощи как стране-локомотиву ЕС. Г. Шредер и его команда прекрасно осознавали

это, идя на выборы 1998 года. Во многом победа левоцентристов объяснялась гибкостью их внешнеполитических установок. Тем не менее, решение об участии бундесвера в миротворческой операции на Балканах привело к серьезному кризису внутри правящей коалиции и самой СДПГ. Так, лидер партии О. Лафонтен осудил политику канцлера и его кабинета, покинув пост министра социальной политики. Несмотря на это, решение об отправке контингента в Югославию и участие в бомбардировках Сербии в бундестаге практически не дискутировалось.

Следует отметить, что непосредственное участие немцев в несанкционированных Совбезом ООН бомбардировках авиацией НАТО Белграда было невелико. Тем не менее, политическое руководство Германии извлекло уроки из Югославского кризиса и пришло к выводу, что модель разрешения Косовского конфликта не может быть использована для разрешения подобных кризисов.

В конце 90-х новый министр иностранных дел, лидер зеленых Й. Фишер, формулирует тезис, озвученный ранее Г. Геншером, о необходимости комплексного реформирования ООН, который подразумевал и предоставление Германии постоянного членства в Совбезе. Последняя занимает третье место среди стран-доноров ООН после США и Японии. Для Германии ООН – это одна из важнейших площадок для усиления ее политического влияния. Также ФРГ последовательно добивается пересмотра ряда положений устава ООН, в которых содержатся тезисы о «*бывших вражеских государствах*» [3, с. 68].

В наследство от Боннской республики новой ФРГ достался и главный стратегический партнер в сфере безопасности – Соединенные Штаты, отношения с которыми несколько ухудшились в период правления «красно-зеленой коалиции». Вообще, для внешнеполитической платформы немецких социал-демократов характерен определенный антиамериканизм, что прослеживается как в период нахождения при власти непосредственно СДПГ, так и опосредованно во время функционирования коалиционного правительства, где социал-демократы выступают в качестве младшего партнера, но выдвигают своего представителя на пост министра иностранных дел. Еще в 1999 году между ФРГ и США возникли противоречия вокруг принятия новой доктрины НАТО. Правительство Г. Шредера отказалось поддержать антитеррористическую операцию США в Афганистане и Ираке. Напряженность в двусторонних отношениях достигла такого накала, что в 2002 году речь зашла о передислокации американских военных баз, расположенных на территории Германии, в Польшу [3, с. 208].

Отношения с Соединенными штатами продолжали играть одну из ключевых ролей в формировании внешнеполитических ориентиров «Берлинской республики», но в отличие от периода холодной войны, немцы перестали видеть в американцах главного гаранта безопасности в случае активной фазы блокового противостояния. Миновав период «мига однополярности», немцы стали готовы взять на себя ответственность за обеспечение безопасности в Европе. В этом контексте американцы воспринимаются последними не только как союзники, но и как конкуренты. Американский исследователь И. Валлерстайн считает, что Германия в тандеме с Францией в этот период начали активно «заигрывать» с Россией, чтобы противопоставить американскому влиянию ось Берлин–Париж–Москва [2, с. 87]. Тем не менее, как в конце 90-х, так и сегодня правящие круги ФРГ рассматривают фактор влияния Соединенных штатов в качестве неотъемлемого атрибута архитектуры европейской безопасности. На территории ФРГ сегодня размещена самая крупная по численности группировка вооруженных сил США в Европе — 72 тыс. человек. Немецкий политолог А. Баринг считает, что на сегодняшний день альтернативы стратегическому союзу с Соединенными штатами нет, потому что, несмотря на вновь обретенное влияние на политической арене, положение Германии остается довольно шатким и нестабильным [7, s. 53].

Европейский вектор остается приоритетным в формировании внешней политики Германии. ФРГ, будучи экономическим локомотивом ЕС, стремится стать и политическим. Инструментарием для этого должна стать и CFSP – Общая внешняя политика и политика безопасности. Германия последовательно выступала за расширение полномочий еврокомиссии в этой сфере, что нашло свое отражение в позиции федерального правительства в ходе переговоров о подписании Маастрихтского и Амстердамского договоров.

В рамках этой политики Германия активно участвует в операциях, направленных на борьбу с терроризмом, контрабандой, пиратством, организованной преступностью. Ради укрепления экономической интеграции в ЕС, Германия поступилась сильной национальной валютой, поддержав в 2002 году введение евро. Также немцы остаются главным донором европейского бюджета, финансируя четверть его расходов.

Условно очерчивая сферу влияния Германии, можно включить в нее так называемые новые члены ЕС. Несмотря на негативный исторический опыт в отношениях с рядом стран Восточной Европы, в частности, с Польшей и Чехией, немцы стремятся занять позиции регионального лидера. Особенно важным шагом для этого стала нормализация отношений с Польшей, произошедшая в середине 90-х годов. Признание Германией границ Польши по Одеру-Нейсу сделало возможным тесное экономическое и политическое сотрудничество двух стран. Объем торговли между Германией и Польшей резко возрос (в 1995 г. Польша заменила Россию в качестве самого крупного торгового партнера Германии на Востоке). Германия выступила в роли основного проводника для реализации евроатлантических амбиций Польши. По мнению З. Бжезинского, к середине 90-х годов польско-германское сотрудничество стало приобретать значение для Центральной Европы, сравнимое со значением для Западной Европы произошедшего ранее франко-германского урегулирования.

Здесь же, рассматривая отношения со странами Восточного партнерства, можно отметить значительное усиление роли «мягкой силы» в политике Берлинской республики. Не будучи колониальной империей на протяжении длительного времени, Германия стремится распространить свою культурную интервенцию, в первую очередь, в странах Восточной Европы и на Балканах посредством сетей образовательных программ. По мнению З. Бжезинского, в основе внешней политики ФРГ нет больше концепции «Миттель-Европы», после распада Восточного блока немцы стремятся упрочить свое влияние в регионе инвестируя значительные капиталовложения в экономику стран этого региона [1, с. 113]. Опираясь, на тандем с Францией, немцы могут «не осторожничать» в зоне своих особых интересов.

«На карте Европы зона особых интересов Германии может быть изображена в виде овала, на западе включающего в себя, конечно, Францию, а на востоке охватывающего освобожденные посткоммунистические государства Центральной и Восточной Европы — республики Балтии, Украину и Беларусь, а также частично Россию» [1, с. 113]. Так называемая Балто-Черноморская дуга, очерчивающая сферу интересов Германии на востоке, довольно подвижна, что можно объяснить гибкостью и прагматичностью ее внешней политики. Так, ради партнерских отношений с Россией, немцы готовы поступиться Украиной и Беларусью. Связи Германии со странами, входившими некогда в состав Германской или Австро-Венгерской империй, и подвергшимися значительному влиянию немецкой культуры, гораздо теснее. Поэтому, включив Центральную и Восточную Европу в зону своих особых интересов, Германия в глазах собственного общества восстанавливает историческую справедливость.

Главным европейским партнером ФРГ, как и в период холодной войны, остается Франция. В свое время Елисейский договор между Францией и ФРГ ознаменовал качественно новый этап в истории европейского сотрудничества. Однако, Франция выступила одним из противников объединения Германии: знаменито высказывание Ф. Миттерана о том, что французы так любят немцев, что хотят, чтобы у них было целых две Германии. По мнению З. Бжезинского, объединение Германии стало геополитическим поражением, в первую очередь, для Франции. *«Объединенная Германия не только перестала быть младшим политическим партнером Франции, но и автоматически превратилась в бесспорно важнейшую державу в Западной Европе, и даже в некотором отношении в мировую державу, особенно через крупные финансовые вклады в поддержку ключевых международных институтов»* [1, с. 111]. В 90-е годы наметилась очевидная тенденция неформального разделения сфер влияния между Францией и Германией в Европейском союзе. Так, немцы стали главным проводником политики расширения ЕС и НАТО на восток, в то время как французы в противовес стремятся акцентировать внимание на развитие европейского Средиземноморья.

Россия фактически, как и ФРГ, после распада биполярной системы, получает новое место в структуре международных отношений. Дезинтеграция СССР позволила Германии занять нишу последнего в восточноевропейском регионе. В то же время, немцы благодарны России за вклад советского руководства в процесс объединения Германии. В условиях новой расстановки сил Россия становится важным стратегическим партнером Германии. Последняя, в отличие от США, склонна оставить в сфере влияния РФ страны Восточного партнерства. Безусловно, одним из ключевых факторов двустороннего сотрудничества остается импорт из России углеводородов. Сорок процентов потребляемого Германией газа родом из России. Более того, для основной части российского экспорта Германия служит своеобразными «воротами в Европу». Прикрывая экономический прагматизм своей внешней политики, немцы используют свою излюбленную риторику о роли морали в международных отношениях. В немецком обществе бытует мнение о том, что Россия понесла наибольшие потери вследствие немецкой агрессии в период второй мировой войны. Наибольший расцвет российско-немецкая дружба после завершения Холодной войны переживала в период канцлерства Г. Шредера, который в одном из своих публичных выступлений отметил, что относит отношения с Россией к приоритетным для Германии, что «без России не может быть общеевропейской стабильности» [3, с. 2015]. В этот период было принято решение о строительстве обходного газопровода Нордстрим, что вызвало неоднозначную реакцию внутри немецкого общества. Более того, сам Г. Шредер получил прозвище «адвоката Кремля», которое впоследствии закрепилось в Европе и за самой Германией.

Делая выводы, можно отметить, что после завершения холодной войны и трансформации биполярной системы, Германия заняла новое место на международной арене, что не могло не отразиться на изменении ее внешнеполитического курса. Объявив о преемственности дипломатических традиций периода Боннской республики, объединенная Германия сохранила ряд констант в своей внешней политике. Среди них можно назвать курс на усиление европейской интеграции в тандеме с региональным союзником номер один Францией, стратегическое партнерство с США в сфере безопасности, последовательное продвижение идей демократии и защиты прав человека в программных документах в сфере внешней политики и обороны.

Принципиально новым фактором во внешней политики ФРГ после падения Берлинской стены стало использование бундесвера за пределами территории страны. В период второго Югославского кризиса немецкие войска использовались не просто за пределами Германии, но и на территории страны, которая в свое время пострадала от гитлеровской агрессии. Для немецкой внешней политики это событие носило поистине революционный характер, фактически убрал с повестки дня доктрину Искупления и поставив Германию в один ряд с ведущими державами Европы, такими как Франция и Великобритания. Ввиду изменившейся расстановки сил на международной арене, немецкое руководство переводит отношения с Россией на качественно новый уровень стратегического сотрудничества, видя в последней противовес влиянию США в Европе. Объединенная Германия возвращает в свой внешнеполитический вокабулярный понятия национальных интересов и сфер влияния, очерчивая свои сферы влияния в Восточной Европе и на Балканах.

В связи с этим, принципиальным для Германии стало преодоление негативного исторического опыта в отношениях с Польшей и Чехией. В реалиях постбиполярной системы ФРГ смогла выстроить четкую и прагматичную внешнеполитическую доктрину, которая позволяет ей сохранять преемственность в ряде ключевых направлений, одновременно выстраивать принципиально новую жесткую политику сильного игрока, как в Европейском регионе, так и за его пределами.

Источники и литература.

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. 256 с.
2. Валлерстайн И. Кривая американского могущества // Прогнозис. 2006. № 3. С. 9-24.
3. Павлов Н. Внешняя политика Берлинской республики: новый «германский путь»? // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 2. С. 63-75.

4. Павлов Н. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М.: Наука, 2005. 409 с.
5. Погорельская С. Внутривполитические аспекты новой германской внешней политики // МЭМО. 2001. № 7. С. 91-100.
6. Погорельская С. Некоторые аспекты европейской политики объединенной Германии // МЭМО. 2000. № 1. С. 89–95.
7. Baring A. EinsameMittelmacht. Ohne die USA gibteskeineZukunftfür Deutschland // InternationalePolitik. 2003. № 6. S. 51-56.
8. HaftendornH. Deutsche AußenpolitikzwischenSelbstbeschränkung und Selbstbehauptung. Stuttgart/Munchen: Deutsche Verlagsanstalt, 2001. 350 s.
9. Hellmann G. Der „deutsche Weg“. EineaußenpolitischeGratwanderung // Internationale Polirik. 2002. № 8. S. 1-8.

**РЕСУРСЫ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ А.И. УТКИНА****ПАШКОВСКИЙ П.И.****Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского**

Прогнозы российского будущего в последние годы вызывают значительный интерес со стороны как отечественных [1; 2; 3; 6; 7; 17-20], так и зарубежных исследователей [21-35]. Это обусловлено увеличением международной напряжённости и усилением мирового влияния РФ, актуализирующими научные дискуссии относительно перспектив и возможностей её развития, ресурсного потенциала и факторов, воздействующих на этот процесс. Одним из тех, кто осуществил глубинный анализ обозначенных сюжетов [8-16], был выдающийся российский учёный, доктор исторических наук, профессор, признанный специалист в области истории и теории международных отношений, геополитики, всемирной истории нового и новейшего времени, автор более 70 монографий и нескольких сотен статей Анатолий Иванович Уткин (1944–2010) [4; 5]. Настоящая публикация имеет целью рассмотрение ресурсов и факторов российского развития, выделенных и охарактеризованных данным исследователем.

В качестве первого фактора и, одновременно, ресурса, который, при правильном использовании, может способствовать прогрессивным преобразованиям, А. Уткин видит особенности российского менталитета или *«национального характера»*. К его основным чертам относятся: стоицизм, *«незакрепощённость»*, терпение, дискретность усилий, свобода, сострадание, отсутствие высокомерия, эгалитаризм и патриотизм. *«Полагаясь на такой национальный характер, – отмечает учёный, – можно уповать на то, что первый же действительно национальный лидер, который с болью за отечество укажет на рационально обозначенный путь национального спасения и возвышения, может смело рассчитывать на жертвенный отклик полтора миллиона россиян, на десятки миллионов русских за пределами РФ, на людей русского этнопсихологического кода и культуры»* [14, с. 516].

Вторым ресурсом определяется *«обширность территории»* России. Её равнина является наиболее широкой в мире, простираясь на 17 тыс. км, что вдвое больше территории США. А *«старые горы»* – Уральские и Восточносибирские – не представляют собой подлинных препятствий при перемещении. Особенностью российской территории выступает отсутствие естественных и отчётливых внутренних рубежей, что позволяет быстро проложить транспортные артерии. Кроме того, акцентирует А. Уткин, стратегически важным является освоение Сибири и Дальнего Востока, где возможна продажа земельных участков для обработки, нахождение и применение новых залежей полезных ископаемых. В этой связи рекомендуется создание Министерства Сибири и Национального агентства дорог. Перспективным видится и проект переноса столицы восточнее: по линии Екатеринбург – Новосибирск. Это предполагается поможет обезопасить *«евразийский тыл»* России, являющийся её *«уязвимым местом»* [8, с. 448-449].

В-третьих, необходимо интенсифицировать и рационализировать использование природных ресурсов и ископаемых, которыми богата страна. Так, в настоящее время возделывается только 8% потенциально обрабатываемых земель. Особую значимость приобретают колоссальные запасы углеводородов. Мировая индустрия и, главным образом, западные государства, могут найти в *«российском газово-нефтяном богатстве»* (с выходами в Новороссийске, Приморске, Мурманске, на Сахалине) своего рода единственную альтернативу Персидскому заливу. Контроль над доступом к этим ресурсам может являться эффективным рычагом воздействия или средством раскола враждебных коалиций [9]. В качестве примера А. Уткин указывает: *«Мировое сообщество уже давно поделилось на страны экспортёры неф-*

ти и страны, потребляющие это сырьё. Если в предшествующие времена мощь государства определялась численностью ядерных боеголовок, числом кораблей в Мировом океане, численностью армий, способностью разрушений, то в будущем мощь сверхдержавы будет определяться резервами нефти и газа, способностью найти путь к источникам энергии. В 2006 г. экспортирующие нефть страны получили за свою нефть 970 млрд. долл. – втрое больше, чем в 2002 г., а в 2007 г. цена на сырую нефть удвоилась. Такой поворот фортуны был благоприятен, скажем, для России, продемонстрировавшей бурный рост с 2000 г. (чему помогла растущая цена на нефть) <...> России помогли не только запасы нефти, но и огромные запасы газа и угля» [16, с. 22].

Безусловным преимуществом и четвёртой движущей силой будущих преобразований России представляется образованность её населения. Речь идёт, прежде всего, о деятелях науки и культуры: преподавателях вузов и школ, сотрудниках научных институтов и центров, а также различных культурных и образовательных учреждений и т.д. Говоря об «образованном авангарде», А. Уткин упоминает о типе «русских европейцев», которые, не потеряв связи с Родиной, строили Империю и насаждали в ней просвещение на протяжении последних веков. «Эти люди знали Запад и видели, в чём состоит его величайшее чудо – в непрерывных трудовых усилиях, осмысленных и спланированных» [14, с. 520].

Отечественная интеллигенция отчётливо понимала, что Россия является единственной незападной страной, которая устояла перед Западом именно в силу создания национальной индустриальной базы, породив плеяду технических и гуманитарных специалистов собственного «цивилизационного кода». При этом провинция постоянно посылает своих талантливых образованных людей в университетские города. Их природная любознательность и готовность служения Отечеству выступают крайне значимым ресурсом для будущего развития страны [13, с. 62-80; 627-634].

Пятым фактором российского прогресса является мощный научный потенциал. Исторически сложилось так, что отечественная прикладная наука была связана преимущественно с военно-промышленным комплексом. Это объяснялось частой необходимостью вести военные и конкретно оборонительные действия. Такие научные учреждения, как долгопрудненский Физико-технический институт, Училище имени Н.Э. Баумана, Московский авиационный институт, традиционно были кузницей блестящих профессионалов в технической сфере [10; 11].

В 2008 г. А. Уткин полагал, что этих специалистов «хватит ещё на десять лет». «После этого срока инстинкт выживания, равно как и малая продолжительность жизни, сделают своё бесславное дело. Но сейчас эти специалисты есть. Задача государства и общества, думающих людей России сохранить свою золотую плеяду...» [14, с. 521]. Для этого учёный предлагал создать нечто вроде «Банка России», т.е. стабильного государственного учреждения финансового характера, максимально защищённого от экономического краха, в которое будут вкладывать свои средства даже молодые таланты, работающие за рубежом. Следует также возрождать «оазисы» высоких технологий в России, что позволит достаточно быстро приостановить губительный отток технических кадров. Не менее важным является и реорганизация Российской Академии наук, состав которой быстрыми темпами уменьшается и катастрофически стареет [15].

Выгодное стратегическое положение страны – шестой ресурс её будущего развития. «В первое десятилетие XXI в., – подчёркивал А. Уткин, – перед Российской Федерацией встаёт ряд серьёзнейших геополитических проблем. В частности, с Запада она соседствует с развивающимся вглубь и вишьрь ЕС, в лице США она имеет дело с мировым гегемоном, чья политика в последнее время приобретает всё более идеологизированный характер. На востоке Китай и Индия быстро превращаются в региональные державы, а в потенциале – и в сверхдержавы, и, наконец, с юга её «мягкое подбрюшье», прикрито лишь цепочкой слабых государств Закавказья и Центральной Азии, уже представляющей собой непосредственно мусульманский мир» [16, с. 17]. В то же время, Россия располагает выходами ко всем мировым регионам: к Америке через Аляску; к Китаю через Амур; к Западной Европе через Балтику, Заполярье и Чёрное море; к мусульманскому миру через Казахстан, Центральную Азию и Каспий; к Индии через Алтай и Гиндукуш. Русские реки Нева, Вытегра, Вычегда, Клязьма, Волга, Днепр и озёра Ладога, Ильмень, Белоозеро были

отрезками пути «из варяг в греки». С геостратегической точки зрения важно отметить, что этот путь впервые в истории связал Северную и Северо-Западную Европу с Китаем, Индией, Персией, арабскими халифатами. Русские же стали мигрировать на европейский северо-запад: от Чернигова и Киева к Владимиру и Суздалью. А позже – к Вятке, Поморью и – через Уральский хребет и сибирские реки – к Тихому океану [13, с. 627-657].

Исследователь подчёркивает, что за 500 лет деятельных контактов России с Западом проявили себя принципы общеатлантического единения, схемы межъевропейского сближения, а также идеи ухода на восток в форме евразийства. Современный выбор России будет зависеть от типа избранной ею модернизации, степени активности интеллигенции, позиции внешнего мира, но, в первую очередь, от национального сознания. В этом плане недостатком представляется то, что в менталитете российского населения до сих пор *«не сложилось общенационального ощущения исторического хода развития своей страны»* [14, с. 524]. Проблема заключается в недостаточном уровне политической культуры масс, для которых личные и классовые интересы были и есть важнее государственных.

Седьмым и основополагающим фактором, призванным реализовать все вышеуказанные, является грамотное планирование. В пользу справедливости этого утверждения свидетельствует история: все позитивные преобразования в сфере индустриальной мобилизации и общественного развития России были *«сделаны из кабинетов»*, став следствием профессиональных действий представителей профильных министерств. Именно государственные органы планирования способствовали выходу страны из кризисов в годы реформирования Александра II, подъёма 1885–1914 гг., индустриализации XX в. И только в последние десятилетия было обнаружено, что роль государства якобы слишком велика [12, с. 235-238].

Сторонникам данной точки зрения А. Уткин отвечает: *«Не может быть излишней разумной планирующей человеческой силы, мобилизации на решение проблем <...> Поставим вопрос так: кто низвёл на нет туберкулёз полвека назад и кто его возвратил за последнее десятилетие? Отвечаем, эпидемии победила разумная сила государства; ослабление оно, дикая вера в «питательный бульон» анархии возвратила в Россию страшные призраки национального вымирания (1 млн. ежегодно)»* [14, с. 526]. Развивая обозначенную тему, учёный задаётся риторическим вопросом, в попытке ответа на который содержатся значимые примеры и заключения: *«Если плановая экономика порождает застой, то кто создал лучший в мире танк и автомат, кто первым вышел в космос, создал судно на воздушной подушке, первый пассажирский реактивный лайнер, первую в мире атомную электростанцию? <...> Без общегосударственного плана России (в условиях массовой безработицы, деградации, краха национальной промышленности, эрзац-образования частных учебных заведений) из кризиса не выйти»* [8, с. 454].

Исходя из представленного анализа, можно выделить следующие ресурсы и факторы российского развития, охарактеризованные А. Уткиным.

Во-первых, это российский менталитет или *«национальный характер»*, который, при наличии патриотически-настроенного лидера, будет способствовать консолидации вокруг идеи национального возрождения *«людей русского этнопсихологического кода и культуры»* как внутри РФ, так и за её пределами.

Обширность территории страны и преимущественно равнинная местность – второй ресурс, позволяющий быстро проложить транспортные артерии. А освоение Сибири и Дальнего Востока открывает перспективы продажи земельных участков и разработки новых месторождений полезных ископаемых. Интересным представляется и проект переноса столицы восточнее: по линии Екатеринбург – Новосибирск, что, по-видимому, позволит обезопасить *«евразийский тыл»* России.

Третий фактор заключается в интенсификации и рационализации использования имеющихся природных ресурсов, главным образом, углеводородов, которые представляются эффективным средством влияния на мировую политику.

Образованность российского населения – проявляющаяся в плеяде технических и гуманитарных специалистов отечественного *«цивилизационного кода»*, создавших действующую сегодня национальную индустриальную базу, которая, следуя историческому

опыту, помогала России устоять перед Западом – выступает четвёртой движущей силой государственного развития.

Мощный научный потенциал военно-промышленного комплекса, нуждающийся в целевом финансировании – пятый фактор возможной российской модернизации.

В-шестых, выгодное стратегическое положение России, с учётом его умелого использования, является безусловной перспективой для государственного развития.

Наконец, в целях успешной реализации вышеперечисленных ресурсов и факторов, необходимо грамотное планирование на общегосударственном уровне, следствием которого должна стать чёткая стратегия действий в обозначенных сферах.

Источники и литература.

1. Глазьев С. Итоги и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.glazev.ru/econom_polit/295/.
2. Делягин М. Г. Реванш России. М., 2008. 488 с.
3. Кара-Мурза С. Г., Мусиенко С. Г. Куда идём? Беларусь, Россия, Украина. М., 2009. 432 с.
4. Пашковский П.И. К вопросу о научном наследии профессора А.И. Уткина // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2014 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов – 2014» / Под ред. М.Э. Соколова, В.А. Иванова, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева, Н.В. Величко. Севастополь, 2014. С. 80-81.
5. Пашковский П.И. Светлой памяти Анатолия Ивановича Уткина // Интеллектуал. 2011. № 12. С. 54-56.
6. Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М., 2009. 239 с.
7. Тренин Д. Одинокое плавание. М., 2009. 182 с.
8. Уткин А.И. Большая восьмёрка: цена вхождения. М., 2006. 480 с.
9. Уткин А.И. Будущее России глазами американских аналитиков [Интернет ресурс] // Режим доступа: http://www.zlev.ru/83_90.htm.
10. Уткин А.И. Измена генсека. Бегство из Европы. М., 2009. 256 с.
11. Уткин А.И. Как пережить экономический кризис. Уроки великой депрессии. М., 2009. 320 с.
12. Уткин А.И. Мир после сентября 2001 года. М., 2002. 254 с.
13. Уткин А.И. Подъём и падение Запада. М., 2008. 761 с.
14. Уткин А.И. Русские войны: Век XX-й. М., 2008. 528 с.
15. Уткин А.И. СССР в осаде. М., 2010. 288 с.
16. Уткин А.И. Энергетические ресурсы и геополитика // Полис. 2010. № 3 (117). С. 9-25.
17. Фортунатов В. Россия в 2017 году. Чем закончатся эксперименты со страной? Спб., 2011. 318 с.
18. Цымбурский В. А знамений времени не различаете... [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=1285>.
19. Шевцова Л. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М., 2010. 272 с.
20. Яковенко И. Распад России как предмет осмысления [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://root.elima.ru/articles.php?id=492>.
21. Blank S. J. Towards a New Russia Policy Moscow. Carlisle Barracks, 2008. 140 p.
22. Bugajski J. Expanding Eurasia: Russia's European Ambitions. Washington, D.C., 2008. 216 p.
23. Cameron F. Russian Foreign Policy with Special Reference to its Western Neighbors // EPC Issue Paper. № 3713. July 2005. 22 p.
24. Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy [Electronic resource] // Access mode: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy>.
25. Cohen S. F. Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War. N.Y., 2009. 308 p.
26. Ebel R. E. The Geopolitics of Russia Energy. Looking Back, Looking Forward. Washington, D. C., 2009. 66 p.
27. Kuchins A. Alternative futures for Russia to 2017. Washington, D.C., 2007. 71 p.
28. Legvold R. The Russia File. How to Move toward a Strategic Partnership // Foreign Affairs. July/August 2009. Vol. 88. № 4. P. 78-93.
29. Larrabee F. Stephen. Danger and Opportunity in Eastern Europe // Foreign Affairs. November/December 2006. Vol. 85. № 6. P. 117-131.
30. Larrabee F. Stephen. A Western Strategy toward Russia in the Black Sea Region // Next Steps in Forging a Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea. Washington, D. C., 2006. P. 113-120.
31. Molis A. Rethinking EU-Russia energy relations: What do the Baltic States want? // SPES Policy Papers. February 2011. 44 p.
32. Sherr J. Russia and the West: A Reassessment // The Shrivenham Papers. January 2008. № 6. 44 p.
33. Smith K. C. Russia-Europe Energy Relation. Implications for U.S. Policy. Washington, D. C., 2010. 18 p.
34. Weitz R. China-Russia Security Relations: Strategic Parallelism without Partnership or Passion? Carlisle Barracks, 2008. 163 p.
35. Wishnick E. Russia, China, and the United States in Central Asia: Prospects for Great Power Competition and Cooperation in the Shadow of the Georgian Crisis. Carlisle Barracks, 2009. 72 p.

УКРАИНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

СТАВИЦКИЙ А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Главный смысл и назначение украинской мифоистории в том, чтобы обслуживать запущенный украинский проект. Но тайна его происхождения необъяснима, если рассматривать его как творение национального духа, столетия боровшегося за своё право на самоопределение украинского народа. Тайна украинского проекта – убийственная тайна для всех творцов и идеологов украинства, потому что она показывает его происхождение и назначение, смысл которого совсем не в счастье и процветании народа. Но в совсем ином.

Смысл украинского проекта и украинства невозможно понять без помещения его в глобальный геополитический контекст. Инициированный и финансируемый противостоявшими России государствами и народами, построенный на искусственном отторжении своего родного и произвольном представлении чужого как своего, этот проект не может существовать без всемерной поддержки извне. Он был изначально заточен против России, а потому, по сути своей, не созидателен [26]. И события последних двадцати трёх лет, когда Украина обрела независимость при довольно благоприятной мировой экономической конъюнктуре, снова это наглядно подтвердили. В результате некогда процветавшая страна, получив независимость, вдруг оказалась в таком положении, будто её захватили и оккупировали, а потом утилизировали в режиме плана «Ост» [18].

Глядя на нынешнее состояние Украины, поневоле задумываешься над тем, что есть в украинском проекте нечто роковое, гнетущее, соотносимое с вызывающим чувство обречённости приговором. Слово с самого начала УКРАИНА ПРИГОВОРЕНА К СВОЕМУ АПОКАЛИПСИСУ и любыми инициативами лишь приближает и ускоряет его. И потому, что бы ни делала рожденная через отделение от России и обоснованная отрицанием всего русского новая украинская «элита», она не способна создать ничего, кроме Руины даже при самых благоприятных обстоятельствах [21].

Возможно, это происходит потому, что все её действия строятся на отрицании русского, утилизации своего, разграблении доставшегося. Естественно, эти действия неизбежно приводят к упадку страны, а вслед за ним – той или иной форме «майदानа», внутреннего раскола, активного противостояния и гибели.

Наверное, поэтому, чтобы существовать и создавать видимость чего-то путного, украинский проект не может не строиться на той или иной форме информационной войны. В известном смысле украинский проект и создавался под информационно-психологическую войну. Информационно-психологическая война позволяет обосновать ему своё существование и создать свою социальную базу [7]. Причём она неизбежно формируется на принципах янычарства, которые реализовывались сначала через распространение униатства, а в нынешних условиях и на базе православия.

Однако закрепиться на захваченной его сторонниками территории украинский проект так и не смог. Поэтому, возможно, и правы те, кто считает, что *«украинцы в этническом измерении являются потерянной нацией»* [24]. И не только потому, что украинская нация утратила, а может, и вовсе не имела своего исторического социально-генетического кода [24]. Обречённость украинского государства заключается в том, что в основу его формирования были заложены деструктивные смыслы. Смыслы, которые начинают изнутри подтачивать и разрушать украинское сообщество сразу, как только оно получает возможность для самореализации. И эти смыслы в значительной мере были заложены в проект извне.

Так глобальный контекст украинского мифотворчества ставит и аналогичного масштаба вопросы. Вопросы, показывающие, что такие мифологические феномены, как «перяславская рада» [22], «батурина резня», «Украина – колония», «мазеп», «шевчен-

ко», «бандера», «голодомор» и пр. невозможно понять при отрыве их от геополитического контекста, ибо их смысл выходит за пределы ограниченных названием исторических рамок. Ведь они призваны обосновать естественноисторический и антирусский характер украинского проекта. Только в этом их смысловое предназначение – через отрицание общего и выделение особенного обосновать право неполноценной и несамодостаточной частности на самостоятельное существование. Но вызванный и обоснованный разрушением целого украинский проект на полноценное существование не способен. И никаких доказательств обратного за весь период его функционирования никто из сторонников украинского проекта не представил, лишь сетуя на постоянные проблемы и помехи.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что перед Украиной стоит не обычный вызов, а онтологический, глобальный. Вызов в точке исторической бифуркации, требующий кардинального системного изменения, как главного условия дальнейшего существования Украины. И непонимание его готовит стране, обществу своеобразный концептуальный капкан и формирует общую геополитическую вопросительность. Этот Вызов – общий. И хотя неизбежный ответ Украины носит частный характер, последствия его будут, безусловно, глобальные. Ведь речь идёт об онтологии глобальных взаимодействий в условиях нарастающего хаоса, который, скорее всего, представляет собой иную, пока нами не познанную структуру. Чтобы понять её, надо искать смыслы и уметь ими оперировать в конструктивном режиме, моделировать новый порядок, выявлять его социальную природу, понимать и использовать его смыслы, не теряя свои [23].

Тем более это важно потому, что вокруг нас идёт глобальный передел мира на новом уровне и новом этапе «Большой игры». Отдаём ли мы себе отчёт в этом и можем ли остаться в стороне? Тем более, что Украина тоже делится в рамках общей и своей т.н. «внутренней» геополитики на несколько цивилизационно оформленных пространств, в значительной степени противостоящих друг другу. И если Украина в полной мере отдаёт себе отчёт в этом, то какую роль она себе отводит в глобальном мире? Какую роль отводят ей другие «игроки»? Что уготовано Украине – быть объектом или субъектом большой политики? Не говоря уже о разном качестве субъектности. К сожалению, выводы на этот счёт самые пессимистические. Украина не готова к происходящим переменам и не распознаёт современные вызовы [8]. А если так, то и ответить на них не может. Следовательно, её удел – быть объектом игры, которая сейчас ведётся против России.

Разумеется, эта роль тоже важна. Ведь глобализация в нынешних условиях носит характер утверждения новой Империи, и особенность её в том, что империя не приходит извне, а прорастает сквозь ткань нашего бытия, интегрируя в себя через утрату идентичности. Очевидно, что этот процесс уже идёт, ставя вопрос: как интегрироваться в новый миропорядок, сохранив идентичность? И имеем ли мы её? А если да, то какую? И поскольку мы имеем дело с трансформацией идентичностей, представляющих собой их комбинацию или целый веер, отношение к идентичности как таковой существенно усложняется. В этих условиях новую идентичность, которая формируется на наших глазах, следует воспринимать как общность судьбы, как соучастие в общем универсальном проекте, в особой форме существования, которую мы должны создать и осмыслить.

В результате такой политики власти Украина становится объектом «Большой игры». Значит, она не может быть и независимой [6]. Страна свободна, когда сильна. Слабым и несвободным народом управляют другие. Естественно, что власти не выгодно признавать это, но отрицание очевидного на процессы положительно не влияет [9].

В силу отсутствия так необходимых стране позитивных перемен, Украина, к сожалению, интересуется мир всё более как ресурс, а не как геополитический субъект и стратегическое целое. Процесс её интеграции не контролируется и происходит в выгодном для Запада варианте, не давая ей шансов на самоидентификацию и тотальную модернизацию в будущем [1].

Поэтому Украина не обладает возможностями для стратегического планирования и, следовательно, не может соответственно отвечать на вызовы глобализации даже на прежнем уровне [10]. Новые тенденции в мировом развитии властью не распознаются и не понимаются. Проблема перевода общих созидательных смыслов в практическую плоскость украинской политики осталась неразрешённой [15].

При этом многие представители украинского политического бомонда даже не отдадут себе отчёта в том, что интеграция Украины в рамках нового мирового порядка угрожает ей полной утратой идентичности в будущем [5]. Ведь с точки зрения идеологов глобализации все государства и национальные общества ждёт неизбежный процесс атомизации, потому что в эпоху «постистории» (выражение Ж. Бодрийяра) «Империя» будет стремиться к поглощению и растворению всего, что потенциально может бросить ей вызов или стать её альтернативой [25].

В результате сама Украина отдельными украинскими аналитиками уже рассматривается как «неопознанный геополитический и геокультурный объект» [4]. И действительно: стратегический курс Украины не определён [16], политика – непредсказуема, обещания не выполняются, ожидания не оправдываются [3]. Но и в них виден своеобразный «ответ». Ответ, по которому Украина обречена. Ей не дадут подняться, используя в своих интересах [20].

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПРОЕКТА «УКРАИНА» И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕССМЫСЛЕННОСТЬ

Украина – объективно одна из узловых точек интенсивного взаимодействия и возможного конфликта цивилизаций. Тот регион, где потенциально возможно как формирование межцивилизационной «спайки», так и глобальный разрыв. И «счётчик» для Украины «включён». Внутренние трещины по «телу» Украины уже пошли, формируя феномен украинского раскола. Так в борьбе за украинские ценности и материальные блага украинская «элита» пропустила тот выгодный для страны исторический момент, когда Украина могла вписаться в мировой порядок с минимальными потерями для себя.

В результате, для Украины фактически не осталось места в системе международного разделения труда. Она уже практически исключена из «цивилизованного мира». У страны на главное не хватило ни денег, ни сил, ни идей. Нет средств на возрождение. Нет мотива к созиданию. Нет высокой позитивной цели. Взамен этого – лишь националистическая истерика, создающая иллюзию оптимизма [11].

Согласно этим тенденциям, страна идёт в никуда по причине своей бессмысленности. Её развитие не ведёт к обещанному счастью и даже не может стать основой позитивной социальной динамики и экономического благосостояния.

Известно, что страна сначала рушится в умах, а потом в реальной жизни. Рушится бессмысленное, а будущее – неопределённое. Тогда, когда нет своего плана, программы, стратегии, формирующих общий смысл созидания. Когда у общества нет стимулов к самоорганизации. Когда нет людей, способных принять Вызов истории и дать на него Ответ. Именно это мы и наблюдаем на Украине.

И что можно хорошего сказать о стране, которая создает впечатление региона, обслуживающего газовую трубу с вымирающим и деградирующим населением? Тем более что трубу постепенно перекрывают. Для других стран Украина – плохо управляемое государство с примитивной затратной экономикой и полным отсутствием ресурсов для всесторонних преобразований. Страна, имеющая не народ, а население, лишённое общей созидательной идеи. Страна, в которой расширяется общекультурный и политический разлом. Страна, дрейфующая в океане истории и не способная себя идентифицировать в соответствии с собственной традицией; не способная честно посмотреть в глаза ни прошлому, ни будущему [12].

В результате действий взявшей власть в Киеве украинской «антиэлиты» формируется образ Украины как глобального неудачника, способного лишь на то, чтобы ругаться с соседями и пускать по ветру всё, что было сделано и накоплено усилиями многих поколений. Образ Украины, как «тупиковой ветви» славянской эволюции, само существование которой поставлено под вопрос [13]. И не случайно уже сейчас возникает другой вопрос: кто займет это пространство, когда Украины не будет, чтобы более разумно распорядиться имеющимися на её территории ресурсами?

Как следствие, у любого мыслящего украинского патриота проводимая властями политика вызывает чувство тотального стыда. Стыдно за президента, не уважающего ни народ, ни соседей, ни законы. Стыдно за чиновников, живущих за счет разворовывания гос-

имущества, кредитов и «откатов». стыдно за депутатов, кликушествующих в парламенте и торгующих своими голосами. стыдно за «элиты», до сих пор занятые разворовыванием и переделом того, что осталось после развала СССР. стыдно за средства массовой информации, оглуляющие людей. стыдно за экономику, существующую, в основном, за счет импорта и тотального воровства. стыдно за государство, где общим местом стало неуважение ко всему, кроме собственного кармана. стыдно за нищенское существование стариков. стыдно за науку, обслуживающую эту «элику». стыдно за неспособность создать эффективно работающий государственный механизм. За элементарное неумение позиционировать себя в мире. За сиюминутность украинского бытия. И самое поразительное, что когда дело доходит до украинских праздников и юбилеев, все тут же начинают публично гордиться своей страной.

К сожалению, кризис на Украине обретает всё более тотальный характер. Причём, ясно, что это не кризис роста, не кризис обновления. За ним не стоит желанное возрождение страны. И триумф тяжко заработанной независимости Украины постепенно переходит в её поминки. Во всяком случае, при сохранении нынешних тенденций это – лишь вопрос времени.

Об этом недвусмысленно говорят и уже имеющиеся итоги. Экономического и духовного возрождения Украины не произошло. Наоборот, наблюдается полный упадок и спровоцированная украинизацией интеллектуальная деградация. Процесс руины обрёл тотальный масштаб и системность. Ощущение стабильности позволяют поддерживать лишь не до конца растроченные ресурсы советских времён. Социально, демографически, экономически и культурно Украина уничтожается и погибает.

Её сложившийся в мире образ не вызывает симпатии, а жизнь бесцельна и бессмысленна. В чём смысл проекта «Украина»? В чём его бренд и перспектива? Чем Украина хочет и может удивить мир? Этими вопросами на Украине задаётся всё больше людей. И снова не находят позитивного ответа.

Однако скажем прямо: руина стране не страшна, если народ един в своём желании её преодолеть через общее созидание. Ведь творческий потенциал общества ещё до конца не растерян. Его надо только объединить, нацелить, смотивировать. Но мы наблюдаем другое: обыденность агонизирующей страны. Бессмысленность ориентиров лишает страну мотивации к развитию, плодит бездуховность и формирует отсутствие цельности. Общая бесперспективность нынешнего развития Украины становится всё более очевидной, ставя вопрос о системных ошибках, заложенных ещё при её образовании. Но что именно в ней порочно: элита, данный способ развития, общая цель, средства или собственно весь проект как таковой? В этом вопросе народ пока не определился. Но общая агония – очевидна. Спор лишь идёт о том, на какой она стадии? Можно ли страну ещё спасти и как, или приговор уже вынесен? Хотя ответ очевиден: приговор Украине историей не только вынесен, но и приводится в исполнение. А мы присутствуем при её публичной казни, которая разворачивается перед нами как апокалипсический процесс.

ИДЕИ УКРАИНСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Рассуждая об украинских добродетелях, Г. Водичка про украинцев написал: *«за нами закрепился устойчивый стереотип мелких пожирателей сала. Как символ тупой сытости или сытой тупости. Более того, мы сами не стесняемся отождествлять себя с этим стереотипом»* [2]. Надо сказать, что есть сало не грех. Грех ставить во главу угла в вопросах веры ценность сала и вышиванки, где сало символизирует материальное благополучие, а вышиванка – внешние признаки традиции и веры. И если для человека сытость стала мерилем счастья, а вышиванка заменила веру, такой человек живёт безнравственно, не по-людски, не соотнося свою жизнь с памятью предков [17]. Понятно, что такие люди встречаются в каждом народе, но чтобы подобными установками в условиях открытого информационного пространства закодировали большинство граждан страны, большая редкость. «Профессиональным украинцам» это удалось. Но тут оказалось, что гордиться идеями украинства недостаточно для того, чтобы страна процветала. Надо работать. Постоянно, настойчиво, настраиваясь на созидание. Но можно ли возродить экономику за

счёт «шанування» [14] вышиванки? И вдруг выяснилось, что идеи украинства с модернизацией экономики и ориентацией на высшие ценности и образцы культуры несовместимы. На этой проблеме Украина и подорвалась.

Как следствие, то, состояние, в котором находится Украина, наглядно показывает, что по отношению к ней действует своеобразный план «Ост», организаторами которого являются самые «щирые» украинские патриоты. Я не могу утверждать, что они его и задумали, потому что вполне возможно, что их используют втёмную. Но вину их это обстоятельство не снимает. Ведь догадаться или почувствовать, как их политика негативно влияет на страну, они могли бы, если действительно любят Украину. Но они не хотят видеть, что Украина превращается в источник этнической и социальной розни, неравенства и нестабильности. В живой хаос. В место, постоянно его воспроизводящее. В страну, пожирающую саму себя. Не хотят, потому что им так выгодно.

В чём же особенности глобального кризиса применительно к Украине? Здесь кризис внешний помножен на кризис внутренний. И масштабы общего недоверия – иные. У нас, по сути, произошло наложение глобального финансового кризиса на комплекс накопленных внутренних проблем, не решавшихся системно все эти годы и создавших условия для растущего общего недоверия к украинскому проекту как таковому. И это не удивительно, ведь все прежние источники, формировавшие доходы граждан и государства для Украины, в значительной степени исчерпаны. Рост промышленного производства и производительности труда приостановлен. Доходы от продажи госпредприятий минимальны. Рост иностранных инвестиций не наблюдается. Отток капиталов усилился. Кредиты частному сектору – банкам и корпорациям даются всё труднее. Средства, приходившие в страну от «заробитчан», в условиях кризиса резко сократились. Кредиты государству даются лишь для того, чтобы оно могло погасить проценты, набежавшие за прежние долги. Проедание основного капитала государственных и коммунальных предприятий, общественной инфраструктуры подошло к своему логическому завершению. А перехода от политики проедания к политике инновационного развития в стране так и не произошло.

В результате общие итоги развития Украины в условиях независимости и характеристика основных принципов политики украинской «элиты» ставят под сомнение либо крайне непродуктивные исходные идеи и методы реализации проекта «Украина», либо сам проект. И поскольку степень кризиса такова, что вернуться на исходные позиции сторонники разных вариантов развития Украины уже не могут, есть основание полагать, что, борясь за светлое будущее «рідної неньки» [19] до последнего русского на украинской земле, «профессиональные украинцы» вбили осиновый кол в это будущее. И на этой земле скоро не будет ни светлого украинского будущего, ни «неньки», ни «профессиональных украинцев», если они, разумеется, не сбегут куда-нибудь в Канаду.

Как быть? Очевидно, что без системных комплексных мер с учётом интересов всех основных центров силы и тенденций развития, эту болезнь не излечить. И это лечение возможно только через общее и осуществляемое комплексно преобразование.

Ведь, ясно, что этот кризис:

- свидетельствует о несовместимости старых форм и новой сущности, о старых возможностях и новых запросах, воплощённых в ином мировоззрении и достойных будущего доктринах;

- демонстрирует потребность в новой глобальной системе отношений и безопасности, в новых технологиях и новых источниках энергии и сырья;

- показывает, что Запад, и особенно, Америка, живут не по средствам, но не в состоянии пока умерить свои потребности и, следовательно, впереди мир ожидает новое обострение борьбы за мировые ресурсы, существенное изменение контуров миропорядка и возможная смена глобальных лидеров.

Однако в условиях эскалации войны, когда различным регионам Украины уже не позволят мирно разойтись по чехословацкому варианту, говорить о каком-то преодолении кризиса уже неуместно. У Украины довольно простой выбор: или окончательное разделение, или полная и безоговорочная капитуляция одной из сторон, где первый вариант, возможно, станет предтечей второго. И хотя со всех сторон слышно, что нынешнюю ситуа-

цию на Украине с помощью войны не решить, есть основание полагать, что война будет продолжаться. Из войны, где столкнулись цивилизации, а итог её может оказаться краеугольным камнем нового мирового порядка, выходят только через войну, когда ресурс разрушения не будет исчерпан окончательно. При этом у России и русских Новороссии выбора уже нет, потому что победа Киева над Донбассом не умиротворит победителя. Ему этого будет мало. Заточенная против России и функционирующая на энергии разрушения система не может остановиться сама. Её надо остановить, как остановили нацистскую Германию в 1945-м.

В любом случае, по всей видимости, тот успешно преодолет кризис, кто сумеет оставить его за спиной, перейдя в новое качество отношений: цивилизационных, экономических, социально-политических и технологических раньше других и с наименьшими потерями. Вопрос: понимают ли это те, от кого зависят управленческие решения на Украине? Может, где-то глубоко в душе и понимают. Но за свои интересы они будут бороться до последнего. Поэтому главная задача – объяснить людям, к чему украинский проект ведёт? И поскольку националистические идеи уже укоренились в сознании людей, с воинствующим украинством придётся бороться, терпеливо показывая людям, как их дурачат на протяжении десятилетий и даже веков, и к чему это в конечном счёте приведёт.

Для этого в первую очередь надо признать, что:

- в основе существования независимой Украины лежит модель самодетства и утилизации;
- за время украинской независимости не было создано никакой общенациональной объединяющей всех граждан идеи;
- Украина ни политически, ни экономически несостоятельна, её независимость не имеет прочной основы и размывается на всех уровнях изнутри;
- за украинизацией стоит проект анти-Россия, и ему надо противостоять системным воздействием на всех уровнях, потому что путь, предлагаемый сегодня Украине, – это путь самоизоляции от тех основ, которые её питают. Не может нормально развиваться страна, оторванная от своих культурных и исторических корней.

Однако украинцы XXI века, видимо, об этом ещё не догадываются. Многие из них видят в галицкой «национальной модели» некий возрожденческий порыв и культурную созидательность. Называют Галичину Пьемонтом, а Украину – новой Элладой. Не хотят признать, что в основание украинской модели заложено ложное и саморазрушительное начало. К примеру, идеи свободы, равенства, братства, уважения к правам других, созидания через единство множеств в данной модели даже не означены или вывернуты на свою противоположность. А ведь на иных основах Украина успешно развиваться просто не сможет. И поэтому сейчас для Украины выбора нет: либо она возвращается к своим русским истокам, либо о ней спустя века будут вспоминать как о самом глупом и безрезультатном примере национального возрождения.

Источники и литература.

1. Вирный В. Правящая псевдоэлита - угроза для Украины [Электронный ресурс] /В. Вирный. – Режим доступа: <http://h.ua/story/115228/a145a/3612/>
2. Вóдичка Г. Портрет грядущего Цезаря [Электронный ресурс] / Центр Гражданских инициатив «Звездный час». – Режим доступа: <http://www.startime.org.ua/articles/103-portret-gryadushchego-cezarya>
3. Елисеев А. Конспирология украинского кризиса [Электронный ресурс] / А. Елисеев. – Режим доступа: http://rpmmonitor.ru/ru/detail_m.php?ID=561807.09.2007
4. Ермолаев А. Нация без национальной демократии или Борьба за вторую независимость [Электронный ресурс] / А. Ермолаев. – Режим доступа: <http://www.sofia.com.ua/page18.html>
5. Камінський Є. Є. Дашкевич А. Політика США щодо України. Витоки. Концептуальні основи. Практична еволюція. К.: Політична думка, 1998. 548 с.
6. Лубенский А. Украина: страна отложенных потрясений [Электронный ресурс] / А. Лубенский. – Режим доступа: <http://rian.com.ua/analytics/20090408/78132724.html#dfkhj>
7. Лупацій В. Україні потрібна національна ідея, яка буде конкурентноздатною в світі де правлять глобальні корпорації [Електронний ресурс] / В. Лупацій. – Режим доступу: http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=72&op_id=1235#1235
8. Майборода О. Український етнополітичний менеджмент: специфіка, здобутки, проблеми [Електронний ресурс] /. – Режим доступу: http://dialogs.org.ua/project_ua_full.php?m_id=8771

9. Матвієнко К. Інновація України, інакше – самогубство держави [Електронний ресурс] / К. Матвієнко. – Режим доступу: http://dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=15125
10. Минченко Е., Ермолаев А. Борьба кланов или конфликт стратегий: сценарии развития политико-экономической системы Украины [Электронный ресурс] / Е. Минченко, А. Ермолаев. – Режим доступа: <http://www.stratagema.org/issledovaniya.php?n>
11. Новікова К. Між міфом та національною ідеєю. Обличчя сучасного українського націоналізму [Електронний ресурс] / Катерина Новікова. – Режим доступу: <http://www.religion.in.ua/main/analitica/12282-mizh-mifom-ta-nacionalnoyu-ideyeu-oblichehya-suchasnogo-ukrayinskogo-nacionalizmu.html>
12. Олесь Доний: «У этого кризиса нет конца» [Электронный ресурс] / Алексей Петруня. – Режим доступа: <http://cn.com.ua/N457/politics/opinion/index.html>
13. Павлів В. Індуукраїнська цивілізація [Електронний ресурс] / Сайт zaxid.net. - Режим доступа: http://zaxid.net/news/showNews.do?indoukrayinska_tsivilizatsiya&objectId=1293295
14. Почитання (укр.)
15. Пароконний В. Децентралізація України ще попереду [Електронний ресурс] / В. Пароконний. – Режим доступу: http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=12&op_id=315#315
16. Пахомов Ю. Судьбы Украины в контексте небрежения стратегией и культурой времени [Электронный ресурс] / Юрий Пахомов. – Режим доступа: <http://fondsk.ru/article.php?id=83910.07.2007>
17. Петров В. Хуторянство і Європа (Листи Куліша з-за кордону р. 1858-го) // Життя і революція. 1926. № 7. С. 71-79.
18. План «Ост» (Generalplan Ost) – план «освоения жизненно важного пространства» для нацистской Германии через колонизацию и германизацию Восточной Европы на оккупированной территории СССР
19. Родной матери (укр.)
20. Сенченко Н. Тотальная дезинформация человечества [Электронный ресурс] / Н. Сенченко. – Режим доступа: <http://rusmir.in.ua/pol/186-totalnaya-dezinformaciya-chelovechestva.html>
21. Ставицкий А. В. Украинская «элита»: идентичность и глобальный выбор.
22. Ставицкий А. В. Переяславская рада: опыт мифологической интерпретации.
23. Табачник Д. В. «Утиный суп» по-украински: Беседы с украинским политиком: диалоги с глухими. 4-е изд. / Худож.-оформитель В. А. Мурлыкин. Харьков: Фолио, 2009. 543 с.
24. Филатов А. Воссоединение Руси. Переагрузка [Электронный ресурс] / Анатолий Филатов. – Режим доступа: <http://samoderjavie.ru/filatov-vossoedinenie-rusi-perezagruzka>
25. Хомский Н. Гуманитарный империализм. Новая доктрина имперского права [Электронный ресурс] / Н. Хомский. - Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_2334.html
26. Черемных К. Пособие по самоликвидации [Электронный ресурс] / К. Черемных. – Режим доступа: http://rpmmonitor.ru/ru/detail_m.php?ID=323830.03.2007

IV

НАУЧНОЕ

ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

**ПОЛИТИКА ПЕТРА I В ОТНОШЕНИИ МАЛОРОССИИ:
ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ**

КАТАЕВА А.Ю.

Филиал МГУ в городе Севастополе

В современной науке отношение к политике Петра I в отношении Малороссии исходит из различных концепций и оценок. В российской и украинской историографии такие оценки носят противоположный характер: российская рассматривает политику первого российского императора всесторонне, украинская дает ему однозначно отрицательную оценку, как разрушителю «украинской государственности». Между тем, обширный сохранившийся массив источников свидетельствует о следующем.

По своей сути политика Петра I является продолжением политики Алексея Михайловича, его отца. Как известно, при Алексее Михайловиче происходит воссоединение Левобережной Украины с Россией. Однако, Польша, даже после заключения Андрусовского перемирия, не могла примириться с утратой Малороссии. Киев, по Андрусовскому договору, должен был принадлежать московскому государству всего лишь два года, однако, Москва не собиралась возвращать полякам «мать городов русских». В 1682 году, когда после смерти царя Фёдора Алексеевича, в Москве произошли волнения на почве споров о престолонаследии, Польша воспользовалась этим, и в Малороссии стали распространяться так называемые «прелестные» листы, направленные против союза Малороссии с Россией [11]. Центральным властям необходимо было как-то реагировать.

На тот момент гетманом Малороссии был Иван Самойлович. Через него московское правительство узнало о «листах». Он посоветовал поселить несколько тысяч великороссиян в Малороссии, чтобы этим шагом продемонстрировать: Малороссия останется достоянием Московского государства. При содействии Самойловича, российскому правительству удалось провести в области церковного управления Малороссии весьма важную реформу. До этого митрополит Киевский рукополагался в сан константинопольским патриархом. Благодаря удачным переговорам с высшими иерархами Константинопольской

церкви, находившейся под властью султана Османской империи, и ловкой и успешной деятельности московских агентов в Малороссии, было достигнуто соглашение, что отныне Киевский митрополит рукополагался в сан патриархом Московским и Всея Руси. Таким образом, православные, проживавшие на территории Речи Посполитой, оставшейся канонической территорией Киевской митрополии, теперь находились в канонической связи с Московским патриархатом, что стало важной политической победой России.

Одним из факторов, способствовавших ее закреплению, стало заключение русско-польско-венедианско-австрийского союза против Османской империи. В 1684 году Речь Посполитая и Священная Римская империя (Австрия) заключили союз против турок. После чего войти в состав этой коалиции были приглашены Венецианская республика и Россия.

Русское правительство не могло уклониться от вступления в этот союз, поскольку, если бы турки и татары захватили Речь Посполитую, можно было ожидать их и у Киева. В случае победы поляков над турками, Россия тоже могла лишиться Киева. Поэтому, правительство царевны Софьи Алексеевны стало вести активные переговоры с Польшей. Поляки не хотели окончательно отказываться от Киева; Москва отказывалась в таком случае оказывать им помощь в борьбе с турками. Военные поражения поляков заставили их пойти на уступки. В 1686 году был заключен Вечный мир с Речью Посполитой. Это значило, что Россия присоединилась к Священной лиге (так назывался антитурецкий союз), а также то, что поляки навсегда отдадут Киев России; Россия, в свою очередь, оказывает военную помощь и выплачивает Польше определенную денежную компенсацию [5, с. 21].

Вести войну против турок и татар без малороссийских и запорожских казаков было нельзя. Малороссийский гетман Самойлович выказывал недовольство запорожским войском и писал об этом воеводе Леонтию Неплюеву, а после и российским царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу. Он сообщал о беспорядках, которые устраивают запорожцы в городах, а также о постоянных сношениях их с турками и татарами.

Весть о том, что Россия и Польша заключили мир, осложнила положение Крымского хана: *«В борьбу с польским королем крымский хань разсчитывалъ на помощь со стороны запорожскихъ козаковъ, но теперь запорожцы не могли уже дѣйствовать вопреки воли московскихъ правителей»* [17, с. 611]. Запорожцам пришлось повиноваться царской воле, и они прекратили все отношения с татарами.

Через некоторое время, после неудачного похода в Крым, по доношению князя Василия Васильевича Голицына, гетман Самойлович был низложен, и принято решение об избрании нового гетмана. Им стал Иван Мазепа, который в ответ на поддержку своей кандидатуры со стороны центрального правительства, пошел на существенное урезание своих полномочий: в 1687 году он, вместе с казацкой старшиной, подписал Коломацкие статьи. *«Статьи декларативно подтверждали казаческие права и привилегии, сохраняли 30-тысячное казаческое войско и компанейские полки. Однако некоторые изменения предыдущих гетманских статей и новые пункты значительно ограничивали политические права гетмана и украинского правительства. Гетман не имел права без царского указа лишать старшину руководящих постов, а старшина – отстранять гетмана. Казаческая старшина должна была надзирать и доносить на гетмана царскому правительству. Значительно ограничивалось право гетмана распоряжаться войсковыми землями. Гетманскому правительству запрещалось поддерживать дипломатические связи с иностранными государствами. В гетманской столице – Батурине – располагался полк «московских стрельцов»* [9].

В начавшейся вскоре Северной войне за контроль над Восточной Прибалтикой войска Малороссии принимали самое активное участие. Однако единства между гетманом и казацкой старшиной и в этот период не было: они постоянно писали друг на друга доносы в Москву, что вызывало раздражение у центральных властей, не стремившихся к посредничеству в постоянном выяснении отношений между гетманом и старшиной: *«Посланцом к Москве от Гетмана быть по 3 и по 4 приезда и то для самых нужных дел..., а не о нужных делах и о ведомостях Гетману писать через почту»* [1, с. 5].

Упомяну в этой связи грамоту, посланную Ивану Мазепе центральным правительством после принятия в Москве запорожских посланцев с ведомостями. В ней русские цари

хвалят Мазепу за то, что он не пустил в Москву 40 человек запорожцев-посланцев, а выслал, как ему и было позже предписано, 2 или 3 человека. Атаману Григорию Сагайдачному тоже была прислана царская грамота, в которой цари благодарят его и Войско Запорожское за верность Москве.

Однако недовольство Мазепой и запорожским войском началось в Москве уже вскоре после избрания Мазепы на гетманство. Мазепа отказался помогать запорожскому войску в походе на татар. Гетман заднепровской стороны Андрей Могила написал письмо запорожцам. Мазепа, перехватив это письмо, отправил его в Москву. В свою очередь, из Москвы был отдан приказ успокоить запорожцев посредством полков великороссов, которые ранее находились в подчинении у Мазепы. А само русское правительство вынуждено было написать польскому королю, чтобы сдерживал Могила, и тот не смел более вмешиваться в дела Войска Запорожского. Украинский историк В. Смолий пишет: «Соціальна політика І. Мазепи викликала глибоке невдоволення народу. Проти «поляка» і «католика» виступали селяни і рядові козаки, запорожці і частина старшини» [10, с. 19].

О стремлении Мазепы отделить Малороссию от России в Москву заблаговременно поступил донос. Об этом он сказал Василию Кочубею, тот, в свою очередь, донес на Мазепу в Москву. Однако «Государь так был уверен в его преданности и усердии к Московскому престолу, что, получив первый извет на него от генерального судьи Кочубея и полковника Искры, приказал выдать того и другого, как злых клеветников, Мазепе на лютую казнь» [16, с. 96]. 15 июля 1708 им отрубили головы. Хотя это был уже далеко не первый донос на Мазепу, к нему в Москве остались равнодушны, поскольку для центрального правительства стало уже обыкновением получать доносы от старшины на гетманов. Н.И. Павленко пишет по этому поводу: «В истории с Мазепой значительную долю вины несет сам царь. Измена гетмана могла быть пресечена задолго до ее совершения, не прояви Петр и его окружение излишнего к нему доверия» [7, с. 82]. Украинские историки Л.И. Кормич и В.В. Багацкий считают, что в подобной беспечности виноват Петр I.

А.В. Ставицкий отмечает: «современные украинские историки утверждают, что И.С. Мазепа стал жертвой непонимания народных масс» [12]. Вследствие этого малороссийский народ не пошел за ним. Однако, известный «мазепенец» С. Павленко утверждает, что «...гетмана И. Мазепу поддерживало своей жизнью, активным участием до 40 000 украинцев» [8, с. 78].

Измена Мазепы, как ни странно, оказалась полной неожиданностью для Петра. Царь пишет Грамоту к Гетману Скоропадскому и ко всему Малороссийскому народу об измене Мазепы. В 1708 году резиденция Мазепы – город Батуриин – был взят отрядом Александра Даниловича Меншикова. Сохранились письма Петра I к Меншикову, в которых идет речь о взятии Батурина. Этих писем три: от 2, 4 и 5 ноября 1708 года. Контроль российских войск над Батурином был принципиально важен для организации его обороны от шведов. При этом Петр отметил, что если по усмотрению Меншикова Батуриин не сможет выдержать осады, либо сам Меншиков будет не в состоянии оборонять крепость, то Батуриин нужно будет «зжечь весь» [6, с. 274]. «Зжечь весь» означало не сжечь людей, не «вырезать» население, а сжечь постройки, крепость («строенье сжечь»). Миф о «батуриинской резне» основан на этих письмах. Но в них ни слова не говорится о расправе над местным населением.

Однако, в пропагандистском произведении «История Русов» есть описание того, как отряд Меншикова занимался «казнею перевязанных Сердюцких Старшин и гражданских урядников». Есть там и «эпизод со взятием Батурина, где Меншиков велел, будто бы, перебить всех поголовно, вплоть до младенцев». «История Русов» в украинской историографии уделяется особое внимание. Согласно этому «источнику», перевязанных «сердюцких старшин и гражданских урядников» Меншиков колесовал, четвертовал, сажал на кол, «а дальше выдуманы новые роды мучения самое воображение в ужас приводящие». Тела казненных Меншиков бросал на съедение зверям и птицам и, покинув сожженный Батуриин, жег и разорял по пути все малороссийские селения, «обращая жилища народные в пустыню» [15, с. 5]. Украинский историк В. Смолий пишет об этом так: «Петро І зруйнував гетьманську резиденцію (м. Батуриин) і жорстоко розправився з його жителями» [10]. Российский историк Н.И. Ульянов ставит под сомнение подлинность изложения

фактов в «Истории Русов»: «Злостный пасквиль на Петра и Меншикова, выведенных пачаками украинского народа, — только одна из глав великой эпопеи московских жестоко-стей, развернутой на страницах «Истории Русов»» [15, с.6]. «Петр не собирался «геноцидировать» батурицев и приказа такого не отдавал, потому что видел в народе Украины союзника. Об этом говорят и его конкретные действия: по приказу царя жители Украины были освобождены от незаконных налогов и поборов гетмана, а при вступлении на Украину за чинимые «черкасам» обиды государь угрожал своим офицерам и солдатам смертью» [13, с.45].

Из «Очерка истории украинского народа» М.С. Грушевского можно понять, что Петр действительно не хотел кровопролития и, после взятия Батурина, были «разосланы грамоты, призывавшие население оставаться верными царю» [3, с.340]. Петр повелел Меншикову обходиться «возможно ласково» со старшиной. Меншиков сообщал Петру, что ни среди малороссийского населения, ни среди старшины нет сочувствия Мазепе. Действительно, документов или приказов в отношении совсем уж сокрушительных действий в Батурине, которые описывают «История Русов» и ссылающиеся на нее историки, нет. Следовательно, версия о погроме Батурина Петром и Меншиковым не опирается на достоверную источниковую базу.

6 ноября 1708 года Петр определил новую резиденцию гетмана Войска Запорожского – город Глухов, который находится в 90 км от Батурина, на северо-востоке современной Украины, рядом с землями исторической Великороссии, на пути из Москвы в Киев. В следующем году был избран новый гетман – полковник Иван Скоропадский. В. Смолий дает ему такую оценку: «*Стародубський полковник І. Скоропадський, обраний гетьманом (1709 р.), нездатний до самостійних дій, по суті, став пішаком у політичній грі Петра І. При ньому постійно перебував урядовий резидент, який контролював усі кроки гетьманського правління*» [10]. А вот – данные источника: «*А в данном ему Скоропадскому в 1709 году на прошение его решительном указ о том не писано. А в данных же 1709 году обретавшемуся при нем Гетман для всяких Государевых дел Министром ближнему Столнику Андрею Намайлову статях в 3х написано: Гетману Скоропадскому хотя пунктов не дано, но данною Высочайшею за собственноручным подписанием безсмертно славния памяти Государя Петра Великого Императора и Самодержца Всероссийского, повелемо в Малой России всякие дела управлять по войсковым правам, прежним обыкновениям и постановленным пунктам, на которых приступил под Всероссийскую державу Гетман Богдан Хмельницкий и по Его Императорского Величества указам определенным и впредь присылаемым без нарушения прав, и вольностей стародавних народа Малороссийского*» [3, с. 68-69].

Стремление Петра контролировать действия нового гетмана объяснялись тем, что царь стремился не допустить того, чтобы все запорожские казаки перешли на сторону шведов, ибо «*малороссийская масса всегда обращала свои взоры к Запорожью, к голосу запорожцев чутко прислушивались как простые козаки, так и вся малороссийская чернь... Понимая все это лучше, чем кто другой, царь Петр Алексеевич уже тотчас после получения от князя Меншикова известия, написал в Сичь октября 30 дня 1708 года на имя кошевого атамана Константина Гордиенка грамоту, в которой увещевал запорожцев пребыть верным русскому престолу и православной вере, за что обещал "умножить" к ним свою милость, которой они раньше того были лишены вследствие наветов на них со стороны коварного Мазепы, обвинявшего их в неверности русскому престолу*» [18, с. 216].

Немаловажным документом 1709 года являются так называемые «Решитиловские» статьи. Они состояли из 14 статей, в которых были прописаны основные аспекты регулирования отношений Гетманщины и Российского государства. Предпосылкой создания данного документа стало то, что Гетман Скоропадский обратился к Петру с просьбой подтвердить государственные права Малороссии. В ответ на это Петр издал «Решитиловский» указ. Согласно этому документу, гетманское правительство осуществляло судебную и административную власть, а царским воеводам было запрещено вмешиваться в административные дела Гетманщины. Царь освобождал запорожское войско от походов на весь 1709 год, однако, малороссийская армия подчинялась только московскому правительству,

и Гетманщине было отказано в возврате артиллерии, потому что она считалась военным трофеем. При гетмане И. Скоропадском учреждалась должность министра-резидента, который должен был наблюдать за деятельностью гетмана и его правительства: им стал царский чиновник Измайлов. Ему даны были две инструкции — явная и тайная. Первая обязывала Измайлова наблюдать, чтобы гетман самовольно никого из старшин не отставлял от должности; чтобы старшины избирались с общего совета и утверждались царем; чтобы в числе старшин не было поляков; чтобы местности были раздаваемы и отбираемы не иначе, как с согласия генеральных старшин и с разрешения государя. В тайных статьях Измайлову предписывалось наблюдать за поступками гетмана и старшины, проводывать тайно о доходах, которые получают гетман и старшина и доносить, кто из казаков наиболее расположен к царю и какого достоин уряда.

Также значительно увеличивалось количество российских гарнизонов в городах Левобережной Украины; устанавливался контроль за сбором налогов, расходами на содержание гетманской администрации, казаческого войска. В 1715 г. царь ограничил власть малороссийских полковников, запретив им по своему выбору определять полковых старшин. За старостью и болезненностью гетмана вместо него к бумагам прикладывали печать канцеляристы, у которых хранилась и сама печать. Когда это дошло до сведения государя, он учредил при гетмане генеральную войсковую канцелярию (1720). В 1720 г. в Глухове была учреждена судебная канцелярия. В 1722 г. повелено было, для прекращения возникшего в малороссийских судах и войске беспорядка, быть при гетмане бригадиру Вельяминову и шести штаб-офицерам из украинских гарнизонов.

16 мая 1722 года в Глухове Петром была учреждена Малороссийская коллегия. Она была образована вместо Малороссийского приказа, действовавшего с 1662 года и призвана была осуществлять судебную власть и ведать сбором податей на Украине.

В. Смолий считает, что учреждение Малороссийской коллегии было одним из шагов Петра, направленных на то, чтобы забрать у украинцев свободу и права, использовать их собственных целях: *«У 1722 р. було створено т.з. Малоросійську колегію, яка стала основним органом управління Гетьманщиною. На вищі посади дедалі частіше призначалися російські офіцери. Тисячі українських селян і козаків гинули в далеких походах, на будівництві каналів та оборонних споруд»* [10].

В этой связи следует обозначить функции коллегии: *«...обязанности новой коллегии были обозначены так: 1) надзирать за скорым и беспристрастным производством дел во всех присутственных местах и обиженным оказывать законное удовлетворение. 2) Иметь верную ведомость о денежных, хлебных и других сборах и принимать их от малороссийских урядников и войтов. 3) Производить из этих денег жалованье с гетманского совета сердюкам и компанейцам, иметь приходные и расходные книги и ежегодно представлять их прокурору в Сенат. 4) Препятствовать с гетманского также совета генеральным старшинам и полковникам изнушать работами козаков и посполитых людей. 5) Смотреть, чтоб драгунам отводимы были квартиры без всякого исключения, даже в гетманских поместьях, кроме двора, где он живет, также дворов старшин, священно- и церковнослужителей. 6) Рассматривать вместе с полковыми командирами имеющие поступать жалобы от нижних чинов и малороссиян. 7) Наблюдать, чтоб присылаемые к гетману указы от государя и Сената были записываемы в генеральной канцелярии и в свое время доставлялись рапорты; также препятствовать писарям гетманским подписывать вместо него универсалы и отправлять их из коллегии»* [11, с. 116–117]. Из представленного текста видно, что центральное правительство держало в некоторых городах воинские гарнизоны, но денежные ресурсы, которые собирались с городов Малороссии, оставались в гетманской казне. В целом Малороссийская коллегия была создана для блага самих же малороссов.

«Пропагандистские измышления самостийников о грабеже Украины царским правительством рассчитаны на невежественных людей и не выдерживают соприкосновения с серьезным исследованием этого вопроса» [15, с. 4].

«Тщетно гетман Скоропадский, лично ездивший в новую столицу, хлопотал об отмене малороссийской коллегии: он вернулся из Петербурга ни с чем, и в июле месяце вне-

запно скончался тотчас по прибытии на родину. После смерти Скоропадского киевскому губернатору князю Ивану Юрьевичу Трубецкому послан был указ смотреть и проводить тайно, чтобы у жителей Малороссии не было пересылок с запорожским войском, с Филиппом Орликом и с прочими изменниками. С тем же предписанием послан был указ и командующему войсками на юге генерал-майору графу фон-Вейсбаху. Для управления Малороссией назначен был наказной гетман, Черниговский полковник Павел Полуботок, избрание же настоящего гетмана отложено было на неопределенное время» [3, с. 293-294].

Предпосылкой для создания Малороссийской коллегии было то, что малороссийский народ жаловался на местные органы власти, на их предвзятость, а также чтобы старшина не утесняла их налогами.

Гетман Скоропадский говорил Петру, что такое посягательство на внутреннее управление Малороссией не соответствует всем договоренностям, которые были триумфально установлены предыдущими московскими властями и непосредственно самолично Петром; также бессильны были прошения Полуботка. Полуботок жаловался на Малороссийскую коллегию в Сенат. По его словам, коллегия не сообщает приказы старшине и не советуется с ним, а напрямую отдает приказы полковникам, «*требуя известий, сколько в котором полку маетностей, мельниц и других угодий; назначено также послать в полки десять офицеров Глуховского гарнизона – неизвестно зачем. Из войсковой канцелярии коллегия требует выписок, универсалов, розысков, купчих и других документов по делам тех челобитчиков, которые приходят с жалобами в коллегия, чего войсковая канцелярия давать не может, потому что такого обыкновения в ней никогда не бывало и канцеляристов немного. Коллегия для сборных денег требует особливых еще счетчиков, чего нет в монаршей инструкции. Коллегия о самых малых делах присылает указы старшине именем его императорского величества, требует ответов и исполнения, чего они исполнять не могут при вседневных трудностях в управлении дел малороссийских*» [11, с. 118–119].

Украинские историки Л.И. Кормич и В.В. Багацкий поясняют эти жалобы тем, что «*Деятельность его (Полуботка) по консолидации старшины, реформы в области судопроизводства, энергичная борьба с новостворенной Малороссийской коллегией неизбежно вели к конфликту с царем. Так, пытаясь нейтрализовать действия Малороссийской коллегии, гетман сделал Генеральный суд органом коллегиальным – был установлен четкий порядок апелляции, развернулась борьба с взяточничеством. Однако коллегия не хотела играть второстепенную роль в администрации Гетманщины. Воспользовавшись многочисленными жалобами казацкой старшины и мещан на методы управления П. Полуботка, С. Вельяминов доложил царю о том, что гетман оказывает всяческие препятствия работе коллегии. Мероприятия Павла Полуботка в восстановлении автономии Гетманщины не на шутку обеспокоили правительство России*» [4].

Однако известны и обратные жалобы. Глава Малороссийской коллегии Вельяминов жаловался царю, что старшина не выполняет приказы императора. Поскольку в 1722 г., без согласия Вельяминова, новый наказной гетман Полуботок разослал вместе со старшиной универсалы, в которых говорилось, что если крестьяне не будут слушаться своих владельцев, то нужно их наказывать публично и не щадя, а также сажать виновных в тюрьмы. Старшины, в свою очередь, прислали жалобу Петру о том, что «*... Малороссийская коллегия принимает на свой суд такие дела, которые в полковых и генеральных судах наших не бывали, и посылает солдат за обжалованными знатными людьми и старшиною и решает дела по своему усмотрению, вследствие чего судьи наши скоро останутся без дела. Нас велено изъять из ведения Иностранной коллегии и подчинить Сенату; а Малороссийская коллегия указы вашего величества ежедневно к нам присылает, приказывает всякий день исполнять и подавать себе обо всем доношения, как своим подчиненным*» [4].

Сенат рассмотрел все присланные доносы и постановил «*по частным делам Вельяминову ведомостей и копий из канцелярии не требовать, а когда у старшины будут советы о важных делах, то в них участвовать одному Вельяминову и брать с сентенций и универсалов копии, а коллегии в те дела не мешаться. Коллегии принимать дела только по апелляции. Указов старшине не посылать, а сноситься промемориями с учтивостью, а с угрозами отнюдь не писать; если же окажут сопротивление, то писать об этом в Се-*

нат. С требованиями известий об этом в Сенат. С требованиями известий о маетностях, мельницах и прочем к полковникам не посылать иначе как с совета старшины... Вельяминов дал знать, что старшина, не объявляя ему, учредила в Глухове собственный суд, кроме генерального» [4]. Вельяминов был против универсалов, которые были предложены Полуботком. «Полуботок в роли временного (наказного) гетмана в тесных рамках того влияния... старался упорядочить украинскую администрацию и тем устранить аргумент Петра – злоупотребления старшины... На донесения Вельяминова, что Полуботок противится его действиям, Петр поспешил расширить власть и компетенцию президента коллегии» [3, с. 362].

«Сенат постановил в феврале 1723 года: если у генеральной старшины будут какие советы о важных делах без сообщения Вельяминову, то бригадир должен иметь всякий происк или приласкать тайно особых людей и, разведав, обличить старшину и в то же время писать в Сенат, только смотреть, чтоб народа малороссийского чем не озлобить» [11, с.119].

Также начало 1723 года ознаменовалось новым указом, данным Петром Сенату: «Объявить козакам и прочим служилым малороссиянам, что в малороссийские полки по их желанию определяются полковники из русских, и притом же объявить, что ежели от тех русских полковников будут им какие обиды, то мимо всех доносили бы его величеству, а посылаемым в полковники инструкции сочинять из артикулов воинских, дабы никаких обид под смертную казнию никому не чинили» [11, с. 119].

Это было связано с тем, что в 1722 Стародубский полк терпел притеснения от старого своего малороссийского полковника, полк хотел, чтобы их полковником был назначен великоросс. Поэтому, Петр повелевал отправить в города Малороссии великороссиян. Однако, чтобы не вызывать недовольства среди других малороссов, поначалу им давался статус комендантов городов.

В июле 1723 г. на просьбу Полуботка о разрешении выбрать гетмана, последовал такой указ: «Как всем известно, что со времен первого гетмана Богдана Хмельницкого даже до Скоропадского, все гетманы явились изменниками, и какое бедствие терпело от того наше государство, особливо Малая Россия, как еще свежая память есть о Мазепе, то и надлежит приискать в гетманы верного и известного человека, о чем и имеем мы непрестанное старание; а пока оный найдется, для пользы вашего края, определено правительство, которому велено действовать по данной инструкции; и так до гетманского избрания не будет в делах остановки, почему о сем деле докучать не надлежит» [11, с. 122].

Петр, после указа о введении великорусского суда и великорусского полковника, отправил в Малороссию свое доверенное лицо – Румянцева, которые должен был провести опрос среди малороссиян о том, хотят ли казаки, чтобы у них были великорусские полковники. Также Румянцеву было поручено «собрать материал о злоупотреблении старшины» [3, с. 362].

Канадский историк украинского происхождения О. Субтельный совсем по-другому рисует события: «Влітку 1723 р. він (Петро І) викликає до столиці гетьмана та його спільників, вимагаючи пояснити, чому вони заважають роботі колегії. Побачивши нагоду підірвати становище Полуботка, президент колегії Вельяминов переконав кількох українців написати на того донос, а також просити впровадити у Гетьманщині російські порядки. Наказний гетьман посилає на Україну емісара, щоб організувати кампанію петицій, що засвідчила б підтримку українського самоврядування переважною частиною населення. Ще більше розлючений його непокірністю, Петро І ув'язнює Полуботка й усіх, хто підписав петицію» [14].

Украинский писатель О. Бузина давал «обычному коррупционеру» Полуботку иную характеристику: «Наказной гетман бомбардировал Петербург мешками писем. Их авторы требовали срочного проведения в Украине новых «свободных» выборов и безальтернативного избрания на них Полуботка. В Петербурге письма проверили. И изумились наглости своего верноподданного. По словам доцента Донецкого университета, кандидата исторических наук Сергея Барышникова, «Полуботок массово сфальсифицировал письма в поддержку себя. Из 9 тысяч этих посланий подлинных оказалось... чуть больше ста». Вскрылись и другие нарушения по службе – прежде всего, многолетнее мздоимство в

Черниговском полку. Пожилой 63-летний казнокрад был арестован. Против него открыли дело. Но изношенный коррупцией и подорванный долголетним злоупотреблением горячительными напитками организм претендента на булаву не выдержал» [2].

Полуботок в то время находился в Петербурге по приказу Петра. Естественно, узнав о том, что Румянцев едет на Украину делать опрос и искать компромат на старшину, он высылает в Малороссию инструкцию, что отвечать и что делать во время ревизии. Казаки, по прибытии Румянцева, стали жаловаться на притеснения и отягощения: все это было описано в специальных петициях. После этого Петр решает задержать Полуботка и прибывших с ним старшин и приказывает прислать эти самые коломацкие петиции и их составителей. «Против Полуботка было возбуждено дело о злоупотреблениях по управлению и частному хозяйству...» [3].

На основе изученных источников и историографии сделан вывод, что, несмотря на имеющиеся конфликты между центральным российским правительством и Малороссией, Петр I, в большинстве случаев, искал компромиссы. Но и в этом должна была заключаться выгода как для России в целом, так и для Малороссии в частности. Естественно, были попытки якобы спасти политическую самостоятельность Гетманщины, но, в конце концов, они ничем хорошим для гетманов не оканчивались. Москва требовала от гетманов присылки подробных сведений о наиболее значимых внутривластных мероприятиях, проводимых ими, причём, в большей степени это касалось финансово-экономических вопросов. Центральная власть стремилась не допустить на Левобережной Украине казнокрадства и пресечь злоупотребления старшины, тем более что дефицит войскового бюджета финансировался из российской казны.

Москва вмешивалась только в наиболее важные с политической точки зрения дела, но получала сведения от гетмана практически по всем судебным вопросам. Это позволяло не допускать усиления ни старшины, ни гетманской власти, избегая недовольства как малороссийской элиты, так и широких слоёв казачества, горожан и селян.

Источники и литература.

1. Бантыш-Каменский Д.Н. Источники Малороссийской истории, часть I, 1649-1687. Москва, В Университетской Типографии, 1858.
2. Бузина О. Истории от Олеса Бузины. Конец эпохи полуботков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/ukraine/istorii-ot-olecja-buziny-konets-epokhi-polubotkov.html>
3. Грушевский М. «Очерк истории украинского народа». СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1906.
4. Кормич Л.И., Багацкий В.В. История Украины От Древнейших Времен и До XXI. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://histua.com/ru/knigi/istoriya-ukrainy-ot-drevnejshih-vremen>
5. Миллер Г.Ф. Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских, Москва // Университетская Типография, 1846.
6. Письмо А.Д.Меншикова Петру Великому от 24 октября 1708 г. // Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. VIII, вып. 2.
7. Павленко Н.И. Петр Первый. М.: Молодая гвардия, 1975. Серия «Жизнь Замечательных Людей». Вып. 14.
8. Павленко С. Иван Мазепа К.: Видавничий дім «Альтернативи», 2003 г. 315 с.
9. Сборник документов и материалов по истории Украины (VI-XIX вв.) / Составители: Н.Н. Денисенко, П.Т. Фиров. Севастополь: Изд-во СевНТУ. 2006.
10. Смолій В. А. Українська козацька держава [Электронный ресурс] // Український історичний журнал. К.: «Наукова думка», 1991. №4. С. 19. Режим доступа: <http://zbroeznav.com/?hist=436>
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том XIV. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/14_01.html
12. Ставицкий А.В. Почему народ не пошел за Мазепой? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.odessit.ua/news/ukr/8101-pochemu-narod-ne-poshel-za-mazepoy.html>
13. Ставицкий А. В. Мифы Украины: «Батуринская резня» Севастополь.: Рибэст, 2012.
14. Субельный О. Україна: Історія: навчальний посібник. 3-ге вид.,перероб.і доп. Київ: Либідь, 1993. 720 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://studentbooks.com.ua/content/view/119/49/>
15. Ульянов Н.И. «Происхождение украинского сепаратизма» // Издательство «ИНДРИК». Москва. 1996. 12 с. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.debryansk.ru/~mir17/ukrsep-1.htm>
16. Устрялов Н. Русская история. Часть III: Новая история. СПб., 1838.
17. Эворницкий Д.И. «История запорожских казаков. Том 2» СПб.: Тип. И.Н.Скорородова, 1895.
18. Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Том 3. К.: Наук. думка, 1991. 560 с.

СССР И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРЕЦИИ В 1943–1947 ГОДАХ

Кулешов М.Д.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Греция вступила во Вторую мировую войну 28 октября 1940 года, когда итальянская армия начала вторжение на ее территорию из Албании. Греческая армия одержала первую крупную победу среди стран антигитлеровской коалиции, нанеся поражение агрессору и заставив итальянские войска отступить обратно в Албанию. Однако, когда в апреле 1941 года германское правительство послало свои войска на захват Греции, вторжение прошло успешно, и к середине мая Греция была полностью оккупирована нацистами, которые приступили к управлению наиболее важными регионами страны, в том числе городами Афины и Салоники. Другие регионы были переданы сателлитам Германии: фашистской Италии и Болгарии. Коллаборационистское правительство Греции было создано сразу же после поражения страны.

Оккупация привела к страшным последствиям для греческого гражданского населения. Более 30 тысяч гражданских лиц погибли в Афинах от голода, десятки тысяч – вследствие репрессий со стороны нацистов и коллаборационистов; экономика страны также была разрушена. Большая часть военно-морского флота и части греческой армии отправились в эмиграцию на Ближний Восток [4].

В то же время было сформировано греческое Соппротивление, одно из наиболее эффективных движений Соппротивления в оккупированной Европе. Группы Соппротивления начали партизанские атаки против оккупационных сил, сражались против коллаборационистских «батальонов безопасности» и создали крупную разведывательную сеть, а в конце 1943 года начали воевать уже между собой. Когда страна была освобождена в октябре 1944 года, Греция находилась в состоянии крайней политической поляризации, которая вскоре привела к началу гражданской войны.

С 1943 года советские граждане начали участвовать в операциях, проводимых греческой Народно-освободительной армией (ЭЛАС). Они начали прибывать в части ЭЛАС с июня 1943 года, когда из тюрьмы в Салониках к греческим партизанам бежали три советских офицера: И. Барсуков, Н. Серебряков и А. Ганин. Советские люди были объединены в русскую роту, которая вошла в 13-й полк ЭЛАС. Всего на территории Греции сражалось более 1380 советских граждан [5].

До 1943–1944 годов правительство СССР не проявляло интереса к делам Греции. Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Греции (КПГ) Г. Сяндос признавал, что КПГ и Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ) не имеют связи с СССР. В первой половине 1944 года в Москве еще очень мало знали о ситуации в Греции и активно собирали информацию. По некоторым данным греческие коммунисты пытались установить связь с Москвой, но этому воспрепятствовал сам И.В. Сталин. Он хотел построить пояс безопасности по периметру советских границ, и Греция в этом плане не представляла для него интереса. К тому же И.В. Сталин не хотел ухудшать союзнические отношения, от которых зависел ход войны. Так что в 1943 году правительство СССР относилось к Греции к британской сфере влияния.

В январе 1944 года советское правительство заявило, что поддерживает создание Объединенного фронта партизанских групп Греции против немецких оккупантов. В марте 1944 года в Греции был создан Политический комитет национального освобождения – ПЭЭА. Советское руководство заявило, что оно недовольно действиями КПГ, которая все делает без прямых санкций Москвы, ПЭЭА в телеграмме не был упомянут. Следовательно, Советский союз не признавал ПЭЭА.

В апреле 1944 года политика СССР меняется. Когда Англия пыталась организовать заявление о мятеже, советский посол при эмигрантском правительстве Греции в Каире

Н.В. Новиков отказался поддержать эту акцию, утверждая, что все греки требуют изменить правительство. Московская пресса начала открыто нападать на премьер-министра Э. Цудероса и британскую политику в Греции. Советская сторона активизирует работу по систематизации материала, компрометирующего эмигрантское правительство и Великобританию. В апреле 1944 года в советском посольстве в Египте была составлена справка «О движении за признание Политического Комитета Национального Освобождения Греции». США были поражены контрастом между советским незнанием греческих дел в январе и их прозрением в апреле.

В беседе с В.М. Молотовым в апреле 1944 года У. Черчилль говорил, что он не намерен договариваться по политическим вопросам с мятежниками и предлагал Москве сделку: Румыния в обмен на Грецию. В ответ В.М. Молотов высказал пожелание, чтобы английская сторона предоставила дополнительную информацию о делах в Греции и сказал об особой советской заинтересованности в Румынии [10]. В это время советская сторона впервые связывает Грецию и Румынию. 18 мая советский посол в Лондоне Ф.Т. Гусев сделал устное заявление А. Идену о том, что советское правительство согласно с точкой зрения британского правительства насчет того, чтобы Греция была сферой деятельности Англии, а Румыния – СССР. Но опасаясь негативной реакции США, Кремль запросил у англичан мнение Вашингтона по этому вопросу. Госсекретарь США К. Хэлл высказал несогласие с английскими планами, так как, по его мнению, в этом случае мог быть создан прецедент новых сфер влияния.

Вплоть до апреля 1944 года советский фактор не играл значительной роли в делах Греции. Весной 1944 года линия фронта СССР приблизилась к Румынии, а Кремль не мог допустить установления в ней британского доминирования, поэтому, И.В. Сталин решил воспользоваться апрельским восстанием в греческих вооруженных силах, чтобы закрепить Румынию за собой.

У. Черчилль пошел на уступки, чтобы не допустить советского вмешательства в греческие дела. Соглашение между У. Черчиллем и И.В. Сталиным о сферах влияния в Румынии и Греции в мае-июне 1944 года было первой попыткой раздела Европы на сферы влияния. Соглашение позволило Великобритании нанести серьезное поражение левым силам Греции [3].

События в Греции стали внимательно отслеживаться в Москве. Но советское руководство предпочитало не вмешиваться в дела греков так же бесцеремонно, как британское. В то же время, СССР не упускал возможности поднять греческий вопрос как контраргумент на обвинения англо-американцами действий СССР в Восточной Европе. В советских газетах «Правда» и «Известия» Москва осуждала действия Лондона [6].

Когда в результате создания 10 марта 1944 года ПЭЭА в стране сложилась противоречивая политическая ситуация из-за наличия в Греции двух правящих политических сил, И.В. Сталин начал сотрудничать с демократическими силами Греции для того, чтобы этой ситуацией не воспользовались западные союзники. А платформой для этого стала антифашистская направленность сотрудничества [7].

Советский Союз пытался оказывать Греции политическую и дипломатическую поддержку, содействуя в борьбе за ее независимость. Советское правительство резко осудило расправу, учиненную английскими войсками над солдатами и офицерами греческих вооруженных сил на Ближнем Востоке, потребовавшими от эмигрантского правительства заключить соглашение о совместной борьбе против оккупантов с ПЭЭА. СССР выступил с критикой британского правительства, а посол СССР в Каире сделал греческому эмигрантскому правительству представление, подчеркнув недопустимость ареста антифашистов. Он писал: «...что касается вашего правительства, то после арестов антифашистов и других фашистских мер, принятых вами, думаю, что мое правительство изменит свою позицию по отношению к вам» [5]. Советский Союз, проводя линию на обеспечение суверенитета балканских народов, добился отклонения балканского варианта открытия второго фронта. У. Черчилль подтвердил позже, что речь шла именно об интервенции, но твердая позиция Москвы на Тегеранской конференции способствовала тому, что предложение о высадке англо-американского десанта на Балканах было отклонено [5].

Особенно сильное влияние на греческих патриотов оказала Сталинградская битва. Как отмечала КПГ, она вызвала в стране глубокие изменения и новую расстановку социальных сил, а также рост партизанского движения, которое увеличилось почти вдвое.

Летом 1944 года А. Дзимас – бывший представитель ПЭЭА, встретился с руководителем военной миссии СССР при Народно-освободительной армии Югославии генерал-лейтенантом Н.В. Корнеевым. А. Дзимас вручил ему послание на имя И.В. Сталина. В нем содержалась просьба о политической и моральной поддержке и о военно-технической помощи.

Глава советской военной миссии в Греции полковник Г.М. Попов дал понять, что сотрудничество с ЭАМ имеет для СССР большое значение, но внутригреческие вопросы должны решаться самими греками, а СССР выступает за единство союзников в борьбе с Германией и за их суверенность [7].

В октябре 1944 года У. Черчилль прилетел в Москву для встречи с И.В. Сталиным, чтобы обсудить разграничение сфер влияния Англии и СССР. 9 октября, на ключевой беседе, было достигнуто так называемое «соглашение о процентах», по которому Румыния стала окончательно относиться к советской сфере влияния, а Греция – к британской (с согласия США) [9].

В 1945 году Советский союз выступил против английского вмешательства во внутренние дела Греции, осудил расправу английских интервентов над греческими патриотами, ущемление ими суверенитета страны, выступил против установления контроля Англии и США над Грецией. В заявлении советского правительства отмечалось: «Такой контроль в отношении народа союзного государства нельзя было бы рассматривать иначе, как оскорбление этого народа и грубое вмешательство в его внутреннюю жизнь» [5].

В середине января 1946 года в Москву прибыла делегация Национально-освободительного фронта во главе с Генеральным секретарем ЦК ЭАМ М. Парцалидисом. Неоднократные попытки встретиться с министром иностранных дел В.М. Молотовым не увенчались успехом, хотя В.М. Молотов был заранее предупрежден о встрече. Правительство СССР не хотело напрямую связывать себя обещаниями в момент, когда Англия и США активно осуществляли свою политику в Греции.

На встрече, которая все-таки состоялась 18 января 1946 года, М. Парцалидис так и не смог получить от В.М. Молотова четкого ответа о возможной степени вовлеченности СССР в греческий внутривосточный конфликт. В.М. Молотов не хотел жертвовать пока еще хорошими отношениями с союзниками.

В целом, нет никаких свидетельств, что в 1946 году И.В. Сталин хотел распространить коммунизм по всей Греции, поэтому, греческая проблема не была основной во внешней политике СССР. И.В. Сталин изменил свое отношение к гражданской войне только после провозглашения Америкой курса на помощь Греции [2].

Тем не менее, с начала 1946 года советское правительство начало принимать меры по предотвращению конфликта. 21 января 1946 года исполняющий обязанности руководителя советской делегации в ООН А.А. Громько обратился к Совету Безопасности с требованием обсудить положение дел в Греции, при этом подчеркивалась негативная роль британских вооруженных сил. Упор делался на мирное урегулирование конфликта. Албания, Болгария и Югославия также были за мирное решение. Советский Союз предлагал разрешить участие КПГ в выборах, гарантировать демократические свободы и прекратить террор [8].

В марте 1946 года КПГ отказалась участвовать в выборах, поэтому, новоизбранный парламент не включил депутатов КПГ в списки. Это способствовало тому, что Греция стала еще больше следовать в фарватере британской политики.

Советское правительство продолжало выдвигать требования о прекращении террора. 24 августа 1946 года исполняющий обязанности министра иностранных дел УССР Д.З. Мануильский направил Генеральному Секретарю ООН Трюгве Ли телеграмму, в которой выражал обеспокоенность внутривосточной ситуацией в Греции [8].

Также в августе 1946 года КПГ передала в Москву предложения, которые заключались в нейтралитете Греции под контролем ООН – это был самый приемлемый и выгодный для СССР вариант, а также просила материально-техническую поддержку: ежемесячно

ные финансовые дотации в размере 150 тысяч долларов и военную амуницию. В Москве благожелательно отнеслись к просьбам о материальной и технической помощи. Член Оргбюро ЦК ВКП(б) М.А. Суслов писал И.В. Сталину: *«Учитывая трудное финансовое положение греческой компартии и невозможность изыскания средств внутри страны, а также трудное положение с обмундированием и медикаментами для партизан, считал бы возможным и необходимым оказание помощи греческой компартии валютой, а также обмундированием и медикаментами, необходимыми для партизан Греции»* [6].

В сентябре 1946 года Советский Союз предпринял шаги в поддержку прав национальных меньшинств в Греции. 1 сентября 1946 года Д.З. Мануильский в Совете Безопасности ООН обратил внимание мировой общественности на положение славянского меньшинства в Греции, против которого правые силы развернули террор. Оценка ситуации звучала как усиление гражданской войны [4].

В ноябре 1946 года руководитель Международного Отдела ЦК ВКП(б) Г.М. Димитров на встрече с представителем ЦК КПГ Я. Иоаннидисом заявил, что надо воздержаться от усиления партизанского движения в зимний период, одновременно Г.М. Димитров одобрил план КПГ о нейтралитете Греции. Такой ответ наглядно показывал, что у Кремля не было четкого решения по вопросу собственной политики в Греции. Международные условия, в частности, прямая вовлеченность Великобритании и США в греческие дела, не позволяли И.В. Сталину допустить втягивания СССР в конфликт. К тому же, участие Советского Союза в гражданской войне в Китае сдерживало советское руководство, которое опасалось распыления сил. Поэтому Москвой была выбрана тактика раскачивания маятника в Греции с помощью наиболее сильного ее северного соседа – титовской Югославии.

19 декабря А.А. Громыко на заседании Совета Безопасности ООН потребовал выступления представителей греческих демократических партий, которые не могли высказать свою точку зрения нигде, кроме печати [8]. 31 декабря 1946 года Я. Иоаннидис получил шифровку от Г.М. Димитрова: *«В настоящий момент вы не должны рассчитывать на требуемую помощь и должны подождать»* [1].

Чтобы подорвать престиж Советского Союза, афинское правительство попыталось подделывать высказывания И.В. Сталина относительно положения дел в Греции. 28 марта 1947 года в афинских газетах появилось вымышленное интервью И.В. Сталина, который якобы поддерживал демократические страны в деле расчленения Греции. В ответ на это посол СССР в Греции К.К. Родионов предпринял в Афинах демарш [3].

Руководство греческой компартии все больше ориентировалось на силовые методы. КПГ помогали соседние народные демократии, за которыми стоял СССР. К началу февраля 1947 года болгарская и югославская компартии организовали поставку вооружения греческим партизанам.

6 апреля 1947 года Москва в знак протеста против заявлений, направленных против вмешательства коммунизма в дела Греции, отозвала своего посла К.К. Родионова из Греции. Кремль хотел с помощью ООН контролировать помощь США Греции, но эта попытка была отвергнута Лондоном и Вашингтоном [6]. 7 апреля 1947 года А.А. Громыко сделал заявление в ООН, в котором обвинил США в военной поддержке антидемократического режима Греции и потребовал прекратить репрессии греческих демократов [4].

Греция очень надеялась на непосредственную помощь СССР, поэтому, Генеральный секретарь КПГ Н. Захариадис в мае 1947 года направился в Москву для встречи с И.В. Сталиным. Встреча была очень теплая. Москва рассчитывала, что греческая компартия сможет сковать англо-американцев в Европе и не допустить их активного вмешательства в дела на Дальнем Востоке. Сам факт гражданской войны в Европе повышал престиж И.В. Сталина, который не допустил подобного в советской зоне ответственности в Восточной Европе. Поэтому, Москва гарантировала военные поставки и дипломатическую поддержку для КПГ.

Югославия была уже не в состоянии снабжать Демократическую армию Греции (ДАГ) боеприпасами, так как они были на исходе. Тем не менее, КПГ надеялась на активную вовлеченность Югославии. Переговоры Г.М. Димитрова и И.Б. Тито летом 1947 года о создании югославо-албанского политического союза играло большую роль, так как КПГ

надеялась, что если такой союз будет создан, то Временное правительство будет признано за рубежом, и ДАГ получит помощь.

В Москве беспокоились по поводу сложившейся ситуации в Европе. СССР пытался усилить свое присутствие на континенте и развить мирное наступление, с этой целью решили создать новый Коминтерн. В сентябре 1947 года в Польше было создано Информационное бюро коммунистических партий – Коминформ. Москва искала опору для своей внешнеполитической линии на международной арене. Белград превратился в штаб-квартиру Коминформа. Факт существования на югославской земле международной коммунистической организации осложнял отношения И.Б. Тито с Западом, что также входило в планы И.В. Сталина. Коминформ осуждал американскую помощь европейским странам, так как это расценивалось как закрепление США на континенте.

Так получилось, что в мире сложилось два блока: Западный – во главе с США, и Восточный – во главе с СССР. В Москве были очень хорошо информированы о проблемах ДАГ и КПГ. И.В. Сталин уже к началу 1948 года склонялся к тому, что развитие повстанческой борьбы в Греции приведет к усилению американского присутствия на Балканах. К тому же И.В. Сталин опасался активности Г.М. Димитрова, который хотел создать югославо-болгарско-албанскую федерацию. Москве совершенно не нужен был неподконтрольный блок в Восточной Европе, главенство в котором могло перейти к И.Б. Тито. Также в планы И.В. Сталина не входило усиление позиций Югославии. Гражданская война в Греции становилась отрицательным фактором для большой политики Кремля. Поэтому И.В. Сталин передал греческим повстанцам, что партизанскую войну нужно заканчивать [6].

Таким образом, можно говорить о том, что Балканский регион был важен для того, чтобы через коммунистические силы Греции расширять советскую сферу влияния. Но в 1943–1947 годах И.В. Сталин не хотел идти на конфликт с правительством Великобритании и США, которые были его союзниками и, поэтому, оставил Грецию в сфере британского влияния. Со все более ухудшавшимся положением в связи с продолжением гражданской войны в Греции, СССР начал оказывать помощь коммунистическим силам, но как правило вся эта помощь сводилась к переговорам и устным заявлениям и заверениям. Из-за такой пассивной позиции советского руководства греческому народу, а также по той причине, что со стороны Великобритании и США помощь антикоммунистическим силам была оказана в гораздо большем объеме, в 1949 году КПГ потерпела поражение. Это изменило расстановку сил на Балканах, усилив позиции стран Западного блока в регионе.

Источники и литература.

1. Ελληνοσοβιετικά χρονικά: μνημεία έκδοση τοῦ ελληνοσοβιετικοῦ σηνδέσμου, № 12-23. – Αθήνα: Μαυρομάτης, 1977. – 473 σ.
2. Rossides Eugene T. The Truman doctrine of aid to Greece: a fifty-year retrospective. – New York & Washington: The Academy of Political Science: American Hellenic Institute Foundation, 1998. – 200 p.
3. Калинин А.А. Юнгблюд В.Т. Греция в американо-британских отношениях в 1939-1945 гг. – Киров, 2009. – 366 с.
4. Кирьякидис Г.Д. Греция во Второй мировой войне. – М.: Наука, 1967. – 362 с.
5. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил на Балканах. – М.: Наука, 1989. – 264 с.
6. Улунян А.А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории: КПГ в национальном Соппротивлении, гражданской и холодной войнах. 1941-1956 гг. – М.: Б. и., 1994. – 423 с.
7. Улунян А.А. Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ), 1941-1944. – М.: Наука, 1991. – 234 с.
8. Улунян А.А. СССР, страны народной демократии и революционное движение в Греции, 1946-1950 гг. (К истории развития «балканского кризиса») / Россия, СССР и международные конфликты первой половины XX века. Сб. науч. трудов. – М.: АН СССР, 1989. – С. 186-214.
9. Черчилль У.Л. Вторая мировая война. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/memo/english/churchill/index.html>.
10. Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rulit.net/books/sto-sorok-besed-s-molotovym-read-3902-1.html>.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЛИКВИДАЦИЯ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА II

Миленко А.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Внутренняя Политика Николая I характеризуется такими тенденциями, как укрепление абсолютизма и создание государственных учреждений, которые всячески способствовали закреплению статуса монарха, укреплению его положения. Николай Павлович в начале своего царствования столкнулся с большой опасностью в лице группы восставших против него дворян, которые в историю вошли под именем «декабристы». В течение всего правления на столе Николая I лежало дело по следствию над декабристами как напоминание о возможной опасности. Опасаясь повторения подобного бунта, император старался лично контролировать все отрасли управления государством. Николая I не готовили с детства к управлению много-миллионной империей, до 1825 года он занимался только военными делами. Следовательно, заняв императорский престол, он остро испытывал потребность в получении полной и достоверной информации и сведений о положении дел в разных сферах государственных дел, кроме того, царь хотел знать, какие настроения в это время были среди народа. Именно в этой сфере Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии начало свою деятельность и работало с 1826 по 1880 год. 3 июля 1826 года император Николай I подписал указ об образовании III Отделения в составе Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕЙВК), проект которого предложил генерал-адъютант Александр Христофорович Бенкендорф в январе 1826 года.

Одной из главных задач Третьего Отделения был сбор информации о состоянии государственных учреждений, вмешательство в дела министров для того, чтобы направлять внутреннюю политику в нужном направлении. От тайной полиции Николай I получал информацию обо всех министрах, управляющих государственных учреждений, начиная от духовного ведомства и заканчивая самим Министерством внутренних дел. Третье Отделение не было ограничено в своих возможностях, и под протекторатом императора осуществляло контроль над всей государственной жизнью Российской империи.

Ведомство делилось на два подразделения: главное, которое играло роль мозгового центра, и исполнительная, в лице Корпуса жандармов, которые обладали правом надзора и контроля над деятельностью всех государственных учреждений и местных органов. Если III Отделение СЕЙВК занималось сбором оперативной информации и ее анализом, то Отдельный корпус жандармов был создан для непосредственной оперативной работы по обеспечению государственной безопасности в границах Российской империи [1, с. 84].

Сменив отца на российском престоле, Александр II не сразу начал преобразовывать Третье отделение. В 1856 году произошли кадровые изменения: А.Ф. Орлова на должности главного начальника III и шефа корпуса жандармов сменил князь В.А. Долгоруков, а Л.В. Дубельт передал должность главного начальника Третьего отделения А.Е. Тимашеву. Они продолжали политику своих предшественников, и осуществляли контроль над политической жизнью прежними методами. Но описанные выше события в стране требовали увеличения численности чиновников и жандармов тайной полиции: на тот момент первых было 40, а вторых чуть больше четырех тысяч и, конечно же, они не могли контролировать всю Российскую империю.

4 апреля 1866 года должно было стать поворотным моментом в истории Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии: в этот день бывший студент Д.В. Каракозов совершил покушение на императора Александра II. После этого происшествия, вновь изменился кадровый состав тайной полиции: Тимашева сменил П.А. Шувалов (еще в 1861), а в 1866 Шувалов занял место Долгорукова. *«Политических мнений у Шу-*

валова не имеется: он готов служить всякому правительству, и хотя, по семейным преданиям своим и по расчету личных выгод, предпочитает самодержавие как самую выгодную форму правления для людей, сочетающих в себе бездарность с властолюбием и пронырливость с безразборчивостью, но готов служить всякому, кто облечет его властью, а где же более власти в России, как не в государственной помойной яме, именуемой III отделением собственной его императорского величества канцелярии» [3, с. 110].

За этим последовали изменения в самой структуре III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии – поменялись функции экспедиций. Первая экспедиция начала заниматься делами, которые были связаны с оскорблением царского лица и членов его семьи. Вторая стала ведать делами Третьей экспедиции, а именно: сбор информации о религиозных сектах, изобретениями, культурно-просветительскими достижениями и фальшивомонетничеством. Третья руководила теперь карательными операциями, связанными с крестьянскими восстаниями, общественными и революционными организациями, наблюдение за мнением общества. Четвертая просуществовала до 1872 года, занимаясь тем, что собирала сведения о пожарах, грабежах, убийствах, о состоянии различных отраслей торговли. Пятая была упразднена в 1867 году, и руководство цензурой было передано в руки Министерства внутренних дел. Вместо этого в составе Третьего отделения появилась Газетная часть, которая занималась анализом периодической печати и проводила антиреволюционную деятельность в печати. А в 1874 году была создана Юрисконсультская часть, которая потом будет преобразована в Судебный отдел Министерства внутренних дел.

2 мая 1866 года Александр II утвердил проект начальника Третьего отделения П.А. Шувалова о создании отряда «охранительной полиции», его главной задачей было обеспечение безопасности императора. Надворный советник Н.Е. Шляхтин стал первым командиром этого отряда, помощниками стали капитан жандармерии Н.М. Пруссак и поручик из варшавской полиции А.И. Поляков. В середине мая 1866 г. вышло «Положение об Охранной страже», по которому стражники стали осматривать те места, в которых должен появиться император, находиться всегда там, где прикажет царь или члены его семьи. Эта служба действовала в условиях полной тайны, и сотрудники давали подписку о неразглашении. Охранная стража испытывала кадровый голод с самого ее создания, связано это было с высокими требованиями к принятию на службу и тяжелыми ее условиями. Стражники должны были быть неженатыми, православными, крепкого телосложения, иметь хорошее здоровье и приятную наружность. А в условиях постоянного наблюдения за царем или слежкой за подозрительными объектами, стражники часто получали не высокое материальное обеспечение, а такие заболевания, как туберкулез, ревматизм, нервные расстройства, хронические простуды, поэтому, тех, кто часто болел, отправляли в отставку.

Несмотря на то, что Охранная стража пыталась хранить всю свою деятельность в тайне, все-таки об их деятельности было известно, причем, об этом первые написали члены политической организации «Земля и воля». По их мнению, это – тайное общество, число членов которого свыше 1 тыс. чел., находится под непосредственным начальством императора и содержится в такой тайне, что подробности его организации до сих пор еще не вполне раскрыты [2, с. 207].

Не только стража допустила ошибки в своей секретности, но и само Третье отделение, особенно его архив, где долгое время работал всего один человек. Ярким примером слабости Третьего отделения является тот факт, что народоволец Н.В. Клеточников в 1879 году поступил на службу в третью экспедицию. Обладая прекрасным подчерком, он отлично справлялся со своими обязанностями и с радостью переписывал секретные бумаги за своих ленивых сотрудников. Именно благодаря полученной от Клеточникова информации, политическая организация «Народная воля» стала неуловимой для властей. Работая в Третьем отделении, он писал: *«Итак, я очутился в III отделении, среди шпионов. Вы не можете себе представить, что это за люди! Они готовы за деньги отца родного продать, выдумать на человека какую угодно небылицу, лишь бы написать донос и получить награду. Меня просто поразило громадное число ложных доносов. Я возьму громадный процент, если скажу, что из ста доносов один оказывается верным. А между тем почти все эти доносы влекли за собой аресты, а потом и ссылку» [2, с. 57].*

Революционеры чувствовали себя настолько уверенными в своих силах и безнаказанности, что в 1878 году убили шефа Корпуса жандармов Н.В. Мезенцева. Но последней каплей в чаше терпения императора был взрыв в царском Зимнем дворце, который устроил революционер-плотник С.Н. Халтурин 5 февраля 1880 года, и перед самым взрывом преспокойно вышел из дворца, никто его не заметил. Этот взрыв не только уничтожил часть Зимнего дворца, но и прекратил существование Третьего отделения.

После этого взрыва великий князь Константин Константинович писал: *«Мы переживаем время террора с той лишь разницей, что парижане в революции видели своих врагов в глаза, а мы их не только не видим и не знаем, но даже не имеем ни малейшего понятия об их численности... всеобщая паника».*

Проект преобразования Третьего отделения царь поручил Верховной распорядительной комиссии во главе с графом М.Т. Лорис-Меликовым, к июлю проект был подготовлен. Лорис-Меликов предлагал проект административных реформ, в которые входило предложение ликвидировать Верховную распорядительную комиссию вместе с Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Александр II принял этот план, и 6 августа 1880 года тайная полиция в составе III отделения была ликвидирована; дела, которыми она ведала, были отданы Особому департаменту Министерства внутренних дел, а управление Корпусом жандармов было возложено на Министра внутренних дел. На этом более чем пятидесятилетняя история Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии закончилась.

В период правления Александра II политическая и социальная ситуация в стране изменилась, начались частые крестьянские волнения, появились первые политические эмигранты, началось издание нелегальной литературы, также появлялись политические кружки, например, «Земля и воля». Все это свидетельствовало о том, что Третье отделение теряет свое влияние и могущество и ему требовались существенные реформы. К изменениям периода 1856–1880 годов можно отнести частые смены чиновников на местах, реорганизация самого Третьего отделения, а именно – перераспределение функций между экспедициями и создание нового органа Охранной стражи. Но, несмотря на эти преобразования, методы деятельности Третьего отделения не изменились, что привело к усилению революционных настроений в обществе и укреплению позиций таких политических организаций, как «Народная воля» и «Земля и воля».

Третье отделение можно назвать попыткой Российского государства создать сильную и прочную систему государственной безопасности. Именно Корпус жандармов и Охранная стража стали прообразами НКВД и КГБ XX век, их задачи были похожи на задачи современных спецслужб. Главной причиной появления Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии является желание Николая I обеспечить государственную безопасность после 14 декабря 1825 г. и управлять народной мыслью. В период правления Александра II к жандармам добавили Охранную стражу. Что касается эффективности деятельности Третьего отделения, то здесь есть различия. В период правления Николая I тайная полиция сыграла свою роль в борьбе со свободомыслием, благодаря чему Россию обошли стороной революции, потрясавшие Европу. А вот уже период правления Александра II этот орган показал свою слабость, что проявилось в нескольких покушениях на царя, убийствах чиновников самого Третьего отделения, появления шпионов в рядах тайной полиции. К основным причинам упразднения Третьего отделения можно отнести устарелость методов его деятельности, постоянное соперничество с Министерством внутренних дел и силу народной мысли, на которую очень сильно влияли революционные идеи.

Источники и литература.

1. Зимин И. От парадно-боевых подразделений – до спецслужб. III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. [Электронное издание]. Режим доступа: http://www.plam.ru/hist/carskaja_rabota_xix_nachalo_xx_v/p5.php.
2. Кизеветтер. А.А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича. [Электронное издание]. Режим доступа: http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_vnutrennyaa_politika_v_carstvovanie.html.
3. Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826-1880 гг.). Мысль. 1982, М., 207 с.

АРСЕНИЙ ИВАНОВИЧ МАРКЕВИЧ ОБ ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

ОЛЕНЧЕНКО С.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Будучи одним из самых грандиозных военных событий, происходивших в Крыму в XIX веке, Крымская война 1853–1856 годов привлекает внимание многих ученых. Работа Арсения Ивановича Маркевича «Таврическая губерния во время Крымской войны» является основополагающим трудом по данной тематике. В преддверии 160-летнего юбилея окончания Крымской войны изучение данной темы является актуальным. А в преддверии 110-летия написания работы А.И. Маркевича, особенно важно обратиться к истокам и проследить эволюцию подходов к изучению Крымской войны со времен написания вышеназванного труда и по сей день.

Перу А.И. Маркевича принадлежит целый ряд исторических исследований, представляющих огромный научный интерес. Именно к таким исследованиям относится его работа «Таврическая губерния во время Крымской войны».

Она была впервые опубликована в 1905 году в № 37 «Известий Таврической Ученой Архивной Комиссии». Эта работа была приурочена к 50-летию начала боевых действий на полуострове в годы Крымской войны. Особенностью этого труда является то, что он был написан по архивным материалам Канцелярии Таврического губернатора, некоторые из них впоследствии были утеряны, поэтому, работа является уникальным историческим источником для освещения тех событий. В 1994 году, в год 140-летия со дня начала военных действий Крымской войны, работа А.И. Маркевича была переиздана. Она состоит из 17 глав, в которых содержится информация, *«касающаяся не только 349-дневной героической обороны Севастополя, но и всех городов Крыма и более 300 крымских деревень, Днепровского, Мелитопольского, Бердянского уездов Таврической губернии, а также связей Крыма с Херсоном, Николаевом, Одессой, Екатеринославом (Днепропетровском), Луганском, Белгородом, Курском, Казанью, Москвой, Санкт-Петербургом, Берлином и даже США»* [6, с. 2].

Наибольшее внимание в этом труде уделяется не боевым действиям, а характеристике состояния дел в Таврической губернии в указанный период времени. А именно: меры администрации, предпринятые для сохранения документации, архивных дел, казенного имущества; состояние госпиталей и уровень оказываемой медицинской помощи; материальная и физическая помощь местного населения; восстановление порядка в городах после окончания военных действий.

Особое внимание А.И. Маркевич уделяет настроению населения накануне войны. Он обращает внимание на повышенный патриотизм людей и их душевный подъем. Особенно это выразилось в радушной встрече войск, вступавших в губернию. Повсеместно делались пожертвования в их пользу. *«В январе 1854 г. дворяне Евпаторийского уезда угощали войска хлебом, мясом, водкой, жертвовали овец, сено, солому... Радушны были встречи войск в г. Мелитополе, а также в мелитопольском уезде – в имении графа Канкринна, в экономиях графа Толстого, барона Кампенгаузена, Рахманова, Бутурлина и др.»* [6, с. 10].

В основном, население жертвовало деньги, хлеб, овес, скот, вино. Так, например, Питейный округ отпускал хлебное вино. Еще одним важным направлением пожертвований в зимнее и весеннее время был фураж, а именно сено. Так как зима 1854 года была весьма продолжительной, из-за глубоких снегов передвижение войск было очень затруднительно. И пожертвования сена были очень ценными. Например, *«Армяно-Базарский мещанин-татарин Джумама Бурмамбетов, пожертвовавший 800 пудов сена. Экономия графа Толстого пожертвовала также 800 пудов сена, титулярный советник Ясниковль-*

ский 200 пудов, экономия Сокологорского около 150 пудов; несколько татар пожертвовали по одной скирде сена» [6, с. 11].

Работая над своим трудом, А.И. Маркевич нашел сведения о том, что жертвования делались не только жителями полуострова, но и присылались из других местностей Империи. Значительными были жертвования, сделанные Императрицею Александрою Федоровною и членами Императорской фамилии.

Не обходит стороной А.И. Маркевич и вопрос состояния госпиталей в военное время и уровень оказываемой помощи раненым. Стало очевидным, что мест в госпиталях намного меньше, чем ожидаемое количество больных. Особенно остро эта проблема дала о себе знать после Альминского сражения. К октябрю 1854 года значительно расширилось количество домов, отведенных в Симферополе под госпитали. Больные были размещены в доме Ланга, дворянском собрании, уездном училище и гимназии. Но и этого было недостаточно. Тогда дома губернского правления, казенной палаты, уголовной и гражданской палаты, дворянского и депутатского собрания стали использовать как помещения для больных и раненых. А присутственные места были переведены в более маленькие частные дома.

Непосредственно в самих госпиталях царил хаос. Помещения были сырые и холодные, окна не закрывались, пропадали деньги и вещи умерших, отсутствовала сортировка и изоляция инфекционных больных.

Из-за острого недостатка витамина С у больных начала развиваться цинга. Для борьбы с этой болезнью им выдавалось по полкружки пива в день. Помещиков просили высаживать лук, чеснок, хрен и редьку для предупреждения развития цинги.

Флигель-адъютант полковник Крейц, командированный государем осмотреть Симферопольский госпиталь, писал: *«Главный госпиталь содержится в порядке, в отделениях же он нашел недостатки. Надзор смотрителей был слаб. Большая часть больных лежала на полу. При госпитале состояло 40 медиков, фельдшеров 46; последних было очень мало, равно и фармацевтов – всего 5 при единственной госпитальной аптеке. Смертность между больными была очень значительна; приблизительно умирала четвертая часть. Прибывшие из Москвы медики не получали содержания и терпели нужды»* [6, с. 59]. Больные часто жаловались на невкусную еду. Это подтверждал академик Пирогов, когда говорил, что *«борщ был жидок, а мясной порции вообще не было отпущено»* [6, с. 60]. Также Пирогов раскритиковал хлеб, испеченный из плохой муки, и кисель, сваренный из несвежих продуктов. Ему вторила начальница сердобольных вдов Распопова, которая жаловалась на плохое качество вина и масла. Главная причина беспокойства заключалась в том, что такое питание могло стать причиной развития поносов и холеры.

Наиболее полно и ярко картина состояния госпиталей была представлена в рапорте исполняющего должность штаб-доктора 4 корпуса от 10 марта 1856 года: *«Часть больных лежала на топчанах... а большая часть на тюфяках, положенных на полу; часто 3 человека лежали на двух тюфяках, часто сырых, грязных и пыльных. В помещениях не было ни столов, ни полок, а хлеб и булки раненые хранили в мешках под подушками»* [6, с. 66].

Рассматривая другие вопросы, связанные с состоянием Таврической губернии в Крымскую войну, А.И. Маркевич весьма негативно оценил состояние почтовых станций. Автор писал, что картина почтового дела в указанный период времени была печальной, так как расстройство почтового дела началось еще до войны из-за ряда неурожаев.

Почтовые дома изветшали и находились в ужасном состоянии. Дороги, размытые вследствие обильных дождей и снега, пришли в негодность. Сами ямщики голодали и болели. Их состояние было настолько плачевно, что даже были случаи побегов. Еще больше их положение усугубляло то, что проезжающие часто бьют ямщиков, несмотря на запрет губернского начальства.

Еще одно обстоятельство очень сильно удручало А.И. Маркевича. А именно, то, что плачевное состояние дорог и недостаток провианта приводили к тому, что на всех дорогах, ведущих к Симферополю и Севастополю, валялось много трупов умерших в пути и павших животных. Эта проблема стала видна еще в начале 1855 года. Уже на тот момент количество падали было весьма значительно, из-за того что трупы не закапывались на надлежащую глубину, а сносились в кучи на обочины.

Для решения данного вопроса были направлены люди во главе с инженером штабс-капитаном Шишко и полицией. Однако без денежного стимула практически не было шансов заставить людей работать. Губернатор выделил для этого ассигнования. Для очистки дорог были назначены рабочие-цыгане и татары, а также рабочие от Черноморского резервного батальона.

Помимо основной работы «Таврическая губерния во время Крымской войны», Арсений Иванович Маркевич также написал ряд статей и заметок об отдельных участниках Крымской кампании. Описывая события жизни, он особо заостряет внимание на их деятельности в военный период. Не остаются без внимания и размышления участников войны относительно боевых событий и морального духа солдат и населения.

Статья «Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия архиепископа Херсонского и Таврического» была приурочена к столетию со дня рождения архиерея. В этой работе А.И. Маркевич не акцентировал внимание на жизненном пути архиепископа и не анализировал его научные труды, принесшие тому звание члена Академии Наук. Свою задачу автор видел в том, чтобы *«припомнить те обстоятельства жизни и деятельности святителя Иннокентия, которые навеки связали его великое, светлое имя с Тавридой и её историей»* [2, с. 30]. С началом Крымской войны архиепископ Иннокентий проявил необыкновенное величие духа и отеческую любовь к своей пастве. Во время блокады и бомбардировки Одессы 8–14 апреля 1854 года, он ежедневно читал проповеди, тем самым укрепляя дух населения.

А.И. Маркевич особо выделил речь Иннокентия, произнесенную 15 июля 1854 года в Севастополе ко дню закладки храма во имя Св. Владимира. Обращаясь к врагам, он говорил: *«Непростительно грубо ошибаетесь вы, воображая, что полуостров Таврический составляет для России только недавнюю добычу меча и плод побед: нет, это древнее и родовое достояние наше, это наследие еще св. Владимира. Здесь купель нашего крещения; здесь начало нашей священной истории и народных преданий»* [2, с. 44].

Из данной статьи становится известно, что Иннокентий побывал в *«окровавленном и опаленном»* [2, с. 50] Севастополе, когда Камчатский, Волынский и Селенгинский редуты были в руках неприятеля. Здесь он служил литургию на Северной стороне и, фактически, находясь под непрерывной бомбардировкой, совершил богослужение на Южной стороне.

Необходимо отметить еще одну статью А.И. Маркевича «Письма графа Л.Н. Толстого из Крыма 1854–1855 гг.», опубликованную в Известиях Таврической Ученой Архивной Комиссии за 1911 год. В нее вошли четыре письма Л.Н. Толстого, написанные во время его участия в обороне Севастополя брату С.Н. Толстому, Н.А. Некрасову и Т.А. Ергольской. В них описано отношение Л.Н. Толстого к военным событиям и дана картина происходящего в Севастополе в 1854–1855 годах.

Немаловажной работой является заметка председателя Комиссии А.И. Маркевича, представленная на заседании 13 ноября 1910 года. Она была посвящена столетию со дня рождения знаменитого хирурга Н.И. Пирогова. Описывая его жизненный путь и становление как хирурга, педагога и ученого, А.И. Маркевич упоминает важную страницу его жизни – участие в Крымской войне в 1854–1856 годах.

По приезде в Севастополь, Н.И. Пирогов нашел состояние медицинской службы весьма плачевным. *«Раненые сваливались, где попало, ампутированные и сравнительно легко раненые лежали вместе с гангренозными и умирающими; врачей было недостаточно, и они были плохо распределены. Не было ни достаточного количества помещений для раненых и больных, ни коек, ни постелей; несчастные валялись на полу и на земле в грязных лужах, на грязных матрацах, а чаще на полугнилой соломе, и перевозились в холод, зимнюю стужу, еле покрытые рогожами, так как полушубков не было, или было недостаточно»* [4, с. 120]. Особенно неправильным, по мнению Пирогова, было отсутствие разделения больных по степени тяжести и порядка оказания помощи пострадавшим. *«Бывали случаи, когда приходилось на восемнадцатый день после сражения делать операции, которые должно было сделать сейчас же после сражения»* [4, с. 120].

В статье приводится отрывок из письма Н.И. Пирогова к жене от 6 декабря 1854, так как он наиболее ярко отражает внутреннее состояние хирурга: *«Терпи, начатое нужно*

кончить; нельзя же, предприняв дело, уехать, ничего не окончив; предстоит еще многое; подумай только, что мы живем на земле не для себя только, вспомни, что перед нами разыгрывается великая драма, которой следствия отзовутся, может быть, через целые столетия; грешно, сложив руки, быть одним только праздным зрителем, кому Бог дал хоть какую нибудь возможность участвовать в ней» [4, с. 122].

Крымская война была тяжелым испытанием для населения Таврической губернии. Рассматривая вопросы, связанные с этой войной, А.И. Маркевич выделял такие аспекты, как состояние края в военный период, лишения, перенесенные населением, и настроения, преобладающие в крае в указанный период.

В работах А.И. Маркевича ярко показана неподготовленность Таврической губернии и губернской администрации к боевым действиям. Была неразвита инфраструктура, а именно отсутствовали дороги, в зачаточном состоянии находилась почтовая служба и транспортная система.

Не была подготовлена госпитальная база, что привело к недостатку коечного фонда. Это отчетливо показано автором на примере ситуации, возникшей в городе Симферополе, когда практически все общественные помещения, а также жилые дома были переоборудованы под нужды госпиталя. Недостаточное количество медицинского персонала приводило к несвоевременному оказанию помощи и, как следствие, возникновению необратимых осложнений в ходе лечения. Несмотря на самоотверженный труд отдельных врачей, общий уровень подготовки медицинского состава был низким. Запасы медикаментов не были рассчитаны на действительный объем раненых и больных, что напрямую сказывалось на уровне боевых и санитарных потерь.

Не было заготовлено достаточное количество фуража, продовольствия, артиллерийских припасов, не хватало складских помещений. Негативно сказывалось отсутствие запасов питьевой воды.

В период войны нередким явлением являлись мародерство, спекуляции и казнокрадство. Однако общая цель к победе приводила к росту патриотических настроений и объединению всех сословий, классов и национальностей. Население сдавало благотворительные пожертвования, исполняя свой гражданский долг, брали на бесплатный постой солдат, кормили их, жертвовали крупным рогатым скотом в ущерб своим семьям.

Арсений Иванович Маркевич писал, что невзирая на большие нравственные и материальные затраты жителей Таврической губернии в период Крымской войны *«благословенная Таврида с честью вынесла постигшее ее испытание, скоро оправилась от него и вполне обновленной встретила начавшуюся зарю новой жизни» [6, с. 249].*

Источники и литература.

1. Маркевич А.И. Тагіса. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. ИТУАК. № 20. Симферополь: Типография Тавричesk. губернк. правления, 1894. 395 с.
2. Маркевич А.И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. ИТУАК. № 31. Симферополь: Типография Тавричesk. губернк. правления, 1901. С. 30-57.
3. Маркевич А.И. Письма графа Толстого из Крыма 1854–1855 гг. ИТУАК. № 45. Симферополь: Типография Тавричesk. губернского земства, 1911. С. 90-98.
4. Маркевич А.И. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии: заседание 13 ноября 1910 года. ИТУАК. № 45. Симферополь: Типография Тавричesk. губернского земства, 1911. С. 119-125.
5. Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. ИТУАК. №37. Симферополь: Типография Тавричesk. губернского земства, 1905. – 260 с.
6. Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. Симферополь: Бизнес-Информ, 1994. 267 с.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В АФГАНИСТАНЕ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ХОМЕНКО СВ.

Филиал МГУ в г. Севастополе

В XX веке Афганистан ступил на стезю развития, когда стала актуальной идея единой «афганской нации», призванной снять социальную и межэтническую напряженность. При этом все внутренние проблемы страны были отягощены национальной рознью и племенным сепаратизмом. На протяжении всего века ислам, в сочетании с национальной идеей, для Афганистана формировал общественное сознание и помогал сохранить культурные особенности, несмотря на постоянную смену власти и частую редакцию основного закона, который обусловливал последующее решение проблем не только ислама, а религии в целом.

Так, фактически, результатом правления Надир-шаха (1929–1933) стала Конституция 1931 года, которая определила главную задачу для последующих руководителей государства: охранять истинную религию ислам, править государством в соответствии со священными законами ислама [6, с. 88], что стало обязательным и безукоснительным для афганских монархов. В этой связи, духовенство получило толчок для развития собственной деятельности: контролировало две главные области жизнедеятельности в Афганистане: научно-образовательную и политическую. Для этого духовенству пришлось приложить немало усилий для восстановления деятельности главных учебных заведений страны («Хабиии»¹ и Политехнического университета), которые находились в центре американского влияния: студенты образовательных учреждений выезжали в США для продолжения учебы и работы по специальности.

Также мусульманское духовенство начало убеждать правительство Захир-шаха (1933–1973) ужесточить исламские законы на территории Афганистана для наведения порядка в обществе. Эти события привели к дифференциации духовенства по идейно-политическим вопросам, а далее к расколу. Но дальнейшая судьба Афганистана зависела не только от образовательной деятельности и политической интеграции духовенства в систему управления. Оба направления деятельности напрямую зависели от внешнеэкономического фактора, который обеспечивал их жизнеспособность. А в этой связи мусульманское духовенство вынуждало правительство заниматься собственными проблемами, что означало непосредственное курирование государственного политического курса. Правительство было занято установлением контроля над вакуфным землевладением [11, с. 20] с целью укрепления благосостояния мечетей и содействия распространению ислама.

При этом, в целом, Афганистан продолжал сохранять основные черты и особенности отсталой аграрной страны [10, с. 19], несмотря на то, что на его территории уже находились электростанции и заводы. В итоге на регулятивной функции абсолютно всех направлений деятельности правительства, духовенства и афганского общества сказывалась нехватка инвестиционного капитала.

На данном этапе именно элита мусульманского духовенства подтолкнула Захир-шаха к поиску новых международных партнеров, а, следовательно, и инвестиций для развития страны. США отказывались открывать дипломатическое представительство² во время Второй мировой войны, несмотря на убеждения со стороны министра национальной экономики Афганистана А. Заболи в августе 1940 года и на присутствие американского бизнеса, чьи интересы требовали государственной поддержки (наркотическая промыш-

¹ Первая светская школа в Афганистане, открытая в 1903 году, где мусульманское духовенство постепенно меняло цикл предметов, которые отвечают исламскому образованию.

² Посольства США и других дипломатических ведомств на территории Афганистана в этот период не было, однако функции посла США в Афганистане (1935–1936) выполнял Уильям Хорнибрук посол США в Иране.

ленность как основная статья дохода, энергетическая отрасль, образовательная политика). Американцы продолжали твердить, что Афганистан – «опасная и дикая страна для иностранцев» [2, с. 611-613].

В 1931 году Великобритания уже запускала процесс инвестиций в афганское общество, но позже приостановила его, тем более что для продолжения сношений с англичанами необходимо было провести разъяснительную работу среди племен, но чувство исторического гнета у населения еще не было забыто.

Взаимоотношения с СССР зашли в тупик со второй половины 20-х гг. XX века, когда советское государство отказалось выделять финансовую и военную помощь Афганистану. А во время фактической политики либерализации Захир-шаха мусульманское духовенство опасалось дополнительной «советизации» политического курса, взятого на укрепление ислама в обществе. Вдобавок, антиисламские реформы и курс на модернизацию Аманулы-хана (1919–1926) оставили отпечаток тяжелого груза на идеологии государства путем распространения агентурных сетей и ориентации государственных интересов Афганистана на его внешнеполитических партнеров.

Несмотря на то, что Джирга в 1941 г. в Кабуле запретила прямые или косвенные отношения с теми членами международного сообщества, которые «*противоречили чести и полной независимости страны*» [4, с. 6], но американское влияние продолжало распространяться, что в особом случае предопределило появление организации «Братьев-мусульман» в 60-х гг. XX века и революционное развитие Афганистана. Определенно радикализации идейных течений способствовало и то, что нишу Англии, СССР и США на период Второй мировой войны заняли Германия, Италия и Япония.

Каждая из трех стран видела здесь свои интересы. Германия начала вести целенаправленную политику по «зомбированию» афганского населения с 1935 года [5, с. 82]. Эта страна не имела печального для Афганистана колониального опыта в Азии и успешно предоставляла техническую и экономическую помощь, оказывала услуги в сфере строительства социально значимых объектов. С 1937 года авиакомпания «Люфтганза» организовала полеты раз в неделю по маршруту Берлин–Кабул [5, с. 83], а компания «Сименс» заняла рынок электроэнергетики в Афганистане [3, р. 62]. Но вся активная деятельность дружесенного государства была сопряжена с развитием разведывательной сети, что доставляло мусульманскому духовенству массу проблем в идеологической сфере и просветительской работе, которая являлась основным поприщем деятельности богословов.

Параллельно в период Второй мировой войны обострилась ситуация вокруг пуштунских племен¹ в связи с мощной фашистской пропагандой наряду с усугублением социально-экономического кризиса и напряженными международными отношениями. Со стороны афганского правительства предпринимались любые попытки притеснять пуштунов, что расценивалось с точки зрения последних как «предательство вековых традиций» [9, с. 276-278]. Такие бесчинства продолжались до момента, когда правительственные войска начали отказываться открывать огонь по мусульманам. Отчасти такая обстановка связана с тем, что германские агенты стремились поднять мятежи среди пуштунов, направленные против Британии, и тем самым имплементировать план, который был разработан в годы Первой мировой войны [10, с. 95]. Исходя из положений плана, данная ситуация предполагала распространение крупной разведывательной сети на территории Афганистана со ставкой на пуштунские племена.

Таким образом, перед духовенством встала проблема, с которой они уже привыкли справляться: борьба с иностранным влиянием на внутреннюю политику Афганистана с дальнейшим использованием национальных интересов в свою пользу. Этот вопрос порождал ряд других, носивших дезинтеграционный характер для афганского общества. Первый и самый важный – сфера образования, которая всегда находилась под контролем мусульманского духовенства, но напрямую зависела от иностранных капиталовложений. Таким в период войны стал мужской лицей Аmani (по примеру «Хабибии»), который выполнял государственный заказ, но уже для немцев [5, с. 83].

¹ Речь идет о пуштунских племенах, населявших так называемую «Зону племен».

Примерно со второй половины 30-х гг. начала реализовывать свои интересы Япония, также распространяя информацию об образовательных программах, но уже на территории Японии. Особое возмущение у духовенства возникло тогда, когда афганское правительство предоставило нефтяные концессии Германии и Японии [5, с. 83], что ставило под угрозу развитие местного племенного хозяйства и одновременно локального сознания, на которое многие годы воздействовала местная мусульманская элита. Позже, в 1942 году, Япония и Германия подписали договор о разграничении сфер влияния по 70 меридиану, который проходит, в том числе, и по территории Афганистана, но существенной роли эта линия не имела: германская пропаганда работала по всему региону.

Исламский фактор в политике нацистов стал определяющим. Возвращения к исламскому началу афганцев обеспечили успех в привлечении пуштунов на сторону нацистской Германии. В качестве аргументов нацисты использовали то, что они «никогда не имели мусульманских колоний»¹ и во время Первой мировой войны сотрудничали с Турцией [8, с. 53-54]. Однако Германия уже имела ряд колоний в Африке, где часть населения составляли мусульмане: часть земель Камеруна, ЦАР, Чада, Того и другие.

В качестве косвенных методов была избрана антисоветская пропаганда, которая говорила об угнетении мусульманского населения в СССР и о невозможности сосуществования ислама и советской идеологии [8, с. 53-54].

Следовательно, по этим причинам было решено депортировать подданных стран с фашистской идеологией. Однако для сохранения статуса нейтралитета в войне также принято постановление о выезде всех иностранных граждан, не выполняющих дипломатическую работу.

Правительство всячески оградило себя от поспешных решений путем выработки внешнеполитического курса совместно с Джиргой, собравшейся в ноябре 1941 года. Стоит упомянуть, что и правительство, и Джирга постоянно находились под германским влиянием. Представители СССР в Афганистане и немецкие агенты в лице афганцев направляли ноты МИДу и премьер-министру Афганистана [7, с. 62], которые часто противоречили друг другу. В качестве решений для стабилизации обстановки, Джирга рассматривала такой вариант, как объявление джихада Великобритании и СССР [7, с. 62], но нейтралитет оказался более выгодным выходом по ситуации.

В итоге, период Второй мировой войны показал, что ислам в Афганистане выполнял функции социальной силы, которая выступала против поглощения религией ценностей и традиций, происходящих от секулярной культуры. Спекуляции вокруг крупных учебных учреждений Афганистана дали толчок созреванию радикальных течений ислама в послевоенный период, которые не приемлили иностранного вмешательства на протяжении нескольких десятилетий. А военный период стал своеобразным концом, когда политика государства в отношении государственной религии дала понять, что ислам интеллигенции отличается от ислама племен [1, с. 10]. Это является центральной идеей для того, чтобы понять динамику развития Афганистана и глубже разобраться в причинах афганских конфликтов.

Источники и литература.

1. Maley W. the Afghanistan wars. – New York: Palgrave Macmillan, 2002. 336 p.
2. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1936 (in Five Volumes). Washington, 1954. Vol. II. P. 611-613.
3. Lansford T. A Bitter Harvest: US Foreign Policy and Afghanistan. Burlington, 2003, P. 62.
4. Ахрамович Р.Т. К характеристике внешней политики Афганистана в начальный период Второй мировой войны (1939-1941) // Краткие сообщения института востоковедения. XXXVII. М.: Издательство Восточной литературы, 1960. С. 3-8.
5. Ежов Г.П., Кирпенко П.Ф. Афганистан. Тайны дипломатии. История взаимоотношений США и Афганистана 1919-1955. – М., 2012. 447 с.
6. Мухамед А. Афганистан. – М.: Госиздат географической литературы. 142 с.

¹ На протяжении Второй мировой войны точка зрения Германии касательно имеющих или не имеющих у нее колоний менялась в связи с распространением нацистской идеологии среди разных слоев афганского общества.

7. Оришев А.Б. Вторая мировая война и проблема сохранения независимости афганского государства в постановлениях Лоя Джирги// История государства и права. – 2003. - № 5. М. С. 61-64.
8. Оришев А.Б. Политика фашистской Германии в Афганистане. – Елец: ЕГУ имени И.А. Бунина, 2000. 229 с.
9. Тихонов Ю.Н. Политический кризис 1944-1945 гг. в Афганистане (по архивным материалам службы внешней разведки и МИД) // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. Вып. 2. – Липецк: ЛГПУ, 2000. С. 275-290.
10. Тихонов Ю.Н. Сотрудничество спецслужб СССР и Великобритании в Афганистане в период Великой Отечественной войны// Исторические чтения на Лубянке – 2000. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М., 2001. С. 95-101.
11. Шохуморов С. Архив наследного принца Афганистана Инаятуллы-Хана как исторический источник. – М., 1979. 23 с.

ИСТОРИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ПЕРЕКОПСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ КРЫМА

ШИХАМЕТОВА Э.Р.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Крым богат памятниками истории, археологии и культуры. Практически вся его территория является памятником под открытым небом. Одним из таких памятников является Перекопский вал. С самых давних времен в каждом уголке Крыма переплелись пути многих эпох и культур: скифские городища, курганные захоронения сарматов... Перекопский вал напоминает о славном героическом прошлом нашей Родины и ее защитниках. Легендарный Перекопский вал с глубоким рвом – уникальный памятник, протянувшийся через весь перешеек в нескольких километрах на север от города Армянска. Когда-то глубокий ров соединял Каркинитский залив Черного моря с Азовским морем (ныне это лишь оставшиеся от моря озера - Сиваш, или "гнилое море"). Перекопский вал протянулся на 8475 м, его ширина у основания составляет более 15 метров, высота от дна рва – 18-20 м. К валу прилегает ров шириной 20 м и глубиной 10 м. В далеком прошлом ров заполнялся водой, что позволяло небольшим дозорным и торговым судам проходить из Черного моря в Азовское, однако, по прошествии веков глубина обеих морей в районе перешейка стала минимальной, и теперь уже вал не сможет сыграть роли "Суэцкого канала". Перекопский вал – главные ворота Крыма, основательно разрушенные временем и войнами, выглядит не столь неприступным, как прежде, однако, и по сей день поражает своими масштабами [10].

Когда возник вал? Об истории возникновения Перекопского рва и вала имеется много различных противоречивых мнений. К сожалению, до сих пор прямых и непосредственных археологических данных об истории их создания наука не имеет. Кто-то утверждает, что эта оборонительная линия – дело рук киммерийцев, и датирует его концом VIII – началом VII в. до н.э., кто-то считает, что строительство вала имеет непосредственное отношение к скифам [10]. Имеющиеся результаты исследований дают основания полагать, что ров и вал на Перекопе по своему происхождению являются «скифскими», т.е. сооружены они, скорее всего, аборигенным населением Причерноморья той поры – скифами. Науке уже известны подобные скифские сооружения. К ним, в частности, относятся рвы и валы скифских городищ. Скифские мастера – строители способны были создавать почти неприступные рвы и валы.

Отрывочные сведения о Перекопском рве можно найти у древних античных писателей. Геродот (V в. до н. э.) в IV книге своей «Истории», посвященной описанию скифских земель, говорит о рве в Скифии. Более точные сведения о Перекопском перешейке дает Страбон, живший с 64 г. до н. э. по 24 г. н. э. Очень ценный и оригинальный материал о рве на Перекопском перешейке имеется в труде Плиния старшего – известного римского писателя энциклопедиста I века нашей эры. Среди интересных сведений, которые приводит Плиний, очень важно его свидетельство о том, что позади Каркинитского залива находится озеро Бугес (современный Сиваш), посредством рва пропущенное в море. Далее Плиний указывает, что в самом узком месте перешейка находится город Тафрос. Этот город упоминает также известный географ древности Птолемей (II в. н.э.) [9]. В XX веке Перекопский вал стал местом ожесточенных боев. В начале прошлого столетия, во время гражданской войны, осенью 1920 года на перекопских укреплениях шли ожесточенные бои между войсками Красной армии и силами белой гвардии. Следующим испытанием

для вала стали годы Великой Отечественной войны, когда перекопская земля стала ключом от Крыма при наступлении немецко-фашистских захватчиков¹.

Осенью 1941 года на перекопских позициях в тяжелых боях сдерживали натиск фашистов дивизии 51-й Отдельной армии, земля была просто пронизана сталью и свинцом, вал подвергался жестоким артобстрелам и бомбардировкам [2]. Спустя два года, осенью 1943 г., на Перекопском валу вновь начались упорные бои, старая крепость Ор-Капу стала опорным пунктом и штабом для наших войск, прорвавших небольшой участок вала в центральной его части и закрепившейся на плацдарме от вала до города Армянска. Более 5 месяцев продолжались бои на перешейке, он весь буквально изрыт «лисьими норами», окопами, ходами, минометными и пулемётными ячейками. Лишь 8 апреля 1944 года войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление и выбили захватчиков с Перекопской земли, это наступление привело к началу полного освобождения Крыма².

К большому сожалению, из-за бесконтрольной народно-хозяйственной деятельности этот уникальный памятник постоянно разрушается. На территории вала целым рядом промышленных предприятий устроены свалки отходов производства. Большой урон памятнику наносит бесконтрольный выпас овец в его охранной зоне, что привело к исчезновению целого ряда растений. Большой вред укреплениям наносит ежегодный сброс вод Северо-Крымского канала в ров Перекопских оборонительных сооружений, что приводит к затапливанию рва, оседанию вала. В результате земледельческих работ совхозом «Гаврический» из года в год идет разрушение и ряда памятников, органически связанных с Перекопским валом.

В связи с постоянным изменением уровня вод и повышением содержания кислот, а также вредных токсичных веществ, сбрасываемых крымским заводом «Титан»³ в Сиваш, в восточной части Перекопских укреплений идет активное разрушение древнегреческого городища Тафроса и ряда стоянок первобытного человека.

Помимо разрушения Перекопского вала, в районе наносится урон ряду памятников археологии из-за несоблюдения границ охраны или полного игнорирования Закона РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [3]. Практически за исключением Перекопского вала памятники истории и культуры плохо используются для культурно-просветительных целей, а также организаций и проведения народных праздников, для патриотического и эстетического воспитания. В целях сохранения этого уникального памятника местные краеведы неоднократно еще в советские времена обращались к Крымскому областному Совету депутатов, Управлению культуры Крымского облисполкома, Крымской областной организации общества охраны памятников истории и культуры, Крымскому областному отделению общества охраны природы.

В 1990 году была разработана комплексная программа основных направлений развития культуры в Крымской области в период до 2005 года [4], в которой указывалось и на необходимость создания Перекопского историко-археологического заповедника. В начале 90-х годов Л.П. Кружко и А.И. Матияш (местные краеведы)⁴ подготовили необходимые документы для принятия решения о создании заповедника. Документы были переданы депутату Верховного Совета Крыма от Красноперекопска В.К. Иванову, который вместе с депутатом Верховного Совета Крыма от города Армянска С.Ю. Поповым и Председателем Постоянной комиссии Верховного Совета Крыма по рациональному землепользованию Ю.Ф. Комовым добились внесения данного вопроса в повестку дня сессии Верховного Совета и принятия решения о создании Перекопского историко-археологического заповедника. Был назначен директор заповедника – А.И. Матияш, но политические и экономические неурядицы начала 90-х годов, частая смена власти не дали возможности реали-

¹ Подробно о Гражданской войне на Перекопской земле см. Сохань М. Перекоп историко-краеведческий очерк, Крымиздат. Симферополь, 1962. С. 36–46.

² Подробнее см. Кружко Л.П. Северные ворота Крыма. Симферополь: Евро-Пресс, 2009. С. 156-184.

³ Там же. С. 207–223.

⁴ Подробнее см. Абисов В.Ф., Габрель М.Н., Финиковская В.И. Красноперекопску 75. Жемчужина в степи. Львов: Украинская академия печати, 2007. С. 20.

зовать решение Верховного Совета Крыма. Исполнительные органы власти не нашли возможности профинансировать создание структуры заповедника. Он так и не был создан.

Дальнейшую жизнь в Северном регионе Крыма необходимо строить при наличии историко-археологического заповедника, призванного сохранять, изучать, реставрировать и широко использовать в воспитательных целях памятники археологии, истории, культуры, способствовать сохранению и развитию народных ремесел и традиций.

Перекопский вал не только сам по себе представляет историко-археологический памятник, но в ближайшем расстоянии от него располагается ряд древнейших курганов, требующих как их исследования, так и охраны [9]. Реставрация экспонатов и памятников должна проводиться на высоком уровне. Для достижения данной цели заповедник будет активно сотрудничать с научными и реставрационными центрами, как у нас в стране, так и за рубежом.

Будем надеяться, что с улучшением экономической и политической ситуации в Крыму, найдутся люди и необходимые средства для организации работ по сохранению и реставрации уникального памятника истории и фортификационных сооружений.

Источники и литература.

1. Абисов В.Ф., Габрель М.Н., Финиковская В.И. – Красноперекопску 75. Жемчужина в степи Львов: Украинская академия печати, 2007.
2. Батов П.И. Перекоп 1941, Симферополь, Крым, 1970.
3. Закон РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».
4. Комплексная программа основных направлений развития культуры в Крымской области в период до 2005 года.
5. Кружко Л.П. Северные ворота Крыма. Симферополь: Евро-Пресс, 2009.
6. Сохань М. Перекоп. Историко-краеведческий очерк. Симферополь: Крымиздат, 1962.
7. А Вы знаете с чего начинается Крым? [Электронный ресурс] // Сайт «Перекоп - История Северного Крыма». Режим доступа: <http://perekop2.narod.ru/history.htm>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АВСЕНЁВА**
Светлана Николаевна
Аспирант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия)
- АГАТОВА**
Мария Александровна
Аспирант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия)
- БАРАНОВ**
Андрей Владимирович
Доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (г. Краснодар)
- ДРОВНИКОВА**
Вероника Михайловна
Аспирант. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- ИРХИН**
Александр Анатольевич
Доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета
- КАЛАХАНОВ**
Нурмагомед Хасанович
Кандидат исторических наук, доцент. Управление МВД РФ по городу Ставрополю
- КАЛАХАНОВА**
Зухра Мухтаровна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Ставропольского института кооперации
- КРЕСТЬЯННИКОВ**
Валерий Васильевич
Исследователь, в 1998-2009 годах – директор Государственного архива г. Севастополя
- КУДАШКИНА**
Наталья Алексеевна
Преподаватель истории Средней общеобразовательной школы № 8 города Севастополя
- МАКОГОН**
Дарья Игоревна
Аспирант. Севастопольский государственный университет
- МАЛИНОВСКАЯ**
Ольга Ивановна
Методист КУ «Севастопольский городской национально-культурный центр»
- НЕДЕЛЬКИН**
Евгений Владимирович
Магистрант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия)
- НИКИТИНА**
Ирина Витальевна
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя
- ПАШКОВСКИЙ**
Петр Игоревич
Кандидат политических наук, преподаватель кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
- ПЕТРОВА**
Элеонора Борисовна
Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
- СТАВИЦКИЙ**
Андрей Владимирович
Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе
- ТКАЧЕНКО**
Николай Сергеевич
Председатель ученого совета научно-исследовательской лаборатории «Крым во II Мировой войне 1939-1945 гг.» (г. Феодосия, Республика Крым)

* * *

- КАТАЕВА**
Анна Юрьевна
Студентка III курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (науч. руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX - начала XX века **Цимбаев Николай Иванович**)
- КУЛЕШОВ**
МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ
Студент V курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (науч. руководитель – доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе **Юрченко Сергей Васильевич**)
- МИЛЕНКО**
АЛЕКСАНДРА АЛЬБЕРТОВНА
Студентка III курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (науч. руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX - начала XX века **Цимбаев Николай Иванович**)
- ОЛЕНЧЕНКО**
СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА
Студентка III курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (науч. руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Филимнов Сергей Борисович**)
- ХОМЕНКО**
СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
Студент V курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (науч. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе **Мартынкин Андрей Владимирович**)
- ШИХАМЕТОВА**
Эльзара Рефатовна
Студентка I курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (науч. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе **Хапаев Вадим Вадимович**)

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секциях «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья» и «Международные отношения» на XII Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» в 2014 году / под общей редакцией С.Ю. Сапрыкина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

В.В. ХАПАЕВ, А.В. СТАВИЦКИЙ

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 25.11.15 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 24 п.л., уч. изд. л. 16,56
Распространяется через сеть Интернет**

